

Л.Н.Толстой. Соединение и перевод четырех Евангелий

Соединение и перевод четырех Евангелий Л.Н. Толстой
ТОЛСТОВСКИЙ ЛИСТОК №6 В сжатию составителя "Толстовского листка"
(Владимира Александровича Мороза) "Мамонтовский Дом"
"Музей русской народной живописи" Москва 1995
По завещанию Л.Н. Толстого перепечатка разрешается безвозмездно

" Если религия не на первом месте, она на последнем "

" ...причины угнетения находятся в самом народе, а не вне его, сам народ поставил себя в такое положение, отступив от истинной веры" " То, что я отрекся от церкви, это совершенно справедливо. Но я отрекся от нее не потому, что я восстал на Господа, а, напротив, только потому, что я всеми силами души желал служить ему" " Для христианина нет и не может быть никакой сложной метафизики. Все, что можно назвать метафизикой в христианском учении, состоит в простом понятном всем положении, что все люди – сыны Бога, братья и потому должны любить Отца и братьев и вследствие этого поступать с другими так же, как желаешь, чтобы поступали с тобой" " в том-то и сила христианского учения, что оно из области вечных сомнений и гаданий переводит вопросы жизни на почву несомненности"

Л. Толстой

СОДЕРЖАНИЕ

ГОЛОС ТОЛСТОГО (от составителя) 4

К ИЗДАНИЮ "ТОЛСТОВСКИМ ЛИСТКОМ"

"СОЕДИНЕНИЯ И ПЕРЕВОДА ЧЕТЫРЕХ ЕВАНГЕЛИЙ" Л.Н.ТОЛСТОГО.
.7

Л.Н.ТОЛСТОЙ "СОЕДИНЕНИЕ И ПЕРЕВОД ЧЕТЫРЕХ ЕВАНГЕЛИЙ"

(в сжатию составителя "Толстовского Листка") 9

Вступление

..

.....
..... 11

Введение

Значение заглавия	
17	Цель книги.....
18	Разумение жизни 19 Возвещение о благе Иисуса Христа – сына Бога.
Введение.....	23 Глава первая.
Воплощение разумения Иисуса Христа.....	Рождение и детство 25
Общий смысл проповеди Иоанна 29	Искушение в пустыне 30 Прибытие на брак в Кану 37
Проповедь Назарете.....	Проповедь Иисуса в 39
Рождение, детство и начало проповеди Иисуса. Общее изложение главы первой	40

Глава вторая

Общее примечание к 2-й главе.....	43
Отрицание субботы . 45	Изгнание из храма и отрицание внешнего богочитания..... 49
Беседа с самарянкой	52
Общий смысл беседы Иисуса с самарянкой 53	Об очищении духом и истинном богоугождении 53
Молва о Христе 56	Новое богоугождение в духе делом. Отрицание иудейского Бога. Общее изложение главы второй 57
Глава третья. Разъяснения Иоанна.....	Иисусом значения 61
О пришествии царствия Божия: 63	Беседа с Никодимом . 64
Что сказано в беседе с Никодимом.....	67
Притчи о сеятеле, закваске и другие, объясняющие царство Божие 69	Царство Бога. Общее изложение, главы третьей
	75
Глава четвертая. Нагорная проповедь свет мира 81	Нищие и богатые 79 Соль земли; Вечный закон : 82
Первое правило: Не сердись 83	Второе правило: Не блуди : 85
Третье правило: Не клянись 86	Четвертое правило: Не противься злу злом 87
Пятое правило: Не войй 92	О милостыне, посте и молитве 94
Богатство ложное и истинное 96	Тесный путь. Притча о постройке дома 98
Избрание двенадцати апостолов.....	99
Закон. Общее изложение главы четвертой 99	Г л а в а п я т а я . Исполнение закона дает жизнь истинную
Новое учение о Боге 103	Избрание учеников и речь к ним Иисуса 103
Зло не уничтожается злом 107	Исцеление расслабленного 109
Притча о наследстве (талантах) 111	О хлебе жизни : 115
Исполнение закона дает жизнь истинную. Общее изложение главы пятой 119	Глава шестая.
Пища жизни – не хлебом сыт 126	О родстве: плотском и духовном 125
Буря на озере 126	Иисус у Марфы и Марии 127
Притча о богатом : 127	Притча о смоковнице 128
Притча о пире 129	Притча о хозяине и приказчике 131
Притча о богатом и Лазаре 133	Объяснение притчи о Лазаре

: 134	Главные заповеди 134	О богатом и богатстве 135	Иисус и
Закхей 138	Мерило добра 140	Исполнение воли Бога 142	Чтобы
получить жизнь истинную, человек должен отречься от ложной жизни			плоти.
Общее изложение главы шестой 143	Г л а в а седьмая. Доказательство и с т и		
н н о с т и учения	Требования доказательств от Христа 149	Беседа Иисуса с	
фарисеями 151	Прозрение слепого 158	Иисус – дверь жизни : 162	
Разъяснение притчи о пастухе и овцах 163	Воскрешение Лазаря 167		
Доказательства истинности учения. Общее изложение главы седьмой 168			Глава
восьмая. Другой жизни нет	О наградах в царстве Бога : 173	Притча о	
расплате хозяина с работниками 174	Больше всех тот, кто всем слуга 175		
Притча о блудном сыне 177	Притча о рабочих в чужом саду 178	Вера	
подобна зерну горчичному 180	О наступлении царства Бога 182	О молитве	
.185	Притча о судьбе и вдове 186	Притча о девах со светильниками 187	
О пришествии сына человеческого 189	Другой жизни нет. Общее изложение главы		
восьмой 190	Глава девятая. Соблазны	Будьте как дети : 195	
Понятие вины 198	О браке и разводе 200	О податях 201	О
блуднице 204	Об истинной жизни 205	О воскресении 207	Главные
заповеди 211	О соблазне фарисейском, саддукейском и иродовом 213		О
хуле на духа святого . : 217	Человек живет жизнью духа во плоти. Общее		
изложение главы девятой 222	Глава десятая. Борьба с соблазнами		Совет
Каиафы 227	Сбор и заговор первосвященников 232	Борьба с соблазнами	
противления насилем :.. 237	Борьба с соблазнами. Общее изложение главы		
десятой 240	Глава одиннадцатая. Бог дух есть любовь		Прощальная беседа
243	Личная жизнь есть обман плоти. Истинная жизнь есть общая всем людям.		
Общее	изложение главы одиннадцатой 254		Глава двенадцатая. Победа
духа	Страдания и смерть Иисуса . 259	Победа духа над плотью. Общее	
изложение главы двенадцатой 266	Заклучение к исследованию Евангелия 271		
КОММЕНТАРИИ			
	277	<i>От составителя.*</i>	

* "От составителя" повторяется в каждом выпуске т.к. объясняет концепцию "Толстовского листка".

ГОЛОС ТОЛСТОГО

Слово свободно. Но в несвободе, запрещенное, оно не переходит в "свободу слова". Обращенная к человечеству на рубеже XIX – XX веков религиозная проповедь Толстого, в несвободе – при единовластном царстве православной церкви и самодержавного государства – почти не была услышана: "Людей, разделяющих мои взгляды, едва ли есть сотня". Толстой, как и религиозный мыслитель, проповедник христианского учения, был беспощадно гоним. Получал угрозы убийства и однажды, по почте, веревку – чтобы убил себя сам. В разные годы гонение испытали самые близкие помощники и единомышленники Толстого (личный секретарь Николай Николаевич Гусев был увезен из Яснополянского дома, посажен в тюрьму и затем сослан в Чердыньский уезд, Владимир Григорьевич Чертков под угрозой ареста выслан за границу без права возвращения в Россию). Рассыпались готовые типографские наборы запрещенных сочинений Толстого. Арестовывались и сжигались выпущенные тиражи книг, а удавшиеся их распространение грозило тюрьмой. Издатели устраивались судом и штрафами. Позже безгранично преданная отцу младшая дочь Александра не избежала первых советских кутузок.. Особое озлобление российского общества, уже беременного революцией – то есть готовностью в неслыханных масштабах убивать друг друга, – вызывал приписываемый Толстому (наделе лишь выдвинутый им на первое место в христианском учении) не

устраивавший никого ни в какие времена завет Христа – НЕПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ НАСИЛИЕМ. Всякая власть безбожна. В дни набирающей силы, откровенно безбожной власти, толстовцев стали убивать. "...толстовщина в полной мере разоблачает себя, как та сила, против которой направлен наш пролетарский атеизм... толстовщина дает оплот кулацкой идеологии, помогает кулакам бороться с большевиками под прикрытием лицемерного религиозно-нравственного учения о непротiwлении злу ... кулак, сектант, интеллигент, бесчисленные гады... все они имеют в аргументации Толстого верную нравственную самозащиту... Социализм для толстовщины – худший, самый ненавистный "дьявол"... Толстой и толстовщина относятся к числу тех явлений, против которых трудящиеся массы должны бороться... Толстой не ставил перед собой иных задач, как только выяснения основного, интересовавшего его вопроса, – вопроса о боге... пролетариат должен изжить и преодолеть вредное влияние толстовщины" ("Атеист", 1928 г.). Наибольшее рвение в неприятии Толстого проявляли те, кто, или вовсе не зная учения, или, не уяснив исток его – боль и любовь к людям, узнавал о нем от его сознательных извратителей и хулителей. Так будет до тех пор, пока свое суждение о Толстом люди будут выводить из существующего на сегодня толсто ведения, которое, не принимая источник, питающий мировоззрение Толстого – Иисусово понимание Бога, не принимает и толстовского учения о Боге. Непонятый, изуродованный атеистическим толкованием Толстой отдан в среду образования (от школы до академий), и непонятым, не принятым ни душой, ни сердцем от академий, по порочному кругу, снова возвращен школе. Мимо познания. Чтобы не стать невольным причастным к гонению Толстого, не встать тем самым на пути движения истины от души к душе, надо, внимая совету Блока, "торопиться понимать Толстого с юности, пока наследственная болезнь призрачных дел и праздно иронии не успела ослабить духовных и телесных сил". Чтобы не оказаться затянутым мнимыми знатоками и исследователями толстовского мировоззрения в ложное понимание, в неведение, что есть Толстой на самом деле, надо, постоянно углубляясь, изучать Толстого. Мы переживаем время, какого, может быть, никогда не было в России. Оно позволяет вывести мысль Толстого хотя бы вровень с другими, сначала хотя бы в так называемый плюрализм, чтобы мысль Толстого могла открыться нам, его современникам, ведь последние десять лет своей жизни Толстой жил в "наше время", начав новый век новым пониманием христианского учения. . Как раньше, так и теперь голос Толстого есть проверка "гласностью" – гласности, "свободой слова свободы. Проверка – действительно ли мы переживаем время, (стр. 4) какого никогда не было в России, когда религиозная мысль Толстого может стать достоянием всех. Цель этого издания – вывести из забвения великого религиозного мыслителя, о котором мало или почти ничего не известно просвещенному человечеству, тогда как обращение к мировоззрению Толстого и вживание его в жизнь людей могло бы означать не только возрождение России, но и спасение рада человеческого, стоящего на грани самоуничтожения. Распространение мировоззрения Толстого есть задача "Толстовского листка".

Началом религиозного пути мыслителя можно считать написанную им в 1880 году книгу "Исповедь". Завершением – окончанный в 1910 году грандиозный труд "Путь жизни". Тридцать последних лет своей жизни отданы Толстым на разъяснение истинности христианского учения, на необходимость руководиться им современному человечеству, которое, далеко удалившись по времени от Иисуса-Учителя, еще дальше отдалилось от сущности его учения. Раскрывая смысл учения Христа, суть которого в объединении народов мира в единую семью человечества – братство людей, имеющих одного Отца :- Бога, Толстой не мог не задеть разделяющие мир государственные системы, не мог не обличить – "любовно обличить" (его слава) – существующие общественные, культурные, научные структуры, не мог не показать ложность различных философских учений,

оправдывающих настоящее устройство мира, и прежде всего не мог не указать на главных виновников разделения мира – различные церковные учения – "ложные веры" (как их называл Толстой), в том числе и учение православной церкви. Умолчание и оболгание деятельности Льва-Учителя, идущей вразрез с существующим порядком вещей утвержденным государством – господином над жизнью человеческой, и церковью – господином над душой человеческой, сделалось неизбежным. Соккрытие и извращение смысла жизни и труда Толстого стало целью как для представителей безбожной власти, так и для представителей ложной веры. Власть и ее институты, церковь и ее институты объединились в общем усилии – вырвать из нравственной жизни людей важнейшие творения религиозной мысли Толстого. Основные труды Толстого, призванные направлять сознание человека к пониманию истины, и изменению своей жизни в соответствии с этим пониманием, не были опубликованы в России при жизни Толстого. Так же обошлись с трудами единомышленников, писавших о Толстом и его учении. До последнего времени не была известна ценнейшая книга Маховицкого, прошедшего последние годы жизни Толстого в его доме "Яснополянский дневник", свидетельствующая, что мыслительная жизнь человека рождается из высоконравственной жизни человека. Ближайший друг, помощник, единоведец Толстого В. Г. Чертков, о котором сам Толстой говорил, что он с ним "удивительно одноцентричен", годами собирал в один свод мысли Толстого. Труд этот преступно скрывается, покоясь мертвым грузом в одном из толстовских архивов, что лишает людей знания вершин религиозной мысли.

Россия до Толстого не имела своего духовного учителя, подобного Будде, Конфуцию, Лао-Цзы, Сократу, Иисусу. Эту роль со времени князя Владимира, перенесшего на русскую почву переписанные при императоре Константине евангельские тексты, выполняла союзничающая с государством православная церковь со своим церковным толкованием учения Христа, допускающим рабство людей, смертные казни, "христолюбивое воинство" – благословляющая убийство людей друг другом во имя "защиты отечества" и прочие дикости. Неудивительно, что непримиримыми врагами и гонителями Толстого, возрождающего христианское учение в его чистоте, были и остаются церковь (с ложной верой в то, что вера в церковь – это и есть вера в Бога), и государство (сложной верой в то, что, соединенные в общую семью – "общество", люди могут быть братьями, не будучи "сынами Бога"). Усилиями церкви и государства величайший духовный учитель, несущий истину не только своему времени и своему народу, но и другим временам и другим народам, исключен из сознательной жизни человечества.

В последующие за октябрьским переворотом годы духовные писания Толстого, нужные как воздух духовно нищему обществу, были заключены в темницу – так называемую "стальную комнату" в Щукинском доме (ныне здание Академии художеств на Кропоткинской улице). Доступ к ним был разрешен немногим. Остальным: "Только через мой труп", – заявила, как известно, просвещающая массы соратница вождя отступившего от истинной веры народа. Как прежде, так и теперь, печатаются и восхваляются художественные шедевры "великого писателя земли русской" (Толстой шутил: "Почему не воды?"). То же, что Толстой совершил как главное деяние своей жизни – возрождение религиозной мысли

(стр. 5) Христа, – отвергается и осмеивается. Главари атеизма называют философию Толстого "утонченной поповщиной". Бывший марксист Бердяев, вставший в православие, винит учителя непротивления злу насилием, убеждавшего приходивших к нему рабочих не совершать революции: "Хуже будет. Придет к власти какой-нибудь адвокатика" (предугадал Ульянова-Ленина), – в том, что он "оказался источником всей философии русской революции", и что "необходимо освободиться от Толстого, как от нравственного учителя". Полностью Толстого стали печатать лишь после смерти главного идеолога насилия и лишь благодаря упорству людей, признающих величие религиозной мысли Толстого и таких его единомышленников, как Владимир Григорьевич Чертков и Николай Николаевич Гусев. Несмотря на принятое в 1924 г. Совнаркомом решение об издании всех

без исключения сочинений Толстого, в том числе религиозно-философских трактатов, дневников и писем, издание это затянулось на десятки лет и закончилось лишь в конце пятидесятих годов. Так, главнейшие труды Толстого увидели свет не только спустя много лет после их создания, но и по сей день остаются недоступными оттого, что тираж многих из них не превышает пяти тысяч экземпляров. Кроме того, оказавшись в фондах библиотек, они сознательно списывались и уничтожались. Благодаря замалчиванию и преднамеренному сокрытию, Толстой – мыслитель, мудрец, учитель жизни остается почти неизвестным России и миру. "Толстовский листок" имеет целью вернуть жизни то, что намеренно скрывалось и скрывается. "Толстовский листок" должен был бы открыться "Исповедью" – первым религиозно-философским творением Толстого, с которого художник Толстой преобразается в Толстого – религиозного мыслителя (истинная деятельность не может начаться без исповеди), но составитель взял на себя смелость выдвинуть вперед те писания Толстого, которые могли бы сразу войти в каждый дом и стать домашним чтением в каждой семье: "Краткое изложение Евангелия", "Учение Христа, изложенное для детей" *, и особенно "Христианское учение" ** – то "возвещение о благе" (толстовский перевод слова "евангелие"), от которого поведет свое начало новое благое человечество. Сейчас со всех сторон можно слышать о необходимости "духовного возрождения России". Говорят: "Программа духовного возрождения необъятна". Но мало кто вспоминает Толстого. И вовсе не говорят о Толстом, как надо о нем говорить: как о великом духовном учителе России, как о последнем на сегодня, ближайшем нам по времени великом духовном учителе человечества. Еще предстоит понять, что никакого духовного возрождения России и человечества не будет, пока отторгнут от жизни и не осознан совершенный Толстым во благо людей труд уяснения и разъяснения вечных, не отмененных ни "прогрессом", ни "цивилизацией" божественных истин. Соединение людей в братскую семью человечества возможно лишь на пути того христианства, которое началось со спасения Учения Иисуса Христа, совершенного Львом Толстым. 1991 г.

первом выпуске. * Напечатано в
** Напечатано во втором выпуске. (стр. 6)

К ИЗДАНИЮ "ТОЛСТОВСКИМ ЛИСТКОМ"

"СОЕДИНЕНИЯ И ПЕРЕВОДА ЧЕТЫРЕХ ЕВАНГЕЛИЙ" Л.Н. ТОЛСТОГО

Исследовательский труд Толстого "Соединение и перевод четырех Евангелий" печатается в *сжатии*, произведенном составителем "Толстовского листка" *. * 1981–1982 гг.

Составителем исключены: 1) греческий текст Евангелия, приводимый Толстым впереди канонического (церковного) перевода и своего перевода Евангелия; 2) канонический (церковный) перевод, приводимый Толстым параллельно своему переводу; 3) большинство отступлений в виде упоминания или разбора Толстым точек зрения богословов и историков религий; 4) большинство филологических обоснований Толстым тех или иных слов и понятий в своем переводе. .
Имена евангелистов, номера глав и стихов канонического текста поставлены составителем в скобки впереди соответствующего им перевода Толстого.

Примечания Толстого (объяснения перевода и содержания отдельных стихов) разделены между собой короткой чертой (некоторые примечания выпущены). Сжатие, произведенное по тексту "Юбилейного издания полного собрания сочинений Л.Н. Толстого" (т.24), имеет целью выдвинуть вперед раскрытую Толстым **истинную сущность** христианского учения. *** Работа Толстого – очистительная. Раскрывающая сознанию людей спасительный смысл учения Христа – как открытый пониманию **путь жизни**: обретение жизни в "духе Отца" исполнение "воли пославшего". Раскрывая всю глубину евангельского текста, Толстой безжалостно отбрасывает наносный, вросший в него, не несущий религиозной мысли словесный сор, затемняющий живую ткань нравственных истин, мешающий сознанию вникнуть в них и внять им. К этому труду расчищения Священного писания надо отнестись просто и честно: хочешь **понимать** то, ради чего явился в мир жизни Христос, как мыслитель и учитель жизни – **понимать глубоко** (давая осветиться своему сознанию, а следом за ним и своей жизни) – читаешь перевод Толстого. Хочешь **не понимать**, а читать **(стр.7)** так, как читается все – чтобы провести время, развлечься – читаешь переписчиков Евангелия времен Византии – всем известный перевод церкви. Предпочитающий серьезное чтение – осознанное вбирание глубины мысли – неизбежно придет к неожиданному и радостному для себя открытию, что Толстой **первый** евангелист (не в очередности, а по значению) и **единственный** по донесению истинной сути Учения до **сознания** людей! Известные нам имена четырех евангелистов, одних из тех многих людей, кто близко по времени стоял к жизни Христа, дошли до нас потому, что когда-то, согласно **своему пониманию**, изложили то, что знали о нем. Позже, другие люди, согласно **своему пониманию**, заново описали рождение, жизнь и дела Христа, из чего составилось "константиновское", признанное каноническим, а проще – церковное Евангелие. Как евангелист, Толстой, в новом, но не более благоприятном для этого времени, довел до сознания людей "возвещение о благе", сделанное Христом, согласно **своему пониманию**. И именно это, самое глубокое понимание жизни и учения Христа, позволяет сказать, что Евангелие Толстого лучшее – **первое!** Евангелие Льва – прямое наставление **на Путь**, так оно ясно. Высвобождая тот полный силы рисунок, каким пришел в мир жизни Христос. с Богом! За чтение! 1995 г. **(стр.8)** Л.Н. Толстой
Соединение и перевод четырех Евангелий В сжатии составителя "Толстовского листка"

ВСТУПЛЕНИЕ

Приведенный разумом без веры к отчаянию и отрицанию жизни, я, оглянувшись на живущее человечество, убедился, что это отчаяние не есть общий удел людей, но что люди жили и живут верою. Я видел вокруг себя людей, имеющих эту веру и из нее выводящих такой смысл жизни, который давал им силы спокойно и радостно жить и так же умирать. Я не мог разумом выяснить себе этого смысла. Я постарался устроить свою жизнь так, как жизнь верующих, постарался слиться с ними, исполнять все то же, что они исполняют в жизни и во внешнем богопочитании, думая, что этим путем мне откроется смысл жизни. Чем более я сближался с народом и жил так же, как он, и исполнял все те внешние обряды богопочитания, тем более я чувствовал две противоположно действовавшие на меня силы. С одной стороны, мне более и более открывался удовлетворявший меня смысл жизни, не разрушаемый смертью; с другой стороны, я видел, что в том внешнем исповедании веры и богопочитании было много лжи. Я понимал, что народ может не видеть этой лжи по безграмотности, недосугу и не охоте думать и что мне нельзя не видеть этой лжи и, раз увидав, нельзя закрыть на нее глаза, как это мне советовали верующие образованные люди. Чем дальше я продолжал

жить, исполняя обязанности верующего, тем более эта ложь резала мне глаза и требовала исследования того, где в этом учении кончается ложь, и начинается правда. В том, что в христианском учении была сама истина жизни, я уже не сомневался. Внутренний, разлад мой дошел, наконец, до того, что я не мог уже умышленно закрывать глаза, как я делал это прежде, и должен был неизбежно рассмотреть то вероучение, которое я хотел усвоить. Сначала я спрашивал разъяснений у священников, монахов, архиереев, митрополитов, ученых богословов. Разъяснены были все неясные места, часто недобросовестные, еще чаще противоречивые, все ссылались на св. отцов, на катехизисы, на богословие. И я взял богословские книги и стал изучать их. И вот изучение это привело меня к убеждению, что та вера, которую исповедует наша иерархия и которой она учит народ, есть не только ложь, но и безнравственный обман. В православном вероучении нашел изложение самых непонятных, кощунственных и безнравственных положений, не только не допускаемых разумом, но совершенно непостижимых и противных нравственности, и – никакого учения о жизни и о смысле ее. Но я не мог не видеть; что изложение богословия было ясно направлено .не на изъяснение смысла жизни и учения о жизни, а только на утверждение самых непостижимых, ненужных мне положений и на отрицание всех тех; которые не признают этих положений. Это изложение, направленное на отрицание других учений, невольно заставило меня обратить внимание на эти другие вероучения. Другие оспариваемые вероучения оказались такими же, как и то православное, которое их оспаривало. Одни еще нелепее, другие менее нелепы, но все вероучения одинаково утверждали положения непостижимые (стр. 11) и ненужные для жизни и во имя их отрицали друг друга и нарушали единение людей главную основу христианского учения. Я был приведен к убеждению, что церкви никакой нет. Все различно верующие христиане называют себя истинными христианами и отрицают одни других. Все эти отдельные собрания христиан называют исключительно себя церковью и уверяют, что их церковь истинная, что от нее отпали другие и пали, а она устояла. Все верующие разных толков никак не видят того, что не оттого, что их вера осталась такою или иною, она есть истинная, а оттого они называют ее истинною, что они в ней родились или ее избрали и что другие точь – в – точь то же самое говорят про свою веру. Так что очевидно, что церкви одной и когда не было и нет, что церковей не одна, не две, а тысячи две, и что все друг друга отрицают и только утверждают, что каждая истинная и единая. Каждая говорит одно и то же: "наша церковь истинная, святая, соборная апостольская, вселенская. Писание наше святое, предание святое. Иисус Христос есть глава нашей церкви, и дух святой руководит ею, и она одна преемственно выходит от Христа Бога". Если взять какую бы то ни было веточку из раскидистого куста, то совершенно справедливо будет сказать, что от веточки к веточке, и сучка к суку, и от сука к корню всякая веточка преемственна от ствола, но не всякая одна исключительно преемственна. Все одинаковы. Сказать, что всякая веточка есть одна настоящая веточка, будет нелепо; а это то самое и говорят все церкви. В самом деле, тысячи преданий, и каждое отрицает, прокликает одно другое и свое считает истинным: католики, лютеране, протестанты, кальвинисты, шекеры, мормоны, греко-православные, староверы, поповцы, беспоповцы, молокане, менониты, баптисты, скопцы, духоборцы и пр., и пр., все одинаково утверждают про свою веру, что она единая истинная и что в ней одной дух святой, что глава в ней Христос и что все другие заблуждаются. Вер тысяча, и каждая спокойно считает себя одну святою. И все знают это, и каждый, исповедующий свою веру за истинную, единую, знает, что другая вера точь-в-точь так же – палка о двух концах – считает свою истинною, а все другие – ересями. И 1800 лет скоро, как идет это самообманывание и все еще продолжается. В делах мирских люди умеют разглядеть самые хитрые ловушки и не попадают в них; а в этой обмане 1800 лет миллионы живут, закрывая на него глаза. И в нашем европейском мире, и в Америке, где все по-

новому, все – как будто сговорились – повторяют тот же самый глупый обман: исповедует каждый свои истины веры, считая их едиными истинными и не замечая того, что другие точь-в-точь то же самое делают. Мало того, давно уже, очень давно, свободомыслящие люди и тонко и умно осмеяли эту людскую глупость и ясно показали, до какой степени это глупо. Они доказывали ясно, что вся эта христианская вера со всеми ее разветвлениями давно отжила, что пришла пора новой веры, и даже некоторые придумывали новые веры; но никто не слушает их и не идет за ними, а все по-старому верят каждый в свою особенную, христианскую веру: католики в свою, лютеране в свою, наши раскольники – поповцы – в свою, беспоповцы – в свою, мормоны – в свою, молокане – в свою и православные, те самые, к которым я хотел пристать, – в свою. Что же это такое значит? Почему люди не отстают от этого учения? Ответ один, в котором согласны все свободомыслящие люди, отвергающие религию, и все люди других религий, – тот, что учение Христа хорошо и потому так дорого людям, что они не могут жить без него. Но почему же люди, верующие в учение Христа все разделились на разные толки и все больше и больше делятся, отрицают, осуждают друг друга и не могут сойтись в одном веровании? Опять ответ прост и очевиден. Причина разделения христиан есть именно учение о церкви, учение, утверждающее, что Христос установил единую, истинную церковь, которая по существу своему свята и непогрешима и может и должна учить других. Не будь этого понятия "церкви", не могло бы быть разделения между христианами. Каждая христианская церковь, т.е. вероучение, несомненно происходит из учения (стр. 12) самого Христа, но не одно оно происходит, – от него происходят и все другие учения. Они все выросли из одного семени, и то, что соединяет их; что общее всем им, это то, из чего они вышли, т.е. семя. И потому, чтобы понять истинно Христово учение, не нужно изучать его, как это делает единое вероучение, от ветвей к стволу; не нужно также и так же бесполезно, как это делает наука, история религии, изучать это учение, исходя от его основания, исходя от ствола к ветвям. Ни то, ни другое не дает смысла учения. Смысл дается только познанием того семени, того плода, из которого все они вышли и для которого они все живут. Все вышли из жизни и дел Христа, и все живут только для того, чтобы производить дела Христа, т.е. дела добра. И только в этих делах они все сойдутся. Меня самого к вере привело отыскивание смысла жизни, т.е. искание пути жизни, как жить.. И, увидав дела жизни людей, исповедовавших учение Христа, я прилепился к ним. Таких людей, исповедующих делами учение Христа, я одинаково и безразлично встречаю и между православными, и между раскольниками всяких сект, и между католиками и лютеранами; так что, очевидно, общий смысл жизни, даваемый учением Христа, почерпывается не из вероучений, но из чего-то другого, общего всем вероучениям. Я наблюдал добрых людей не одного вероучения, а разных и во всех видел один и тот же смысл, основанный на учении Христа. Во всех тех разных сектах христиан я видел полное согласие в воззрении на то, что есть добро, что есть зло, и на то, как надо жить. И все эти люди это воззрение свое объясняли учением Христа. Вероучения разделились, а основа их одна; стало быть, в том, что, лежит в основе всех вер, есть одна истина. Вот эту-то истину я и хочу узнать теперь. Истина веры должна находиться не в отдельных толкованиях откровения Христа, – тех самых толкованиях, которые разделили христиан на тысячи сект, а должна находиться в самом первом откровении самого Христа. Это самое первое откровение – слова самого Христа – находится в Евангелиях. И потому я обратился к изучению Евангелий. Знаю, что по учению церкви смысл учения находится не в одном Евангелии, но во всем писании и предании, хранимых церковью. Полагаю, что, после всего сказанного прежде, софизм этот, состоящий в том, что писание, служащее основанием моему толкованию, не подлежит исследованию, потому что толкование истинное и святое единственно принадлежит церкви, что софизм этот нельзя уже повторять.. Тем

более, что толкование – то каждое разрушено противным толкованием другой церкви; все святые церкви отрицают одна другую. Запрещение этого чтения и понимания писания есть только признак тех грехов толкований, которые, чувствует за собою толкующая церковь.

Бог открыл истину людям. Я – человек и потому не только имею право, но должен воспользоваться ею и стать к ней лицом к лицу без посредников. Если Бог говорит в этих книгах, то он знает слабость моего ума и будет говорить мне так, чтобы не ввести меня в обман. Довод церкви о том, что нельзя допустить толкования писания для каждого, чтобы тол – кующие не заблудились и не распались на большое количество толков, для меня не может иметь значения. Он мог бы иметь значение тогда, когда толк церкви был бы понятен и когда была бы одна церковь и один толк. Но теперь, когда толкование церкви о сыне Божиим и Боге, о Боге в трех лицах, о деве, родившей без повреждения девства, о теле и крови Бога, съедаемом в виде хлеба, и т.п., не может вместиться в здоровую голову; и когда толк не один, а их тысячи, то довод этот, сколько бы его ни повторяли, не имеет никакого смысла. Теперь, напротив, толкование нужно, и нужно такое, в котором бы все согласились. А согласиться могут все только тогда, когда толкование будет разумно. Все мы сходимся, несмотря на различие, только в том, что разумно. Если откровение это – истина, то оно для убеждения не должно и не может бояться света разума: оно должно призывать его. Если все это откровение окажется глупостью, то тем лучше, и Бог с ним. Все может Бог, это – правда, но одного он не может, это – говорить глупости. А написать такое откровение, которого нельзя бы было понимать, было бы глупо.

(стр. 13) Откровением я называю то, что открывается перед разумом, дошедшим до последних своих пределов, – созерцание божественной, т.е. выше разума стоящей, истины. Откровением я называю то, что дает ответ на тот неразрешимый разумом вопрос, который привел меня к отчаянию и самоубийству, – какой смысл имеет моя жизнь? Ответ этот должен быть понятен и не противоречить законам разума, как противоречит, напр., утверждение о том, что бесконечное число – чет или нечет. Ответ должен не противоречить разуму, потому что противоречивому ответу я не поверю, и потому он должен быть не только понятен и не произволен, а неизбежен для разума, как неизбежно признание бесконечности для того, кто умеет считать. Ответ должен отвечать на мой вопрос: какой смысл имеет моя жизнь? Если он не отвечает на этот вопрос, то он мне не нужен. Ответ должен быть такой, чтобы, хотя сущность его (как и сущность Бога) и была бы непостижима в себе, но чтобы все выводы последствий, получаемые от него, соответствовали моим разумным требованиям, и чтобы смысл, приданный моей жизни, разрешал бы все вопросы моей жизни. Ответ должен быть не только разумен, ясен, но и верен, т.е. такой, чтобы я поверил в него всею душою, неизбежно верил бы в него, как я неизбежно верю в существование бесконечности. Откровение не может быть основано на вере, как ее понимает церковь – как доверие вперед тому, что мне будет сказано. Вера есть вполне удовлетворяющее разум последствие неизбежности, истинности откровения. Вера, по понятиям церкви, есть налагаемое на душу человека обязательство с угрозами и заманками. По моим понятиям, вера есть то, что верна та основа, на которой зиждется всякое действие разума. Вера есть знание откровения, без чего невозможно жить и мыслить. Откровение есть знание того, до чего не может дойти разумом человек, но что выносится всем человечеством из скрывающегося в бесконечности начала всего. Таково, по мне, должно быть свойство откровения, производящего веру; и такого я ищу в предании о Христе и потому обращаюсь к нему с самыми строгими разумными требованиями. Ветхий Завет я не читаю, потому что вопрос не состоит в том, какая была вера евреев, а – в чем состоит вера Христа, в которой находят люди такой смысл, который дает им возможность жить? Книги еврейские могут быть занятны для нас, как объяснение тех форм, в которых выразилось христианство; но последовательность веры от Адама до нашего

времени мы не можем признавать, так как до Христа вера евреев была местная. Чуждая нам вера евреев занимательна для нас, как вера, например, браминов. Вера же Христова есть та вера, которою мы живем. Изучать веру иудеев для того, чтобы понять христианскую, все равно, что изучать состояние свечи до зажигания ее, чтобы понять значение света, происшедшего от горящей свечи. Одно, что можно сказать, это то, что свойство, характер света может зависеть от самой свечи, как и форма выражений Нового Завета, может зависеть от связи с иудейством, но свет не может быть объяснен тем, что он загорелся на той, а не на этой свече. И потому ошибка, сделанная церковью в признании Ветхого Завета таким же боговдохновенным писанием, как и Новый Завет; самым очевидным образом отражается на том, что признав это на словах, церковь на деле не признает этого и впала в такие противоречия, из которых бы она никогда не вышла, если бы считала для себя сколько-нибудь обязательным здравый смысл. И потому я оставляю писание Ветхого Завета, писание откровенное, по церковному выражению, в 27 книгах. В сущности же предание это не выражено ни в 27 книгах, ни в 5, ни в 138 книгах, как и не может выразиться откровение Божие в числе страниц и букв. Сказать, что откровение Божие выражено в 185 листах письма на бумаге, все равно, что сказать, что душа такого-то человека весит 15 пудов, или свет от лампы мерою 7 четвериков. Откровение выразилось в душах людей, а люди передали его друг другу и записали кое-что. Из всего записанного известно, что было более ста Евангелий и Посланий, не принятых церковью. Церковь выбрала 27 книг и назвала их каноническими. Но очевидно, что (стр. 14) одни книги получше выражали предание, другие похуже, и эта постепенность не прерывается. Церкви надо было положить где-нибудь черту, чтобы отделить то, что она признает боговдохновенным. Но очевидно, что нигде черта эта не могла отделить резко полной истины от полной лжи. Предание – как тень от белого к черному или от истины к лжи; и где бы ни провели эту черту, неизбежно отделены были бы тени, где есть черное. Это самое и сделала церковь, отделив предание и назвав одни книги каноническими, а другие апокрифическими. И замечательно, как хорошо она сделала это. Она выбрала так хорошо, что новейшие исследования показали, что прибавить нечего. Из этих исследований ясно стало, что все известное и лучшее захвачено церковью в канонических книгах. Мало того, как бы для того, чтобы поправить свою неизбежную при проведении этой черты ошибку, церковь приняла некоторые предания из книг апокрифических. Все, что можно было сделать, сделано отлично. Но при этом отделении церковь погрешила тем что, желая сильнее отринуть не признанное ею и придать больше веса тому, что она признала, она положила огулом на все признанное печать непогрешимости. Все – от духа святого, и всякое слово истинно. Этим она погубила и повредила все то, что она приняла. Приняв в этой полосе преданий и белое, и светлое, и серое, т.е. более или менее чистое учение, наложив на все печать непогрешимости, она лишила сама себя права соединять, исключать, объяснять принятое, что составляло ее обязанность и чего она не делала и не делает. Все свято: и чудеса, и Деяния Апостольские, и советы Павла о вине и стомахе, и бред Апокалипсиса и т.п. Так что после 1800 лет существования этих книг они лежат перед нами в том же грубом, нескладном, исполненном бессмыслиц, противоречий виде, в каком они были. Допустив, что каждое слово Писания – святая истина, церковь старалась сводить, уяснять, развязывать противоречия и понимать их; и сделала все, что может сделать, в этом смысле, т.е. дала наибольший смысл тому, что бессмысленно. Но первая ошибка была роковая. Признав все святое истинною, надо было оправдать все, закрывать глаза, скрывать, подтасовывать, впадать в противоречия и – увы! – часто говорить неправду. Приняв все на словах, церковь должна была на деле отказаться от книг. Таковы – вполне Апокалипсис и отчасти Деяния Апостолов, часто не только не имеющие ничего поучительного, но прямо соблазнительное. Очевидно, что чудеса писались Лукою для утверждения в вере, и, вероятно, были люди,

утверждавшиеся в вере этим чтением. Но теперь нельзя найти более кощунственной книги, более подрывающей веру. Может быть, нужна свеча там, где мрак. Но если есть свет, то его нечего освещать свечкой: он и так будет виден. Христовы чудеса – это свечи, которые приносят к свету, чтобы осветить его. Есть свет, то он и так виден, а нет света, то светит только поднесенная свечка. Итак, читать 27 книг подряд, признавая каждое слово истинным, как читает церковь, нельзя и не нужно, ибо придешь точно к тому же самому, к чему пришла церковь, т.е. к отрицанию самое себя для того, чтобы понять содержание писания, принадлежащего к вере христианской, надо прежде всего решить вопрос: какие из 27 книг, выдаваемых за св. писание, более или менее существенны, важны, и начать именно с более важных. Такие книги, несомненно, суть четыре Евангелия. Все предшествующее им может быть по большей мере только историческим материалом для понимания Евангелия; все последующее – только объяснение этих же книг. И потому не нужно, как это делают церкви, непременно соглашать все книги (мы убедились, что это более всего привело церковь к проповедованию непонятных вещей), а нужно отыскивать в этих четырех книгах, излагающих, по учению же церкви, самое существенное откровение, отыскивать самые главные основы учения, не сообразуясь ни с каким учением других книг; и это не потому, что я не хочу этого, а потому, что я боюсь заблуждений других книг, которые имеют такой яркий и очевидный пример. Отыскивать я буду в этих книгах: 1. То, что мне понятно, потому что непонятному никто не может верить, и знание непонятного равно незнанию. (стр. 15) 2. То, что отвечает на мой вопрос о том, что такое я, что такое Бог; и 3. Какая главная, единая основа всего откровения? И потому я буду читать непонятные, неясные, полу понятные места не так, как мне хочется, а так, чтобы они были наиболее согласны с местами вполне ясными и сводились бы к одной основе. Читая таким образом не раз, не два, а много раз, как самое писание, так и писанное о нем, я пришел к тому выводу, что все предание христианское находится в четырех Евангелиях, что книги Ветхого Завета могут служить только объяснением той формы, которую избрало учение Христа, могут лишь затемнить, но никак не объяснить смысл учения Христа; что послания Иоанна, Иакова суть вызванные особенностью случая частные разъяснения учения, что в них можно иногда найти с новой стороны выраженное учение Христа, но ничего нельзя найти нового. К несчастью же, весьма часто можно найти, особенно в посланиях Павла, такое выражение учения, которое может вовлекать читающих в недоразумения, затемняющие самое учение. Деяния же Апостольские, как и многие послания Павла, часто не только ничего не имеют общего с Евангелием и посланиями Иоанна, Петра и Иакова, но и противоречат им. Апокалипсис прямо уже ничего не открывает. Главное же то, что, как ни разновременно они написаны, Евангелия составляют изложение всего учения; все же остальное есть толкование их. Читал я по-гречески, на том языке, на котором оно есть у нас, и переводил так, как указывал смысл и лексиконы, изредка отступая от переводов, существующих на новых языках, составленных уж тогда, когда церковь своеобразно поняла и определила значение предания. Кроме перевода, я неизбежно был приведен к необходимости свести четыре Евангелия в одно, так как все они излагают, хотя и разноречиво, одни и те же события и одно и то же учение. Новое положение экзегетики о том, что Евангелие Иоанна, как исключительно богословское, должно быть рассматриваемо отдельно, для меня не имело значения, так как цель моя не есть ни историческая, ни философская, ни богословская критика, а отыскивание смысла учения. Смысл учения выражен во всех четырех Евангелиях; и потому если они все четыре суть изложение одного и того же откровения истины, то одно должно подтверждать и уяснять другое. И потому я рассматривал их, соединяя в одно все Евангелия, не исключая и Евангелия Иоанна. Попыток соединения Евангелий в одно было много, ноте, все, которые я знаю, – Arnolde, de Vence, Фаррара, Рейса, Гречулевича, – все они берут исторические основы

соединения, и все они безуспешны. Ни одно не лучше другого в смысле историческом, и все одинаково удовлетворительны в смысле учения. Я оставляю совершенно в стороне историческое значение и соединяю только по смыслу учения. Соединение Евангелий на этом основании имеет ту выгоду, что учение истинное представляет как бы круг, которого все части одинаково определяют значение друг друга и для изучения которого безразлично начинание изучения с одного или другого места. Изучая таким образом Евангелия, в которых с учением так тесно связаны исторические события жизни Христа, для меня историческая последовательность оказалась совершенно безразличной, и для последовательности исторических событий мне было все равно избрать за основу тот или другой свод Евангелий. Я избрал два самые новые свода составителей, воспользовавшихся трудами всех предшественников: Гречулевича и Рейса. Но так как Рейс отделил от синоптиков* Иоанна, то для меня был удобнее свод Гречулевича, и я его взял за основу своей работы, сличал его с Рейсом и отступал от обоих, когда смысл того требовал.

Синописис [греч.], – сокращение или перечень, краткая: выписка.
Синоптическими называют Евангелия от Матфея, от Марка, от Луки (ред.)
(стр. 16) ВВЕДЕНИЕ

ЗНАЧЕНИЕ ЗАГЛАВИЯ

Возвешение о благе по Матфею, Марку, Луке Иоанну. (Мр. I, 1).
Начало возвещения о благе Иисуса Христа, сына Божия. Слово Е.....
(Евангелие) обыкновенно не переводят. Под этим словом разумеют книги Нового Завета об Иисусе Христе, и другого смысла этому слову не приписывается. Между тем слово это имеет определенное, связанное с содержанием книг значение. Буквальный перевод слова по-русски – *благовесть*. Перевод этот неправилен: 1) потому что "*благовесть*" на русском языке имеет другое значение; 2) потому что оно не передает значения обоих составных слов .. и Е. значит: *хорошо, добро, благо*, верно; значит не столько *сообщенная весть, известие*, сколько самое действие *сообщения известия*. И потому точнее всего слово это переводится выражением *возвешение*. А потому сложное слово должно быть переведено: *благовозвешение* или *возвешениеблага*, – или понятнее по русски: *возвешение о благе*. Слово означает помазанник. Значение этого слова соединено с преданиями евреев. Для смысла же содержания возвещения о благе слово это не представляет значения и может быть безразлично передаваемо: "помазанник" или "Христос". Я предпочитаю слово *Христос*, так как "помазанник" получило в русском языке другое значение. Выражение "сын Божий" принимается церковью как наименование исключительно Иисуса Христа. Но по Евангелию оно не имеет этого исключительного значения; оно одинаково относится и ко всем людям. Это значение ясно выражается во многих местах Евангелия. Говоря народу вообще, Иисус говорит (Мф. V, 16): Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли *Отца вашего* небесного. В другом месте (Мф. V, 45): Да будете сынами *Отца вашего* небесного. Лк. VI, 36: Итак, будьте милосерды, как и *Отец ваш* милосерд. Мф. VI, 1: Иначе не будет вам награды от *Отца вашего* небесного. – 4: И *Отец твой*, видящий тайное воздаст тебе явно. – V, 48: Итак, будьте совершенны, как совершен *Отец ваш* небесный. – VI, 6: Помолись *Отцу твоему*, который втайне; и *Отец твой*, видящий тайное, воздаст тебе явно. – 8: Ибо знает. *Отец ваш*, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у него. – 14: Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам *Отец ваш* небесный. И многие другие места Евангелий, в которых сынами Бога называются все (стр. 17) люди. Но мало того, в Евангелии Луки находится место, в котором говорится

не только о том что под словами "сын Бога" должно разуместь всякого человека, но и то, что Иисус называется сыном Бога не в каком-нибудь исключительном смысле, а только в том, что он, Иисус, как и все люди, произошел от Бога и потому сын Божий. Излагая родословную Иисуса, Лука, восходя от матери к деду, прадеду и далее, говорит (111,23- 38): "Иисус...был сын...Еносов, Сифов, Адамов, Божий". Итак, слова: *Иисуса Христа, сына Божия* – обозначают то лицо, кем сделано это возвешение. Лицо это названо так, как оно названо людьми – Иисусом; кроме того, названо Христом, т.е. избранником Божиим; кроме того, названо сыном Божиим. Заглавие это определяет содержание книги. Сказано, что в книге возвешается людям благо. Значение этого заглавия необходимо помнить для того, чтобы уметь отбирать в книге места более существенные от менее важных. Так как содержание книги есть возвешение блага людям, то все, что определяет это благо людей и *есть самое существенное*; все же, не имеющее целью возвестить благо, менее существенно. Итак, заглавие полное будет: *Возвешение истинного блага, сделанное Иисусом Христом, сыном Божиим.*

ЦЕЛЬ КНИГИ

(Ин. XX, 31; Лк. 1, 1-4) Написано это для того, чтобы верили, что Иисус Христос есть сын Божий, и, поверивши, получили бы жизнь через то, что он был. Так как уже многие начали связно рассказывать о случившихся у нас делах, как передали нам самовидцы и исполнители учения, решился и я, узнав обо всем верно, с самого начала написать тебе по порядку, господин Феофил, чтобы ты – о тех поучениях, которым тебя учили, узнал самую настоящую правду. Слова буквально переведенные "во имя его", представляют одно из тех выражений, которым мы, дословно переводя их, приписываем произвольное и чаще всего неясное значение. Еврейское слово, соответствующее слову *е....*, означает не имя, а самое лицо, самую особу, самое то, что он есть; и потому слова: имели жизнь во имя его "должны пониматься так, что жизнь дается самую сущностью того, что есть сын Божий. Я перевожу: *чрез то, что он был.* Слова "очевидцами и служителями Слова" переведены неправильно. В этом выражении логос не может значить "слово": нельзя быть очевидцем слова. Здесь слово (логос) не может означать ничего иного, как *проповедь учения или мудрости*; и так и должно перевести. В предисловии этом (Иоан. XX, 31) сказано, что верую в то, что Иисус Христос был сын Бога, люди будут иметь "жизнь". Точно так же, как в словах *возвешение о благе* подразумевается какое-то особенное, более твердое, истинное благо, чем то, что люди считают за благо, и в слове *жизнь*, которую люди будут иметь, очевидно подразумевается какая-то не та жизнь, которую люди считают жизнью. Эта другая жизнь получается верую в то, что есть сын Бога. Хотя и не определено, что надо разуместь под выражением "сын Бога", указывается на то, что с этой сыновностью Богу связывается и самое возвешение о благе. Итак, смысл этого стиха Иоанна следующий: написано возвешение о благе для того, чтобы все люди, уверившись в том, что Иисус Христос был сын Бога, получили бы жизнь чрез веру в то, что и есть сын Бога. (стр.18)

РАЗУМЕНИЕ ЖИЗНИ

(Ин. I, 1, 2.) Началом всего стало разумение жизни. И разумение жизни стало за Бога. И разумение-то жизни стало Бог. Оно стало началом всего за Бога. Церковный перевод первого стиха не только не имеет никакого смысла, но при том значении, которое он дает глаголу *ѣ.*, и не

может иметь его. Перевод такой: "Вначале было Слово". Это не есть перевод мысли, а перевод слов. Мысли не выходит, а каждому отдельному слову дается мистическое и произвольное толкование. Чтобы найти смысл этих выражений, необходимо отрешиться от церковного толкования и разобрать каждое слово. Смысл первого стиха только тогда поймем, когда его поймем в связи со всем Введением и заглавием. Введение (Ин. 1, 1-18) говорит о том, какой получается смысл по возвещению. И вот первые слова выражают этот смысл. Предлог .. означает пребывание в чем-либо. С глаголом движения он означает перемещение и пребывание в чем - либо. `А... означает начало не только временное, а и основное, - начало всех начал; и потому я. перевожу - *начало всего*. * . Н. (от глагола быть) означает, кроме существования, и перемену и часто может и должен пере водиться словами: *делаться, становиться*. имеет одиннадцать главных значений: 1) слово; 2) речь; 3) беседа; 4) слух; 5) красноречие; 6) разум, как отличие человека от животного; 7) рассуждение, мнение, учение; 8) причина, основание думать; 9) счет; 10) уважение и 11) отношение (..... - быть в соотношении с кем-нибудь). Задайте ученику, знающему греческий язык, но не знающему церковного учения, перевести первый стих Иоанна, и всякий ученик для толкового перевода этого места, по смыслу дальнейшего, откинет семь не возможных в первом предложении значений слова, именно значения: слово, речь, беседа, слух, красноречие, счет и уважение. Он будет выбирать между значениями: разума, причины, рассуждения и соотношения. Все эти четыре значения, даваемые слову при переводах, подходят к смыслу предложения; но каждое из них отдельно - недостаточно. *Разум* есть слово, определяющее только способность человека мыслить. *Рассуждение* есть только действие этой способности. *Соотношение* есть то, что дает материал способности мыслить. *Причина* есть одна из форм мышления. Каждое значение порознь определяет одну сторону деятельности мысли. же здесь имеет, очевидно, самое широкое и основное значение. Значение это лучше всего определяется в таком же введении о том же предмете того же писателя. Там (1. Послан. Ин. 1, 1) сказано: т.е. *смысл жизни*. Для передачи этого слова по-русски я нахожу наиболее подходящим слово *разумение*, потому - что это слово соединяет все четыре возможные значения слова *Разумение* есть не только разум, но и действие разума, ведущее к чему-то, не только причина, но и *искание* ее; не только рассуждение, но и *рассуждение, выясняющее причину*, и не только отношение, но и *разумная деятельность по отношению причины*; а с прибавлением слова, которое прибавляет Иоанн в 1 Послании, значение становится вполне точным и ясным - *разумение жизни*. Я не отрицаю никакого другого перевода; можно поставить и слово "разум" или "премудрость" и даже оставить "слово", приписав ему более широкое, не свойственное ему значение; можно даже оставить, не переводя, слово "логос"; смысл всего места будет тот же самый. Итак, перевожу дословно первое предложение 1-го стиха так: *В начале всего стало разумение жизни*. И перевод этот представляется совершенно ясным, если иметь в ввиду заглавие, т. е. - возвещение (стр. 19) Иисуса Христа о благе. *В начале всего стало разумение жизни по возвещению Иисуса Христа*. Второе предложение 1-го стиха в церковном переводе еще более безнадежно непонятно. Для устранения этой, непонятности прежде всего надо обратить внимание на слава "Бог". Слава "Бог" служит как бы определением того, что есть "логос". И потому необходимо знать, что автор понимает под словом "Бог". В заключение этого Введения, в 18-м стихе и в 1 Посл. Иоан. IV, 12, сказано, что. *Бога не видел никто никогда*. И потому для того, чтобы эти первые стихи небыли поняты превратно, для того, чтобы читатель не связал с словом "Бог" такого понятия, которого не соединяет с этим словом писатель, нужна помнить, как писатель понимает эта слава. Только при таком указании на то, что слово "Бог" не надо и нельзя понимать, как что-

то понятное, определенное, смысл первых стихов может быть понятен. Церковный перевод "у Бога" получил мистическое толкование, и церковь удовлетворилась им, забыв совершенно то, что, это не есть перевод, а произвольное толкование. Но так как я ищу смысла в книге, которую я читаю, и не позволяю себе давать произвольного значения словам, то я должен был или откинуть эти слова, как непонятные, или найти их значение, соответственное законам языка и здравого смысла.

Понятие о Боге предполагается известным и говорится о том источнике, из которого явилось это понятие. Говорится: по возвещению Иисуса Христа началам всего стала разумение жизни. И разумение жизни, по учению Иисуса, заменило понятие Бога или слилось с ним. Если бы нужна была подтверждение такого понимания этих двух стихов, то 18-й стих, заключающий все рассуждение и прямо выражающий ту мысль, что Бога никто не познал, а *явил сын в логосе*, и все рассуждение, говорящее то же самое, и следующие стихи, говорящие о том, что *логосом* все рождено и без негачего ничто не рождено, и все дальнейшее учение, развивающее ту же мысль, – все подтверждает то же самое. Смысл этих стихов таков: *По возвещению о благе Иисусом Христом в основу и начало всего стало разумение жизни. Разумение жизни стало вместо Бога. Разумение жизни стало Бог. Оно – то по возвещению Иисуса Христа стало основой и началом всего вместо Бога.* (Ин. 1, 3–5)

Все чрез разумение родилось, и помимо разумения не родилось ничто из того, что живо и живет. В нем стала жизнь, то же, что свет людей стал жизнью. Так же как свет в темноте светит, и темнота его не поглощает. Ф. – *свет* – по всем контекстам означает истинное разумение жизни. Прежде сказано, что началом всего стала разумение жизни; теперь говорится, что только разумение дает жизнь и что без разумения не может быть жизни. Жизнь заключается только в разумении ее. Четвертый стих подтверждает это и говорит: жизнь находится во власти разумения. Только разумение дает возможность жизни. Истинная жизнь есть только та, которая освещена светом разумения. Свет людей есть истинная жизнь, свет дает свет, и нет в нем темноты. Так и разумение дает жизнь, в которой нет смерти. Все, что стало истинно живо, стало таким только чрез разумение. Жизнь истинная, по возвещению Иисуса Христа, стала только в разумении. Или иначе сказать: свет – разумение людей – стал для людей истинною жизнью. Точно так же, как свет есть истинно сущее, а темнота есть только отсутствие света. И темнота не может уничтожить света. (стр. 20)

(Ин. 1, 6–13) Был человек послан от Бога, имя ему Иоанн. Он пришел для показания, чтобы показать свет разумения, чтобы все верили в свет разумения. Он сам не был свет, но пришел только, чтобы показать свет разумения. Оно стало истинным светом, таким, который освещает всякого человека, проходящего в мир. Оно явилось в мир, и мир чрез него родился, и мир его не знал. Оно явилось в отдельных людях, и отдельные люди его не принимали в себя. Но все те, которые поняли его, всем тем оно дало возможность стать сынами Бога, верою в значение его. Так как они родились не от кровей и от похоти плоти и похоти мужа, а от Бога. Сказано, что жизнь мира подобна свету в темноте. Свет светит в темноте, и темнота его не удерживает. Живое живет в мире, но мир не удерживает жизнь в себе. Теперь, продолжая речь о разумении, говорится о том, что оно было тот свет, который освещает всякого живого человека, тот настоящий свет жизни, который известен всякому человеку; так что разумение разлито во всем мире, – в том мире, который жив им; но весь мир не знает этого, не знает того, что в разумении только сила, основа, власть жизни. Разумение было в отдельных людях, и отдельные люди не приняли его в себя, не усвоили его себе, не поняли, что жизнь только в нем. Разумение было в своем собственном произведении – сыне, но сын не признавал своего Отца. Ни все человечество, ни большинство людей порознь не понимали того, что они живут только разумением, и жизнь их была, как свет, являющийся в темноте, вспыхивающий и угасающий. Была жизнь, проявляющаяся среди смерти и опять поглощавшаяся смертью. Но тем, кто

понял разумение, всем тем оно дало *возможность верою в свое происхождение от него, сделаться сынами его.* 12-й стих, кажущийся столь нескладным и запутанным при первом чтении, так точен и ясен, если его переводить строго, что для разъяснения его ничего нельзя прибавить, как только повторить его с заменой причастия отглагольным существительным, строго выражающим то же самое. После того как сказано, что жизнь для людей была как свет в темноте, что она проявлялась и поглощалась смертью, говорится: но, несмотря на то, что это так было, разумение давало возможность людям сделаться сынами разумения и этим избавиться от смерти. В 12-м стихе сказано, что разумение дало людям возможность сделаться сынам Бога. Для того, чтобы понять, что значит это выражение --. сделаться сынами Бога, - о чем подробно и ясно изложено в беседе с Никодимом (Ин. III, 3-21), нужно вспомнить то, что сказано сначала. Разумение есть Бог. Следовательно, сделаться сыном Бога значит сделаться сыном разумения. Что значит сыном? В 3-м стихе сказано, что все, что родилось, родилось от разумения. То, что родилось, то есть сын, следовательно, все мы сыны разумения, и потому, что же значит: сделаться сыном разумения? На этот вопрос отвечает 4-й стих. Он говорит, что жизнь находится во власти разумения и потому сыновность разумению двоякая: одна естественная -- все сыны разумения; а другая, зависящая от воли людей, от признания зависимости своей жизни от разумения. Точно так же, как плотская сыновность тоже всегда двоякая: всякий непременно -- хочет или не хочет - сын своего Отца и всякий может признавать и не признавать Отца. И потому сделаться сыном разумения значит понять то, что жизнь во власти разумения. Это самое сказано в 9--11 стихах. Сказано, что люди не признавали того, чтобы жизнь была вся в разумении. И в 12-м стихе сказано, что, однако, поверив в значение разумения, они могли сделаться вполне сынами его, потому что все люди произошли не от похоти мужчины и от кровей женщины, а от **(стр. 21)** разумения. Стоит признать это, чтобы и по происхождению и по признанию быть вполне сынами разумения. Смысл стихов следующий: *Разумение было во всех людях. Оно было в том, что оно произвело; - все люди живы только потому, что они рождены разумением. Но люди не признали своего Отца разумения - и не жили им, а полагали источник своей жизни вне его. Но всякому человеку, понявшему этот источник жизни, разумение давало возможность верою в это сделаться сыном Бога - разумения, так как все люди рождены и живы не от крови женщины и от похоти мужчины, а от Бога - разумением. В Иисусе Христе проявилось полное разумение.* (Ин. 1, 14-17) И разумение сделалось плотью и поселилось среди нас, и мы увидели учение учение его, как однородного от Отца, законченное учение богоугождения делом. Иоанн показывает о нем и кричит и говорит: это тот, про которого я говорю. Тот, кто позади меня пришел, тот прежде меня родился, потому что он первый был. Потому что от выполнения его все мы постигли Богоугождение вместо богоугождения. Потому что Моисеем дан закон. Богоугождение же делом произошло через Иисуса Христа. Х.... значит: 1) прелесть, приятность, любезность, красота; 2) благосклонность; 3) благодарность; 4) все то, что вызывает благодарность, - благотворение; 5) дары, жертва и само жертвоприношение, богоугождение, culte. В этом месте я перевожу х.... через *богоугождение*, потому что в 16-м стихе говорится, что Христос дал нам, х.... т.е. одну х.... вместо другой. Одна х.... есть закон Моисея, т.е. закон богоугождения, следовательно х.... Христа есть богоугождение по учению Христа. Чтобы придать смысл этому месту, надо переводить х.... через *богоугождение* и, через слово *делом, на деле*; и тогда выходит тот смысл, что совершенное учение богоугождения *на деле* дал нам Иисус Христос, потому что от совершенства его мы получили радостное, свободное, жизненное богоугождение, вместо богоугождения внешнего. Закон дан Моисеем, но богоугождение, исполняемое на деле, дано нам Иисусом Христом.

В предшествующих стихах говорится о том, как проявилось разумение в мире и в людях. Сказано, что люди могли, признав разумение основой своей жизни, сделаться сынами Бога, удержать в себе разумение. Теперь говорится о том, как это самое совершилось в мире. Говорится, что разумение сделалось плотью, явилось в плоти, жило с нами. Слова эти, связанные с 17-м стихом, в котором сказано, что новое учение дано нам Иисусом Христом; нельзя понимать иначе, как относя их к Иисусу Христу. Учение в том самом, что, как сказано выше, дает истинную жизнь, в признании себя сыном Бога, однородным ему. Слова эти по смыслу всего предшествующего означают то, что основа учения Иисуса Христа была та, что жизнь произошла от разумения и однородна ему. Далее говорится, что учение это есть полное, законченное учение о богоугождении делом. Учение это совершенно и законченно именно потому, что к учению богоугождения по закону оно присоединяет учение о богоугождении на деле. Все дальнейшее учение, как у Иоанна, об отношениях Отца к сыну, так и у Матфея и других евангелистов, о том, что Христос пришел не изменить закон, но выполнить, и многое другое, ясно подтверждает верность этого смысла. В 14-м стихе сказано, что учение Иисуса Христа, как однородного сына от Отца, есть законченное учение богоугождения на деле. Смысл стихов следующий. *В Иисусе Христе разумение слилось с жизнью и жило между нами, и мы поняли (стр. 22) его учение о том, что жизнь произошла от разумения и однородна ему, . – как сын произошел от Отца и однороден ему; мы получили законченное учение богоугождения делом, потому что по исполнению Иисусом Христом все мы постигли новое богоугождение вместо прежнего, так как Моисеем был дан закон, – богоугождение же делом произошло через Иисуса Христа.* В чем состояло разумение Иисуса Христа. (Ин. 1, 18) Бога никто не постигал, и не постигнет никогда, однородный сын, будучи в сердце Отца, он указал путь. Слова: "Бога никто не видал никогда", кроме их общего значения, имеют еще то частное значение, что отрицают еврейское представление о Боге, виденном на Синае и в купине. . Если бы могло быть еще малейшее сомнение в прямом и точном значении слов 1-го стиха о том, что разумение стадо Бог, то этот 18-й стих, не допуская никакого перетолкования слов, говорит, что мы не можем говорить 'о Боге, которого не разумеем, что нет и не может быть другого Бога, как тот, который открывается сыном Бога разумением жизни, если она заключает себя в разумении. Бога никто никогда не видел и не познал, только однородный сын, будучи в сердце "Отца, указал путь. Сын – значит жизнь, живой человек, как сказано в стихе 3-м: "Все, что рождено, рождено разумением". И в стихе 4-м, где сказано, что "в нем жизнь", и в стихах 12-м и 13-м, что "сыны Бога те, которые признали, что они рождены разумением". *Однородный сын значит такой же, как Отец. Будучи в сердце Отца – значит, что жизнь, живой человек, будучи в сердце, т.е. не выходя из разумения, сливаясь с ним, указывает только путь к нему, но не являет его.* Смысл стиха следующий: *Бога никто не видел и не видит ни когда, только жизнь в разумении показала путь к нему.*

ВОЗВЕЩЕНИЕ О БЛАГЕ

ИИСУСА ХРИСТА – СЫНА БОГА ВВЕДЕНИЕ

Возвешение это написано для того, чтобы люди уверовали в то, что Иисус Христос – сын Бога, и эту верую в то самое, что он был, получили бы жизнь (Ин. XX, 31). Бога никто никогда не познал и не познает. Все, что мы знаем о Боге, мы знаем потому, что имеем разумение. И потому истинное начало всего есть разумение. (То, что мы называем Богом, есть разумение. Разумение есть начало, всего, оно есть истинный Бог) (Ин. I, 1, 2.). Без разумения ничего не может быть: все произошло от разумения. В разумении – сила жизни. Как только потому, что есть свет, существует для нас все разнообразие вещей, точно так же только потому, что есть разумение, существует для нас все разнообразие жизни – сама жизнь. Разумение есть начало всего. (Ин. I, 3, 4). В мире жизнь не обнимает всего. В мире жизнь проявляется, как свет среди мрака. Свет светит, откуда он светит, и темнота не удерживает света и остается темнотою. Так и в мире жизнь проявляется среди смерти, и смерть не удерживает жизни, но остается смертью. (Ин. I, 5). Источник жизни – разумение – было во всем мире и в каждом живом человеке. Но живые люди – живые только потому, что в них было разумение, не понимали того, что они произошли от разумения (Ин. I, 9–10). Не понимали того, что разумение давало им возможность слиться с ним, так как они живы, не от плоти, а от разумения. Поняв это и поверив в свою сыновность разумению, люди могли иметь истинную жизнь (Ин. I, 12, 13). Но люди не поняли этого, и жизнь в мире была, как свет в темноте. Бога, начала всех начал, никто никогда не познал и не познает, только жизнь в разумении указала путь к нему (Ин. I, 18). . И вот Иисус Христос, живя среди нас, явил разумение в плоти, в том, (стр. 23) что жизнь произошла от разумения и однородна ему, так же как сын произошел от Отца и однороден ему. И, глядя на его жизнь, мы поняли полное учение богоугождения делом, потому что, вследствие совершенства его, мы поняли новое богоугождение в место прежнего. Моисеем был дан закон, но богоугождение делом произошло через жизнь Иисуса Христа. Бога никто не видал и не видит никогда, только сын Бога в человеке указал путь к нему. (стр. 24)

Глава первая

ВОПЛОЩЕНИЕ РАЗУМЕНИЯ

РОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО ИИСУСА ХРИСТА

Лк. I гл., от 5 до 25 стиха включительно. В стихах этих рассказываются чудесные события, относящиеся к рождению Иоанна Крестителя. События эти не имеют не только ничего общего с учением Иисуса Христа и возвешением о благе, но даже не касаются самого Иисуса Христа, и потому, как бы эти события ни были понимаемы, они ничего не могут изменить в смысле учения Иисуса Христа. Лк. I гл., 26–79 включительно. Стихи эти излагают чудесные события, предшествовавшие рождению Иисуса Христа, и связываются с такими же чудесными и чуждыми учению событиями, сопровождавшими рождение Иисуса Христа. Мф. I гл., 1–17 включительно, и Лк. III гл. 23–38

включительно. В стихах этих излагаются два родословия Иисуса Христа. Если бы даже родословия эти и были согласны между собою, они не касаются учения и, как бы ни были понимаемы, ничего не могут ни прибавить, ни убавить, ни изменить учения, и потому все выписанные стихи должны быть отнесены к прибавлению.

(Мф. I, 18–21, 24, 25) Рождение Иисуса Христа так было: когда выдана была его мать Иосифу, прежде чем им сойтись, оказалась она беременна.

Иосиф, муж ее, был праведен: не хотел ее уличить и задумал без огласки отпустить ее.

Но когда он подумал это, ему приснилось, что посланный от Бога явился ему и сказал: не бойся принять Марию, жену твою потому что то, что родится от нее, родится от духа святого.

И она родит сына, и назовешь его Иисус, что значит Спаситель, потому что он спасет людей от грехов их.

Проснувшись, Иосиф сделал, как велел ему ангел Божий, и принял ее себе в жены. И не имел с ней дела, пока она не родила своего первого сына и назвала его Иисус.

Слова: "от духа святого" в этом месте означают рождение свыше, то самое рождение, которое по беседе с Никодимом свойственно всем людям. Стихи 22, 23

утверждают, что рождение Иисуса исполнило пророчество. Это пророчество в высшей степени натянуто и не только не подтверждает, но подрывает тезис писателя.

Смысл стихов следующий: (стр. 25) Была девица Мария. Девица

эта забеременела неизвестно от кого. Обрученный с нею муж пожалел ее и, скрывая ее срам, принял ее, от нее-то и неизвестного Отца родился мальчик.

Мальчика назвали Иисус. (И этот-то Иисус был разумение во плоти. Он-то и явил миру Бога, которого никто не знал и не знает.) И этот-то Иисус был тот Иисус, сын Божий, который дал миру то учение, о котором говорит Иоанн и которое изложено в Евангелиях. Лк. II гл., 1–12 ст. включительно. Мф. II гл., 1–12 ст.

Лк. II гл., 22–38 ст. включительно. Мф. II гл., 13–23 ст. Лк. II гл., 39 ст.

В стихах этих описывается рождение Иисуса Христа и странствование его с матерью, сопровождаемое чудесными событиями и предсказаниями.

Стихи эти не содержат в себе ничего, относящегося к

учению Иисуса и даже до событий, которые могли иметь влияние на него. Объяснение этих глав есть то, что это – легенды, образовавшиеся, как они и теперь

образовываются, вокруг детства лица, получившего после своей смерти большое значение. Мотив этих глав есть придание как можно большей важности лицу посредством чудес и пророчеств. Низменный тон этих описаний, в особенности у Луки, напоминающий многие апокрифические сказания, поражают своею

несоответственностью с другими местами тех же книг. Нельзя себе представить человека, который бы, поняв вполне учение, выраженное во вступлении Иоанна,

признавал бы легенды о рождении. Одно исключает другое. Для того, кто понял значение сына Божия, как сына разумения, как оно объяснено во

вступлении, для того рассказы о событиях, предшествовавших рождению Иоанна и Иисуса Христа, и рассказ о самом рождении и последующих обстоятельствах не могут быть понятны, а главное – нужны. Тот же, кто приписывает значение и важность чудесному рождению Иисуса от девы и духа святого, как мужа, очевидно, не понял

еще значения сына разумения. Значение всего места то, что оправдывается

позорное рождение Иисуса Христа. Сказано, что Иисус Христос был разумение, он один явил Бога. И этот самый Иисус Христос родился в самых считающихся постыдными условиях, от девы. Все эти главы суть оправдания с

человеческой точки зрения этого позорного рождения. Позорное рождение и незнание Иисусом своего плотского Отца есть единственная черта этих глав, имеющая значение для последующего учения Иисуса Христа. (Лк. II, 40–52; Лк. III, 23)

Мальчик возрастал и мужал духом, и прибавлялось в нем разума. И милость Божия была на нем.

И ходили родители его каждый год в Иерусалим к празднику Пасхи. И когда Иисусу было 12 лет, родители его пришли в Иерусалим по обыкновению на праздник.

И кончился праздник, и им уже идти домой, остался мальчик Иисус в Иерусалиме. И не заметили Иосиф и мать Иисуса.

Думали, что он с товарищами, и прошли день пути и искали его у родных и знакомых. И не нашли, и вернулись в Иерусалим за ним. И только нашли его в храме: сидит между учителями, спрашивает и слушает их. И дивились все, кто слушал, разуму его и речам. Увидали его родители и удивились; и мать сказала ему: Сын, что ты это с нами сделал? вот и отец и я – мы горюем и ищем тебя. И он сказал им: зачем вы ищете меня? Разве не знаете, (стр.26) что мне надо быть в отцовском доме? И они не поняли того, что он сказал им. И подошел к ним и пошел с ними в Назарет. И слушался их, и мать его принимала в сердце свое все слова его. И Иисус подвизался в возрасте, в разуме и в милости у Бога и у людей. И Иисусу стало около тридцати лет, и думали, что он сын Иосифа. Стих 23-й из III-й главы помещен здесь для последовательности изложения. Стихи же об Иоанне Крестителе войдут в свое место. Смысл стихов следующий: О детстве вообще Иисуса передается только то, что и без Отца он рос, мужал и становился разумен не по годам, так что видно было, что Бог любил его. В частности, из всего детства его передается один только случай о том, как он пропал, когда Мария и Иосиф были у праздника в Иерусалиме, и как его нашли в храме с учителями. Он слушал и спрашивал, и все дивились его разуму. . Мать стала упрекать его за то, что он ушел от них, за то, что они искали его. А он сказал ей: чего же вы искали? Разве не знаете, где искать всякого человека: в доме Отца. У меня ведь нет отца – человека, стало быть, Отец – Бог. Храм – дом Бога. Если бы вы искали меня в доме Отца моего, в храме, вы бы нашли меня. Рассказ этот, кроме указания на необыкновенный в детстве разум Иисуса, особенно ясно выставляет тот естественный ход мысли, по которому умный заброшенный ребенок, видевший вокруг себя детей, у которых у всех есть плотские отцы, и не знавший себе отца плотского, признал отцом своим – начало всего – Бога. Понятие о том, что Бог есть Отец всех людей, было выражено в еврейских книгах. Малахия II,10. Разве не один у нас всех Отец? Разве не один Бог сотворил нас всех? (Мр. I, 4) Явился Иоанн Купало в степи и проповедовал купанье в знак перемены жизни, в знак освобождения от заблуждения. В.....– купаю, омываю. Я предпочитаю народное выражение "купать" слову "крестить", потому что "крещение" получило церковное значение таинства и не выражает самого действия, выражаемого глаголом Е.. я перевожу: в знак, как оно весьма часто переводится, так как значение в здесь не применимо. М..... – слово в слово – *передумание, изменение мысли*. "Покаяние" верно бы передавало значение слова, если бы слово "покаяние" не получило свойственного ему церковного значения. Я ставлю слово *обновление*, имеющее в народном языке значение покаяния, но не столько в смысле раскаяния, сколько в смысле внутреннего изменения. .А.....– значит грех, но не в смысле греха религиозного, но греха в смысле ошибки, огреха; и потому я перевожу это слово через *заблуждение*. (Мф. III, 4; Мр. 1, 1-3; Лк., III, 5, 6) Одежда Иоанна была из верблюжьего волоса, и подпоясан он был ремнем. Питался он саранчой и зелием. Начало возвещения о благе Иисуса Христа сына Бога было так, как написано у пророков: вот я посылаю вестника моего, чтобы он приготовил мне путь (Малахия 3, 1). Голос взывает к вам: в пустыне приготовьте путь Господу, легким сделайте путь его. (стр.27) Чтобы всякая впадина заровнялась и чтобы всякий пригорок и бугор снизились, чтобы все кривизны выпрямились и бугры сделались гладкой дорогой. И весь мир увидит спасение от Бога. Мф,III, 1; Лк. III, 1. В стихах этих изложены исторические события, не относящиеся ни до Иисуса Христа, ни к содержанию учения. (Мф. III, 2) Иоанн говорил: одумайтесь, потому что наступило царство небесное. "Н..... есть перфект и означает то, что совершил ось и теперь совершается. Глагол значит *приближаюсь*. В форме перфекта он означает то, что царство Бога уже приблизилось так, что больше приближаться не может. И действительно, по всем

пророчествам царство Бога было в будущем и приближалось. Теперь же оно совсем приблизилось. И потому должно быть переведено в этом месте *теперь пришло, наступило*. *Царство небесное*. Слова эти получили свое церковное значение. Они означают царство, составленное из всех верующих. Царем в нем Иисус Христос. Очевидно, не об этом царстве небесном мог до Иисуса говорить Иоанн Креститель. В устах Иоанна Крестителя и Иисуса Христа слова эти должны иметь значение, понятное для всех тогдашних слушателей. Царство небесное для всех слушающих евреев означало *пришествие Бога в мир и воцарение его над людьми*, то, чем переполнены все пророчества Захария, Иосии, Малахии, Иоила, Иеремии. Особенность смысла речей Иоанна Крестителя от других пророков состоит здесь в том, что тогда как другие пророки неопределенно говорили о будущем воцарении Бога, Иоанн Креститель говорит, что царство это наступило и воцарение совершилось. Все почти пророки при этом воцарении Бога предсказывали внешние чудесные, страшные события, один только Иеремия предсказывал воцарение Бога в людях не внешними явлениями, а *внутренним соединением Бога с людьми*, и – потому утверждение Иоанна Крестителя о том, что – царство небесное наступило, несмотря на то, что не было никакого страшного явления, надо понимать так, что наступило то внутреннее царство Бога, о котором предсказывал Иеремия. (Мф. III, 5, 6 /Мр. 1, 5/; Лк. III, 7, 8 /Мф. III, 8/) И к Иоанну приходил народ из Иерусалима и из деревень по Иордану и из всей земли Иудейской. И он купал в Иордане всех тех, которые сознавались в своих заблуждениях. И он говорил народу: змеиная порода! Кто научил вас бежать от наступающей воли Божией? Принесите плоды, согласные с переменной. Слова, служащие продолжением 8-го стиха Лк. III, о том, что иудеи считают отцом своим Авраама, относятся только к иудеям и не заключают в себе никакого поучения и, кроме того, прерывают речь о плодах и дереве, и потому пропускаются. (Як. III, 9-14) Топор уже лежит у корня дерева, и если дерево не приносит плода доброго, дерево срубают на дрова и жгут: И спрашивал его народ: что нам делать? Он сказал им в ответ: у кого две одежды, тот дай тому, у кого нет, И у кого есть хлеб, делай то же. Пришли откупщики на его купанье и сказали ему: учитель, как нам быть? (стр. 28) Иоанн сказал им: ничего против вам положенного не вымогайте. И спросили воины: как нам быть? И он сказал: никого не тревожьте и ни на кого не лгите. Будьте довольны своим положением. Стих 15-й говорит по Луке, что следующие слова о том, что тот, кто сильнее его, идет в мир, сказаны Иоанном в ответ на предположение о том, что он Христос. Но слова эти прямо продолжают только речь о приготовлении пути для того, кто идет, и вовсе не отвечают на мнимый вопрос: Христос ли он, или нет. Он не говорит того, что он Христос или не Христос, ни того, что тот, кто идет после него, – Христос или нет; даже у Иоанна этого не сказано; и потому этот стих пропускается. (Лк. III, 18; Мф. III, 11; Мр. 1, 8 /Лк. III, 16/) И много еще другого, призывая народ, возвещал он об истинном благе. И зывал к народу и говорил: Я купаю вас в воде в знак обновления, но идет тот, кто сильнее меня и кого я не стою. Я омываю вас водою, он же очистит вас духом (и огнем). В....., кроме значения: *купание*, имеет значение и *очищение*, и по смыслу места здесь должно быть переведено словом: *очистить*. "Духом святым и огнем". Слово святым прибавлено, как и значится в некоторых списках и цитатах древних церковных писателей, и как оно прибавляется почти везде к слову *дух*. Слово *огнем* не стоит у Марка, но прибавлено у Луки и Матфея. Мысль, та, что как хозяин очищает гумно огнем, так очистит вас тот, кто сильнее духом. (Мф. III, 12 /Лк. III, 17/; Мф. III, 13, /Мр. III, 9; Лк. III, 21/; Мф. III, 16) У него лопата в руке, и он очистит гумно свое. Пшеницу соберет, а мякину сожжет. Тогда пришел Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну на его купанье. Иисус очистился у Иоанна. Стихи 14-й и 15-й Мф.

III, не вполне понятны и в том смысле, в котором они понимаются, ничего не прибавляют к учению. Продолжение 16-го стиха Мф. III и Мр. 1, 10, Лк. III, 22, говорят о чуде, о событии неестественном и непонятном. Стихи эти ничего не прибавляют к учению, но, напротив, затемняют его. О том, как чудеса нарушают смысл учения, будет сказано в своем месте.

ОБЩИЙ СМЫСЛ ПРОПОВЕДИ ИОАННА

В чем состояло учение Иоанна? Обыкновенно говорят, что мы ничего или очень мало знаем о том, что проповедовал Иоанн. И действительно, если признать то, что Иоанн объяснял только наступление того царства небесного, которому учил Иисус, или проповедовал, как прежние пророки, пришествие Бога, то в проповеди Иоанна не остается никакого содержания. Но если мы только перестанем относиться к написанным словам, как в волшебной сказке, отыскивая везде чудеса и пророчества, то проповедь Иоанна получит большое содержание. Обыкновенно Иоанна представляют церковные как предтечу Христа, а вольнодумцы – как одного из тех поэтов либералов, называемых пророками, которые не переводились между иудеями и говорили общие нравственные места. Но если мы только дадим себе труд понимать слова, которые пред нами, просто и без предвзятых мыслей, то содержание (стр. 29) проповеди Иоанна Крестителя, и очень важное содержание, тотчас окажется. Сказано, что царство небесное совсем приблизилось. Ни один из пророков не говорит этого. Все говорили, что Бог придет, будет царем, сделает то-то, но все это будет когда-то. Иоанн сказал: царство небесное совсем приблизилось. Ничего особенного, заметного не случилось, но оно пришло. То, что особенность проповеди Иоанна состояла в возвещении о том, что царство небесное совсем приблизилось или наступило, или, по крайней мере, что Иисус так понимал эти слова, доказывается тем, что после Иисус говорил: Закон и пророки до Иоанна. С Иоанна же царство Бога возвещается как благо, и всякий усилием входит в него (Лк. XVI, 16). Стало быть, вот первое значение проповеди Иоанна. Ни один пророк еще никогда не говорил этого. Все пророки прежние, кроме Иеремии (XXXI, 31), предсказывали необыкновенные внешние события пришествия Бога: казни, холода, заразы, истребления, войны и плотские блага. Иоанн ничего подобного не предсказывает. Он только говорит о том, что никому не отбыть воли Божьей, что – то, что не нужно, то истребится, и останется только то, что нужно. Он только говорит: *Обновитесь!* Это главная особенность его проповеди, и самое значительное в ней то, что он говорит: Я очищаю вас водою, но то, что должно вас очистить, то, что очистит вас вполне, – это дух, Т.е. что-то невидимое, неплотское. Иоанн сказал: До сих пор вам говорили, что царство небесное придет когда – то, я говорю вам, что оно уже наступило. Для того, чтобы вступить в него, нужно обновиться, отречься от заблуждений. Я могу только внешне очищать, очистит же вас только дух. Вот то учение, которое слышал Иисус. Царство небесное наступило, но, чтобы вступить в него, нужно очиститься духом. И вот, исполненный духа, Иисус идет в пустыню, чтобы испытать дух свой

ИСКУШЕНИЕ В ПУСТЫНЕ

(Лк. IV, 1 /Мф. IV, 1; Мр. 1, 12/; Лк. IV, 2) Тогда Иисус, исполнившись духа, пошел от Иордана в пустыню. И там его испытывал искушитель. я перевожу искушитель для того чтобы придать слову его значение, а не значение того Дявола, которое составилось теперь. (Мр. I, 13; Мф. IV, 3, 4; Лк. IV, 9 /Мф. IV, 5/; Лк. IV, 10/Мф.

IV, 6/; Лк. IV, 11 /Мф. IV, 6/; Лк. IV, 12/Мф. IV, 7/; Лк. IV, 5 /Мф. IV, 8/; Лк. IV, 6/Мф. IV, 9/; Лк. IV, 7 /Мф. IV, 9/; Лк. IV, 8 /Мф. IV, 10/; Лк. IV, 13,14) И был Иисус в этой пустыне 40 дней и не ел ни чего и отощал. И приступил к нему искушитель и сказал: если ты сын Бога, то скажи, чтобы камни эти стали хлебами. А Иисус отвечал: Написано: человек жив не хлебом, но всем тем, что исходит из уст Бога (духом). Искушитель привел Иисуса Христа в Иерусалим и поставил его на крыле церковном и сказал ему: если ты сын Бога, бросься отсюда вниз. Написано ведь, что он посланцам своим накажет о тебе, чтоб берегли тебя. И на руки подхватят тебя, чтобы ты о камень не споткнулся ногой. **(стр.30)** И отвечал ему Иисус и сказал: Потому что сказано: не испытывай Бога твоего. И опять взял его искушитель на высокую гору и представил ему все царства земли в мгновение ока. И сказал ему: Дам тебе всю эту власть и славу их, потому что мне они переданы, и кому хочу – даю их. Если почтишь меня, то все будет твое. Тогда отвечал Иисус и сказал: Отойди (лукавый), враг; написано: Господа твоего почитай и ему одному работай. Тогда искушитель отстал от него на время, и сила Божия пришла к нему и служила ему. И возвратился Иисус в силе духа в Галилею. Место это искушения особенно замечательно тем, что составляет камень преткновения для толкования церкви, так как самая мысль о Боге, искушаемом Дьяволом, сотворенным Богом, составляет внутреннее противоречие, из которого нельзя выйти. Из смысла всей главы не только не видно, того, чтобы писатель разумел под сатаню действительное лицо, но видно совсем обратное. Если бы писатель представлял себе лицо, он бы хоть что-нибудь сказал о нем, о его виде, о его действиях, а тут, напротив, ни одного слова нет о самом лице. Лицо искушителя упоминается только ровно настолько, насколько нужно выразить мысли и чувства Христа. Несказанно, как он подошел к нему, ни как переносил его, ни как исчез, ничего несказанно. Говорится только об Иисусе и о том враге, который есть в каждом человеке, о том начале борьбы, без которой немислим живой человек. Очевидно, писатель с простыми приемами хочет выразить мысли Иисуса. Чтобы выразить мысли, надо заставить говорить его, но он один. И писатель заставляет говорить Христа с самим собою, и он называет один голос голосом Иисуса, а другой – то дьяволом, т.е. обманщиком, то искушителем. В церковном толковании прямо сказано, что не надо и нельзя (хотя, как всегда, не сказано, почему это не надо и нельзя) считать дьявола представлением, а надо считать действительным лицом, и такое утверждение привычно нам. Для всякого человека, свободного от церковного толкования, будет ясно, что слова, приписываемые искушителю, выражают только голос плоти, противный тому духу, в котором находился Иисус после проповеди Иоанна. Такое понимание значения слов: искушитель, обманщик, сатана, означающих одно и то же, подтверждается 1) тем, что лицо искушителя введено только ровно настолько, насколько оно нужно для выражения внутренней борьбы; ни одной черты относительно самого искушителя не прибавлено; 2) тем, что слова искушителя выражают только голос плоти и больше ничего, и 3) тем, что все три искушения суть самые обычные выражения внутренней борьбы, повторяющиеся в душе каждого человека. В чем же состоит эта внутренняя борьба? Иисусу 30 лет. Он считает себя сыном Бога. Вот все, что мы знаем о нем в то время, как он слушает проповедь Иоанна. Иоанн проповедует, что пришло царство небесное на землю, что для вступления в него, кроме очищения водой, нужно очищение духом. Никакого внешнего поразительного состояния Иоанн не обещает. Признака внешнего наступления царства небесного не будет. Единственный признак его пришествия есть какое-то внутреннее не плотское явление – очищение духом. Исполненный мыслью об этом духе. Иисус уходит в пустыню. Мысль его о своем отношении к Богу выражена в предшествующем. Он считает отцом своим Бога, он сын Бога, и для того, чтобы Отец его был в мире и в нем самом, ему надо найти этот дух, который должен очистить мир, и этим

духом очистить себя. И чтобы изведать этот дух, он подпадает – дает (стр. 31) искушению, удаляется от людей и уходит в пустыню. Вместе с сознанием своей сыновности Богу и своей духовности он хочет есть и страдает голодом. И голос плоти говорит ему: *если ты сын Бога, прикажи, чтобы из камней стали хлебы*. Если понимать слова эти как понимает их церковь, именно: что Дьявол, искушая сына Бога, хочет от него доказательства его божественности, – то нельзя понять, почему Иисус Христос, если он мог это сделать, не претворил камней в хлебы. Это был бы самый лучший и простой и короткий, достигающий цели, ответ. Если слова: "Если ты сын Божий, вели, чтобы камни стали хлебами" – есть вызов к чуду, то необходимо, чтобы Иисус, отвечая, сказал: "Не хочу делать чуда" или что-нибудь соответствующее вопросу; но Иисус ничего не говорит о том, хочет ли он, или не хочет делать то, что ему предлагает Дьявол, но отвечает совсем другое и даже не упоминает ничего об этом, а говорит: *не хлебом одним жив человек, а всем, исходящим от Бога*. Слова эти не только не отвечают на упоминание Дьявола о хлебе, но говорят совсем другое. Из того, что Иисус не только не делает из камней хлеба, чего очевидно нельзя сделать, и даже не отвечает на эту невозможность, а отвечает на общий смысл, видно, что слова эти не могли иметь прямого значения: *скажи, чтоб из камней сделался хлеб*, – а имеют то значение, которое они имеют, когда прямо обращены к человеку, а не к Богу. Если они обращены просто к человеку, то значение их ясно и просто. Слова эти значат: Хлеба тебе хочется, и потому позаботься, чтоб хлеб у тебя и был, потому что сам видишь, что словами хлеба не сделаешь. И Иисус отвечает не на то, почему он не делает хлеб из камней, а на тот смысл, который лежит в словах: *покоряешься ли ты требованиям плоти?* он отвечает: *человек жив не хлебом, а духом*. Смысл отдельного этого изречения очень общ. Для того, чтобы понять его определеннее, надо вспомнить все начало главы и то, к чему сказаны эти слова. (Во Второзаконии гл. VII. 5-й книги Моисея сказано: 1. Все заповеди, которые я заповедую вам сегодня, старайтесь исполнять, дабы вы были живы и размножились и пошли и завладели землею, которую с клятвой обещал Господь отцам вашим. 2. И помни весь путь, которым вел тебя Господь Бог твой по пустыне вот уже сорок лет, чтобы смирить тебя и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди его, или нет. 3. Он смирил тебя, томил тебя голодом – питал тебя манною, которой не знал ты и не знали отцы твои, дабы показать тебе, что не одним хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа, живет человек. 4. Одежда твоя не ветшала на тебе, и нога твоя не пухла вот уже сорок лет. 5. И знай в сердце твоём, что Господь Бог твой учит тебя, как человек учит сына своего. 6. Итак, храни заповеди Господа Бога твоего, ходя путями его и боясь его. 7. Ибо Господь, Бог твой, ведет тебя в землю добрую, землю где потоки вод, источники и озера выходят из долин и гор.) И вот на слова Дьявола о голоде Иисус, вспоминая Израиля, жившего 40 лет в пустыне :и не погибшего, этими словами отвечает искусителю: *не хлебом жив человек, но волею Божией жив человек*. Т. е. как Израиль надеялся на Бога и Бог привел его, так и я надеюсь на Бога, отвечает Иисус. На эти слова Иисуса Дьявол берет его и несёт на храм, повторяя опять: *если ты сын Бога, бросься отсюда*. Слова эти стоили много труда церковным толкователям. Толкования же ненужно никакого: Дьяволом называется голос плоти, говорящий в том же Иисусе. И потому слова эти прямо значат: И представление перенесло его на храм; или: И ему представилось, что он стоит на высоте, и голос плоти сказал ему, повторяя опять: Если ты сын Божий, бросься отсюда. По церковному толкованию эти слова ничем не связаны с первыми и опять не имеют другого значения кроме того, что Дьявол вызывает Иисуса сделать ненужное чудо. Слова Дьявола из 91 псалма о том, что ангелы поддержат его, тоже по церковному толкованию ничем не связываются с предшествующим, и весь этот разговор представляется бесцельным. Бессвязность и бессмысленность церковного толкования второго искушения про исходит

(стр. 32) от ошибки понимания смысла первых слов. Первые слова: *сделай хлебы из камней*, – поняты не как выражение невозможности (иметь хлеб, когда не запас его), а как вызов на чудо, заставили и на последующие слова: *бросься вниз*, смотреть тоже, как на вызов к чуду. Слова же эти, очевидно, связаны с первыми внутренним смыслом. Связь эта очевидна уж и потому, что как первые, так и вторые слова начинаются одним и тем же выражением: *если ты сын Божий*. Кроме того, во втором ответе слово .. – *потому что*, стоящее у Луки, ясно показывает, что Иисус не отвечает на слова Дьявола: "бросься вниз", но отвечает на свой отказ броситься вниз. Иисус как в первом, так и в третьем искушении не говорит: *написано* и Т.Д., а говорит: *потому что написано*, то есть говорит: *Я не брошусь, потому что написано*. С первых слов голос плоти хочет показать Иисусу ложность его убеждений в том, что он есть духовное существо и сын Божий. Ты говоришь: Ты сын Божий, ушел в пустыню и думаешь освободиться от похоти плоти. А похоть плоти мучает тебя. Здесь не удовлетворишь похоти; камней хлебами не сделаешь, так лучше поди туда, где есть из чего делать хлеб, и делай его или запасай его и носи с собою и ешь, как все люди. Вот что сказал голос плоти в первом искушении. На это Иисус, вспоминая Израиля в пустыне, сказал: Израиль сорок лет жил в пустыне без хлеба и питался, и жив остался, потому что Бог хотел этого. Стало быть, не хлебом жив человек, а волей Божьею. Тогда голос плоти, представляя ему, что он стоит на высоте, говорит: Если так, и тебе, как сыну Божию, заботиться о хлебе не нужно, так докажи это бросься вниз. Ведь ты сам говоришь, что все происходит не от заботы человека, а от воли Божией. Это истинная правда, и в псалме Давидовом сказано (Псал. 91): На руки подхватят тебя и не допустят до тебя зла. Так что же ты страдаешь, бросься головой вниз, до тебя не допустится зло, ангелы сохранят тебя. Как только дано настоящее объяснение первым словам, именно то, что это не вызов сделать чудо, а указание на не возможность, так и эти слова получают тот же характер и ясный смысл. В словах дьявола: "бросься вниз", находится возражение на то, что Иисус надеется на Бога; но в следующих словах из псалма выражается и то, что если верить вволю Божию и жить одной ею, то чело веки не может испытывать страданий, ангелы соблюдут его. И потому Дьявол высказывает свою мысль: 1) что если верить, что жив человек от воли Божией, а не от своей заботы, то и не надо беречь свою жизнь; и 2) что для верующего и не может быть никаких лишений и страданий, ни жажды, ни голода, стоит только броситься головой вниз, отдаться воле Божией, и ангелы соблюдут. То, что эта вторая мысль – о том, что теперь избавиться от голода Иисус может, если он точно верит в волю Божию, тем, что бросится с храма, – заключается в словах Дьявола и подтверждается ответом Иисуса о не искушении Бога, как было при Массе. Голос плоти словами "бросься вниз" доказывает Иисусу не только несправедливость его довода о том, что жизнь не от хлеба людского, а от Бога, но доказывает и тем, что он не бросится, и то, что сам Иисус не верит в это. Если бы он верил, что жизнь не от хлеба людского, не от заботы людской, а от Бога, то он бы теперь в своем голоде не берег бы себя; а он терпит голод и все-таки не отдается вполне воле Божией. На это Иисус отвечает отказом броситься вниз. Он говорит: Я не брошусь, потому что написано: *не искушай своего Бога*. Иисус Христос отвечает опять словами из книг Моисея, напоминая событие при Массе – Мериве. Вот что было при Массе (Исход XVII, 2–7): 2. И укорял народ Моисея, и говорил: дайте нам воды пить. И сказал им Моисей: Что вы укоряете меня? Что искушаете Господа? 3. И жаждал там народ воды, и роптал народ на Моисея, говоря: Зачем ты вывел нас из Египта, уморить жаждою нас, и детей наших, и стада наши? 4. Моисей возопил к Господу и сказал: Что мне делать с народом сим? Еще немного и побьют меня камнями. 5. И сказал Господь Моисею: Пройди пред народом и возьми с собою некоторых из старейшин израильских, и жезл твой, которым ты ударишь по воде возьми: в руку твою и пойди. 6. Вот я стану пред тобою там, на скале в

Хориве; и ты ударишь в скалу и пойдет из нее вода, и будет пить народ. И сделал так Моисей в глазах старейшин израильских. 1. И нарек месту тому имя: Масса и Мерива (искушение и укорение) по причине укорения сынов израилевых, и потому что они искушали Господа, говоря: Есть ли Господь среди нас или нет? Этим воспоминанием Иисус отвечает на оба рассуждения Дьявола. На то, что голос плоти говорит, что он не верит в Бога, если бережет себя, он отвечает: *нельзя испытывать своего Бога*. На то голос плоти говорит, что если бы он верил в Бога, он бы бросился с храма, чтобы отдаться ангелам и избавиться от голода, – он отвечает тем, что он не укоряет никого за СВО_ голод, как укоряли израильтяне Моисея при Массе. Он не отчаивается в Боге, и потому ему и ненужно испытывать Бога, и легко переносит свое положение. Третье искушение есть строгий вывод из двух первых. Оба первые начинаются словами: *если ты сын Божий...* последнее же не имеет этого вступления. Голос плоти прямо говорит Иисусу, показывая ему все царства мира, то есть то, как живут люди, и говорит ему: *если поклонись мне, все это дам тебе*. Отсутствие вступления "Если ты сын Божий" и совсем особенный склад речи, уже не как с человеком, с которым спорят, а с человеком, который покорен, – указывает на связь этого места с предшествующими, если предшествующие поняты в их настоящем смысле. Сначала голос плоти рассуждает и говорит: Если бы ты был сын Бога и дух, то ты бы не голодал, а если бы и голодал, то мог бы по своей воле из камней делать хлеб и удовлетворять своей Боле. А если голодаешь и не можешь из камня сделать хлеб, значит ты не сын Бога и не дух. Но ты говоришь, что, ты сын Бога в том смысле, что ты надеешься на Бога. И это неправда, потому что, если бы ты надеялся точно на Бога, как сын на отца, то ты бы и не мучился теперь голодом, а прямо бы пустился на власть Божию и не берег бы свою жизнь, а ты небось с крыши не бросишься. Иисус отвечает на это тем, что он не должен ничего требовать от Бога. О том, что понимал Иисус под этими словами, сказано ниже; но Дьявол не понимает этого довода. Доводы Дьявола следующие: Хочешь есть так и заботься о хлебе. Если бы правда было то, что ты предаешься воле Божией, то ты бы и не берег себя, а ты бережешься, – стало быть, ты не прав. И потому голос плоти, торжествуя, говорит: Не хочешь думать о пище, так и не береги свою жизнь; а бережешь свою жизнь, с. крыши не хочешь броситься, так отчего хлеба себе не припасешь? Голос плоти как бы заставил Иисуса признать могущество ее и неизбежность жизни плотской, и потому он и говорит: Все эти твои надежды на Бога и уверенность в нем – все это слова, а надеде ты не ушел и не уйдешь от плоти. Такой же ты сын плоти был и есть, как и все люди. А сын плоти, так почти ее и работай ей. Я дух плоти. И он показывает Иисусу царства мира: Видишь, что я даю тем, кто служит мне. Почти меня, работай мне, и тебе то же будет. На это Иисус отвечает опять из книги Моисея (Второзакон. VI, 13): "Господа, Бога твоего, бойся и ему одному работай". Сказано это во Второзаконии не просто, а сказано израильтянам, что тогда, когда они получают все блага плоти, то тут то и надо бояться забыть Бога и ему одному работать. Голос плоти замолкает и сила Божия помогает Иисусу перенести искушение. Все, что нужно было сказать, – все сказано. Церковные толкования любят представлять это место как победу Иисуса над Дьяволом. Победы ни по какому толкованию не выходит никакой: Дьявола можно считать столько же победителем, сколько и Иисуса. Победы нет ни с той, ни с другой стороны; есть только выражение двух противоположных друг другу основ жизни. И ясно выражена и та, которую отрицает Иисус, и та, которую он избрал. Оба хода рассуждения поразительны тем, что философские системы, системы морали, религиозные секты, различные направления жизни в тот или другой исторический период имеют в основе только различные стороны обоих этих рассуждений. (стр. 34) В каждом серьезном разговоре о значении жизни, о религии, в каждом случае внутренней борьбы отдельного человека повторяются все те же рассуждения

этого разговора Дьявола с Иисусом или голоса плоти с голосом духа. То, что мы называем "материализм" есть только строгое следование всему рассуждению Дьявола; то, что мы называем "аскетизм", есть только следование первому ответу Христа о том, *что не хлебом жив человек*. Секты самоубийств, философия Шопенгауэра и Гартмана есть только развитие второго рассуждения Дьявола. В самом простом виде рассуждение таково: Дьявол: Сын Бога, а голоден. Словами хлеба не сделаешь. Толкуй, не толкуй о Боге, а брюхо хлеба просит. Хочешь быть жив, так и работай, запасай хлеба. Иисус: Человек жив не хлебом, а Богом. Человеку, дает жизнь не плотское, а другое – дух. Дьявол: А если не плотское дает жизнь, то человек свободен от плоти и ее требований. А если свободен, так бросься с крыши, ангелы подхватят тебя. Убивай свою плоть или сразу убей ее. Иисус: Жизнь в теле от Бога, и потому нельзя роптать на нее и сомневаться в ней. Дьявол: Говоришь: зачем хлеб, а сам голодаешь. Говоришь: жизнь от Бога, в духе, а сам бережешь свою плоть, значит одни разговоры. Не тобой свет начался и не тобой и кончится. Гляди на людей: жили и живут и хлеб припасают, и хлеб берегут. И припасают не на день, не на год, а на года, и не один хлеб, а все, что человеку нужно. М себя берегут, чтобы и самим не падать, и чтобы беда не убила, и чтобы человек не обидел, – тем и живы. Есть хочешь, так и трудись. Жалеешь свое тело, так и береги себя. Почитай плоть и работай ей, и жив будешь, и она оплатит тебе. Иисус: Жив человек не плотью, а Богом. В жизни от Бога нельзя сомневаться, и в жизни этой почитать должно одного Бога и ему одному работать. Все рассуждение Дьявола, то есть плоти, – несомненно и неотразимо, если стать на его точку зрения. Рассуждение Христа точно так же неотразимо, если стать на его точку зрения. *Разница только в том, что рассуждение Христа включает в себя рассуждение плоти. Христос понимает рассуждение плоти, берет его за основание всего рассуждения. Рассуждение же плоти не включает в себя рассуждение Христа и не понимает его точки зрения.* Непонимание Дьяволом Христа начинается со второго вопроса и ответа. Дьявол говорит: Если ты говоришь, что ты можешь быть жив без хлеба, необходимого для жизни, то ты можешь – отречься от всей своей плотской жизни, прямо отрицать ее и для уничтожения жизни броситься с высоты. . Иисус отвечает: Отказываясь от хлеба, я не отказываюсь от Бога, но, бросаясь с храма, я отказываюсь от Бога. А жизнь от Бога, и жизнь есть проявление во мне, в моей плоти – Бога. Следовательно, отказываясь от жизни, сомневаясь в ней, я сомневаюсь в Боге. И потому можно отказываться от всего во имя Бога, но не от жизни потому что жизнь – проявление Божества. Но Дьявол не хочет понимать этого и полагает свое рассуждение верным и говорит: Отчего же от хлеба, нужного для жизни, можно отказаться, а от самой жизни нельзя? Он говорит: это непоследовательно. И если от жизни нельзя отказаться, то нельзя отказаться и от всего, что нужно для нее. И делает вывод: А если не бросаешься с крыши и считаешь, что надо беречь себя, то надо беречь себя и во всем и запастись хлеб. Иисус говорит, что приравнять хлеб к жизни нельзя, что тут – разница. И рассуждение Иисуса ведет его к своему противоположному выводу. Плоть говорит: Я вложила в тебя потребность соблюдать меня. Если ты думаешь, что ты можешь пренебрегать какими-нибудь из моих похотей и голодать, когда тебе есть хочется, то не думай, что ты можешь уйти от меня. Если ты воздерживаешься от них, то это только потому, что ты жертвуешь одними потребностями для других моих же потребностей, жертвуешь на время, а все-таки живешь для удовлетворения моих требований плоти. Ты жертвуешь одними потребностями для других, но самой плоти ты ни для чего не пожертвуешь. И потому ты не уйдешь от меня, и всегда, как и все другие люди, будешь служить мне одной. (стр. 35) И эту-то самую несомненную истину Иисус берет в основание своего рассуждения и с первого же слова, признавая всю истинность этого рассуждения, переносит вопрос на другую точку зрения. Он спрашивает себя: Что такое во мне

эта потребность соблюдать плоть – эта похоть и эта внутренняя борьба с этой похотью? И отвечает: Это сознание жизни во мне. Что же такое это сознание жизни? Плоть не есть жизнь. Что же такое жизнь? Жизнь – это что-то такое неизвестное, но что-то непохожее на плоть, совсем другое, чем плоть. Что же это такое? Это что-то из другого источника. И потому, признавая первое *положение* о том, что есть плоть и есть потребность соблюдать ее, он говорит себе, что, однако, все, что он знает о плоти и ее потребностях, он знает только потому, что в нем есть жизнь, и говорит себе, что жизнь не от плоти, а от чего – то другого, и это-то другое, противоположное плоти называет "Бог" – и говорит: Человек жив не потому, что ест хлеб, а потому, что в нем есть жизнь. А жизнь эта происходит от чего-то другого – от Бога. На второе положение плоти, на то, что от плоти все-таки не уйдешь, что все таки живешь только потому, что хотя чувством самосохранения соблюдаешь ее, Иисус говорит, продолжая рассуждение со своей точки зрения, что он бережет жизнь свою не для плоти, а оттого, что она от Бога и что жизнь есть проявление Бога. И потому в последнем выводе о том, что надо работать плоти, уже совсем расходится с искусителем и говорит: И потому *надо работать одному этому духовному началу жизни – Богу*. Иисус говорит: И потому надо работать не плоти, а одному Богу. Слов, означающее работу наемника, работу принудительную, за плату, поставлено здесь недаром. И надо понимать то значение, которое имеет это слово. . Иисус говорит: Правда, я всегда буду во власти плоти, она всегда будет заявлять свои требования, но кроме голоса плоти я знаю еще голос Бога, независимый от нее. И потому как в этих искушениях в пустыне, так и во всей жизни голос плоти и голос Бога будут входить в противоречие, и мне надо будет насильно, как и работнику, ожидающему плату, работать тому или другому. Голоса будут звать меня и требовать работы одному или другому, усилие я буду делать в таких противоречиях – Богу и от него только ждать платы, то есть в случае борьбы избирать всегда усилие для Бога. И дух одерживает победу над плотью, и Иисус находит тот дух, который должен очистить его для того, чтобы наступило царство небесное. И в сознании этого духа Иисус возвращается из пустыни. Если дать словам Бог и жизнь то значение, которое эти слова имеют во Введении, то слова Иисуса становятся еще яснее. На первую речь Дьявола о хлебе Христос говорит: Не хлебом, а разумением жив человек. На речь Дьявола о том, чтобы Иисус бросился с кровли, он отвечает: Я не могу сомневаться в разумении, разумение всегда со мною. Оно дает мне жизнь, а жизнь есть свет разумения, как же я могу сомневаться в разумении и испытывать его? И потому я никому иному не могу работать, как тому, что есть источник моей жизни, что есть сама моя жизнь. Одно разумение почитаю и одному ему служу. . Кроме внутреннего значения этого места, по отношению развития в самом Христе его учения, это место имеет значение выяснения Бога в сознании Христа – как разумения. В начале искушения Христос говорит о Боге еврейском, творце всего, о Боге лице, отдельном от человека, о Боге преимущественно плотском. Ты можешь сделать хлеб? говорит искуситель. И, отвечая, Христос хотя и не ясно, но уже говорит, что Бог – неисключительно плотский Бог: *человек жив не хлебом одним, но Богом*. Слова: бросься вниз, или: если можно лишать себя хлеба, то можно лишать себя и жизни, – выражают сомнение в том, что жизнь сама от Бога; жизнь не от Бога, а в моей власти. И Христос, отвечая, говорит: Все в моей власти, только не жизнь, потому что сама жизнь от Бога. Жизнь есть проявление Бога, жизнь – в Боге. (стр. 36) Тут совсем с другой стороны, чем во Введении, выводится та же мысль, что жизнь есть свет людей, а свет есть разумение, а разумение, есть то, что люди называют "Бог", то есть *начало всего*. Третье искушение пере носит все рассуждение из области внутренней во внешнюю, оно говорит: Не может быть справедливо твое суждение, когда весь мир живет иначе. Отвечая и на это, Христос повторяет свое понятие о Боге внутреннем, не плотском. Он говорит: Среди тех благ, которые не я себе дал, я должен почитать одного своего Бога и работать должен ему одному.

Кроме этого, необходимо помнить при развитии дальнейшего учения, что это понятие Бога и те отношения человека к Богу, которые выражаются в этом месте, выработаны Христом этим самым путем мысли. Надо помнить, что на вопрос о том, – чем жив человек, хлебом или Богом, – в первый раз Иисус выяснил себе сам свое учение о значении Бога и человека, и что поэтому во многих и многих местах своего учения, когда Иисус хочет выразить это отношение человека к Богу, он берет тот самый ход мысли и то самое сравнение хлеба, которыми для него самого уяснилось это значение. О согласии всех тех мест, где говорится о хлебе, пище и питье, – с этим местом будет сказано в своем месте.

ПРИБЫТИЕ НА БРАК В КАНУ

Ин. II, 1-11 включительно. Событие это в Кане Галилейской, описанное так подробно, есть одно из самых поучительных Мест в Евангелиях, поучительных по отношению к тому, как вредно принимать всю букву так называемого канонического Евангелия за что-то священное. Событие в Кане Галилейской не представляет ничего ни замечательного, ни поучительного, ни в каком бы то ни было отношении значительного. Если чудо, то оно бессмысленно, если фокус, то оно оскорбительно, если же это бытовая картина, то она не нужна. В стихах: Мф. XIV, 3-5; Mr. VI, 17-20; Лк. III, 19, 20 – описываются причины заключения Иоаннова. В стихах: Мф. IV, 12; Ин. IV, 1-3; Лк. IV, 15; Ин. IV, 44-54; Лк. V, 1-10; Мф. IV, 19, 20; Mr. I, 17, 18 – описываются события, не преподающие учения, и потому оставляются мною без перевода.

ПРОПОВЕДЬ ИИСУСА

(Мф. IV, 17.) С тех пор начал Иисус разглашать царство Бога. Он говорил: пришло время, наступило царство Бога, обновитесь и верьте возвещению истинного блага. Ин. I I, 19-34 включительно. Сказано только, что, увидав Иисуса, Иоанн сказал: "Он идет за мною, но был прежде меня". А не говорит, Христос ли он. И потому, как в этом месте, так и в последующих, относящихся до указаний на то, что Иисус был Христос, надо отделять указание на то, что он мессия, отучения, с которым они часто слиты. Был ли, или не был Иисус, учение которого охватило большую половину мира, тем Христом, с точки зрения иудеев, которого они ожидали, – есть вопрос совершенно чуждый учению. Для евреев, переходивших в христианство, он мог иметь значение, и потому понятно, почему в Евангелиях часто затемняется смысл мест: затемняется он только для того, чтобы доказать, что Иисус был Христос, то есть помазанник; что как Давид и Саул были помазаны, так и Христос был помазан Иоанном. Для людей же не еврейского закона и ничем не убежденных в том, что Иисус был истинный посланник Божий, утверждения Иоанна об Иисусе, если бы они были сказаны, совершенно не нужны. Стихи Ин. I, 19-34; Мф. III, 16, 17; Mr. I, 10, 11 и Лк. III, 21, 22 имеют содержанием удостоверение и доказательства того, что Иисус есть сын Божий. Был ли Иисус сын Божий по понятиям иудеев, для нас, не иудеев, совершен (стр. 37) но безразлично. Если бы не было других доказательств его сыновности Богу, кроме голоса, который 1800 лет тому назад неизвестно кто слышал, то это предание о голосе с неба не убедило бы никого в его избранности и сыновности Богу. Для того же, кто понял истинность Иисуса и сыновность его Богу так, как они объяснены в 1-й главе, предания о голубе и голосе с неба, по меньшей мере, излишни.

ПЕРВЫЕ УЧЕНИКИ ХРИСТОВЫ

(Ин. 1, 35, 36.) И Иоанн опять свиделся с Иисусом и сказал про него: это ягненок Божий. У Иоанна евангелиста рассказываются самым кратким образом самые события, но из этого никак не следует то, чтобы было только то, что сказано. Как если бы человек, повторяя известный рассказ о событии, упомянул бы выдающиеся и памятные черты. Очевидно, Иисус виделся с Иоанном, говорил с ним, и после беседы, Иоанн сказал: он ягненок, назначенный Богу; и эти последние слова выразили резко то, что говорил Иоанн. (Ин. I, 37, 38.) Два ученика Иоанна, когда услышали эти слова пошли за Иисусом. Иисус оглянулся, увидел, что они идут за ним, и сказал им: Чего вы ищете? Они сказали: Равви (это значит: учитель), где ты живешь? Иоанн евангелист упоминает только о выдающихся словах того разговора, но смысл всего места, очевидно, тот, что ученики хотят быть с ним, слышать его учение, может быть и видеть его жизнь, и он приглашает их с собою, и они видят его жизнь и слышат его учение и убеждаются в истинности его. (Ин. I, 39-42; Мр. I, 19 /Мф. IV, 21;/Мр. I, 20 /Мф. IV, 22; Лк. V, 11;/ Ин. I, 43-47, 49) Он сказал им: идите и увидите. Они пошли и увидели, где он живет, и у него пробыли день. Один из этих двух был Андрей, брат Семена Петра. Он разыскал своего брата Семена и говорит: мы нашли мессию, значит избранника Божия. И привели его к Иисусу. Иисус поглядел на него и говорит: Ты Семен, Ионин сын. Тебя надо назвать Петр – значит камень. И, пройдя немного оттуда, увидел Якова Зеведеева и Ивана, его брата, они в лодке spravляли сети. И тотчас позвал их. И они оставили отца Зеведея с работниками в лодке. Потом уже перед входом в Галилею Иисус встретил (еще) Филиппа и говорит: иди со мною. Филипп был из Вифсаиды – односелец Петру и Андрею. Филипп разыскал Нафанаила и говорит ему: Про кого Моисей писал в законе, мы того нашли, это Иисус, сын Иосифа, из Назарета. А Нафанаил говорит ему: Разве может, что доброго быть из Назарета? Филипп говорит ему: Поди сам увидишь. Когда Нафанаил пришел и свиделся с Иисусом, Иисус сказал о нем: вот истинно человек, в ком хитрости нет. И сказал ему Нафанаил: **(стр. 38)** Ты сын Бога, ты царь Израиля. Утверждение Нафанаила о том, что Иисус есть сын Бога, т.е. то самое, что о себе думал Иисус в пустыне, и царь Израиля, т.е. что вместе с Христом пришло царство Бога, то, что проповедовал Иоанн, указывает на то, что Иоанн многое говорил и толковал своим первым ученикам. Поняв это толкование, Нафанаил сказал: Да, ты сын Бога и ты царь Израиля. Стих 48-й 1-й главы Иоанна есть такой же намек о чем-то, известном только писателю, но совершенно потерянным для нас. Что было под смоковницею, когда Нафанаила видел Иисус, – неизвестно, и потому этот стих пропускается. Стих 50-й есть продолжение разговора о потерянном для нас событии под смоковницей и потому пропускается. (Ин. I, 51.) И он сказал: Узнаешь то, что важнее этого. Истинную правду говорю вам: теперь узнаете, что небо открыто и силы Божии будут сходить к сыну человеческому и восходить от него на небо. *Сын человеческий* и по смыслу и по употреблению значит и не может значить ничего другого, как "человек" в смысле общих всем людям свойств человеческих. В этих словах Иисус высказывает то, что он постиг в пустыне. По прежнему учению Бог был отдельное существо от человека. Небо обиталище Бога, и сам Бог был закрытым для человека. По учению Иисуса небо открыто для человека. Общение Бога с человеком установлено. Жизнь человека от Бога, и Бог всегда с человеком, и потому сила Божия сходит к сыну человеческому; человек познает ее в себе и восходит на небо. *Человек из себя познает Бога.* В этом и заключается наступление царства Божия, которое проповедовал Иоанн и подтверждает Иисус.

ПРОПОВЕДЬ ИИСУСА В НАЗАРЕТЕ

(Лк. IV, 16–19 /Исаия 61,1–2/) И пришел Иисус в Назарет, где был воспитан. И вошел по обыкновению праздничного дня в собрание и стал читать. И дали' ему книгу пророка Исаии. И развернул на том самом месте, где написано: дух вечного на мне; он посвятил меня на то; чтобы возвестить благо несчастным, разбитым сердцем связанным провозгласить свободу, слепым свет и измученным спасение и отдых, возвестить всем годину милости Божией. Место это из Исаии обрывается на том стихе, в котором говорится о мщении Бога. У Исаии так: "Возвестить годину милости Божией. День мщения нашего Бога". Я выписываю это для того, чтобы было понятно то, что слова, приводимые из книги Моисея и пророков, надо понимать только в том смысле, который дает им Иисус. Очевидно, он выбрал те знакомые слова, которые выражали его мысль, откидывая те, которые противоречили ей. (стр. 39) (Лк. IV, 20, 21; Лк. IV, 22 /Мф. XIII, 54; Мр. VI, 2/; Мр. VI, 3; Мф. XIII, 55; Лк. IV, 23; Мф. XIII, 57; Мф. IV, 13; Мр. I, 21 /Лк. IV, 31/; Мр. I, 22 /Лк. IV, 32/) И, закрыв книгу и отдав слуге, он сел. И глаза всех смотрели на него. И он начал говорить им: 'Теперь совершилось писание это в глазах ваших. И все дивились благости речей его и говорили: Не этот ли сын Иосифа, не плотник ли он? И не этот ли плотников сын; не мать ли его зовут Мариам, и братьев его Яков, Иосий, и Семен, и Иуда? И сказал им: Разумеется, вы говорите: Врач, исцелись сам! Потому что никакого пророка не понимают на его родине. И Иисус из Назарета пошел жить в Капернаум. И тотчас же в субботу вошел в собрание и стал учить. И восхищались учению его, потому что он учил их свободно, а не как книжники. .Е..... значит первым значением своим свобода. Здесь же уже неизбежно значит свобода, а не власть, потому что противопоставляется учению книжников. Книжники имели власть, и потому не могло быть сказано: имея власть, а не как книжники (имеющие власть). Противоположение тут в том, что книжники именно потому, что имели власть, учили несвободно, а Иисус учил свободно: т.е. что учение книжников (как оно и было) считало людей рабами Бога, несвободными, а по учению Иисуса люди были свободны. При таком объяснении понятно и то, чему мог восхищаться народ. Если бы Иисус учил как власть имеющий, т.е. с дерзостью и нахальством, то народу бы нечем было восхищаться. Это фарисеи и книжники умели гораздо лучше. Но, очевидно, что-то другое было в его учении. И это другое было то, что он учил свободно, как свободный от всех уз.

РОЖДЕНИЕ, ДЕТСТВО И НАЧАЛО ПРОПОВЕДИ ИИСУСА

(Общее изложение главы первой) Разумение воплотилось в Иисусе Христе. Иисус Христос возвестил людям истинное благо. Рождение же Иисуса вот как было. Мать его Мария была обручена Иосифу. Но, прежде чем они стали жить как муж с женою, оказалась Мария беременна. Иосиф же был человек добрый и не хотел ее осрамить, принял как жену свою. И не имел с нею дела, пока не родила сына своего первого и назвала его Иисус. И мальчик рос и мужал и был разумен не по годам. И в детстве его вот что было с ним. Было Иисусу уже двенадцать лет, и пошли раз Мария с Иосифом к празднику в Иерусалим и взяли с собой мальчика. Отошел праздник, и пошли они домой и забыли про мальчика. Потом вспомнили и подумали, что он ушел с ребятами, и спрашивали про него дорогой. Мальчика нигде не было, и вернулись они за ним в Иерусалим. И уже на третий день нашли они мальчика в церкви, сидит с учителями, спрашивает их и слушает. И все удивлялись разуму его. Мать увидела его и говорит: Что ты

с нами сделал, вот мы с отцом твоим горюем, ищем тебя. А он сказал им: Где же вы искали меня? Разве не знаете, что сына надо искать в доме отца? И они не поняли его. Не поняли того, что он, зная, что плотского отца у него, не было, одним отцом своим считал Бога. И после этого Иисус жил у матери и слушался ее во (стр. 40) всем, и подвизался и в возрасте и в разуме, и был в милости у Бога и у людей. И так жил он до 30-ти лет. И все думали, что Иисус сын Иосифа. Начал же Иисус возвещать о благе вот как: пророки предсказывали, что Бог должен прийти в мир. Пророк Малахия говорил: Посланец мой пойдет вперед, чтобы проложить мне путь. Пророк Исаия говорил: Голос зовет к вам: Проложите в глуши путь Богу, уравнийте путь ему, сделайте так, чтобы все было ровно, чтобы не было ни впадин, ни возвышений, ни высокого, ни низкого. Тогда Бог будет среди вас, и все найдут спасение свое. По этим словам пророков; во время Иисуса объявился новый пророк Иоанн. Иоанн жил в степи Иудейской на Иордане. Одежда Иоанна была из верблюжьего волоса, подпоясана ремнем. А питался он корою древесной и зельем. Он призывал людей к новой жизни и они сознавались ему в своих ошибках, и он купал их в Иордане в знак исправления их ошибок. Он говорил всем: Или почували вы, что и вам не отбыть воли Божьей? Так обновитесь же. И если хотите обновиться, так пускай по делам вашим видно будет, что вы переменялись. Иоанн говорил: До сих пор пророки говорили, что Бог придет. Я говорю вам: обновитесь, Бог пришел уже. Он говорил: очищаю вас водой, но после меня тот, кто сильнее меня, очистит вас духом. Когда он придет, он очистит вас, как хозяин очищает гумно свое: пшеницу соберет, а мякину сожжет. Если дерево не приносит плода хорошего, то его срубят и жгут на дрова... И топор уже лежит у корня дерева. И спрашивал его народ: Что нам делать? Он отвечал: У кого две одежды, тот отдай одну тому, у кого нет. И у кого есть пища, – отдай тому, у кого нет. Приходили к нему откупщики и спрашивали: Нам что делать? Он сказал: Ничего против положенного не вымогайте. И спрашивали воины: Как нам быть? Он сказал: Никого не обижайте. Не плутуйте. Будьте довольны тем, что вам отпускается. И много еще другого возвещал он народу о том, что есть благо настоящее. Иисусу было тогда 30 лет. Он пришел на Иордан к Иоанну и слушал проповедь его о том, что Бог идет, что надо обновиться, что теперь люди очищаются водой, но что должны очиститься духом, и тогда Бог придет. Иисус не знал своего отца плотского и считал отцом своим Бога. Он поверил проповеди Иоанна и сказал себе: Если правда, что мой отец Бог и я сын Бога, и правда то, что говорит Иоанн, то мне надо только очиститься духом, чтобы Бог пришел ко мне. И Иисус ушел в пустыню, чтобы испытать правду того, что он сын Бога, и что Бог придет к нему. Он ушел в пустыню и без пищи и питья жил там долго и, наконец, отошал. И нашло на него сомнение, и он сказал себе: Говоришь, что ты дух, сын Бога, и что Бог придет к тебе, а мучаешься тем, что у тебя нет хлеба, и Бог, не приходит к тебе: стало быть, ты не дух, не сын Бога. Но он сказал себе: Плоть моя желает хлеба, но хлеб нужен мне для жизни; человек жив не хлебом, а духом, – тем, что от Бога. Но голод все-таки мучил его. И нашло на него другое сомнение, он сказал себе: Говоришь, что ты сын Бога и что Бог придет к тебе, а страдаешь и не можешь прекратить своих страданий. И ему представилось, что он стоит на крыше храма, и ему пришла мысль: Если я дух, сын Бога, то, если я брошусь с храма, не убьюсь, а невидимая сила сохранит меня, поддержит и избавит от всякого зла. Отчего же мне не броситься, чтобы перестать страдать голодом? Но он сказал себе: Зачем мне испытывать Бога в том, что он со мной или нет. Если я испытываю его, я не верю в него, и его нет со мною. Бог дух дает мне жизнь, и потому в жизни дух всегда во мне. И я не могу испытывать его. Я могу не есть, но убить себя я не могу, потому что чувствую в себе дух. Но голод все мучил его. И ему еще пришла мысль: Если я не должен испытывать Бога в том, чтобы не броситься с храма, то я не должен также испытывать Бога в том,

чтобы голодать, когда мне хочется есть. Я не должен лишать себя всех похотей плоти. Они вложены в меня и во всех людей. И ему представились все царства земные и все люди, как они живут и трудятся для плоти, ожидая от нее награды. И он подумал: Они работают плоти, и она дает им все то, что они имеют. **(стр. 41)** Если я буду работать ей, и мне то же будет. Но он сказал себе: Бог мой есть не плоть, а дух; им живу, его знаю в себе всегда, его одного почитаю, и ему одному тружусь, от него ожидаю награды. Тогда искушение оставило его, и дух обновил его, и он познал то, что Бог уже пришел к нему и всегда в нем; и, познав это, он в силе духа вернулся в Галилею. И с той поры, познав силу духа, он стал возвещать присутствие Бога. Он говорил: Пришло время, обновитесь, верьте возвещению блага. Из пустыни Иисус пришел опять к Иоанну и был с ним. Когда Иисус уходил от Иоанна, Иоанн сказал про него: Это настоящий сын Божий (избранник). По этим словам Иоанна два ученика Иоанна оставили своего прежнего учителя и пошли за Иисусом. Иисус увидал, что они идут за ним, остановился и говорит: Что вам надо? Они сказали ему: Учитель, мы хотим быть с тобою и узнать твое учение. Он сказал: Пойдемте со мной, и все скажу вам. Они пошли с ним и пробыли с ним, слушая его, целый день до 10-го часа. Одного из этих учеников звали Андрей. И у Андрея был брат Семен. Послушав Иисуса, Андрей пошел к своему брату Семену и говорит ему: Мы нашли избранника Божия. Андрей взял с собою Семена и привел его тоже к Иисусу. Этого брата Андреева Иисус прозвал Петр, значит камень. И эти оба брата стали учениками Иисуса. И Иисус пошел дальше с двумя учениками своими. Пройдя немного, Иисус увидал рыбаков в лодке. Это был Зеведей отец с работниками и двумя сыновьями Яковом и Иваном. Они сидели и справляли сети. Иисус стал говорить с Яковом и Иваном, и Яков и Иван оставили отца с работниками в лодке и пошли с Иисусом и стали его учениками. Потом уже перед входом в Галилею Иисус встретил еще Филиппа и позвал его с собой. Филипп был из Вифсаиды, односелец Петру и Андрею. Когда Филипп узнал Иисуса, он пошел и разыскал брата своего Нафанаила и говорит ему: Мы нашли избранника Божия, того, про которого писал Моисей, это – Иисус, сын Иосифа из Назарета. Нафанаил удивился тому, что избранник Божий из соседней деревни и говорит: Ну, брат, мудрено что-то, чтобы из Назарета был избранник Божий. Филипп говорит: Пойдем со мной к нему, сам увидишь и услышишь. Нафанаил согласился и пошел с братом и свиделся с Иисусом; и когда услышал его, то сказал Иисусу: Да, теперь я вижу, что это правда, что ты сын Бога и царь Израиля. Иисус сказал ему: Узнаешь то, что важнее этого. Узнаешь, что теперь наступило царство небесное; и потому истинно говорю вам, что ко всем людям будет сходить сила Божия и от них будет исходить сила Божия. Отныне Бог уже не будет особенный от людей, а люди сольются с Богом. И из пустыни пришел Иисус на родину в Назарет. И в праздник вошел, как всегда, в собрание и стал читать. Ему дали книгу пророка Исаии. Он развернул ее и стал читать. В книге написано было: Дух владыки во мне, он избрал меня на то, чтобы возвестить благо несчастным и разбитым сердцем, на то, чтобы возвестить связанным свободу, слепым свет, а измученным спасение и отдых; на то, чтобы возвестить всем время спасения, милости Бога. Он закрыл книгу, отдал слуге и сел, и все ждали, что он скажет. И он сказал: Теперь это писание исполнилось в ваших глазах. Бог в мире. Царство Бога в мире наступило, и все несчастные, разбитые сердцем, связанные, слепые, измученные – все получают спасение. И многие удивлялись на доброту речи его. А другие говорили: Да ведь он плотник и плотников сын. И мать его зовут Мариам, а братья его Яков, Семен, Иуда и Иоса, и мы всех их знаем, они все бедные, такие же, как мы. И он сказал им: Вы, верно, думаете, что оттого, что я говорю: нет больше несчастных, измученных, а у меня отец, мать, братья небогатые, что я говорю неправду и что мне надо бы их сделать всех счастливыми. Если вы так думаете, то вы не понимаете того, что я говорю. И так никогда не понимают пророка на его родине. И Иисус пошел в Капернаум

и в субботу вошел в собрание и стал учить. И весь народ удивлялся на его учение, потому что его учение было совсем другое, чем учение законников. Законники учили закону, которому надо повиноваться, а Иисус учил, что все люди свободны. (стр. 42)

Глава вторая

Общее примечание ко 2-й главе Содержание этой второй главы есть отрицательное определение Бога. Иоанн сказал: Когда очиститесь духом, то Бог будет в мире. Иисус пошел в пустыню, познал силу духа, и, познав эту силу духа, вернулся в мир и объявил, что Бог в мире и наступило его царство. Смысл царства Божия в мире Иисус выразил словами пророка Исаии. Царство Божие есть счастье для несчастных, спасение для страдающих, свет для слепых, свобода для несвободных. Ученикам своим Иисус сказал, что царство небесное в том, что отныне Бог уже не будет тем Богом неприступным, каким он был прежде, а что отныне Бог будет в мире и в общении с людьми. Если Бог в мире и в общении с людьми, то – какой это Бог? Тот ли это Бог творец, сидящий на небесах, являвшийся патриархам и давший свой закон Моисею, Бог мстительный жестокий и страшный, которого знали и почитали люди, или это другой Бог? И в этой 2-й главе Иисус определяет то, что не есть Бог. Для того, чтобы это было вполне понятно, необходимо восстановить настоящее значение речей Христа, значение, которое все церкви старательно затемняли. Значение речей и действий Христа, приведенных в этой главе, то, что Христос отрицает все, решительно все вероучение еврейское. В сущности это до такой степени ясно и несомненно, что как-то совестно доказывать это. Надо было, чтобы наши церкви постигла та странная историческая судьба, заставившая их против здравого смысла соединять в одно несоединимые, прямо противоположные учения: христианское и еврейское, чтобы они могли утверждать такую нелепость и скрывать очевидное. Стоит не только прочесть, но пробежать Пятикнижие, в которых до малейших подробностей определены все действия человека в десятках тысяч самых разнообразных случаев, чтобы ясно видеть, что при таком подробном, мелочном определении всех поступков человека не может быть места какому-нибудь продолжению, дополнению учения закона, как уверяют церкви. Еще мог бы быть какой-нибудь простор для нового закона, если бы сказано было, что все законы эти людские. Но нет, ясно и определенно сказано, что все это, – о том, как и когда срезать или не срезать прыщички крайней плоти, о том, как и когда побить всех жени детей, каких людей как вознаградить за нечаянно убитого вола, – ясно сказано, что все это слова самого Бога. Как же дополнять этот закон? Дополнять такой закон можно только новыми подробностями о прыщичках крайней плоти, о том, кого еще убить надо, и т.д. Но, приняв этот закон боговдохновенным, нельзя уже не только проповедовать учение Христа, но даже самое низменное учение. Все определено, нечего проповедовать. Для первого слова какой-нибудь проповеди в виду Пятикнижия надо разрушить Пятикнижие, закон Пятикнижия. А в том, что Пятикнижие от Бога и Евангелие от Бога, в этом-то самом должна себя и других (стр. 43) уверять церковь. Что же ей больше делать, как не закрывать глаза на очевидность и напрягать все силы изворотливости ума, чтобы соединить несоединимое. Сделалось это вследствие ложного учения Павла, которое предшествовало знанию учения Христа и по которому непонятое учение Христа было представлено, как продолжение учения евреев. Но когда уже раз это совершилось, и задача была поставлена не в том, чтобы понять смысл учения Христа, а в том, чтобы соединить несоединимое, что же было делать, как не влиять и не говорить те туманные, несвязные, выпренные речи, как Павлово послание к евреям, и весь тот сумбур в этом же роде, который 1800 лет проповедуют так называемые отцы церкви и богословы. Действительно, стоит

только представить себе, что люди задалась тем, чтобы признавая оба сочинения до последней строчки истинными, соединить в одно 1-й том свода законов и сочинения хоть Прудона. Я выбрал 1-й том и Прудона, но 1-й том и Прудон скорее могут быть соединены, чем Пятикнижие и Евангелие. В самом деле, что ни возьмем: В Евангелии: не только убить кого-нибудь, но запрещается сердце иметь на кого-нибудь; в Пятикнижии: убить, убить и убить жен, детей и скотов. В Евангелии: богатство – зло; в Пятикнижии – высшее благо и награда. В Евангелии: чистота телесная – имей одну жену; в Пятикнижии – бери жен, сколько хочешь. В Евангелии: все люди братья; в Пятикнижии – все враги, одни иудеи братья. В Евангелии: никакого внешнего Богопочитания; в Пятикнижии большая половина книг определяет подробности внешнего служения Богу. И это-то учение евангельское, как уверяют, есть дополнение и продолжение Пятикнижия. О той лжи и неизбежно ложном понимании учения Христа, которые вытекают из этого нелепого утверждения, по отношению к другим местам Евангелия, будет сказано в своем месте, теперь же речь идет о внешнем богопочитании, против которого восставал Иисус. По толкованиям церкви выходит, что все те места, которые помещены в этой 2-й главе: отрицание омовений и не общения с неочищенными, отрицание всего, считающегося нечистым, отрицание постов, отрицание важнейшего завета евреев с Богом – субботы, отрицание всех жертвоприношений, отрицание необходимости рукотворного храма, отрицание даже самого священного для евреев места, Иерусалима, и, наконец, отрицание самого Бога как чего-то внешнего, а признание Бога – духом, которому надо служить в духе, – все это, по толкованиям церкви, какие-то для нас совершенно не нужные нападки на выдуманные какими-то фарисеями излишние тонкости. Не говоря уже о том, что если это все имеет только значение пикировки с какими-то фарисеями, то это излишне; не говоря о том, что для всякого человека, знающего грамоте и могущего читать Пятикнижие и могущего думать своим умом, – утверждение о том, что 'Иисус боролся не с законом Моисея, а с фарисеями, представится очевидно ложным. Иисус боролся со всеми законами Пятикнижия, само собою разумеется, исключая некоторых истин, которые должны же были быть в этой куче безобразия и вздора. Так он понимал о заповеди любить отца и мать, любить ближнего. Но то, что в Пятикнижии нашлись две, три фразы, которые мог признать Иисус, не доказывает, что он дополнял и продолжал его, так же как не доказывает то, что человек, оспаривая другого, берет его же некоторые слова для утверждения своих доводов. Иисус не с фарисеями спорил, а со всем законом, и в своих отрицаниях внешнего богопочитания он перебрал все, что только составляло догмат веры внешнего богопочитания каждого взрослого еврея. Добрая часть Пятикнижия наполнена определенными установлениями от самого Бога о том, какие и как ему нужно приносить жертвы. То же можно сказать и об Иерусалиме. Иерусалим – город Бога. Бог там живет. О том, что Бог не дух, а внешнее существо с руками, глазами и ногами, видно из всех мест, где только упоминается о Боге. И потому, отрицая и очищение, и посты, и субботы, и жертвы, и храм, и плотского Бога, Иисус не продолжал веру Моисея, но всю под корень отрицал ее. (стр. 44)

ОТРИЦАНИЕ СУББОТЫ

(Лк. VI, 1 /Мф. XII, 1; Мр. II, 23;/Лк. VI, 2 /Мф. XII, 2; Мр. II, 24/) Случилось в субботу идти ему через хлеба. И рвали ученики его колосья, растирали в руках и ели. И некоторые из православных увидели и говорят им: Что это делаете то, чего не должно делать в субботу? Слово "фарисей" я перевожу православный на том основании, что по всем исследованиям оно значит совершенно то же самое, что значит у нас православный. Слово

это происходит от еврейского "параш" и употребляется или в смысле "толкователь" – за что выдавали себя фарисеи, по Иосифу Флавию, или в смысле "паруш", т.е. тот, который отделяет себя от толпы неверных и считает себя правым, т.е. православным. Особенность фарисеев (по всем исследованиям, согласным между собой) состояла в том, что: 1) Они признавали, кроме священного писания, еще изустное предание, священное предание, требующее известных внешних обрядов, которые они считали особенно важными. 2) Они толковали священное писание буквально и считали исполнение обрядов более важным делом, чем исполнение нравственного закона. 3) Они признавали зависимость человека от Бога, которая, однако, не вполне исключала свободу воли. Что же это, как не наши православные? Разумеется фарисеи не были самые наши православные, но это были те, которые занимали совершенно место наших православных. Мф. XII, 3–5; Мр. II, 25, 26; Лк. VI, 3, 4. Стихи эти заключают в себе доводы о том, как Давид съел хлебы предложения, и о том, как священники сквернят субботы. Доводы эти убедительны были только для евреев; для нас же они тем более излишни, что последний довод о том, что Бог радуется любви, а не жертвам, исключает необходимость предшествующих доводов. Из стихов этих остается важным ответ Христа, который относится к нам. (Мф. XII, 6, 7; Мр. 11, 27, 28 /Мф. XII, 8; Лк. VI, 5/) Говорю вам: Здесь то, что важнее внешней святости. И сказал: Если бы вы знали, что значит: любви к людям хочу, а не жертвы, тогда бы не осуждали невинных. И сказал им: Суббота сделана для человека, а не человек для субботы. И потому человек господин субботы. *Сын человеческий* здесь никак не может пониматься в смысле божества, так как сказано, что суббота сделана для человека, а не человек для субботы, и потому вывод никак не может относиться к новому лицу – сыну человеческому Богу. "Сын человеческий" имеет здесь значение, какое он имеет везде, значение *человека вообще*. . Вся эта речь, имевшая огромную важность тогда; когда она была произнесена, имеет огромную важность и для нас, если мы хотим понять учение Иисуса. Вследствие же ложного представления толкователей о том, что Иисус только продолжал закон Моисеев, от нее ничего не остается, кроме ненужной пикировки с какими – то фарисеями. Для непредубежденного читателя место это имеет огромное значение, а именно то, что Иисус при первом столкновении с законом внешнего богопочитания всеми силами прямо под корень отрицает его. Суббота есть главный завет Бога со своим народом. Несоблюдение субботы казнится смертью. Суббота исполнялась и исполняется до сих пор, и половина Талмуда трактует о ней. Соблюдение субботы для евреев есть то, что для церковников причастие. Так же как не еврей (стр. 45) тот, кто не соблюдает субботы, -- не православный и не католик тот, кто не причащается. Осквернить субботу и осквернить причастие -- одинаково ужасно. И вот Иисус говорит, что эта суббота -- пустяки, людская выдумка, что важнее всякой внешней святости человек; что для того, чтобы это понять, надо понять, что значат слова: "Милости хочу, а не жертвы"; и что субботу, т.е. считающееся самым важным внешнее богопочитание, -- не нужно исполнять. И вот это – то значение скрадено толкователями. Слова против субботы относятся только к внешнему богопочитанию, которое установила церковь. Но остаются слова: *Здесь то, что более храма*. Церковь искажает текст и говорит *тот*, но и *тот* все-таки значит "человек" по смыслу всего последующего. Но толкователи уверяют, что это Иисус про себя, как про Бога, говорит. Смысл толкования тот, что Иисус сам храм, и от этого ученики могут есть в субботу. И таким извращенным толкованием заменяется глубокий смысл слов Христа. Оказывается, что то, что сын человеческий господин субботы и что суббота сделана для человека, а не человек для субботы, как сказано у Марка, оказывается, это изречение совсем уничтожено, и что суббота отменена опять не человеком, а Богом, это забыто. (Лк. XIII, 10–14; Лк. XIV, 3, 4; Лк. XIII, 15, 16; Лк. XIV, 6\5; Мф. XII, 12) Случилось

Иисусу учить в одном собрании и была суббота. И вот женщина была там, и в ней был дух слабости восемнадцать лет. Иисус увидел ее и подозвал, и сказал: жена, ты освобождаешься от своей слабости. И наложил на нее руки, и тотчас выпрямилась, слава Бога. Рассердился старшина собрания за то, что Иисус пользуется в субботу, и сказал народу: Есть шесть дней в неделе, чтобы работать, в эти шесть и пользуйте, а не в субботу. И обратился Иисус к ученым православным и спросил: Разве нельзя помогать людям в субботу? И они не знали, что сказать. И сказал им Иисус: Притворщики! разве каждый из вас в субботу не отвязывает осла или быка от яслей и разве не ведет поить? Как же этой несчастной не помочь? И не могли ему отвечать на это. И сказал еще: Если у кого овца завалится в колодезь, ведь сейчас вытащит, хоть и в субботу? А ведь человек много лучше овцы. Он сказал: оттого-то добро надо делать и в субботу. Если бы могло быть какое-нибудь сомнение в том, на основании чего Иисус отвергает соблюдение субботы, то это место должно бы, казалось, рассеять его. Не на основании своего мнимого личного божества Иисус отвергает субботу, т.е. внешнее богопочитание, а на основании здравого смысла, все того же разумения, которое стало в основе всего. Он говорит: овцу вытащить из колодца можно, а человеку нельзя помочь, -- это бессмысленно. Важнее всего человек и дела добра. Всякое внешнее богопочитание только может препятствовать исполнению дела жизни, и потому оно не только не нужно, но вредно. И он берет самое считавшееся важным из всех дел богопочитания, приводит пример, (стр. 46) когда оно становится вразрез с делом добра, и отвергает его. Что же; кажется, нельзя не понять? Нет, у церкви свой толк: "...Господь обличает такую непоследовательность" (Толк. Ев. архимандрита Михаила). Но ведь это не относится именно до субботы, это относится до внешнего богопочитания, сильнейший образец которого представляла тогда суббота. Не мог же тогда Иисус вперед сказать прямо наших церквях, обеднях, образах, таинствах. Их тогда не было, но о них-то они говорят. Разве не та же суббота есть воскресение, есть трата на свечи, на плату попом, те богатства церквей, те заботы о внешнем богопочитании, которые всегда становятся вразрез с исполнением дел любви, которые не могут не становятся вразрез с делами любви к человеку по той простой причине, что дела богопочитания всегда обращены не на людей, а на что-нибудь мертвое, а дело любви может быть обращено только на человека. Никак нельзя говорить, как мне говорят всегда: "обедня, причастие, молитва не помешают делать добро людям". Как же не помешают, когда они направляют деятельность на что-то другое, чем на людей. Надо не забывать, что учение Иисуса состоит в том, чтобы всякий шаг жизни направлять на дела добра людям. Как же может быть для исполнения этого учения полезна деятельность, направленная прочь от людей? Все равно, как уверять, что курить трубку очень полезно для того, чтобы вспахать поле. Может быть, это мало мешает, мало тратит времени, даже дает отдых и удовольствие, но это дело само по себе не содействует паханию поля, а противоположно ему. (Мф. IX, 9, 10 / Мр. 11, 14, 15; Лк. V, 27-29/) Раз по пути увидел Иисус, сидит человек, собирает подати. Звали человека Матвеем. Иисус говорит ему: иди за мною. И он, встав, пошел за ним. И сделал Матвей угощение Иисусу. И случилось так, что, когда сидел Иисусу него в доме, пришли к нему еще откупщики податей и заблудшие и сидели с Иисусом и с учениками его. Я перевожу ошибающиеся, а не грешники, потому что грешник получило уже другое значение. Здесь имеет значение противоположное фарисеям, т.е. православным, людям, считающим себя правыми. И потому я ставлю слово, отвечающее и слову а (и противоположное слову "православный" - заблудший. (Мф. IX, 11 / Мр. 11; 16 /; Мр. 11, 17 / Мф. IX, 12; Лк. V, 31 /) И увидели ученые православные и говорят ученикам его, как это с откупщиками, и заблудшими ест учитель ваш? Иисус услышал и говорит: Здоровые не нуждаются в лекаре, а

больные. Я не хожу уговаривать православных, а заблудших к исправлению. Отвергнув главное выражение богопочитания евреев – субботу и показав, что оно несовместимо с делами добра, что оно неразумно, Иисус показывает, что оно еще и вредно тем, что люди, исполняющие внешние обряды, этим исполнением считают себя правыми, а считая себя правыми, уже не ищут избавления от заблуждений. И он опять повторяет, что определенные жертвы не нужны, а нужна любовь к людям. (стр.47) (Мр. VII, 1 /Мф. XV, 1;/Мр. VII, 2-4;Мр. VII, 5/Мф. XV, 2;/ Мр. VII, 6/Мф. XV, 3, 7;/Мр. VII, 7 /Мф. XVII, 9;/ Мр. VII, 8,9; Мр. VII, 10/Мф. XV, 4;/ Мр. VII, 11-13; Мр. VII, 14 /Мф. XV, 10;/Мр. VII, 15 /Мф. XV, 11;/Мр. VII, 16, 17; Мр. VII, 18/Мф. XV, 17;/Мр. VII, 19; Мр. VII, 20 /Мф. XV, 18;/Мр. VII, 21 /Мф. XV, 19;/Мр. VII, 22, 23) И собрались к нему православные и из них ученые, они пришли из Иерусалима. И когда увидели, что ученики его и сам он сообща нечистыми, то есть неумытыми, руками едят хлеб, то стали они ругаться. Потому что, если не вымоют рук, руками не едят, держась предания старины. И также с торгу не едят, если не вымоют. И много еще держатся постановлений: как мыть посуду, горшки, сковороды. Потому и спрашивали его православные ученые: Зачем ученики твои не ведут себя по преданию предков, а неумытыми руками едят хлеб? И на ответ он сказал им: Хорошо сказал про вас, лицедеев, Исая, как написано: Эти люди языком чтут меня, а сердце их далеко от меня. Дурно чтут меня, уча учениям и постановлениям человеческим. Бросаете повеление Божие, а держитесь повелений человеческих, мытья чашек и склянок и многое такое делаете. И сказал им Иисус: Ловко вы отменили заповедь Божию, чтобы свое повеление соблюсти. Моисей сказал вам: Чти отца и мать твою. И кто ругает отца и мать, тому смерть. А вы выдумали, если скажет человек корван (значит, в дар Богу), то как будто ты от меня уже пользовался. Тому уже даете ничего не делать для отца и матери. Вы уничтожаете слово Божие тем преданием вашим, какое передаете. И много такого делаете. И призвав весь народ, Иисус сказал: Слушайте меня все и понимайте. Ничего нет такого, что бы, входя в человека, могло поганить его. Но то, что выходит из него, вот это поганит человека. Есть уши слышать, так понимай. И когда он ушел в дом от народа, спросили его ученики об этой притче. И он сказал им: Или и вы не поняли? Разве вы не знаете, что все, что снаружи входит в человека, не может его поганить. Потому что входит к нему не в сердце, а в брюхо. И потом выходит, очищая всякую пищу. А что из человека выходит, вот то-то не опоганило бы человека. (стр.48) Потому что из сердца людей злые рассуждения выходят: блуд, похабство, убийства, воровство, корысть, злоба, обманы, наглость, завистливые глаза, клевета, гордость, дурачество. Все это злое изнутри выходит и поганит человека.

ИЗГНАНИЕ ИЗ ХРАМА И ОТРИЦАНИЕ, ВНЕШНЕГО БОГОПОЧИТАНИЯ

(Ин. II, 13-16) И подошла пасха еврейская. И Иисус пошел в Иерусалим. И в храме увидал: продают быков, овец, голубей и сидят менялы – меняют деньги. И он взял, свил кнут из веревок и повыгнал из храма овец и быков, а менялам рассыпал деньги и опрокинул столы продавцам голубей. И сказал: Вынесите это отсюда и не полагайте, что базар может быть домом Отца моего. М. здесь должно быть переведено: не "не делайте", но: *не полагайте, не считайте, что базар может быть домом Отца моего.* Трудно думать, чтобы Иисус в той же речи, в которой он сказал, что храм не нужен, назвал бы храм домом Отца. Он говорит: "Базар не называется домом Бога".

(Мр. XI, 16, 17) И не велел, чтобы какие-нибудь припасы приносили через храм. И наказывал и говорил: Разве не знаете, что написано: дом мой – дом молитвы будет называться для всех народов (Исаия 56, 7); а высчитаете моим домом пещеру разбойников (Иеремия VII 4–11). Слова пророка Исайи употреблены здесь в том же смысле, как и слова к самарянке в следующей главе. *Вынесите это все потому, что дом мой не тот, где приносят жертвы, но дом мой есть весь мир, где люди знают истинного бога.* Следующее затем место Иеремии: "а не пещерой разбойников" подтверждает это значение. Вот все это место из Иеремии VII, 4–11: Не верьте лживым речам, когда вам говорят: здесь храм Вечного, храм Вечного, храм Вечного. Но если хотите переменить вашу жизнь и ваши дела, если будете судить по правде друг друга, если не будете угнетать странного, сироту и вдову, если не будете проливать безвинной крови в этом месте, я оставляю вас в стране отцов извека в век. Но вы верите лживым речам, а они вам не на пользу. Вы что делаете? Воруете и убиваете, блудите, лжете, служите Ваалу и бегаете за богами, которых не знаете. И потом приходите в дом моего имени и говорите: Теперь мы спокойно можем делать пакости. *Что же? Дом мой разве вертеп разбойников?* (Ин. II, 18, 19) И заговорили иудеи и сказали ему: Какие же ты нам покажешь права, чтобы такие дела делать? И сказал им Иисус: Уничтожьте храм этот, и в три дня взбужу его. 'Е..... не значит никогда и не может значить: "строить", "воздвигать", а значит: *взбудить*, и в этом месте именно значит *взбудить как что-то живое*, и потому должно быть переведено: *взбужу живой храм*. Значение этого стиха объяснено в стихах 21 и 22 тем, что храм означает тело (стр. 49) Иисуса, а три дня означают срок, после которого он воскреснет. И так и понимает это место церковь. Объяснение это не может удовлетворить меня, признающего воскресение самой кощунственной выдумкой, уронившей учение Христа, о чем будет сказано в своем месте. Христос не мог разуместь своего воскресения в теле, так как это было бы понятие, разрушающее все его учение. Объяснение это выдуманно после теми, которые верили или выдумали басню воскресения. Но слова, которые подали повод к этому объяснению, были сказаны и, очевидно, имели свое определенное значение. Объяснение это очень неудовлетворительно. Для чего, говоря о своем теле, Христос сказал *храм*, и для чего после изгнания жертв из храма он сказал о воскресении? Стоит только забыть ложное церковное объяснение, чтобы смысл слов был не только ясен, но даже необходим как разъяснение предшествовавшего. Иисус изгоняет из храма все то, что нужно для принесения жертв, следовательно для молитвы, по понятиям иудеев, и, вспоминая слова Иеремии, говорит, что надо творить добро, *а не собираться в храме творить жертвы*. Вслед за этим говорит не условно, как обыкновенно понимают слова Иисуса: *"разорите храм, а я сделаю его живым, поставлю новый"*, но -- положительно. Он сказал слова Иеремии, в которых сказано, что дом Бога есть весь мир людей, где все народы признают Бога, а не вертеп разбойников, и говорит: Так разорите же храм, я сделаю вам новый -- живой храм, -- укажу, научу. И сделаю этот живой храм скоро, потому что мне не нужно руками строить. В три дня сделаю то, что вы делали сорок шесть лет. (Ин. II, 20; Мф. XII, 6, 7) Сказали иудеи: сорок шесть лет строился этот храм, и ты в три дня взбудишь его? И сказал им Иисус: Говорю вам, что важнее храма то, чтобы вы понимали, что значит: жалости к людям хочу, а не служб церковных. Стих этот, находящийся в главе об укорении учеников за срывание колосьев, там не у места, так как там нет и речи о храме, а Иисус говорит: *Вот что важнее храма*. Во всяком случае, мысль, выраженная в этом стихе, повторенная и у Мф. IX, 13, прямо отвечает на возражение иудеев и выражает воззрение Иисуса на храм-- За этим следуют стихи 21 и 22 гл. II Иоанна, заключающие мнимое объяснение писателем этих слов. (Ин. II, 23–25; Мр. XI, 18) И когда он был в Иерусалиме на празднике пасхи, многие поверили в его учение, понимая

доказательства, которые он приводил. Сам же Иисус не отдавался вере их, потому что он сам знал все. И потому ему не нужно было, чтобы кто-нибудь указывал о человеке, он сам знал, что есть в человеке. И книжники и старшины священников слышали это. И подыскивались, как бы его погубить, потому что они боялись его оттого, что весь народ дивился на учение его. По толкованиям всех церквей выходит, что весь смысл этого места в двукратном исполнении Христом полицейских обязанностей насчет чистоты храма, и в двух стихах (21-м, 22-м), сказанных не Христом, но одним из писателей Евангелия; -- те самые стихи, которые я пропускаю. Смысл тот, что Христос воскреснет после трех дней. Хорошо, он воскрес и предсказывал свою смерть. Неужели нельзя было предсказать яснее и, главное, уместнее? Дело идет совсем о другом. (стр. 50) Он пришел в храм, выбросил все то, что нужно для их молитвы, точно так же, как теперь бы сделал тот, кто, придя в нашу церковь, выкинул бы все просвиры, вино, мощи, кресты, антиминсы и все те штуки, которые считаются нужными для обедни. Его спрашивают, какой он покажет для объяснения того, что он делает. никогда, ни по какому лексикону не значило и не значит *чудо*, но, положим, это значит чудо. Что же значит вопрос иудеев? Человек по выкидывал все, что нужно для обедни, и у него спрашивают: "Какое ты нам покажешь чудо, что ты это делаешь?" -- Вопрос этот по меньшей мере непонятен. Евреи могли спросить, зачем он это делает; могли спросить, чем он заменит то, что он уничтожил; могли спросить, какое он имеет право это делать? Но с какой стати вместо того, чтобы его выгнать, они спрашивают его: "Покажи нам чудо". Еще удивительнее то, что на вопрос иудеев: покажи нам чудо, он отвечает вовсе не тем, что покажу или не покажу чудо, а говорит: "Бросьте этот храм, -- я вам в три дня сделаю новый -- живой". По толкованиям церкви это значит, что чудо, которое он сделает, он сделает после смерти, чудо, в которое никто из евреев и после смерти -- то не поверит. И эти слова его убеждают всех. И вслед за этим говорится, что чудеса его, т.е. то, что он обещал сделать после смерти, убедили всех, и много народа ему поверили. Ведь стоит только снять очки церковные, чтобы видеть, что это не разговор, а бред сумасшедших. Иисус делает непонятное дело, выгоняет скотину из храма. Евреи, вместо того чтобы выгнать его, говорят зачем-то: Покажи нам чудо. Он забывает о том, что он выгонял за что-то все, что нужно для службы, из храма, и говорит: Чудо я вам покажу, когда умру, но так, что вы не увидите, и от этих слов его все поверили в его учение. И смысл всего тот, что Христос чрез три дня воскреснет. И сказал это не Христос, а писатель Евангелия. И стоит только опомниться и на минуту отнестись к словам Евангелия, божественного откровения по учению церкви хоть с тем уважением и вниманием, с которым мы читаем водевиль, т.е. не предполагать вперед, что мы услышим бред сумасшедшего и ничего не поймем, а предполагать, что то, что написано, что-нибудь да значит и что нам не безынтересно понять, что тут сказано, и нам будет все ясно. По учению Иоанна Крестителя для познания Бога нужно очиститься духом; Иисус в пустыне очищается духом и познает силу духа и возвещает царство Бога, т.е. Бога в людях, говорит ученикам, что Бог в общении с людьми. По евангелисту Иоанну первым делом Иисуса есть так называемое очищение храма, в действительности же уничтожение храма, и не какого-нибудь храма, а храма в Иерусалиме, того, который считается домом Бога, святыней из, святынь. Иисус приходит в храм и уничтожает все, что нужно для служения. Не говоря уже о том, что сказано в Введении о Боге, о том, что Бога никто никогда не видел и не видит, и то, что Иисус дал нам новое богоугождение вместо прежнего, Иисус сам в храме говорит слова пророков о том, что храм Бога есть весь мир людей, а не вертеп разбойников. Объяснять это -- все равно, что объяснять то, что в наше время пришли бы духоборцы в православную церковь, повыкинули бы все антиминсы и сказали бы: Бог есть дух и ему надо служить духом и делом. И дело и слова писания уже так ясно говорят, что прибавлять и толковать нечего. И дело и слова ясно

говорят: Ваше богоугождение есть мерзкая ложь, вы не знаете настоящего Бога, и обман вашего богослужения вреден, и его надо уничтожить. Вот это—то самое выражают действия и слова Иисуса в храме. Он отрицает и богослужение и понятие еврейского Бога. На эти действия и слова его евреи говорят: какое право ты имеешь так делать? И он отвечает: Право мое то, что ваше служение Богу – ложь, а мое живое служение есть истина. Мое служение Богу есть служение живое, делом. И многие верят Иисусу. Иисус первым делом своей проповеди отрицает ложного еврейского, внешнего, видимого Бога. В следующей главе он говорит, что Бог – дух и ему надо служить делом. И очевидно, что для того, чтобы люди могли верить в Бога духа и служить ему, нужно разрушить (стр. 51) ложного, выдуманного Бога и ложное служение ему, и это самое делает Иисус. Не понять этого нельзя. Если место это не понято церквями, то не от глупости, а от большого ума. Таких умышленных нелепых толкований встретится много. Такие толкования бывают тогда, когда церковь узаконила то самое, что отвергал Иисус. Так и теперь Иисус отвергает Бога–творца, внешнего Бога, отвергает всякое богослужение, кроме служения Богу делом. А церковь узаконила Бога творца внешнего и только тем существует, что совершает службы и жертвы. Тут уж поневоле глуп будешь. Тот же, кто хочет понимать Евангелие, должен твердо помнить, что первым действием Иисуса, прежде проповеди, было отрицание Бога внешнего и всякого внешнего богослужения. Уничтожение храма, повторенное всеми евангелистами (что весьма редко), есть очищение почвы для посева. Только после уничтожения прежнего Бога возможно учение; о Боге Иисуса и о том служении Богу, которому учит Иисус. Все это место есть разъяснение стиха: *Бога никто не видел и не видит никогда.*

БЕСЕДА С САМАРЯНКОЙ

(Ин. IV, 3–14) И ушел Иисус из Иудеи опять в Галилею. И надо ему было проходить через Самарию. Приходит раз Иисус в город самарийский Сихар подле того места, которое дал Иаков своему сыну Иосифу. Был там колодезь Иакова. Иисус уморился от дороги и сел у колодезя. Идет женщина из Самарин за водой. И говорит ей Иисус: Жена, дай напиток! Потому ученики его отошли в город пищи купить. И говорит ему самарянка: как же ты, иудей, у самарянки пить просишь, ведь иудеи не общаются с самарянами? И наоборот сказал ей Иисус: Если бы ты знала. дар– Бога и того, кто говорит: дай напиток, то ты того бы попросила, и он бы дал тебе ключевой воды. И сказала ему жена: У тебя нет ведра и колодезь глубок, откуда же ты возьмешь ключевую воду? Разве ты больше отца нашего Иакова? Он дал нам этот колодезь. Он и сам из него пил, и сыны его, и скоты его. И наоборот сказал ей Иисус: Кто пьет эту твою воду, тот опять захочет пить. А кто напьется той, которую я дам, уже не захочет пить никогда. И вода та, которую я дам ему, родит в нем ключ воды, бегущей в жизнь вечную, не временную. Стихи 15, 16, 17 и 18 не имеют никакого значения. Сказано; что Христос угадал, что у женщины было пять мужей и что теперь она живет не с мужем. Ненужная и соблазнительная подробность эта только нарушает изложение. (Ин. IV, 19–26) Говорит ему женщина: вижу, господин, что ты пророк. Отцы наши на этой горе почитали Бога, а вы говорите, что в Иерусалиме то место, где надо почитать его. И говорит ей Иисус: Женщина, поверь мне, что подходит время, что ни на этой горе, ни в Иерусалиме будете почитать Отца. Вы почитаете, кого не знаете, мы же почитаем того, кого знаем. Но подходит время и теперь уже пришло, что настоящие (стр. 52) почитатели будут почитать Отца духом и делом, потому что Отец требует себе таких почитателей. Бог–дух, и почитать его должно духом и делом. И говорит ему женщина: Знаю, что мессия придет, называемый

избранником Божиим. Когда придет этот, возвестит нам все. И говорит ей Иисус: я тот, кто говорит с тобою. Стихи с 27 по 42! за исключением стихов от 32–38 которые будут переведены в своем месте, заключают частные и случайные подробности, не имеющие общего значения.

ОБЩИЙ СМЫСЛ БЕСЕДЫ ИИСУСА ССАМАРЯНКОЙ

Иисус, проповедуя царство Божие, состоящее в любви люден между собою, ходит по деревням и селам и однажды, зайдя во враждебную иудеям землю Самарийскую, попросил у самарянской женщины напиться. Женщина под предлогом того, что он иудей, а она самарянка, отказывает ему в самом простом деле любви. В объяснении этого места эту черту отказа женщины дать воды обыкновенно забывают, а между тем это есть ключ к пониманию всего места. Женщина говорит, что иудеям нельзя сообщаться с самарянами, и потому она не дает ему пить. На это он говорит ей, что она отказом этим лишает себя воды живой, любовного общения с людьми, того самого, что дает жизнь истинную. Он говорит ей, что он не только не гнушается того, чтобы принять питье от нее, но что он и ее, как всех людей, готов научить тому возрождению, которое даст ей настоящую жизнь. На замечания ее о том, что он не может этого сделать, потому что у них, иудеев, свой, а у них, самарян, свой Бог или свое место почитания Бога, он говорит ей, как бы объясняя уничтожение храма: "Теперь пришло время почитать Бога не тут и там, а везде, потому что надо почитать не того Бога, которого мы не знаем, а того, которого мы знаем, как сын Отца", т.е. повторяет то, что сказано во Введении о том, что Бога никто не знает, а только сын явил его, и то, что сказано в беседе с Никодимом, именно, что: "мы говорим про то, что знаем и видим, что только сын, сшедший с неба, явил Бога". И, говоря про Бога, называет его *Отцом*. И, выражая мысль Введения, где сказано, что учение Иисуса было учение *добра*, он говорит, что Отец ищет поклонников себе везде, поклонников делом и духом, потому что Бог есть дух.

ОБ ОЧИЩЕНИИ ДУХОМ И ИСТИННОМ БОГОУГОЖДЕНИИ

(Ин/ III, 22–27, 31, 34, 32, 33, 34–36) После пришел Иисус с учениками в Иудейскую землю и там проживал с ними и очищал. И Иоанн очищал в Еноне подле Салима, потому что было много воды там, и ходили и очищались. Потому Иоанн еще не был посажен в тюрьму. И вышел спор у учеников Иоанна с одним евреем об очищении. И пришли к Иоанну и говорят ему: Господин! кто с тобой был на Иордане и о ком ты свидетельствовал, вот и он очищает, и все идут к нему. И Иоанн сказал: Не может человек на себя взять, если он не научен Богом. Кто слыше, тот выше всего, а кто от земли, тот и будет от земли, и о земле будет говорить. Кого Бог научил, тот слова Бога и говорит. (стр. 53) И что постигнул и понял, то и доказывает. Доказательства его никто не принимает. Кто принял доказательство его, тот укрепил то, что Бог истинен. Потому что дух Бога нельзя измерить. Потому что Отец любит сына и все дал во власть ему. Кто верит в сына, тот жив вечно, а кто не верит в сына, – тот против Бога. Иоанн прежде объявил, что настоящее очищение есть очищение духом. Вот явился Иисус и уничтожает все внешние формы и очищает без храма и даже без воды. И является сомнение, какое очищение настоящее. И вот ученики Иоанна спорят с

каким-то иудеем об очищении и идут к Иоанну спрашивать его. Иоанн говорит в общих словах то, что он сказал прежде: что главное очищение есть очищение духом, и что очищение это не передается словами. О том же, что действительно ли Иисус говорит слова Божии, Иоанн говорит, что определить этого никто не может, что доказательств того, что слова Божии, – не может быть. Одно доказательство есть то, – что человек принимает их. Потому что проявления духа нельзя мерить. (Лк. IV, 14; Л. XI, 37, 38; Лк. XI, 39 /Мф. XXIII, 25/; Лк. XI, 40 /Мф. XXIII, 26/; Лк. XI, 41; Лк. V, 32; Лк. VII, 37–50)

И по всей округе прошла молва о нем. После этого пришел к нему один православный и просил позавтракать у него в доме. И православный, приметив, что Иисус не обмылся перед завтраком, удивился. И сказал ему Иисус: Вы, православные, снаружи чашки и блюда моете, а внутри вас кишит грабеж и неправда. Безумные! кто сделал внешнее, тот же сделал и внутреннее. Внутри будьте милостивы, и тогда увидите, что все будет чисто. Потому что я пришел сюда призывать к обновлению не праведников, а ошибающихся. И вот женщина из города, она была неверная, узнав, что Иисус сидит в доме православного, пришла туда и принесла кувшин масла. И ставши у ног его сзади, начала плакать и мыть ему ноги слезами и волосами с головы своей вытирала, целовала его ноги и мазала маслом. Увидав это, хозяин православный подумал себе: Кабы был он настоящий учитель, он бы знал кто и какова эта женщина, та, что трогает его, она ведь неверная. И, обернувшись, Иисус сказал ему: Семен! дай скажу тебе слово. Он сказал: Скажи, господин. Были два должника должна одному хозяину. Один считал за собой пятьсот денег, другой пятьдесят. И не было чем заплатить ни у того, ни у другого, и хозяин простил им обоим. Но какой же из них, скажи, больше будет ухаживать за хозяином? Семен и говорит: Не иначе, как тот, кому больше простил. Иисус и говорит: Верно рассудил. **(стр. 54)** И показал на женщину и говорит Семену: Ну вот, я пришел к тебе в дом, а ты не дал мне воды ноги умыть. Она же слезами моет мои ноги и волосами с головы обтирает. Ты и не обнял меня, как я вошел, а она не перестает – все лобызает мои ноги. Ты не дал мне масла головы помазать. Она дорогим маслом мажет мне ноги. От того самого, говорю тебе, избавилась она от заблуждений и великих заблуждений, оттого, что она любит сильно. А кому немного прощать нужно, тот мало и любит. И сказал ей: Да, все заблуждения твои исправлены. И начали сидевшие с ним говорить сами в себе: Кто же он такой, что избавляет от заблуждений? А он сказал женщине: Вера твоя спасла тебя, иди с миром. Фарисею не нравится, что блудница прикасается к учителю. Иисус говорит: "Было два должника у хозяина; одному он мало, другому много простил. Как же тому, кому он много простил, не выказать свою благодарность? Должники эти передо мною и перед всеми людьми и перед Богом – ты и эта блудница. Ты считаешь, что тебе нечего прощать, и тыне выказал мне особенной любви; она считает, что она виновата перед всеми, и передо мной и перед тобой. Ведь ты сам подумал, что ее и допустить нельзя касаться до меня. Ну, а я не прогнал ее и как тобою не брезгаю, входя к тебе в дом, так и ею не брезгаю, и за то она выражает мне свою любовь. (Оттого, что ее не упрекнул я грехами, она и выражает мне любовь.) Ее грехов много, она и выражает большую любовь. Твоих грехов мало, ты думаешь, – ты и выражаешь малую любовь, и мало тебе простится; а ей простится, – она верит, что она грешница, и она спасена от грехов". (Лк. XVIII, 10–14) И сказал им Иисус: два человека вошли в храм молиться. Один – православный, другой – неверный. Православный думал ми ого о себе и так молился: Благодарю тебя, Бог мой, за то, что я не такой, как другие люди: корыстные, неправедные, блудники, не такой, как этот неверный. Пошусь два раза в неделю и отдаю десятину всего, что получаю. А неверный стал вдалеке и не мог и глаз к небу поднять, а все стучал себе в грудь и приговаривал: Господи, оглянись на меня заблудшего.

Так вот говорю вам: и вернулся неверный избавлен больше, чем православный. Потому что кто возвышается – принизится, а кто понижается, тот возвысится. Православный не считал нужным для себя избавления и потому и не мог ни от чего избавиться. Неверный желал избавиться от заблуждений, он признавал их, и потому избавился. (Мф. IX, 14/Мр. II, 18; Лк. V, 33;/Мф. IX, 15 /Мр. II, 19, 20; Лк. V, 34, 35/) Тогда подошли к нему ученики Иоанна и говорят: отчего мы и законники постимся много, а ученики твои не постятся? И сказал им Иисус: Не могут гости на свадьбе печалиться в то время, когда с ними жених. Когда нет жениха, – тогда постятся. **(стр.55)** Слова о женихе темны, так как нет объяснения того, что надо разуметь под словом "жених". По притче о 10-ти девах под словом "жених" надо понимать жизнь, и тогда и здесь, если дать слову "жених" значение жизни, – смысл изречения будет тот, что незачем печалиться, когда в человеке есть жизни; можно печалиться только тогда, когда нет жизни. (Лк. V, 36 /Мф. IX, 16; Мр. II, 21;/Лк. V, 37 /Мф. IX, 17; Мр. II, 22;/ Лк. V, 38 /Мф. IX, 17; Мр. II, 22/) Никто не разорвет новую одежду, чтобы наложить заплатку из нового на старое платье, потому новое раздерет и к старому не придется. И не выливают вино новое в старые мехи, а иначе прорвутся мехи, и вино вытечет, и мехи пропадут. Но вино молодое надо вливать в мехи новые, и то и другое цело будет. (Лк. V, 39 стих неясен. Лк. IV, 33-37; Мр. 1,23-28; Мф. VIII, 17,18; Мр. 1, 35-39; Лк. IV, 42-44.) Стихи эти, содержащие описание изгнания нечистого духа, предсказания и повторение о том, что Христос учил и что молва о нем распространилась, – не имеют значения и могут быть пропущены.

МОЛВА О ХРИСТЕ

(Лк. IV, 15, 42, 43; Мф. IV, 14-16/ Исаия 9, 1, 2;/ Мф. XII, 17-21 /Исаия 42, 1-4;/ Мр. III, 7, 8; Мф. IX, 35 /Мр. VI, 6; Лк. VIII, 1/) И он учил в собраниях и был (прославляем) почитаем всеми. Народ удерживал его, чтоб он не уходил от них. Но он сказал им: и другим мне надо возвестить истинное благо, я на то назначен. И исполнилось слово пророка Исаии: . В языческой земле народ ходил во тьме, и народ этот увидел большой свет. Для тех, кто жил во мраке смерти, для тех воссиял новый свет. Так что сбылось и другое слово пророка Исаии: Вот дитя мое, которое я люблю, мой любимец, на кого душа моя радуется дух свой я вложил в него, чтобы он возвестил народам правду. Он не спорит и не кричит, И голоса его не слышать на улицах. Он не перервет сломанного тростника и не задует света, когда он тухнет, – для того, чтобы правда взяла верх над ложью. На него вся надежда людей. И потом Иисус пошел ко взморью. И много народа шло за ним из Галилеи, и из Иудеи, и из Идумеи, и из Иерусалима, и из-за Иордана, и тирский, и сидонский народ шли за ним. И он проходил по городам и селам, разглашая в собраниях возвещение об истинном благе царства Божия. **(стр.56)**

НОВОЕ БОГОУГОЖДЕНИЕ В ДУХЕ ДЕЛОМ.

ОТРИЦАНИЕ ИУДЕЙСКОГО БОГА

(Общее изложение главы второй) И всем людям Иисус показывал, что прежде богослужение -- ложь и что Богу надо служить делом и жалостью к людям. Случилось ему в субботу идти с учениками через поле. И дорогой ученики его рвали колосья, растирали в руках и ели. Увидали это законники, фарисеи и говорят: "Так не годится делать в субботу. В субботу нельзя работать. А вы растираете колосья". Иисус услышал это и говорит им: "Если бы вы понимали, что значит то, что сказал Бог пророку: Радуюсь любви людей между собою, а не жертвам, которые они приносят мне, -- вы бы не осуждали невинных. Ведь суббота установлена не Богом, а человеком, стало быть человек важнее субботы". Случилось в другой раз в субботу, что, когда Иисус учил в собрании, подошла к нему больная женщина и просила его помочь ей. И Иисус стал пользоваться ее. Тогда законник, старшина собрания, рассердился за это на Иисуса и сказал народу: "В законе Бога сказано: есть шесть дней в неделе на то, чтобы работать. А в субботу Бог не велел работать". А Иисус на это спросил законников и фарисеев: "Что же, по-вашему, нельзя и помогать человеку в субботу?" И они не знали, что ответить. Тогда Иисус сказал: "Разве каждый из вас не отвязывает скотину от яслей и не водит поить в субботу? Или если у кого завалится овца в колодезь, ведь живо побежит всякий и вытащит, хоть и в субботу. Человек ведь много лучше овцы. А говорите, что человеку нельзя помочь. Что же, по-вашему, надо делать в субботу: доброе или злое? Спасать душу или губить? Добро надо делать всегда -- и в субботу". Пришли к Иисусу фарисеи и законники из Иерусалима. И увидели они, что ученики его и сам он едят хлеб сообща неумытыми руками. И стали законники осуждать его за это, потому что сами они строго ведут по старине, как мыть посуду, и если не вымоют, не станут есть. И также с торгу не станут ничего есть, если не вымоют. И спросили его законники: "Отчего это вы не по старине ведете и неумытыми руками берете и едите хлеб?" -- И он сказал им: "Верно сказал про вас пророк Исая. Ему Бог сказал: За то, что народ этот только на словах припадает ко мне и только языком почитает меня, тогда как сердце его далеко от меня, и за то, что страх его передо мной только человеческое повеление, которое он выучил наизусть, за это я над народом этим сделаю удивительное, необыкновенное дело: и мудрость его мудрецов пропадет, и разум его разумников померкнет. Беда тем, которые заботятся о том, чтобы скрывать свои желания от Вечного, и которые делают свои дела во мраке. -- Так и вы оставляете то, что важно в законе, то, что заповедь Божия, и соблюдаете свои приказания -- чашки обмывать. Моисей сказал вам: Чти отца и мать, и кто не почтет отца и мать, того казнить смертью, -- а вы выдумали, что всякий может сказать: я отдаю Богу то, что отдавал родителям, -- и тогда может не кормить отца и мать. Так человеческими постановлениями вы разрушаете заповедь Божию. И много такого делаете". И Иисус позвал весь народ и сказал: "Слушайте все и понимайте: ничего нет такого на свете, что бы, входя в человека, могло поганыть его; но то, что выходит из него, вот это поганыт человека. Пусть будет у тебя на душе любовь и милосердие, и тогда все чисто будет. Старайтесь понять это". И когда он вернулся домой, ученики спросили его, что значат эти слова? И он сказал: "Неужели и вы не поняли этого? Разве вы не понимаете, что все внешнее, плотское не может осквернить человека, потому что входит к нему не в душу, но в брюхо. Входит в брюхо, а потом выходит вон. Только то может осквернить человека, что из человека, из души его выходит. Потому что из души человека выходит зло: блуд, похабство, убийство, воровство, корысть, злоба, обман, наглость, зависть, клевета, гордость, всякая дурь. Все это зло из души выходит, и оно только может поганыть человека". Иисус учит народ тому, что началась **(стр. 57)** новая жизнь и что Бог в мире, на земле, и это он говорит всем; ученикам же своим говорит, что между человеком и Богом есть всегдашнее общение. Учит этому всех. И все восхищены его учением, потому что он учит не так, как законники. Законники учат людей тому, что они должны повиноваться законам Бога; он же учит людей,

что они свободны. После того подошла пасха, и пришел Иисус в Иерусалим и вошел в храм. В притворе храма стояла скотина: коровы, быки, бараны, и были садки с голубями, были за лавками менялы с деньгами. Все это нужно было, чтобы подавать Богу. Убивали и подавали в храм, и деньги подавали в храм. В этом была у евреев молитва. Иисус вошел в храм, свил кнут и повыгнал всю скотину из притвора, и голубей всех по выпустил, и деньги все рассыпал. И велел, чтобы ничего этого не носили в храм. Он сказал: "Пророк Исаия сказал вам: Дом Бога не храм в Иерусалиме, – а весь мир людей Божиих. А пророк Иеремия тоже сказал вам: Не верьте лживым речам о том, что здесь дом Вечного, дом Вечного, дом Вечного, не верьте этому, а перемените свою жизнь, не судите лживо, не угнетайте странного, вдову, сироту, не проливайте безвинной крови и не приходите в дом имени Бога и не говорите: теперь мы спокойно можем делать пакости. Не делайте из дома моего вертепа разбойников". И заспорили иудеи и говорят ему: "Если ты запрещаешь нашу молитву и наш образ Бога, какой же ты дашь образ молитвы?" И обратившись к ним, Иисус сказал: "Бросьте храм этот, я в три дня возбужу новый, живой храм Богу". И иудеи сказали: "Как же ты сделаешь сейчас новый храм, когда этот строился сорок шесть лет?". И Иисус сказал: "Я говорю вам про то, что важнее храма. Вы бы не говорили этого, если бы понимали, что значат слова пророка: Я, Бог, не радуюсь вашим жертвам, но радуюсь вашей любви между собой. – Живой храм – это весь мир людей Божиих, когда они любят друг друга". И тогда в Иерусалиме много людей поверили в то, что он говорил. А сам он не верил ни во что внешнее, потому что знал все, что в человеке. Ему не нужно было, чтобы кто-нибудь учил его о человеке, потому что он знал, что в человеке и дух Божий. И законники и старшины слышали все это и подыскивались, как бы его погубить, но боялись его, потому что весь народ дивился на его учение. И пошел Иисус из Иудеи опять в Галилею. И пришлось ему проходить через Самарию. Проходил он мимо села самарийского Сихар, подле того места, которое дал Иаков сыну своему Иосифу. Был там колодезь Иаковлев. Иисус уморился от дороги и сел у колодезя. А ученики его пошли в город за хлебом. И приходит от Сихара женщина за водой. Иисус попросил у ней напиться. Она и говорит ему: "Как же ты так просишь у меня напиться? Ведь вы, иудеи, с нами, самарянами, не общаетесь". А он говорит ей: "Если бы ты знала меня и знала то, чему я учу, ты бы не говорила этого, а подала бы мне пить, и я бы дал тебе воды живой. Кто этой воды напьется, тот опять захочет пить, а кто моей воды напьется, навсегда будет доволен, и эта моя вода приведет его в жизнь вечную". Женщина поняла, что он говорит про божественное, и говорит ему: "Я вижу, что ты пророк, хочешь научить меня; но как же тебе научить меня божественному, когда ты – иудей, а я – самарянка. Наши на этой горе молятся Богу, а вы, иудеи, говорите, что в Иерусалиме надо молиться. Нельзя тебе научить меня божественному, потому что у вас один, у нас другой Бог". Иисус и говорит ей: "Поверь мне, женщина, приближается время, что не на этой горе, не в Иерусалиме будут молиться Отцу. Вы молитесь тому, кого не знаете, а мы молимся Отцу, тому, кого нельзя нам не знать. И приближалось время, а теперь пришло, что настоящие почитатели Бога будут почитать Отца в духе и делом. Таких Отцу нужно почитателей. Бог – это дух, и почитать его нужно в духе и делом". (стр. 58) Женщина не разобрала, что он сказал ей, и говорит: "Слыхала я, что посланец Божий придет, тот, кого называют помазанник. Он тогда все расскажет". Иисус и говорит ей: "Это я тот самый, что говорит с тобой. Ничего не жди больше". После того пришел Иисус в иудейскую землю и там, живя с учениками, учил. В то время Иоанн очищал людей подле Салима в реке Еноне, потому что Иоанн еще не был посажен в темницу. И зашел между учениками Иоанна и учениками Иисуса спор о том, что лучше, очищение ли Иоанново в воде, или Иисусово учение. И пришли к Иоанну и сказали ему: "Вот ты очищаешь водою, а Иисус только учит, и

все идут к нему. Что ты скажешь о нем?" И Иоанн сказал: "Человек сам собою не может ничему учить, если Бог не научит его. Кто говорит земное, то земное и есть; а если кто говорит от Бога, то – от Бога. Доказать ничем нельзя, от Бога ли слова, которые говорят, или не от Бога. Бег это дух, его нельзя мерить и нельзя доказать. Кто поймет слова Божии, – тем самым и доказывает, что он понял Бога". Увидел раз Иисус откупщика за сбором. Откупщика звали Матвеем. – Иисус заговорил с ним, и Матвей понял его, полюбил его учение и позвал к себе в гости. И сделал ему угощение. Когда Иисус Пришел к Матвею, пришли приятели к Матвею – откупщики и развратники. Иисус не погнушался ими и сел сам и ученики его. И вот законники фарисеи увидели это и говорят ученикам Иисуса: "Как же это ваш учитель пирует с откупщиками и развратниками?" Иисус услышал и говорит: "Тому, кто хвалится здоровьем, не нужно лекаря, а тому, кто болен, нужен от этого–то я и не хожу обращать тех, которые считают себя праведными, думают, что они живут по правде, а учу тех, которые думают, что они живут в грехе". И после этого пришел к нему один фарисей и зазвал к себе завтракать. Он вошел и сел за стол. Фарисей заметил, что он не обмылся перед завтраком, и подивился. Иисус и говорит ему: "Фарисеи, вы снаружи все моете, а внутри–то чисто ли у вас? Будь милостив к людям, и все будет чисто". И пока он сидел в доме у фарисея, пришла женщина городская, она была распутной жизни. Она узнала, что Иисус в доме у фарисея, и пришла туда же и принесла склянку с духами. И стала на колени у ног его, заплакала и слезами обмывала его ноги, вытирала волосами и поливала духами из склянки. Увидел это, фарисей и подумал себе: Едва ли он пророк; когда бы он точно был пророк, он бы узнал, какая такая женщина умывает ему ноги, он бы узнал, что она распутница, и не позволил бы ей дотрагиваться до себя. . Иисус догадался, обернулся к нему и говорит: "Сказать тебе, Семен, что я думаю?" – "Скажи", – говорит. Иисус и говорит: "Вот что: два человека считали себя должными одному хозяину, один 500 денег, а другой 50. И не было чем отдать ни тому, ни другому. Хозяин и простил обоим. Ну как по твоему разуму, какой будет любить хозяина и ухаживать за ним?" Семен и говорит: "Известно – тот, кто больше был должен". Иисус показал на женщину и говорит: "Так – то ты и эта женщина. Ты считаешь себя малым должником, она считает себя большим должником. Я пришел к тебе в дом, ты мне не дал воды ноги умыть, она слезами оmyвает и волосами отирает. Ты не поцеловал меня, а она целует мои ноги; ты не дал мне масла голову помазать, а она дорогими духами мажет мои ноги. Тот, кто считает, что ему нечего прощать; тот и не любит. Кто считает, что он много виноват, тот много любит. А за любовь все прощается". И сказал ей: "Прощены тебе грехи твои". И сказал Иисус: "Все дело в том, кто каким считает себя. Кто считает себя добрым, тот не будет добр, а кто считает себя дурным, тот хорош". И сказал им притчу: "Пришли; раз в храм молиться два человека. Один фарисей, другой – беззаконник. Фарисей так молился: Благодарю тебя, Господи, за то, что я не такой, как другие: ни скряга я, ни обманщик, ни распутник, ни такой негодяй; как этот откупщик. (стр. 59) Пощусь два раза в неделю и из имения десятину отдаю. – А беззаконник стал поодаль и не смел, на небо глянуть, и только бил себя по груди и приговаривал: Господи оглянись на меня, негодного! Что ж беззаконнику простилось больше, чем фарисею: потому что кто возвышается, тот принизится, а кто понижается, тот возвысится". После этого пришли к Иисусу ученики и говорят: "Отчего мы и законники постимся много, а ты и ученики твои не постятся?" И сказал им Иисус: "Пока жених на свадьбе, никто не печалится. Только, когда нет жениха, тогда печалются. Если есть жизнь, то не должно печалиться". А еще сказал Иисус: "Никто не отдирает куска от новой одежды, чтобы нашить на старую, а то разорвет новую и старую не починит. Так нельзя нам принять ваших постов. И нельзя новое вино вливать в старые мехи, а то разорвутся мехи, и вино вытечет. Но вино новое надо вливать в мехи новые, и то и другое цело будет".

И прошла молва об Иисусе, и он был почитаем всеми. Так что народ удерживал его, чтобы он не уходил от них. Но он говорил, что не одному городу, а всем людям он пришел возвестить благо. И он пошел дальше по взморью. И много народа шло за ним из разных городов. И он помогал всем. И он проходил по городам и селам, везде возвещая царство Бога и избавляя людей от всех страданий и пороков. Так что на Иисусе исполнились пророчества Исаия о том, что народ, живший во тьме, во мраке смерти, увидели свет жизни; и то, что тот, кто принес этот свет правды, не сделает никакого насилия и вреда людям, что он кроток и смирен, что он для того, чтобы внести правду в мир, не спорит, не кричит, что громкого голоса его не слышать, что он не перервет соломинки и ночника не задует, а что вся надежда людей на него. (стр. 60)

Глава третья

РАЗЪЯСНЕНИЕ ИИСУСОМ ЗНАЧЕНИЯ ИОАННА

(Мф. XI, 2, 3 /Лк. VI, 19/) Иоанн в тюрьме услышал про дела Иисусовы и чрез учеников сказал ему: Ты ли тот, который должен был прийти, или станем ожидать другого? Иоанн в пустыне проповедовал царство Божие и говорил, что за ним придет тот, кто сильнее его, и будет обновлять духом. Услышав про дела Иисуса, Иоанн посылает узнать, тот ли он, или еще другой будет, т.е. исполняет ли Иисус два предсказания его: возведение установления царства Божия и обновления духом. (Мф. XI, 4-6 /Лк. VI, 22, 23/) И на ответ сказал им Иисус: Пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: Темные видят, хромы ходят, глухие слышат, нечистые очищаются, мертвые пробуждаются и нищие узнают о своем благе. И счастлив тот, кто не откажется от меня. У Луки и Матфея слова эти: "нищие благовествуют" стоят, последними. Везде, на других языках, эти слова переводятся: "нищим возвещается благая весть". Смысл этого перевода почти верен, но самый перевод не вполне верен. Лк. XVI, 16. Не переводится: "царству благовествуется", а переводится: *царство благовествуется*. Так и здесь должно быть переведено: "нищие благовествуются", т.е. нищие получают весть о благе, так и надо перевести: *нищие узнают о своем благе*. Слова эти с другой стороны выражают то самое, что сказано в словах: *блаженны нищие*. у Матфея, как и у Луки, слова эти стоят последними, указывая на то, что в них вся сущность дела. И не надо забывать того, что вся дальнейшая речь только развивает, объясняет эту мысль о блаженстве нищих в противоположность богатым фарисеям и законникам. На вопрос Иоанна: "Ты ли тот, который придет и откроет царство небесное", он отвечает: "Скажите, что видите и что блаженны все те, кто не отвращается от меня". Иоанн спрашивает: "Возвестил ли ты то царство Божие, которое проповедовал пророк Исаия (XXXV, 5; LXI, 1) и о котором я сказал, что оно приблизилось (стр. 61) и что для достижения его нужно только очищение духом; обновляются ли духом люди?" И Иисус отвечает: "Пойдите скажите, что видите: именно то, что люди теперь блаженны духом; совершилось то, что предсказывал Исаия: все люди блаженны духом. Нищие узнали блаженство". (Мф. XI, 7-11 /Лк. VII, 24-28/) Когда они ушли, начал Иисус толковать народу об Иоанне: Что ходили смотреть в пустыню? Как камыш ветром махается? Или еще что ходили смотреть? Ходили смотреть на человека в богатой одежде? Вот ведь они

перед вами, те, которые в богатых одеждах и живут в сластях, они. во дворцах живут. Так чего же вы ходили глядеть? Пророка? Истинно скажу вам и про то, что больше пророка. Он ведь тот, о котором писано: Вот я посылаю вестника моего перед лицом твоим? он приготавливает путь перед тобой. Истинно говорю вам: Не рождался от жены человек больше Иоанна Крестителя. Самый ничтожный здесь, там, в царстве Бога, больше всех. Обыкновенно переводят: "меньший в царстве Божиим больше его". Перевод этот неправилен, потому что "меньший в царстве Божиим" противопоставляется "большему в чем-либо другом". Должно бы быть так: *Меньший в царствии небесном больше того, кто не в царствии.* Главное же, потому этот перевод неправилен, что он разрушает смысл всего предшествующего и последующего. Только что сказано, что Иоанн больше всех людей, и вдруг он меньше меньшего в царстве небесном, тогда как Иисус только и проповедует царство небесное для всех. *Иоанн меньше, ничтожнее всех, по людскому суждению, - он нищий.* Но сказано, что самый ничтожный-то и бывает *большой* в царствии Божиим; то же повторено в Евангелиях много раз, начиная с проповеди о том, что блаженны нищие; а не богатые. Кроме того, слова; и; как .они' употребляются в Евангелии, надо переводить не "малый" и "большой", а *ничтожный, низкий и важный, высокий.* (Лк. XVI, 16; Мф. XI, 13-15) Закон и пророки до Иоанна. А с того времени возвещается благо царства Бога, и всякий входит в него по силе своей. Потому что все пророки и закон до Иоанна высказывали волю Божию. Если хотите, принимайте его за Илью, который должен был прийти. Кто хочет понять, тот поймет. Сказано, что и закон и все пророки высказывали волю Бога до Иоанна. Все это кончилось со времени Иоанна. Со времени его царство Божие берется внутренним усилием, и потому все, что говорили о пришествии Ильи, все это надо оставить. Если вы верите, что Илье надо прийти перед самым пришествием Бога, так вот и считайте, что Иоанн пришел вместо Ильи. Выражение "Кто хочет понять, - тот поймет" у Матфея повторено три раза и всякий раз в тех местах, где слова и могут иметь двойной смысл. Выражение это есть предостережение о том, чтобы не понимать слова грубо, а понимать их в переносном смысле. (стр. 62) (Лк. У11, 29-31; Лк. VII, 32 /Мф. XI, 16, 17;/Лк. VII, 33 /Мф. XI, 18;/ Лк. VII, 34 /Мф. XI, 19;/Лк. VII, 35) И вся чернь слышала, и откупщики оправдали Бога, очистившись очищением Иоанна. А фарисеи и законники совет Божий отложили от себя, не очистившись от Иоанна. И Иисус сказал: К кому применить людей этой породы. Похожи они на малых ребят. Ребята сидят на улице и болтают друг с дружкой. Они говорят: Мы играем, вы не пляшете; мы причитаем, вы не плачете. Пришел Иоанн, ни пьет, ни ест, и говорят: в нем бес. Пришел сын человеческий -- ест и пьет, и говорят: он человек ядущий и пьяница, откупщикам друг и заблудшим. И оправдалась мудрость по делам ее. Темное место о ребятах становится ясным, когда отнести его к законникам и фарисеям, т.е. к богатым и властителям в противоположность черни и презренным откупщикам. Мысль та, что для того, чтобы познать Бога, фарисеи и законники друг от друга принимают учение. Та же мысль и у Ин. V, 43, 44: Я пришел во имя Отца моего, и не принимаете меня; а если иной придет во имя свое, его примете. Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от единого Бога, не ищите? Они, как ребята на улице, болтают и потом удивляются, что их не слушают, и удивляются, что не понимают. А как же им понять, когда они свое только слушают. Им хочется веселиться, -- Иоанн требует покаяния, отвержения богатств. Им хочется посты, субботу соблюдать, отвергать грешников, -- Иисус не велит ни поститься, ни субботу соблюдать, ни грешников отвергать. Стихи Мф. XI, 20-24, Лк. X, 12-15 как они переведены не имеют не только учительного, но даже никакого смысла. Я пытался переводить иначе, но признаю, что и мои переводы не устраняют всех трудностей, и потому место это, как неясное и не

закрывающее в себе ни отрицания предшествующего и последующего, ни нового какого-либо смысла, остается непонятным. За что он упрекает города? Если они не поверили его чудесам, то значит незачем было делать чудеса или мало и плохо он их делал. Но если даже он упрекает за неверие чудесам, то что значит то, что если бы в Тире и Сидоне сделаны были те же чудеса, как в Хоразине и Капернауме, то они бы покались в рубище и пепле, а если бы сделаны были в Содоме такие, как в Капернауме, то он остался бы до сих пор? Таков смысл или скорее отсутствие смысла. Перевод для достижения этой бессмыслицы совершенно произволен.

О ПРИШЕСТВИИ ЦАРСТВИЯ БОЖИЯ

(Лк. XVII, 20, 21, 23, 24) И спросили у Иисуса фарисеи: Когда и как придет царство Бога? И он отвечал им: Царствие Божие не приходит так, чтобы его можно было видеть. И нельзя сказать про него: вот оно здесь, или вот оно там, потому что вот оно царствие Божие, оно внутри вас. И если скажут вам: вот оно пришло, или вот оно здесь, -- не ходите, не бегайте за ним! (стр. 63) Потому что оно, как зарница, блестит с неба мгновенно; таков будет и сын человеческий в свое время.

БЕСЕДА С НИКОДИМОМ

(Ин. III, 1-3) Был один человек, фарисей, по имени Никодим -- старшина еврейский. Он пришел к Иисусу ночью и говорит ему: Господин, мы знаем, что ты от Бога пришел учить, потому что никто не мог бы так доказывать, если бы не был с ним Бог. И на ответ сказал ему Иисус: Верно, говорю тебе, кто не зачат Богом с неба, только тот может не понимать, что такое царство Бога.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

На слова Никодима: "мы знаем, что ты от Бога" и т.д., Иисус отвечает о царстве Бога. Отсутствие связи между ответом Иисуса и словами Никодима замечено всеми. Но мне кажется, что если понимать так, как понимают обыкновенно всю беседу Никодима, то не только нет связи между словами Никодима и Иисуса, но слова Никодима ровно ничего не значат, ничего не говорят, не вызывают никакого ответа и должны быть опущены, как излишние. Слова Никодима получают смысл только тогда, когда вспомним, что к словам Никодима следует прибавить: *Как же ты говоришь, что не надо богослужения, не надо храма, а говоришь о царстве Божиим.* Никодим видит, что учение справедливо и важно, но по всему тому, что прежде говорил Иисус, видит, что он отрицает богослужение, и не может понять, какое же может быть царство Бога без Бога еврейского, почитавшегося в храме. Он не понимает этого и ночью один на один приходит к Иисусу и спрашивает его: "Как же ты учишь о царстве Бога, а уничтожаешь всякое отношение к Богу?" Этот смысл вытекает из предшествующего -- уничтожения храма и из последующего -- ответа Иисуса, который говорит о том, какой его Бог и что он понимает под словами "царство Бога". Очевидно, что если слова об иудейском Боге, -- связывающие речь Никодима с речью Иисуса, -- и существовали, то они должны были быть выкинуты или переделаны переписчиками, верившими в еврейского Бога. Но и без этих слов связь речи очевидна, если понимать так, как написано предшествующее. Учение Иисуса выражается тем, что он проповедует царство Бога и вместе с тем отвергает всякое исполнение закона и служение внешнему Богу. Мысль Никодима та: Ты

проповедуешь царство Бога, а отрицаешь еврейского Бога. Что же такое твое царство Бога и твой Бог? И с первых слов Иисус говорит Никодиму о том, что сказано то, что царство Бога всегда есть, что оно внутри нас (Лк. XVII, 21), что нельзя не видеть царства Бога, что тогда только человек мог бы не видеть царства Бога, если бы он мог быть не зачат от Бога. Условная форма стиха 3-го и 5-го означает не то, что должно зачатся от Бога, что человек должен стараться возродиться свыше и от духа, как это понимает церковь, и что не имеет смысла, но то, что всякий человек, потому что он есть человек, уже неизбежно зачат свыше и от духа. (Ин. III, 4) И Никодим сказал: как можно человеку быть зачату, когда он состарился, не может он в утробу матери в другой раз влезть и зачатся. *Зачать от Отца* -- подтверждается этими словами Никодима. Никодим говорит: человек уж зачат был прежде, чем родился плотью от отца, как же ему другой раз зачатся? Надо уничтожиться и опять из утробы матери зачатся Богом? (стр. 64) Никодим слово в слово в своем непонимании говорит то, что говорит церковь о зачатии Иисуса от Марии святым духом в смысле плотского отца. (Ин. III, 5, 6, 8, 7) И Иисус отвечал ему: Верно, говорю тебе, кто не зачат от плоти и еще от духа, только тот не может войти в царство Бога. То, что от тела зачато, тело и есть, а что зачато от духа, то дух. дух дует, где и когда хочет, и голос его понимаешь, а не знаешь, откуда он и куда. Так-то всякий, кто зачат от духа. . И потому не удивляйся, что Я сказал тебе: мы должны быть зачаты от Бога. Стих этот имеет важное и глубокое значение. Глубокое и важное значение имеет и каждое слово этого стиха. И значение это, вовсе не таинственное и мистическое, а самое ясное, хотя и глубокое. Прежде сказано в 3-м стихе; что человек должен быть зачат с неба, т.е. от Бога. Когда Никодим понял это значение в смысле плотском, то Иисус сказал, что кроме плотского есть еще зачатие не от плоти. Чтобы выразить то, что есть не плоть, употребил слово *дух*. Теперь (в 6 и 8 ст.) разъясняется, что в человеке есть плоть от плоти и дух от духа; здесь Иисус определяет, что есть начало жизни не плотской, и говорит: *дух* - т.е. то, что не плоть, *дует*, т.е. движется и живет, *где и когда хочет*, т.е. свободно, независимо ни от чего, само от себя; и *голос его понимаешь*, т. е. оно разумно; *но не знаешь, откуда он и куда*, т.е.. вне причины и вне последствий, вне закона причинности. Нужно сказать: *Духовное начало живет свободно, разумно и вне причины и цели*. Пускай скажут это так, чтобы всякий понял это, и нельзя сказать иначе, как так, как уже сказано. (Ин. III, 9-13) И на ответ сказал Никодим: Как же это может так быть? И на ответ сказал ему Иисус: Ты учитель израильский и это самое не понимаешь. Верно, говорю тебе: мы ведь про то, что знаем, толкуем и то показываем, что видели, а вы показания свидетельства нашего не принимаете я сказал вам то, что на земле - и не верите; как же, если стал бы. сказывать то, что на небе, вы поверите? Никто ведь не входил на небо, а только шедший с неба сын человеческий, тот, который и есть на небе. Здесь впервые встречается выражение: *сын человеческий* в том особенном значении, которое приписывает ему Иисус. В стихе о субботе, где сказано: суббота сделана сыном человеческим, "сын человеческий" имеет значение просто - "человек". Но здесь значение это точно определено в его особенном смысле. Прежде сказано, что в человеке есть этот зачатый с неба от Бога дух, зачатый духом; теперь говорится, что на небе у Бога никто не бывал, никто не восходил до Бога, и потому про Бога мы не можем говорить; но от Бога с неба сошел, зачался сын духа, - дух человека, тот самый, который остается всегда на небе с Богом. И потому "сын человеческий" значит: *дух, сын духа в человеке*. Для знающего Евангелие излишне приводить места, в которых употребляются выражения "сын человеческий" и "сын Божий", говоря о людях. Все места эти имеют только одно это значение. (стр. 65) (Ин. III, 14) И как Моисей возвеличил змею в пустыне (чтобы люди не погибали), так надо возвеличить сына человеческого Чтобы

понять вполне выражение: *вознести, как змея в пустыне*, надо помнить то, что сказано про змея в пустыне. (Книга Чисел XXI, 5--8). "Возвеличить сына человеческого, как возвеличил змея Моисей", значит: *отнестись к сыну человеческому так, как иудеи отнесли к змею в пустыне, т.е. чтобы люди на него полагались и в нем искали своего спасения и жизни*. И потому: "возвеличить сына Бога в человеке", как Моисей возвеличил змея, -- значит *дать образ спасения*. (Ин. III, 15, 16) Затем, чтобы всякий, веря в него, не погибал, но имел жизнь невременную. Потому, что так Бог любил мир людей, и для того дал сына своего, такого же, как он, чтобы всякий, полагаясь на него, не погибал, но имел жизнь невременную. "Бог так любил, что дал сына" -- как понимает это церковь, есть понятие невозможное по отношению к Богу. Можно сказать про человека: он так любил, что отдал последний рубль; но про бесконечное начало, про Бога, нельзя этого сказать. Нельзя мерить любовь Бога, нельзя говорить про жертвы Бога. Было сказано, что как Моисей возвеличил змею, так надо возвеличить сына человеческого, чтобы люди не умирали, но имели жизнь. Теперь говорится, что как Моисей, любя народ, сделал змею, чтобы люди спаслись, так же и Бог дал сына миру, чтобы люди спаслись. Этот стих и последующий отвечают на ту мысль, которая должна была быть в Никодиме и которая живет во всех людях, когда они думают о значении своей жизни: зачем кто-то сотворил меня для того, чтобы умереть? На это чувство всякого человека и отвечает Иисус. Он прежде еще сказал, что человек может не пропасть, не уничтожаться; теперь он подтверждает это и говорит: *Бог не мог для гибели людей дать им сына своего -- жизнь, а он любил мир и для блага его дал ему жизнь, не затем, чтобы она пропадала, а чтобы она была вечная*. Надо помнить тоже, что под словом "Бог" в этом месте никак нельзя разуметь не только нашего или еврейского Бога, но никакое определенное существо. Уже сказано, что Бога никто не знал и не знает; сказано, что на небе никто не бывал, а только есть сшедший с неба сын человеческий, и сказано, что человек рожден от духа, и потому здесь под словом "Бог" должно разуметь только источник -- *начало духа в человеке*. Про начало это сказано только то, что оно любило мир, т.е. что все, что мы о нем знаем, есть то, что оно есть: субъективно -- любовь, объективно -- благо. (Ин. III, 17) Бог ведь послал сына в мир не для того, чтобы казнить мир, но для того, чтобы мир был жив им. Бог послал -- дал сына в мир, родил сына миру. Никто не входил на небо, а только сшедший сын человеческий. Всякий человек рожден от Бога. Стало быть, тот дух, который есть в человеке и который рожден от Бога, и сын человеческий, сошедший с неба, и сын Бога, данный миру, и свет, пришедший в мир, -- все это одно и то же. Свет же есть то, что в Введении, ст. 9, 10 и предшествующие, названо разумением -- логос. То, что "свет" значит то же, что "сын Бога" и "сын человеческий" и "дух", подтверждается во всем дальнейшем. И потому надо помнить, что все эти названия: 1) Бог, 2) дух, 3) сын Божий, 4) сын человеческий, 5) свет и 6) разумение -- имеют одно и то же значение и употребляются соответственно отношения, в котором находятся с предметами речи. (стр. 66) Когда говорится о том, что это есть начало всего, -- оно называется *Бог*; когда говорится, что оно противоположно плоти, -- оно называется *дух*; когда о нем говорится до отношению к его источнику, -- оно называется *сын Божий*; когда говорится о проявлении его, -- оно называется *сын человеческий*; когда говорится о соответственности его разуму, -- оно называется *свет и разумение*. (Ин. 111, 18--21) Кто поверит в сына -- не казнен; кто не верит, тот уже казнен тем, что не поверил в самое то, что есть сын, такой же, как Бог. Казнь та и есть, что свет пришел в мир, а люди предпочли темноту свету, потому что были дурны их дела. Потому кто плохое делает, пренебрегает светом, так что и не являются его дела. Кто же в правде живет, тот идет к свету, так что являются его дела. Беседа с Никодимом есть полное изложение всех основ учения Иисуса о царстве Бога на земле. Беседа эта есть объяснение того, что есть человек, что есть Бог, и

что есть жизнь, и что есть царство Бога. Беседа эта есть, с одной стороны, развитие главных мыслей, выраженных в искушении в пустыне, с другой стороны, изложение от имени Иисуса тех самых основ учения, которые выражены от имени евангелиста Иоанна в вступлении. В следующих главах Евангелия Иоанна, кроме прощальной беседы, в которой высказано не сказанное здесь, только с различных новых сторон разъясняется то же, но основные мысли все высказаны здесь. Глава 5-я о случае исцеления в субботу, 6-я о хлебе небесном, беседы в храме и слова по случаю исцеления слепорожденного – разъясняют, освещают, подтверждают многое; но все они, сказанные на известные случаи, отрывчаты, повторяют то, что сказано прежде, неполны и иногда кажутся неясны, если не иметь в виду изложения беседы с Никодимом, разъясняющей мысли, выраженные, в искушении, и повторяющей мысли Введения. Для полного понимания всех последующих бесед необходимо ясное понимание этих мыслей.

ЧТО СКАЗАНО В БЕСЕДЕ С НИКОДИМОМ

1. В стихах с 1-го по 5-й сказано: кроме той причины жизни, которую человек видит в зачатии ребенка в утробе матери от плотского отца, причина жизни человека есть еще другая – неплотская. Иисус называет это неплотское начало жизни Отцом, духом. Это та мысль, которая выражена Иисусом еще в детстве в храме, когда он называл Отцом своим Бога; та же мысль, с которой начинается искушение: *Если ты сын Бога*, и та же выражена в ответе: *Не хлебом жив человек, но исходящим из уст Бога – духом*. Та же мысль выражена в Введении: *По началу было разумение...* и т. д. (Ин. 1, 1); *Все им рождено...* и т. д. (Ин. 1, 3).

2. Стихи 7, 8 и 9 выражают то, что неплотское начало жизни – *разумное и свободное* – каждый человек знает в себе и понимает его, хотя и не знает его источника. Во Введении та же мысль выражена в стихах 4 и 5. 3. В стихах 11, 12 и 13 сказано, что мы не можем, постигнуть того, что на небе это неплотское бесконечное начало, как начало в самом себе; но что мы знаем это бесконечное начало, потому что в нас, в человеке, находится этот дух, исшедший из бесконечного и сам бесконечный, и что этот дух в человеке и есть то, что мы должны считать началом всех начал. Та же мысль выражена в Введении и в стихах: Ин. 1, 18; 1, 2. 4. В стихе 14 сказано, что этот-то дух в человеке, исшедший от бесконечного и относящийся к нему, как сын к Отцу, это бесконечное начало в человеке – есть то, что должно обоготворить, Т.е. заменить вымышленного Бога этим настоящим и единственным Богом. (стр. 67) То же сказано в словах Иоанна Крестителя о царстве Бога: *Когда дух очистит людей*; то же сказано Нафанаилу, когда сказано, что *небо отверсто и человек в общении с Богом*; то же сказано самарянке: *Бог есть дух и служить ему надо в духе и делом*. 5..В стихе 15 сказано, что вера в этого единственного истинного Бога избавляет людей от погибели и дает им жизнь не временную. Эта же мысль выражена в стихах 10, 11, 12 и в гл. 20, ст. 31. В стихе 15 беседы Никодима сказано, что вера в сына человеческого дает жизнь не уничтожающуюся. Во Введении сказано, что вера сделает их сынами Бога. Верить в сына и иметь жизнь не временную – одно и то же. В искушении сказано то же, когда сказано, что Иисус, после искушения, познал могущество духа. 6. В стихах 16 и 17 сказано, что если мы имеем высшее для нас благо – жизнь, то то, что дало нам это благо, должно было желать нашего блага, Т.е. любить нас; и потому, хотя мы и не можем знать самого бесконечного начала, но мы знаем все-таки о нем то, что оно благо (любит нас) и отношение его к нам есть любовь и жизнь наша есть благо. Если же Бог, любя нас, дал нам жизнь, как благо, то он и не казнит и не уничтожает нас, а дает нам жизнь настоящую, не временную, без всякого зла, как это сказано в Послании Иоанна:

"Бог есть свет, и нет в нем ни малейшей тьмы". И эту-то жизнь мы и имеем, полагая свою жизнь в том духе – свете, Боге, который есть источник нашей жизни. Мысль о том, что источник нашей жизни есть любовь, выражена подробно и ясно в притче о виноградарях и в прощальной беседе. 7. В стихе 18 сказано, что нам дана жизнь не временная в духе нашем и что, только отступая от источника жизни, мы уничтожаемся временно; не отступая же от него, мы имеем жизнь не временную. Та же мысль выражена во Введении в стихах 4 и 5. И та же мысль выражена в искушении, когда после того, как Иисус решился работать одному Богу, сила Божия пришла служить ему. 8. В стихах 19, 20 и 21 сказано, что то, что нам представляется казнью, смертью, уничтожением, не есть следствие чьей-нибудь воли вне нас, Бога, как мы себе представляем его, а уничтожение это есть следствие нашей воли. Чтобы ясно понять эту мысль, надо хорошо помнить то, что Иисус ничего никогда не говорил о жизни загробной; напротив, прямо отрицая ее, говорил: *Пускай мертвые хоронят мертвых, Бог есть Бог живых, а не мертвых*. Он говорил только то, что жизнь имеет один источник временный – плоть, другой не временный ДУХ, сын Бога. Полагаясь на источник жизни временной, веруя в него, человек уничтожается, умирает; полагаясь же только на источник жизни – ДУХ, веруя только в него, сына Бога, он имеет жизнь не временную, не уничтожающуюся. Проявление в мире жизни разумения подобно проявлению света среди темноты. И отношение людей к жизни таково же, как и отношение людей к свету. Так же, как во власти каждого человека идти к свету или удаляться от него, так же и во власти каждого человека идти к разумению и жизни или удаляться от нее. Погибель – уничтожение людей, есть только произвольное удаление от разумения и жизни, точно также как темнота есть только следствие произвольного удаления людей от света. Казнь состоит в том, что люди, делающие дурное, сами удаляются от разумения и жизни. И здесь сравнение уже делается тождеством: как люди, делающие дурные дела, не любят света и не идут к нему, чтобы не видны были их дела, что они злы, так точно и люди, делающие дурное, – не любят разумения и не идут к нему, чтобы не видно было, что дела их злы. Быть в свете значит: жить в разумении – не временно; быть во тьме значит: жить вне разумения – погибать. То же сказано во Введении в ст. 4, 5, 9, 10, Ин. гл. 1: В нем была жизнь, и жизнь была свет людям, и свет в темноте светит, и тьма не обняла его. Был свет истинный, который просвещает всякого человека, проходящего в мир. Был в мире и мир им рожден; но мир его не познал. То же сказано и в искушении: когда Иисус сказал, что он работает только **(стр. 68)** Богу – и тем совсем победил дьявола. 9. Все эти мысли выражают то, что Иисус понимает под словами "царство Божие", которое проповедовал Иоанн, и он проповедует. Беседа началась с того, что Иисус сказал, что всякий человек уже по зачатию от Бога находится в царстве Божиим, и вся беседа излагает, что надо разуметь под царством Божиим и как вступить в него. *Возвеличить сына Бога в человеке, полагаться на него, жить в правде – значит жить в царстве Божиим*. Делать обратное – значит уничтожиться .или не быть в царстве Божиим. Беседа с Никодимом заканчивается следующими словами: Бог послал в мир своего сына, такого же, как он сам жизнь разумения, и сделал этим то, что всякий человек может избавиться от гибели и быть живым не временно, быть сыном царства Божия. Цель Бога – не смерть людей, а жизнь. Не для смерти, а для жизни их дана людям жизнь – свет разумения. Тот из людей, кто верит в дух сына, тот живет в свете разумения, тот не умирает и остается в царстве Божиим; а тот, кто не верит в свет духа – сына, тот не живет, а умирает. Только в том и смерть, что людям дан свет жизни, но они делают дурное и тем лишают себя жизни. Всякий, кто делает дурное, выходит из света разумения и уничтожается, а кто живет по правде и остается в свете разумения, тот жив в царстве Божиим. Мысли этих стихов освещает притча о сеятеле: сеятель – Бог, семя – разумение. Люди держат разумение, как

дорога, камни, репы и хорошая земля – семя. Так понимают все, так понимаю и я. Разница моего понимания с пониманием церковным состоит в том, что я понимаю под словом "Бог" *то*, что Иисус определил под этим словом *в искушении, в беседе с Никодимом, в беседе с самарянкою*, а не того Бога творца еврейского, которого отрицал Иисус и которого под словом "Бог" понимает церковь. Если Бог есть творец всемогущий, благой и всеведущий, как понимает его церковь, то является вопрос: зачем он, будучи благом, сотворил человека таким, что человек может быть дурен и погибнуть? Зачем смерть? Бог всемогущий, всеведущий мог не сотворить зла и мог прекратить зло, а допустил его продолжение и размножение. За что же он по губил людей, которых он мог избавить от греха и смерти? Зачем сделал Дьявола и попустил его пасть? Допуская Бога, творца всего, для разъяснения этого противоречия необходимо выдумать дьявола, падение Адама, искупление, благодать... Непонимание учения Иисуса об отрицании еврейского Бога творца и о замене этого Бога *единым Богом духом, Отцом сына человеческого, разумением*, неизбежно вело к изобретению бессмысленных, соблазнительных и безнравственных догматов о творении Богом злых духов, об искуплении и о вечных муках. Стоит только понимать прямо то, что сказано в предшествующих главах и во всем Евангелии о сыне человеческом – однородном отцу, которого признает Иисус, для того, чтобы противоречия этого не существовало. Притчи о сеятеле и другие как бы предугадывают вопрос о том, что есть то, что человек называет злом, и отвечают на него. Иисус объявил, что Бога творца, законодателя и судьи никакого никто не знает и не знал, а есть только в человеке дух, исшедший из бесконечного начала – сын духа, свет разума, и в нем жизнь. В беседе с Никодимом сказано, что источник жизни, Бог, дал жизнь миру, любя его. Не сказано, что Бог любил каждого человека, как и нигде это не сказано; но именно сказано, что Бог любил мир, Т.е. людей вообще, и хотел им дать жизнь, и потому дал миру сына, и тем дал миру, Т.е. людям вообще, жизнь и возможность вступить в царство Божие. И с этим–то стихом и связываются притчи о сеятеле.

ПРИТЧИ О СЕЯТЕЛЕ, ЗАКВАСКЕ И ДРУГИЕ, ОБЪЯСНЯЮЩИЕ ЦАРСТВО БОЖИЕ

Первая притча о сеятеле есть крайнее представление о том, что есть тот Бог, который дал жизнь миру, и зачем (стр. 69) и как он дал жизнь миру. Это крайнее представление о Боге, начале всего, может быть выражено только сравнением. Сравнение такое: сеятель, любящий пшеницу, заботящийся о пшенице, выражает Бога, любящего мир, заботящегося о мире, и как севец не заботится о каждом отдельном зернышке, так Бог не заботится о каждом отдельном человеке. Как севец заботится об урожае, зная, что, несмотря на пропажу многих зерен, урожай будет, сеет повсюду; так; и Бог сеет повсюду, зная, что, несмотря на гибель многих, урожай будет. И Бог не вступает больше в дела мира, как это выражено в притче (Мр. IV, 26–29). Понимая Бога, как его определяет Иисус, обвинение Бога в том, что он сделал зло – смерть и потому любит зло и смерть – устраняется. Обвинение это становится личным вопросом, неправильно отнесенным к общему явлению. Обвинение человеком Бога в том, что он допустил смерть, подобно обвинению в желании смерти, которое бы сделало семечко березовое, одно из миллионов, за то, что другие прорастают, а оно попадает в реку и погибает. Тот, кто сделал миллионы семечек, не затем сделал их миллионы, чтобы они погибали, а, напротив, затем сделал их миллионы, чтобы они не погибали; и потому цель его есть жизнь, а не смерть. С точки зрения

общей, с точки зрения Бога, начала всего, – это разумно. Но если ты спрашиваешь, зачем смерть в тебе, – то ответ на это есть внутренний (и ответ этот дается в притче и во всех учительных местах Евангелия): затем, что ты ее хочешь. Зерно каждое имеет возможность прорасти и принести плод; и каждый человек имеет возможность стать сыном Бога и не знать смерти. На неточность сравнения в объяснении притчи Иисус обращает внимание, когда он говорит (у Луки): *Смотрите, как понимаете*. Так что притча отвечает на вопрос с двух сторон – с внешней и внутренней – и делает ясное разделение между внешним пониманием царства Бога – о целях и путях Бога и внутреннем понимании царства Бога, – о возможности для каждого вступить в него. (Мф. XIII, 1–9; /Мр. IV, 1–9; Лк. VIII, 4–8/) Иисус вышел из дома, сел у моря. И собралось к нему так много народа, что он с берега вошел в лодку. А народ стоял на берегу. И сказал: вот стал хозяин сеять. И попали одни семена на дорогу, и птицы поклевали их. Другие попали на камень, и живо проросли и взошли. А как пригрело солнышко, тотчас и завяли, потому что не было под ними материка, чтобы укорениться, и засохли. Иные попали в репы и взошли; репы и задавили их (и не налило зерно). А еще иные попали на добрую землю, и выросли колосья и налили, и которое дало сам – сто, которое сам – шестьдесят, которое сам – тридцать. у кого есть смысл, тот поймет. В бесконечном, непонятном мире людей – послано кем-то – явилось разумение. Разумение рассеяно во всех людях, как бесчисленное количество зерен рассеяно севцом по всему полю: рассеяно и по дороге, и по камням, и по репьям. Как севец знает, что есть дороги, камни, репы в его поле, что пропадает много зерен, он знает, что все-таки спорей сеять по всему полю, знает, что, несмотря на пропажу, много зерен вырастет и урожай будет, – так рассеяна и жизнь разумения в людях: пропажа будет, (стр. 70) но и урожай будет. Несчетные зерна дают урожай не от каждого поровну: но большая доля погибает, они не нужны; другая же доля дает сам – сто, сам – шестьдесят и сам – тридцать. Так же и жизнь разумения рассеяна во всех людях: одни теряют эту жизнь, другие возвращают ее сторицею. Севец сеял зерна, и ему нужны только зерна, и он соберет только зерна. Таинственный сеятель сеет жизнь разумения, и он соберет только жизнь разумения. Те люди, которые имеют жизнь разумения, те нужны севцу; те, которые утратили ее, те не нужны ему. Все были зерна, но одни погибли в зерне, другие – в ростке, третьи – в былке. Так и люди -- одни прежде, другие после утратили жизнь разумения. Только те, которые берегут в себе разумение, чтобы не перестать быть жизнью, быть тем, из чего они вышли, те только живут; остальные погибают. Таков внешний смысл. Одни люди, как зерна, попавшие в дурную землю; как будто predeterminedены на гибель, другие -- на жизнь с избытком. Но, сказав эти слова. Иисус прибавляет тотчас: "У кого есть уши слышать, пусть слышит". Он говорит те слова, которые он прибавляет всегда, когда можно ложно понять его слова, когда смысл может быть двоякий. Ту же мысль о том, как мы можем понимать цель Бога и образ участия его в жизни мира, выражает и другая притча о сеятеле (Мр. IV, 26--29). (Мр. IV, 26–29) И сказал: таково царство Бога, как если бы хозяин кинул семена в землю. Он сам спит по ночам и встает днем, а семена прорастают и бухнут, а он и не знает как. Земля самородно растит зерно, прежде былку, потом колос, а потом в колосе наливает зерно. И когда усохнет зерно, тотчас посылает жнецов, потому пришла пора жатвы. Разумение дает жизнь людям, но источник разумения Бог, тот Бог, которого никто никогда не знал, не управляет людьми, как тот мужик, который посеял зерно и забыл про него; он знает только свое и принимает его -- это разумение; как мужик убирает с поля то же зерно, которое он посеял, так разумение в людях соединяется с источником разумения. Ту же мысль выражает притча о закваске. (Мф. XIII, 33) Царство небесное как закваска. Взяла баба ее, запустила в меру муки, пока вся квашня поднимется. Баба положила закваску и оставила

квашню киснуть, пока сделается тесто. Бабе больше не нужно ничего делать. То, что она сделала, уже достаточно для того, чтобы вышло то, что ей нужно. Как земля самородно родит, как квашня сама поднимается, так жизнь разумения самородно живет и не прекращается. И опять ту же мысль выражает еще *притча о сеятеле и плевелах* (Мф. XIII, 24-- 30), но с новым и глубокомысленным значением, дающим прямой ответ на вопрос людей о том, что есть зло и как должен человек понимать зло и относиться к нему. (Мф. XIII, 24-30) И Иисус сказал: Вот к чему применить царство Бога: обсеял хозяин себе поле хорошими семенами. Пришел ночью враг, насеял кистерю сверх хлеба и ушел. Вот как выколосился хлеб и стал наливать, и оказался кистерь. Пришли работники к хозяину и говорят: или ты нечистые семена высеял у себя на поле? там кистерю много. **(стр. 71)** Хозяин и говорит: это не я, а чужой сделал. Работники и говорят: так прикажи, мы выполем кистерь. А хозяин говорит: не надо полоть. А то станете дергать кистерь -- попортите хлеб. Пускай растет хлеб с кистерем вместе до уборки, а в уборку велю жнецам отобрать кистерь и сжечь, а хлеб соберу и свезу в сарай. Слова о том, что хозяин сожжет ненужное, а нужное -- хлеб -- соберет в сарай, прямо повторяют то, что сказано: Мф. III, 12. "Лопата его в руке его, и он очистит гумно свое, и соберет пшеницу свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым". Здесь определено, кто именно уничтожит ненужное и соберет нужное: это тот, который будет очищать духом. Дальше будет сказано, что это есть *сын человеческий*. (Мф. XIII, 36-43; /Мр. IV, 10, 14-20; Лк. VIII, 9, 11-15/) И стали ученики спрашивать у Иисуса: Растолкуй нам эту притчу о кистере на поле. И Иисус сказал им: Хозяин сеет хорошие семена -- это сын человеческий. Поле -- это мир людей. Добрые семена -- это сыны царствия Бога, кистерь -- это дурные люди. Чужой -- это соблазн. Уборка -- это конец жизни земной; жнецы -- это власть Божия. Как собирают кистерь и сжигают, так вот будет при конце жизни земной этой. Пошлет сын человеческий своих работников, и отберут из людей царства его все обманы и всех делающих дурное. И бросят их в костер огненный, тогда будет стон и скрежет зубов. Тогда правдивые просветятся, как солнце, в царстве Отца своего. У кого есть смысл, тот поймет.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Дух Бога в человеке -- сын человеческий; все, что мы знаем о Боге, дает жизнь разумения людям так же, как мужик сеет хорошие семена в своем поле, и они растут. Среди жизни разумения является что-то похожее на жизнь, кончающееся смертью. У Луки XVI, 16 сказано: "И отнимется то, что кажется, что есть у него". Что же такое это подобие жизни? Откуда взялось оно? Вопрос этот не относится к Богу духу, а только к людям. Бог дух -- источник жизни, сеет жизнь и собирает жизнь. Только глупые работники могут советовать топтать жизнь, чтобы выполоть то, что не жизнь. Жизнь одна нужна, она одна останется, а остального нет для Бога духа. Временная жизнь кончается, временное все пропадает, погибает; не кончается и не погибает жизнь разумения -- одно то, что есть дух, одно то, что от Бога. В притче этой две главные мысли, два ответа на предполагаемые вопросы: 1) Что есть зло по отношению к Богу? 2) что есть зло по отношению к человеку? Ответ на первый вопрос тот, что зла для Бога -- сына человеческого -- нет. Он есть Бог жизни и блага и не знает зла. Так как он Бог жизни и добра, то **(стр. 72)** зла для него нет, и он не может желать уничтожить его. Желание уничтожения зла есть зло и может быть только в людях, а не в нем. Этот вывод из второй мысли, выраженной здесь только с одной стороны, будет развит впоследствии в учении о неспротивлении злу. Сын человеческий дает жизнь и знает только жизнь в

разумении, и потому всякий человек, перенося свою жизнь в сына, в духа, не может знать зла и потому не может противиться ему. Вторая мысль и ответ на вопрос: что же есть, то, что мы, люди, называем злом, – состоит в том, что–то, что мы называем злом, есть свободное удаление от света и погибель, про которую сказано в беседе с Никодимом, есть то, что свет пришел в мир, а люди ушли от него. Эта мысль о том, что зла для Бога нет, а что для людей оно есть отделение от разумения, излагается в притче о неводе. (Мф. XIII, –47, 48) Еще подобно царство Божие неводу: его закинули вводу и всякой рыбы захватили. Невод стал полон, его вытащили на берег и сели, и хорошие рыбы собрали в ведра, а тухлые выбросили вон. Бог делает то, что делают рыбаки: негодную рыбу бросают, а оставляют одну ту, которая нужна. Рыба отбирается та, какая нужна рыбаку, остальная бросается в море только потому, что она не нужна. Нет вопроса о том, лучше или хуже ей будет. Та рыба, которая в море, той нет для рыбака, как нет для Бога тех людей, которые не сыны его, жизнь которых не в свете разумения. Для Бога зла нет, но для человека есть зло. Зло для него – это жизнь вне разумения. И потому нужно различать наши понятия о зле вообще – объективном зле, как говорят философы, внешнем, и о зле для каждого человека – о зле субъективном, внутреннем. Объективного зла нет. Субъективное зло – есть удаление от разумения, оно же есть смерть. Это разделение двух воззрений изложено в толковании притчи о сеятеле и семенах, попавших в разные земли. (Мф. XIII, 10; Лк. VIII, 9; /Мр. IV, 10/) И подошли к нему ученики и сказали: К чему ты говоришь притчи? По Марку и Луке ученики спрашивают: Что значит притча? По Матфею спрашивают: Ради чего говоришь притчами? Я думаю, что по Марку и Луке значит, что ученики спрашивают и то, что значит притча, и то, к чему он говорит ее. По Матфею значит тоже: к чему говоришь притчи и что они значат? И слова Иисуса отвечают на оба вопроса. Он разъясняет значение притчи, и из значения ее вытекает то, что тем, которые не знают тайн царства Божия, нельзя иначе говорить, как примерно, как в притчах. Им представляется только внешний смысл, а внутреннего они не видят. И потому, соединяя смысл вопроса и ответа из трех евангелистов, я перевожу: *К чему говоришь притчи?* – вопросом, относящимся и к смыслу и к тому, почему он говорит народу притчами. (Мф. XIII, 11; Мр. IV, 11; Мф XIII, 13) Он отвечал им: К тому, что вам дано знать внутренний смысл царства Божия. А тем, что вне – является в примерах. Ради этого толкую им в притчах. Вам дано знать внутренний смысл царства Божия, вы – добрая земля, которая родит сам – сто, сам – шестьдесят, сам – тридцать. (стр.73) А тем не дано, те – дорога, камни, репы. И значение притчи то, что одним открыться смысл, а другим не открыться. Он говорит: Причина, по которой я говорю им притчами, та, что они, не понимая внутреннего смысла, иначе понять не могут. У Луки сказано: Вам дано знать внутренний смысл царства Божия, а остальным – в примерах. (Мф. XIII, 9; 14–18; Лк. VIII, 11, Мф. XIII, 19–23; Лк. VIII, 18 /Мф. XIII, 13, 12/) Кто имеет смысл, тот поймет. И исполняется на них предсказание пророка Исаии: Слухом услышите, а не поймете, и глазами глядеть будете, и не увидите. Потому что зажило сердце у народа этого и зажурили они глаза так, что не видят глазами, и ушами не слышат, и в сердце не принимают, чтоб не обратиться и чтоб я не исцелил их. Ваши же глаза блаженны, – что видят, и уши, что слышат. Верно говорю вам, что пророки и святые желали знать то, что вы видите, и не могли познать, и слышать то, что вы слышите. Вы теперь поймите притчу о сеятеле. Семя – это разумение Бога. Когда человек слышит учение о царстве Божием и не принимает в сердце свое, – враг приходит и похищает то, что посеяно было в сердце его. Это семя, посеянное при дороге. Что на камне посеяно, это тот, кто слышит учение царства Бога, понимает учение и потом с радостью принимает его в сердце. Но не держит

корня сам в себе, а только на время. И как придет теснота, обида :I-за учения, тотчас же поддается обману. А то, что в репьи высеялось – это тот, кто учение понимает, но заботы светские и любовь богатства давит учение, и оно не приносит плода. А то зерно, что попало на хорошую землю, – это тот, кто понимает учение и принимает в сердце свое, то родит которое сам – сто, которое сам – шестьдесят, которое сам – тридцать. Смотрите теперь, как понимаете. Кто держит, тому дастся; а кто не держит, и то, что кажется и есть в нем, и то у того отнимается. Ученики спрашивают: К чему он говорит эти притчи, что он хочет сказать ими? И Иисус отвечает: То, что одним вам дано понимать царство Божие, как зернам, попавшим на хорошую землю. Другим же, как пропадающим зернам, не дано. И вам дано, как зерну в доброй земле, увеличиться, а у них отнимается и та жизнь, которая, казалось, что есть в них, как уничтожается зерно на дороге, камне и в репьях. Вот это–то я и говорю в притчах, потому что они не видят, не понимают своего блага. Они, как те люди, про которых говорит Исаия, что Бог наказал их тем, что они глядя не видят и слушая не слышат. Сердце людей этих ожирело, и оттого они не понимают того, что пред ними. Вы счастливы, что понимаете. Такое значение притчи с, внешней стороны, но внутренний смысл (стр. 74) совсем другой. И Иисус объясняет внутренний смысл. Внешний смысл притчи тот, что для Бога одни люди предопределены к смерти, другие к жизни. Внутренний же смысл тот, что нет предопределения, но каждый может удержать разумение и приобрести его с избытком. Упавшее на дорогу – это: *равнодушие, пренебрежение к разумению*, и потому Иисус предостерегает от равнодушия и пренебрежения и говорит, что люди должны делать усилие, чтобы принять в сердце разумение. Упавшее на камни – это *слабость*, и потому Иисус предостерегает от нее и указывает на то, что человек должен сделать усилие, чтобы не поколебаться от обид и гонений. Репьи – это *заботы мирские*, и Иисус предостерегает и указывает на то, что человек должен сделать усилие, чтобы откинуть их. Хорошая земля – это *понимание и исполнение*, несмотря на обиды и заботы. И Иисус указывает на то, что кто сделает это усилие и исполнит, тот получит жизнь с избытком. (Мф. XIII, 44–46) Царство Божие, как клад, спрятанный в поле. Человек нашел клад и скрыл его (опять). И от радости того, что нашел, идет, и все, что у него – продает, и покупает то поле. Еще царство небесное, как когда купец скупает дорогие камни. И, найдя один драгоценный камень, идет, продает все (прежние), какие имел, и покупает тот. Царство Божие подобно желающему иметь жемчужину или сокровище, про которое он знает, что зарыто на поле. И, узнав об этом, продает все, чтобы приобрести жемчужину и поле. (Мф. XIII, 31, 32) Царство небесное – как березовое семечко; захватив, высеял его человек на своем поле. Хоть и меньше всех семян, когда вырастет, больше всякой травы будет и станет дерево, и птицы пернатые будут вить на ветвях его гнезда.

ЦАРСТВО БОГА

Общее изложение главы третьей Иисус объявляет, что царство Божие пришло, между тем не произошло никакого видимого явления. Объявляет ученикам, что отныне небо отверзто и между небом и людьми постоянное общение. Объявляет, что отдаляться от развратников и развратниц не нужно, что они невиноваты, виноваты только те, которые думают, что они хороши, потому что исполняют закон Божий. Объявляет, что очищений никаких внешних не нужно, что сквернит только то, что изнутри выходит, что только дух очищает. Объявляет, что субботы соблюдать не нужно, что соблюдение это глупо и живое, что суббота есть установление человеческое. Объявляет, что не только постов не нужно, но что все старые внешние обряды только пагубны для его учения.

Наконец, объявляет, что служить Богу жертвами не нужно. Не нужно ни быков, ни овец, ни голубей, ни денег, самого храма не нужно; что Бог есть Дух, что он хочет не жертв, а любви, что ему надо служить – всем, всегда, везде – в духе и делом. Увидав и услышав все это, фарисеи пришли к Иисусу и стали спрашивать его, как же он, отрицая Бога, проповедует царство Божие? И он отвечал им: "Царство Божие, как я проповедую, не такое, какое проповедовали прежние пророки. Они говорили, что придет Бог с различными видимыми явлениями, а я говорю про такое царство Божие, которого при шествии нельзя видеть. "И если скажут вам, вот оно пришло **(стр.75)** или придет, или вот оно здесь, вы им не верьте. Царство Божие не во времени и не в месте в каком-нибудь, оно, как молния, и здесь, и там, и везде – и нет ему ни времени, ни места, потому что вот оно где: оно внутри вас". И после этого фарисей, старшина еврейский, Никодим, пришел к Иисусу тайно и говорит: "Ты учишь, что пришло царство Бога и что оно внутри нас, а не велишь поститься, приносить жертвы, храм уничтожил, какое же твое царство Божие, где же оно?" И Иисус отвечал ему: "Пойми ты, если человек зачат от Бога Отца, то он и увидит царство Божие". Никодим не понял того, что Иисус сказал, что всякий человек уж зачат от Бога, и сказал: "Как же может человек, если он зачат от плоти отца и состарился, опять влезть в утробу матери и снова зачатся от духа – Бога?" И Иисус отвечал ему: "Пойми ты, что говорю: я говорю, что человек, кроме плоти, зачат еще от духа, и потому всякий человек – от плоти и духа, и потому всякий может войти в царство Божие. От плоти – плоть. От плоти не может родиться дух, только от духа может быть дух. Дух это то, что живет в тебе, и живет свободно и разумно, и то, чему ты не знаешь ни начала, ни конца. И это чувствует в себе всякий человек. И потому чему же ты удивился, что я сказал тебе, что мы должны быть зачаты с неба, от Бога – от духа?" Никодим сказал: "Все-таки не верю, чтобы это могло быть так". Тогда Иисус сказал ему: "Какой же ты учитель, если не понимаешь этого? Пойми ты, что я не мудрости какие –нибудь толкую, я толкую то, что мы все знаем, уверяю в том, что мы все видим. Как же ты будешь верить в то, что на небе, если ты не веришь в то, что на земле, что в тебе самом. На небе ведь никто не был, а есть только на земле, в человеке сын Бога – дух, тот самый, который и есть Бог. "Вот этого-то самого сына Бога в человеке и надо почитать, как вы почитали Бога, как Моисей в пустыне возвеличил не плоть змеи, а образ ее, и образ этот сделался спасением людей. Так точно надо возвеличить сына Бога в человеке, не плоть человека, а сына Бога в человеке, чтобы люди, полагаясь на него, не знали бы смерти, а имели бы жизнь не временную в царстве Божиим. "Бог ведь не для погибели, а для блага мира дал сына своего, такого же, как он. Он дал ведь его для того, чтобы всякий, полагаясь на него, не погибал, а имел бы жизнь не временную. Ведь не затем же он произвел сына своего – жизнь в мир людей, чтобы уничтожить мир людей, но он затем произвел сына своего – жизнь, чтобы мир людей был жив им и в царстве Бога. "И кто полагается на сына, тот в царстве Бога – во власти Бога, а кто не полагается, тот сам себя уничтожает тем, что не положился на то, что есть жизнь. Уничтожение в том и состоит, что жизнь пришла в мир, но люди сами идут прочь от жизни. Жизнь есть свет людей. Свет пришел в мир, но люди предпочли тьму свету и не идут к свету. Свет есть разумение, а потому кто дурное делает, тот избегает света разумения, чтобы не видны были его дела, и тот уходит из царства Бога – власти Бога. "А кто в правде живет, тот идет к свету, чтобы видны были дела его, и тот остается во власти Бога". В словах к фарисеям и беседе с Никодимом Иисус объясняет, что он понимает под царством Божиим и под Богом. И Бог и царство Божие – в людях. Бог – это неплотское начало, которое дает жизнь человеку. Это неплотское начало он называет сыном Бога в человеке, – сыном человеческим. "Сын человеческий есть – разумение. Его надо возвысить, обоготворить и жить им. Люди, делающие дурное, – погибают; люди, делающие правду, живут. Кто

живет в разумении, тот живет не временно; кто не живет в нем, тот не живет, а погибает. Что же такое этот Бог Отец, не творец всего и не отдельный от мира Бог, как прежде разумели *его* евреи? Как понимать этого Отца, сын которого в человеке, и как понимать *его* отношение к людям? На это Иисус отвечает притчами.

"Царство Бога надо понимать не так, как вы думаете, что для всех людей в какое-нибудь время и в каком-нибудь месте придет царство Бога, а так, что во всем мире всегда одни люди, те, которые полагаются на сына Бога, – делаются сынами царства, а другие, которые не полагаются на него, – уничтожаются". (стр. 76) Бог дух, Отец того духа, который в человеке, есть Бог и Отец только тех, которые признают себя *его* сынами. И потому для Бога существуют только те, которые удержали в себе то, что он дал им. И стал Иисус им толковать про царство Бога, и толковал он это примерами. Он сказал: "Бог Отец сеет в мире жизнь разумения, все равно как хозяин сеет семена на своем поле. Он сеет по всему полю, не разбирая, какое куда попадет. И вот попадают одни зерна на дорогу, и прилетят птицы и поклюют. А другие на камни, и на камнях хотя и прорастут, да повянут, потому что укорениться негде. А еще иные попадают в полныни, и полныни задавят хлеб, и взойдет колос, да не нальет. А иные попадут на хорошую землю, те всходят и наверх стывают за пропащие зерна и выколашиваются и наливают, и какой колос дает сам – сто, какой сам – шестьдесят, какой сам – тридцать. "Так-то и Бог рассеял разумение в людях. В иных оно пропадает, а в иных родится сторицею, и они-то составляют царство Бога. "Так царство Бога не такое, как вы думаете, что придет Бог царить над вами. Бог только сеет разумение, и царство Божие будет в тех, кто возьмет его. А Бог не правит людьми. "Как хозяин бросит семена в землю, а сам и не думает о них; семена сами бухнут, прорастают, выходят в зелень, в трубку, в колос и наливают зерно. И только когда поспело, хозяин посылает серпы, чтобы сжать ниву. "Так и. Бог дал сына своего, разумение, миру, и разумение само растет в мире, и сыны разумения составляют царство Бога. "Как баба пустит в дежу закваску и смешает с мукой, она уж не ворочает ее, а ждет, чтобы она сама закисла и поднялась. "Пока люди живут, Бог не вступается в их жизнь. Бог дал в мир разумение, и разумение само живет в людях и составляет царство Бога. Бог дух есть Бог жизни и добра, и потому для него нет ни смерти, ни зла. Смерть и зло есть для людей, а не для Бога. "Царство Бога вот к чему применить: хозяин посеял хорошие семена на своем поле. Хозяин – это дух Бога, поле – это мир, семена – это сыны царства Бога. Вот лег хозяин спать, и пришел враг и насеял в поле кистерю. Враг – это соблазн, кистерь – это сыны соблазна. Вот пришли к хозяину работники и говорят: или ты плохие семена сеял, у тебя на поле много кистерю вышло. Пошли нас, мы выполем. А хозяин говорит: не надо, а то вы станете полоть кистерь да и потопчете пшеницу. Пускай растут вместе, придет жатва, тогда велю жнецам отобрать кистерь и сожгу, а пшеницу уберу в сарай. "Жатва – это конец жизни людской, а жнецы – это сила Божия. И как сожгут кистерь, а пшеница очистится и соберется, так и при конце жизни пропадет все, что было обман времени, а останется одна настоящая жизнь в духе. Для Бога зла нет. Бог блюдет то, что нужно ему, – то, что его; а что не от него, того нет для него. "Царство Божие – как невод. Невод протянут по морю и захватят всякой рыбы. А потом, когда выташат, отберут негодных и кинут в море... Так будет и при конце века. Сила Божия отберет хорошее, а дурное бросится. И как он кончил говорить, стали у него ученики спрашивать, как понимать эти притчи. И он сказал им: "Притчи эти надо понимать надвое. Ведь все притчи эти я говорю к тому, что есть одни, как вы, ученики, мои, одни, которые понимают, в чем царство Божие, – понимают, что царство Божие внутри каждого, понимают, как войти в него; а другие не понимают этого. Другие глядят и не видят, и слушают и не понимают. Потому что ожирело их сердце. "Вот я говорю этими притчами надвое и тем и другим. Тем я говорю, что такое для Бога *его* царство, говорю про то, что одни

вступают в царство, другие не вступают, и они могут понимать это. Вам же я говорю о том, как войти в царство Бога. И вы смотрите, понимайте как следует притчу о сеятеле. Для вас притча вот что значит: "Всякий, кто слушает учение о царстве Божиим, но не принимает его в сердце, к тому приходит обман и уничтожает из сердца его учение – это семя, посеянное на дороге. На камне посеянное – это тот, кто услышит учение и с радостью примет. Но нет в нем корня, на время только принимает, а найдет теснота, обида из-за учения, тотчас обижается. В полынях посеянное (стр.77) – это тот, кто учение слышит, но заботы мирские и жадность к богатству душат учение и не дает плода. А на хорошей земле – это тот, кто учение слышит и понимает, и плод родит кто сам – сто, кто сам – шестьдесят, кто сам – тридцать. Потому кто держит, тому дастся многое, а кто не держит, у того последнее отнимется. И потому смотрите, как понимаете притчи. Понимайте так, чтобы не поддаваться обманам, обидам, заботам, а чтобы принести плод сам – сто и вступить в царство Бога. "Царство небесное в душе разрастается из ничего, но дает все. Оно, как семечко березовое, самое маленькое из зерен, когда же вырастет, то больше всех деревьев, и птицы небесные вьют на нем гнезда". После этого пришли ученики Иоанна, спросить у Иисуса, тот ли он, про которого Иоанн говорил: открывает ли он царство Божие и обновляет ли он людей духом? Иисус отвечает и говорит: "Посмотрите, послушайте и расскажите Иоанну, наступило ли царство Божие и обновляются ли люди духом. Расскажите ему, как я проповедаю царство Бога. В пророчествах сказано, что когда наступит царство Бога, то все люди будут блаженны; ну и скажите ему, что мое царство Бога такое, что нищие блаженны и что всякий, кто слушает меня, делается блажен". И, отпустив учеников Иоанна, Иисус начал толковать народу о том, какое царство Божие возвещал Иоанн. Он сказал: "Когда вы ходили креститься к Иоанну в пустыню, чего вы ходили смотреть? Если бы вы хотели смотреть на человека, разодетого в богатую одежду, так ведь эти здесь в дворцах живут. Так чего же вы не видали в пустыне? Вы думаете, что вы ходили затем, что Иоанн был пророк? Не думайте этого. Иоанн был не пророк, а он был тот, про которого писали пророки. Он тот, который возвестил пришествие царства Божия. Верно, говорю вам: не рожался человек больше Иоанна. Он был в царстве Божиим, и потому он был выше всех. Закон и пророки – все это нужно было до Иоанна. А с Иоанна и по сие время возвещается, что царство Божие на земле, и кто сделает усилие, тот входит в него. Законники и фарисеи не поняли того, что возвещал – Иоанн. И они ни во что сочли его. Эта порода – законники и фарисеи, – что сами выдумают, то только и считают правдой. Они долбят свой закон и слушают друг дружку. А, что Иоанн говорил, что я говорю, – они не слышат и не понимают. Из того, что говорил Иоанн, они поняли только то, что он постился в пустыне, и говорят: в нем бес. Из того, что я говорю, они поняли только то, что я не пощусь, и – говорят: он ест и пьет с откупщиками и развратникам друг. Они, как ребята на улице, друг с дружкой болтают и дивятся, что никто их не слушает. Видна их мудрость по делам их. Ведь все, что я учу делать, – все это легко и просто, потому что царство Бога возвещается как блаженство". (стр.78) Глава четвертая НАГОРНАЯПРОПОВЕДЬ

НИЩИЕ И БОГАТЫЕ

(Мф. IX, 35) И обходил Иисус все города и все села и учил в собраниях и, разглашая, возвещал присутствие Бога. Я пропускаю слова "лечил все болезни" как ненужные и относящиеся к чудесным доказательствам истинности учения. (Мф. IX, 36; Мф. V, 1; Лк. VI, 20 /Мф. V, 3/; Лк. VI, 21/Мф. V, 6/) Глядя на народ, Иисус болел о них, что они как шелудивые овцы без пастуха. И, увидев народ, Иисус взошел на гору и

сел там, и подошли к нему ученики его. И, подняв глаза на учеников, сказал: счастливы нищие, бродяги, потому что ваше царство Бога. Счастливы те, что голодны теперь, -- вы насытитесь. Надо не забывать, что как по Матфею, где сказано, что перед тем, как Иисус начал говорить, "ученики подошли к нему", так и по Луке, где сказано, что, подняв глаза на учеников, он начал говорить", -- надо не забывать, что Иисус говорит народу, но речь свою обращает к ученикам, и по Луке говорит им: "Блаженны вы нищие", разумея их так же, как и себя, -- *нищими, бродягами*. У Матфея стоит:
..... ; у Луки (в греческом тексте) просто У Луки ли пропущено или у Матфея прибавлено? Если бы в этом месте Христос хотел сказать о смирении (Толк. Ев. архм. Мих. Ев. Мф.), то он и сказал бы это ясно, как он говорил во многих и многих местах. Здесь же Иисус, очевидно, ничего не хотел говорить о смирении, во-1-х, потому, что нищета духа, т.е. соединение слов , не имеет никакого смысла. П..... значит собственно: *нищий, бездомник, бродяга* без того презрительного значения, которое приписывается этому слову, и потому нельзя сказать: "бродяга духом". Во-2-х, потому, что все Евангелие учит о том, что надо *возвысить дух, жить духом*. Каким же образом Иисус скажет, что блаженны те, которые бедны духом? В-3-х, у Матфея сказано: *блаженны* вообще нищие духом, а потом в числе этих блаженств перечисляются другие, вытекающие из этого состояния блаженства. Между тем "алчущие правды" никак не соединяется с понятием смирения. Если понятие "алчущие правды" и не противоположно понятию смирения, то уже никак не вытекает из смирения. (стр. 79) В-4-х, все следующие блаженства, -- потому что только к первому блаженству прибавлены слова: *их-то есть царство Божие*, -- очевидно, должны разъяснить блаженства, вытекающие из первого. Но понятие: *алчущие правды, милостивые, чистые сердцем* -- не вытекают из понятия смирения. В-5-х, награды, обещаемые за перечисляемые свойства, противоположны понятию смирения: *увидят Бога, получат землю, нарекутся сынами Бога*. Из этого видно, что перевод "смирненными" совершенно не правилен и невозможен, что два слова эти в соединении своем не имеют никакого значения. Какое же имеет значение без? По Луке Иисус говорит: Блаженны вы, *бродяги*, потому что вы в царствии Божию.

- 1) Значение этих слов может быть весьма несогласно с суждениями Иеронима и богатого юноши и всех нынешних и прежних богачей, называющих себя христианами и носителями истин христианских, но значение это совершенно филологически точно. Иисус говорит, что по учению его блаженны бродяги, *то самое*, что он поручил сказать Иоанну, когда его спросили, о чем его учение.
- 2) Значение это совершенно согласно с последующею речью, в которой перечисляются те беды, которые испытывают бродяги, -- по Луке: горе, голод и гонения.
- 3) Значение это совершенно согласно со всем смыслом учения до и после Нагорной проповеди и со всей Нагорной проповедью. Иоанн был нищий, бродяга. Иисус всю жизнь был бродягой. Иисус и учит, что богатым нельзя войти в царство Божие, что надо отвергнуться от всего и т.п.; и вся Нагорная проповедь почти только об этом и говорит. И начинается Нагорная проповедь тем, что *блаженны бродяги*, и кончается тем, что не надо собирать, а жить, как птицы и цветы полевые. Из всего этого ясно, что слово *духом* не пропущено у Луки, но прибавлено у Матфея. Но зачем и как прибавлено это слово? Могло быть то, что в какой-нибудь версии было сказано: Блаженны духом нищие, т.е. что нищие -- бродяги все-таки блаженны духом. При переписках же и передачах понятно, что люди, руководимые тем же чувством, которое охватило и богатого юношу, когда он узнал, что царство Божие принадлежит бездомникам, перенесли это и, как Иероним, объяснили, что Иисус нарочно присовокупил "духом", чтобы понимали, что не бедные, а смиренные. Получившийся темный смысл этих первых слов у Матфея сделал то, что при переписках в эти же первые стихи вошли у Матфея

изречения, вовсе не подходящие к первому блаженству, именно: стихи 5, 6, 7, 8, 9. Мысли, выраженные в этих стихах, ничего не выражают такого, что бы не выражено было в других местах Евангелия более у места и сильнее; здесь же они, очевидно, не в своем месте и вставлены случайно. Для того неясного смысла, который получается от 3-го стиха Матфея, при прибавлении слова "духом", они могли быть вставлены, но при том ясном смысле, который дает версия Луки, они, очевидно, излишни, не у места и нарушают смысл. И потому я пропускаю как непонятное слово, так и вставленные стихи. (Лк. VI, 21 /Мф. V, 4;/Лк. VI, 22 /Мф. V, 11;/Лк. VI, 23 /Мф. V, 12;/Лк. VI, 24-26) Счастливы те, что плачут теперь, потому что вы будете смеяться. Счастливы вы и когда будут ни во что считать вас люди, и когда отшатнутся от вас и ругать будут, и осудят дело ваше, назовут его дурным за сына человеческого. Веселитесь тогда и пляшите, потому что заслуга вам велика у Бога. То же делали с пророками их отцы. **(стр. 80)** Но жалки вы, богатые! Жалки потому, что вы удаляете от себя утешение. Жалки вы, пресыщенные, потому что будете бедствовать. Жалки все те, что сменятся теперь, потому что будете горевать и плакать. Жалки вы, если восхваляют вас все люди; так-то все хвалили лжепророков отцы их.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Из всего учения и примера Иисуса вытекает то, что для достижения царства Божия нужно не заботиться о плотской жизни. Иоанн, первый возвестивший царство Божие, жил в пустыне. И Иисус ушел в пустыню и после пустыни жил без дома и собственности. Главная мысль искушения есть отрицание благ земных. Беседа с Симоном и блудницею, притча о фарисее и мытаре, наставление о том, что сквернит человека, беседа с самарянкою, беседы с фарисеями, с Никодимом -- выражают бесполезность для блага и жизни всего земного и плотского. Притча о произрастающих семенах, где сказано, что две главные преграды для вступления в царство Божие -- это страх перед гонениями и любовь к богатству, -- все говорит об отречении от забот земных. Человек, отрешившийся от забот земных, есть нищий. И вот Иисус прямо называет то внешнее положение, которое нужно для вступления в царство Божие. Он говорит: *Блаженны нищие -- их есть царство Божие.* В беседе по случаю Иоанна Иисус сказал, что его учение в том, что нищие, бродяги -- блаженны. Прежде положение о том, что для блага не нужно заботиться о земном, вытекало из других положений; теперь же Иисус, излагая сущность своего учения, обращаясь к народу и выражая сполу мысль доступно всем, говорит, что *только нищий и бродяга* может вой-ти в царство Божие, что богатые, пресыщенные и восхваляемые не войдут, потому что богатство, пресыщенность и слава удаляют царствие Божие. И вся дальнейшая проповедь есть только доказательство этого положения.

СОЛЬ ЗЕМЛИ; СВЕТ МИРА

(Мф. V, 13 /Мр. IX, 50; Лк. XIV, 34, 35;/Мф. V, 14, 15/Лк. XI, 33;/ Мф. V, 16) Вы соль мира; если уж соль не солонка, то чем посолить? Никуда уж она не годна. Разве что бросить ее под ноги людям. Не может скрыться город на вершине горы. И кто зажигает свет, тот не ставит его под четверик, а ставит его на подсвечник, чтобы он светил всем в горнице. Так чтобы светил ваш свет перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и понимали бы Отца вашего -- Бога. Слова: *блаженны вы, нищие, бродяги,*

потому что ваше царство Божие -- не суть цветы чувствительного красноречия, какими представляются слова: *блаженны нищие духом* и т.д., по Матфею, а страшная, ужасная истина для людей, признающих хорошим то положение общества, которое они себе устроили, и -- полная радости истина для всех несчастных. И слова эти, понятные во всей их значительности, требуют разъяснения, и все дальнейшее только дает эти разъяснения. Разъяснение то, что вы, нищие -- соль земли, и вы блаженны, потому что ваше царство Божие, но оно, ваше только тогда, когда вы соленая соль, когда знаете, что блаженство состоит в нищенстве, когда вы хотите его. Тогда вы соль мира. Вы украшение, смысл мира. Но если вы бродяги нечаянно и хотите быть не бродягами, (стр. 81) то вы, как расселившаяся соль, уже никуда не годны, тогда вы отребье рода человеческого. Бродяги, нищие, недовольные своим положением, уже никуда не годятся, и поделом люди топчут их ногами. Тем, что вы поняли, что вы блаженны нищенством -- вы свет мира, и как свет не прячут, но выставляют, так и вы не отрекайтесь от своего нищенства, не скрывайте его, а выставляйте, как свет. И свет этот будет светить другим людям, и другие люди, глядя на вашу самовольную нищенскую и блаженную жизнь, -- поймут Отца вашего.

ВЕЧНЫЙ ЗАКОН

(Мф. V, 17,18; /Лк. XVI, 17/) Не думайте, чтобы я учил о том, как уничтожить закон. Я учу не уничтожать, а исполнять. Верно говорю вам: пока небо и земля стоят, и каждое положение закона будет стоять перед вами до тех пор, пока не будет исполнено все. Я опускаю слова "или пророков". "Закон и пророки" было обычное выражение, и потому естественно к слову "закон" могло быть прибавлено "пророки"; прибавка же эта нарушает смысл, ибо речь идет не о законе и пророках, а о законе вообще. Иисус говорит: "По всему, что вы слышали и видели от меня -- отрицание обрядов, храма, и теперь по тому, что я говорю, что блаженны бродяги, и увещаю всех сделаться бродягами, -- вы можете думать, что я развязываю руки всем людям, говорю: *делай, что хочешь, нет ни хорошего, ни дурного, нет закона*. Так не думайте этого: я вовсе не тому учу, я не учу беззаконию, а учу исполнению закона и вот какого", -- и говорит о тех правилах, о правилах маленьких этих, которые он дает: "кто будет поступать так, т.е. так, как я сейчас скажу, тот будет в царствии Божием". Мало того, в некоторых цитатах отцов церкви все место это читается так: "Что вы думаете: я пришел исполнить закон или пророков? Не исполнить пришел я, а уничтожить". Только в этом обороте речи понятны слова "или пророков". Очевидно, что этот весь оборот речи не был принят в канон, но слова "или пророки" были приняты из него и перенесены в речь, где они непонятны. 18-й стих весь служил и служит до сих пор камнем преткновения богословов. Непонимание простого смысла и отыскивание искусственного произошло и здесь от того же, от чего произошло непонимание стихов 14, 15 и 16: первым стихам блаженств -- тезису всей речи придан ложный смысл; как же не путаться в объяснениях дальнейшего. (Смотри толк. Еванг. Ев. Мф.). Стоит только не разрывать учения и рассматривать его в связи с предшествующим и последующим, и смысл опять не только ясен, но необходим. Иисус говорит: надо быть нищим, бродягой, чтобы войти в царство Божие, т.е. отрешиться от всех форм жизни. Бродяга был и есть презренное существо, которому все как будто позволено, которое вне закона. В стихах 15-м и 16-м Иисус сказал: надо быть бродягой не невольным, но вольным. В этих двух стихах он опять говорит о том, что надо быть бродягой, не таким бродягой, для которого нет закона и все позволено, а, напротив, бродягой, исполняющим закон, т.е. известные правила. Лк. XVI, 16. Закон и пророки до Иоанна: с сего времени царство Божие

благовестуется, и всякий усилием входит в него. Сказано: *закон и пророки*, т.е. закон писанный, еврейский, был нужен до Иоанна, а *теперь царство Божие возvesчается* и т.д. и вслед за этим: *Скорее небо и земля перейдут, чем пропадет одна черта из закона*. Или Лука нарочно сопоставил два стиха, противоречащие друг другу, или он разумел под *законом и пророками одно*, -- то, что уничтожилось со времени Иоанна, и под **(стр. 82)** *законом без прибавления "пророки"* другое, -- то, что никогда не может уничтожиться, пока есть люди. То, что в ст. 17, 18, гл. V Мф. говорится о законе *loi marale*, ясно еще из того, что в конце проповеди, перечислив все, что должно делать, Иисус говорит: в этом (т.е. в этих маленьких правилах) весь закон и пророки, т.е. эти немногие правила заменяют весь писанный закон. Иисус говорит: не уничтожаю закон, напротив, выполняю его, потому что неизменное земли и неба существует закон человеку -- *пока все не соделается*. У Луки надо понимать: *пока все не будет делаться по закону*. Мысль та, что закон, указание того, что *должно*, существует и всегда будет существовать, пока мир существует и пока все не исполнится, т.е. что закон может не существовать только в двух случаях: 1) если бы мир прекратился и 2) если бы люди исполняли всегда закон, так как закон есть только указание того, что не исполнено, указание отклонения. (Мф. V, 19, 20) Так что, если кто сочтет ненужным хоть одно из правил этих немногих и научит так людей, тот и самым малым будет в царствии Божиим. А кто сделает и научит, тот самым большим будет в царствии Божиим. Говорю вам вперед, что если ваше исполнение будет такое же, как исполнение книжников и фарисеев, вы никак не войдете в царство Божие. Если бы речь шла о заповедях Моисея, то зачем же говорить: *этих заповедей*. Каких этих? Всех? Тогда не нужно говорить "этих" или "тех", которые упомянуты с тем, чтобы уничтожить их. Как же сказано, что ни одна буква не пропадет из закона? Иисус говорит: *Вы будете бродяги*, но закон есть и должен быть для всякого человека, и вот я дам вам правила немногие, но если соблюдете эти немногие правила, то будете в царстве небесном. И, выясняя это, говорит: для того, чтобы войти в царство Божие, надо быть лучше, чем фарисеи, -- они исполняют писанный закон, а чтоб войти в царство небесное, нужно, чтобы правда ваша по отношению к закону была больше, чем правда фарисеев, которые не исполняют закон.

ПЕРВОЕ ПРАВИЛО: НЕ СЕРДИСЬ

(Мф. V, 21, 22) Вы слышали, что сказано древним: не убивай. Кто убьет, тот подлежит суду. А я вам говорю, кто сердится на брата своего, тот уже подлежит суду. А если кто скажет своему брату: *сволочь*, тот подлежит суду уголовному. А если кто скажет своему брату: *сумасшедший*, тот подлежит суду. Во многих списках нет слова "напрасно"; нет ни у Лютера, нет и в Вульгате, нет и в Тишендорфском издании, и слово это признано вставкой. Объяснять очевидность вставки этого слова излишне. Всякому понятно, как грубо оно противоречит смыслу всего учения, как просто глупо оно. Если только напрасно нехорошо гневаться, то можно гневаться не напрасно. И судьей того, что напрасно и не напрасно, кто же будет? Вот то рассуждение, которое делает по случаю этой вставки церковь (Толк. Еванг.): *Гневающийся напрасно*: Есть гнев, так сказать, законный, справедливый, когда он обращен на грех, на беззаконие, на преступление и происходит из ревности о славе Божией и спасении ближнего. Сам Бог гневается на грешников. Христос на фарисеев-лицемеров смотрел с гневом (Мр. III, 5). Не о таком гневном говорится здесь, а о гневном без причины, напрасно, по самолюбию, о гневном, не основанном на любви к истине и добродетели. Если кто гневается **(стр. 83)** справедливо, для вразумения, по духовной ревности, тот не будет осужден (Феоф.). Вставка эта замечательна как пример тех

умышленных искажений, которым подверглось Евангелие. Маленькое словечко, а как оно губит весь смысл, и сколько таких еще есть вставок! Халдейское слово "Рака" означающее: *презрение*, может быть переведено: *отверженец или сволочь*. Вся речь, начатая с примера закона Моисея о том, что за убийство надо судить, ведется сообразно взятому сравнению. По закону Моисея за убийство надо судить, т.е. высшее наказание за убийство. Иисус говорит: Как вам запрещено убийство, так с такою же строгостью я запрещаю злобу на брата в сердце своем. Проявление же этой злобы в выражении презрения к человеку я еще строже запрещаю; еще большее проявление презрения -- "сумасшедший", т.е. человек, к которому нельзя относиться разумно, -- еще строже. Степень строгости запрещения выражается наказанием; так и выражает его Иисус. Но, очевидно, Иисус не предписывает ни синедриона, ни геенны. Если понимать так, что это будет на том свете, то непонятно, какой там будет синедрион. Поэтому очевидно, что как синедрион, так и геенна разумеются не как нечто имеющее быть на том свете, -- все значение только в большей степени преступности. (Мф. V, 23, 24) Так что если принесешь дар твой к алтарю и вспомнишь о том, что есть брат у тебя и есть у него против тебя что-нибудь, -- оставь там дар твой пред алтарем и поди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди принеси дар твой. Прежде сказано было, что дар не нужен Богу. Все, что служило для того, чтобы приносить дары, -- выгнано из храма и запрещено вносить что-нибудь, и потому Иисус не мог противоречить себе и велеть приносить дар. Последние слова яснее были бы так: *Тогда, когда пойдешь, -- примиришься с братом этим самым и принесешь дар Богу*. Что слова эти надо понимать так, вытекает из молитвы "Отче наш", в которой все отношение к Богу выражается прощением должникам. (Мф. V, 25 /Лк. XII, 58/; Мф. V, 26 /Лк. XII, 59/) Будь доброжелателен с противником своим, пока еще он с тобою на пути, а то как бы тот не отдал тебя судье, а судья отдаст сторожу, и попадешь в тюрьму. Тогда ты сам знаешь, уже не выберешься, пока не отдашь последнюю копейку. О гневе сказано, что внутренний смысл воздержания от гнева в том, что нельзя думать о Боге, обращаться к Богу, имея злобу на людей. Теперь говорится о внешнем, практическом значении гнева. Гнев -- это твой враг, противник правды, и потому как можно скорее разделяйся с ним так же, как ты знаешь, что выгоднее разделаться с противником еще до суда. В том же смысле употреблена эта притча и у Луки, как будет объяснено в своем месте. Почти во всех объяснениях правил, даваемых Иисусом, приведены два довода, почему нужно делать то, что он велит: один довод внутренний -- почему это хорошо; другой внешний -- почему это выгодно. И здесь пример примирения с противником до суда есть пример того, что кроме того, что воздержаться от гнева хорошо, это и прямо выгодно. То же будет и в следующем примере. (стр. 84)

ВТОРОЕ ПРАВИЛО: НЕ БЛУДИ

(Мф. V, 27; Мф. V, 31, 32, 28) Вы слышали, сказано: Не блудите. И сказано же: Кто если разойдется с женою своею, пусть даст ей отпускную. Я же говорю вам: кто если разойдется с женою, тот кроме того, что это распутство, -- вводит ее в блуд. И кто на разведенной женится, тоже блудит. И всякий, кто глядит на женщину с похотью, тот все равно, что соблудил с нею. Для ясности мысли и выражения стих 31-й должен стоять вслед за 27-м. За 31 -м -- 32-й, после -- 28-й и 29-й. В книге Левит (XX, 10) сказано: "Если кто сблудит с замужнею женою, с женой своего соотечественника, обоих, мужчину и женщину, убить" и т.д. Слова эти, очевидно, относятся к заповеди, что сделать с прелюбодеем. (Мф. V, 29, 30). Если глаз твой ловит тебя, вырви его и брось от себя; потому сходнее тебе, чтобы один глаз пропал, чем всему тебе

сгореть. Если правая рука твоя ловит тебя, отруби ее и брось от себя. Сходнее тебе, чтобы одна рука твоя погибла, чем всему телу сгореть. Как птица поймавшая в сеть, охотно бы отдала глаза свои, те, которые соблазнили ее, за то, чтобы всей ей не погибнуть, и лисица отдала бы лапу свою, чтобы всей ей не попасть в капкан, и как она часто и отдает, отвернув лапу, так и ты знай, что "глубокая пропасть -- уста блудниц, и погибает тот, кто упадет в нее". (Притч. Сол. XXII, 14.) Оторви лучше все то, что подводит, ловит тебя, чем самому всему погибнуть. Слова -- "кроме вины любодеяния" (Мф. V, 32) -- мне представляются неправильно переведенными. Подробность этого условия, при котором можно отпускать жену, противоречит всему складу учения. Или слова эти должны быть пропущены, или запятая должна быть выпущена, и вводное предложение это должно быть отнесено не к сказуемому "разойдется", а к сказуемому "блудить". Смысл их тогда таков: муж, бросая жену, кроме того, что это само по себе есть распутство, виноват еще тем, что он ее бросил и тем заставляет блудить ее и того, кто с ней сойдется. Как при объяснении, почему не нужно сердца иметь на брата, Иисус дал причину внутреннюю -- нельзя думать о Боге, имея злобу, и причину внешнюю -- самому хуже будет, так и в этом случае Иисус говорит, что внутренняя причина та, что человек, отдающийся блудной страсти, губит свою душу, и лучше отрезать, как руку, все, что втягивает душу в погибель, и говорит, что внешняя причина та, что всякое прелюбодеяние, как всякий гнев, растет и распространяется само собою. Он говорит: всякий женатый не должен иметь других женщин и оставлять свою жену, потому что если он оставит, то она побуждается к распутству, и она и тот, кто сходится с нею, и тогда нет пределов распутству. По толкованиям церкви (Толк. Еванг.,) выходит, что Иисус дает пример, как исполнять закон Моисея; по Феофилакту -- исправляет закон, т.е. как будто только определяет то, что должно называться прелюбодеянием, тогда как Иисус вовсе не определяет ничего, а как в первом правиле о гневе показывает, почему для сынов царства Божия нельзя иметь гнева, так и теперь -- почему сынам царства Божия нельзя быть блудниками. Он говорит: если человек будет желать иметь женщину, то он погубит свою душу, и, отдаваясь этому, переменяя жен, будет распространять распутство и в женщинах и в мужчинах. Он показывает на вред распутства, находящийся в нем самом, (стр. 85) а не определяет, что можно, чего нельзя, что надо называть прелюбодеянием и что можно не называть прелюбодеянием. Он говорит второе свое маленькое правило. Первое правило было: "Не сердись никогда". И, сказав это маленькое правило, он показал, почему оно необходимо и разумно. Теперь он сказал второе правило: "Никогда не считай хорошим чувство любви к женщине" -- то самое, что в нашем христианском обществе считается самым прекрасным делом и что воспевается на все лады в миллионах книг. И, сказав это, Иисус показал, почему это другое маленькое правило необходимо и разумно.

ТРЕТЬЕ ПРАВИЛО: НЕ КЛЯНИСЬ

(Мф. V, 33-37) Слыхали тоже, что сказано древним: держи присягу, исполняй то, в чем клялся перед Богом. А я говорю вам: вовсе не клянись; не божись небом, -- там Бог; ни землею, -- она Божия; ни церковью, -- она тоже Божия. Ни головою своею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса на голове белым или черным сделать. И потому слово ваше чтобы было: да, да, нет, нет; а что лишнее против этих слов, то зачалось от диавола (обмана).

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Вот третье из правил, которое дал Иисус для вступления в царство Божие, и ко всем трем одинаково относится церковь: она прямо отрицает их. В первом правиле сказано: *не сердись* -- церковь вставляет словечко "напрасно" и объясняет, что гневаться можно, и слова Иисуса ничего не значат. "Если хочешь молиться, то поди помирись с братом". Церковь говорит: это может быть неудобно, и потому можно молиться и тогда, когда и не пойдешь мириться; когда от меня страдают люди, когда миллионы в нужде, тюрьмах, на убийстве, и меня за то упрекают, -- можно молиться, только надо сказать себе, что я примирился в сердце, -- и слова Иисуса ничего не значат. Во втором сказано: *не блуди*, и, как пример этого, говорится, что кто разведется с женою, тот сам прелюбодей и жену делает прелюбодейкой и того, кто женится на разведенной. Церковь поняла так, что Иисус дает правила о том, что считать законным и что незаконным. И что ж? Церковь освящает разводы. По отношению третьего правила делается то же, но еще поразительнее. Третье правило выражено так коротко и ясно, перетолкования, казалось бы, не могло быть, за исключением стихов ненужных, о том, каким словом не нужно клясться. В третьем правиле Иисус говорит только: "В старину говорили: "держи присягу", а я говорю: *Не клянись ни Богом, ни своею головою, потому что все во власти Бога, и твоя голова, и потому говори: да, да, нет, нет, а что сверх этих слов, то зло*". Не понять смысла этого нельзя. Если церковь так лжет, она знает зачем: она знает, что устройство общества и ее устройство держатся на присяге, потому она и не может не лгать. Иисус говорит именно про ту самую клятву, которую церковь хочет оправдать. Настоящее значение этих слов то, какое в них сказано. Сказано: *Не присягай*. Связь со всем учением следующая: О... *значит условие, уговор, обещание*, утвержденное какими-нибудь залогами. Когда уговор утверждается тем, что стороны обещаются Богу, когда говорят: Убей меня Бог, если я это не сделаю, -- то залогом этим ставится Бог, и это есть клятва. Объясняя, почему не должно клясться, Иисус говорит, что человеку (стр. 86) нельзя делать никаких уговоров. Если он ручается небом, то он залогом своего уговора ставит Бога, Бог же вовсе не ручается за него. И потому все эти клятвы бессмысленны. Если же человек ручается своею головою, то и это может делать только тот, кто не в царствии Божием. В царствии Божием всякий человек знает, что он весь во власти Бога и сам не может ничего сделать, ни даже цвета волоса переменить. Всякая клятва есть обещание того, что человек то или другое сделает во всяком случае; но как же человек, признающий царство Божие, т.е. *власть над собою Бога*, может обещать земное дело? Одно и то же дело земное может быть хорошо и дурно, согласно или противно воле Божией. Я приду туда--то в субботу, поклянусь я, и в субботу будет умирать друг, отец, жена, и будет меня просить побыть с ним. Я клянусь, что дам тогда--то 3 рубля, но у меня будет просить умирающий с голоду эти 3 рубля, как же мне не дать ему? Я клянусь повиноваться Ивану Ивановичу, и он велит мне убивать людей, а Бог запрещает мне это. Это можно было делать, когда не известна была воля Божия, когда был закон и учителя (пророки), а не тогда, когда наступило царство Божие. Человек весь во власти Божией и ей одной повинуются. И дело его одно -- творить волю Божию. Так кому же он будет клясться? И зачем? И в чем? И потому не клянитесь вовсе; говорите да, если да, нет, если нет; и знайте, что всякое, какое бы ни было обещание, подтверждаемое клятвою, есть злое дело, -- дело, происшедшее от зла, дело, под которым кроется злой умысел.

ЧЕТВЁРТОЕ ПРАВИЛО: НЕ ПРОТИВЬСЯ ЗЛУ ЗЛОМ

(Мф. V, 38; /Исход. 21,24/; Мф. V, 39 /Лк. VI, 29/; Мф.У, 41,42/Лк.У1, 30/; Мф.У, 40/Лк.У1, 29/; Лк. VI, 37 /Мф. VII, 1/; Мф. VII, 2,3 /Лк. VI, 41/; Мф. У,УИ4 /; Лк. VI, 42/; Мф. VII, 5 /Лк. У1,42/; Лк. VI, 39, 40; Лк. VI, 43 /Мф. VII, 17-18/; Лк. VI, 44/Мф. VII, 16,20/;Лк.У1,45;Мф. VII, 6,15; Мф XII, 34,36,37)

Слыхали, что сказано: глаз за глаз и зуб за зуб. А я говорю: не борись со злом; кто хлестнет тебя в правую скулу, подверни ему левую. И кто тебя насильно поведет для себя версту, иди для него две. И всякому, кто просит у тебя, давай. И не убегай от того, кто хочет занять у тебя. И у того, кто взял твое, не проси назад. И тому, кто хочет засудить тебя, чтобы рубаху снять, отдай ему и кафтан. Не судите, чтобы не судиться, и не присуживайте никого, и вас не присудят; спускайте, и вам спустят. Потому что каким вы разбором разбираете, таким и вас будут разбирать. Какою мерою мерите, такую и вам отмерят. Что выглядываешь соринку в глазу брата твоего, а что в твоём глазу целая щепка, то того не чуешь. Как же ты скажешь брату: брат! ну-ка я выну соринку у тебя из глаза, когда ты сам в своём глазу щепы не чуешь? Обманщик! вынь прежде щепку из твоего-то глаза, тогда разглядишь, как вынуть соринку из глаза брата. Разве слепой может водить слепого? Ведь упадут оба в яму. Ученик ведь не бывает выше учителя. Когда и совсем выучен, все будет только таким, как учитель. (стр. 87) Потому нельзя от доброго дерева быть плоду дурному. Нет доброго дерева, от которого бы родился дурной плод. Каждое дерево по плоду узнается. Добрый же человек из доброго склада в сердце выносит доброе, а злой человек из злого склада в сердце своём выносит злое. И не давайте святого псам и не выбрасывайте своего самого дорогого перед свиньями, чтобы они не потоптали его ногами и потом, повернувшись на вас, не разорвали бы вас. Отдаляйтесь же лжеучителей, которые подходят к вам в овечьих одеждах, внутри же хищные волки. Выродки чудовищ! как можете говорить (для добра), когда вы злы. Говорю же вам, что за всякое пустое слово, которое скажут люди, заплатят за это слово, когда придет разборка. Потому что словами оправдаешься, и словами осудишься. "Око за око и зуб за зуб" есть выдержка из следующего места Исхода. Исход XXI, 1. И вот законы, которые ты объявишь им. 2. Если купишь раба еврея, пусть он работает (тебе) шесть лет, а в седьмой год пусть выйдет на волю даром. 3. Если он пришел один, пусть один и выйдет. А если он женатый, пусть выйдет с ним и жена его. 4. Если же господин его дал ему жену, и она родила ему сынов или дочерей, то жена и дети ее пусть останутся у господина ее, а он выйдет один.... 5. Но если раб скажет: Люблю господина моего, жену мою и детей моих, не пойду на волю. 6. То пусть господин его приведет его пред судей и поставит его к двери или к проколет ему господин его ухо шилом, и он останется рабом его вечно. 7. Если кто продаст дочь свою в рабыни, то она не может выйти, как выходят рабы. 8. Если она не угодна господину своему и он не обручит ее, пусть позволит выкупить ее; а чужому народу продать ее (господин) не властен, когда сам пренебрег ее. 9. Если он обручит ее сыну своему, пусть поступит с нею по праву дочерей. 10. Если же другую возьмет за него, то она не должна лишаться пищи, одежды и супружеского сожития; 11. А если он сих трех вещей не сделает для нее, пусть она отойдет без выкупа. 12. Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти. 13. Но если кто не злоумышлял, а Бог попустил ему попасть под руку его, то я назначу у тебя место, куда убежать (убийце). 14. А если кто с намерением умертвит ближнего коварно (и прибежит к жертвеннику), то и от жертвенника моего бери его на смерть. 15. Кто ударит отца своего или свою мать, того должно предать смерти. 16. Кто украдет человека (из сынов израилевых и поработив его), продаст его, или найдется он в руках у него, то должно предать его смерти. 17. Кто злословит

отца своего или свою мать, того должно предать смерти. 18. Когда ссорятся (двое) и один человек ударит другого камнем или кулаком, и тот не умрет, но сляжет в постелю; 19. то, если он встанет и будет выходить из дома с помощью палки, ударивший (его) не будет повинен смерти, только пусть заплатит за остановку в его работе и даст на лечение его. 20. А если кто ударит раба своего или служанку палкою и они умрут под рукою его, то он должен быть наказан. 21. Но если они день или два дня переживут, то не должно наказывать его, ибо это его серебро. 22. Когда дерутся люди и ударят беременную женщину и она выкинет, но не будет другого вреда, то взять с виновного пеню, какую наложит на него муж той женщины, и он должен заплатить оную при посредниках. 23. А если будет вред, то отдай душу за душу. 24. Глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, (стр. 88) ногу за ногу. 25. Обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб. 26. Если кто раба своего ударит в глаз или служанку свою в глаз и повредит его, пусть отпустит их на волю за глаз. 27. И если выбьет зуб рабу своему или рабыне своей, пусть отпустит их на волю за зуб. 28. Если вол забодает мужчину или женщину до смерти, то вола побить камнями, а мяса его не есть; а хозяин вола не виноват. 29. Но если вол бодлив был и вчера и третьего дня, и хозяин его, быв извещен о сем, не стерев его, а он убил мужчину или женщину, то вола побить камнями и хозяина его предать смерти. 30. Если на него наложен будет выкуп, пусть даст выкуп за душу свою, какой наложен будет на него. 31. Сына ли забодает, дочь ли забодает, по сему же закону поступать с ним. 32. Если вол забодает раба или рабу, то господину их заплатить тридцать сиклей серебра, а вола побить камнями. 33. Если кто раскроет яму или если выкопает яму и не покроет ее, и упадет в нее вол или осел, 34. то хозяин ямы должен заплатить, отдать серебро хозяину их, а труп будет его. 35. Если чей-нибудь вол забодает до смерти вола у соседа его, пусть продадут живого вола и разделят пополам цену его; также и убитого пусть разделят пополам. 36. А если известно было, что вол бодлив был и вчера и третьего дня, но хозяин его (был извещен о сем) не стерев его, то должен он заплатить вола за вола, а убитый будет его.

XXII, 1. Если кто украдет вола или овцу и заколет или продаст, то пять волов заплатит за вола и четыре овцы за овцу. 2. Если кто застанет вора, подкапывающего, и ударит его так, что он умрет, то кровь не вменится ему. 3. Но если взойшло над ним солнце, то вменится ему кровь. Укравший должен заплатить, а если нечем, то пусть продадут его для уплаты за украденное им. 4. Если (он пойман будет и) украденное найдется у него в руках живым, вол ли то, или осел, или овца, пусть заплатит (за них) вдвое. 5. Если кто потравит поле или виноградник, пустив скот свой травить чужое поле (смотря по плодам его), пусть заплатит со своего поля; а если потравит все поле, пусть вознаградит лучшим из поля своего и лучшим из виноградника своего. 6. Если появится огонь и охватит терн, и выжжет копны, или жатву, или поле, то должен заплатить, кто произвел этот пожар. 7. Если кто отдает ближнему на сохранение серебро или вещи, и они украдены будут из дома его, то, если найдется вор, пусть он заплатит вдвое. 8. А если не найдется вор, пусть хозяин дома придет пред судей (и поклянется), что не простер руки своей на собственность ближнего своего. 9. О всякой вещи спорной: о воле, об осле, об овце, об одежде, о всякой вещи потерянной, о которой кто-нибудь скажет, что она его, дело обоих должно быть доведено до судей. Кого обвинят судьи, тот заплатит ближнему своему вдвое. 10. Если кто отдаст ближнему своего осла, или вола, или овцу, или какой другой скот на сбереженье, а он умрет или будет поврежден, или уведен, так что никто сего не увидит. 11. клятва пред Господом да будет между обоими в том, что взявший не простер руки своей на собственность ближнего своего, и хозяин должен принять, а тот не будет платить. 12. А если украден будет у него, то должен заплатить хозяину его. 13. Если же будет зверем растерзан, то

пусть в доказательство представит растерзанное. За растерзанное он не платит.

14. Если кто займет у ближнего своего скот, и он будет поврежден или умрет, а хозяина его не было при нем, то должен заплатить. 15. Если же хозяин его был при нем, то не должен платить. Если он взят был в наймы за деньги, то пусть и пойдет за ту цену. 16. Если обольстит кто девицу необрученную и переспит с нею, пусть даст ей вено (и возьмет ее) себе в жену. 17. А если отец не согласится (и не захочет) выдать за него, пусть заплатит (отцу) столько серебра, сколько полагается на вено девицам. 18. Ворожеи не оставляй в живых. 19. Всякий скотоложник да будет предан смерти. 20. Приносящий жертву богам, кроме одного Господа, да будет истреблен.

Вот все то место, которое имели в виду евреи, когда Христос говорил: Вам сказано "око за око" и т.д. Приводя слова "око за око и зуб за зуб", относящиеся к поврежденной женщине,

(стр. 89) Иисус, очевидно, говорит не об одном этом случае, но вообще о суде и наказаниях, которые составляют содержание этих глав. Он говорит о старинных средствах защиты от зла -- о суде и наказаниях и вслед за тем говорит: "А я говорю: не боритесь со злом, или правильнее -- не защищайся от зла этим путем, а делай обратное", и показывает, какие это обратные действия. Вследствие этого стихи о суде человеческом, стоящие у Матфея в 7-й главе, а у Луки прямо после того места, где говорится о том, чтобы давать просящему и быть жалостливым, -- я переношу в эту главу, где они прямо вытекают из места Ветхого Завета, где речь идет об уголовном суде. Отнесение этих стихов в 7-ю главу, где они стоят совершенно без связи с последующим и предшествующим, совершенно ясно объясняется тем, что слова о суде уголовном поняты как слова, относящиеся только к осуждению словами. Вследствие этих же соображений я переставляю и стих 40-й (Мф. гл. 5-я) после 41-го и 42-го, так как стих 40-й говорит о суде. И за этим стихом естественно следуют стихи 7-й главы Матфея и 37-й стих 6-й главы Луки.

Здесь в Нагорной проповеди в первый раз употреблено слово, и значение его само собою определяется этим местом. Если бы не существовало фальшивого толкования слова и р в смысле злословия, то никому бы и в голову не пришло толковать ясное значение этих слов: засудить и снять рубашку. Сказать, что в проповеди, где Иисус излагает перед бродягами сущность своего учения, он говорит, что бродяги не должны быть злоречивы, показалось бы безумной шуткой, если бы мы не привыкли так к кощунственному толкованию церкви. К счастью, слово здесь стоит так, что перетолковывать нельзя; но церковь и тут продолжает кощунствовать:

Впрочем, законная защита собственности сим не исключается, а равно и правая тяжба на суде. Для человека же, ищущего смысл учения и не считающего настоящего порядка вещей осуществлением христианского устройства обществ, это место, несомненно, указывает на то, что должно переводить: *судить в суде и судиться* и что Иисус именно запрещает *судить и судиться судом*.

У Луки стоит: VI, 37: *Не судите, чтобы не судиться, и не присуждайте, и вас не будут присуждать; спускайте -- и вам спустят.* У Матфея стоит: VII, 1: *Не судите, так что и судимы не будете.* В Парижском списке (VIII век), так же, как и у Луки, стоит: *и не присуждайте, судом.*

Судья и суды -- это люди с щепками в глазах, выглядывающие соринки в других, -- это слепые, водящие слепых, это учителя мести и злобы, не могущие ничему иному научить, как мести и злобе. Не могут быть суды хороши, если от них казни и зло, и те, кто судят и приговаривают: приговоры их вытекают из зла. Все дело идет о том, чтобы не судиться. Если человек судится и ищет справедливости от судей, судящих *зуб за зуб*, то он то, что в нем самого святого и дорогого -- *желание справедливости*, -- дает псам, бросает под ноги свиньям. Псы и свиньи затопчут его чувство справедливости и его же растерзают, т.е. его же засудят или заставят его другого засудить.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Вот четвертое из тех маленьких правил Иисуса, которые должны научить исполнять закон. Как это правило, так и предшествующие, ясно показывают, что Иисус, говоря о законе, никогда не разумел закона Моисеева, а закон общий и вечный, нравственный закон людей. Иисус не учит тому, как исполнять положение Моисеевых книг о клятве, а учит тому, как выполнять закон вечный, запрещающий всякую клятву. То же самое и по отношению к правосудию: Иисус не учит выполнять закон Моисеев, а прямо говорит, что людское правосудие есть зло, и учит исполнять закон вечный -- непротиление злу. (стр.90) Он удерживает одно -- цель закона как повод для высказывания своих правил. Цель закона человеческого правосудия есть благо людей. И он говорит (Мф. V, 38, 39): "Для того, чтобы достигнуть этого блага, вам сказано в законе: Выколоть глаз тому, кто выколол глаз, выбить зуб тому, кто выбил зуб, отрубить руку тому, кто отрубил руку, и убить того, кто убил. Я же вам говорю: для того, чтобы достигнуть блага, не защищайтесь от злых людей. Не защищайтесь совсем. Ударил тебя в одну скулу, подставь другую. Хочет, чтобы ты сработал для него -- работай для него вдвое. Знаешь, что занять хочет у тебя, -- не бегай от него, а давай, и если дашь, не проси назад; хочет засудить тебя, снять рубаху, -- отдай и кафтан". Христос с подробностью останавливается на этом и перечисляет случаи, в которых злой может обижать не злого, и во всех случаях прямо и понятно говорит, что надо делать и чего не надо делать: надо все отдавать и не прибегать к человеческому правосудию -- суду, и не участвовать в нем. Цель закона та, чтобы никто не посягал на другого, на свободу, на целость, на жизнь его, и потому и закон не может посягать на свободу, целость и жизнь другого. И не может же быть закон *не убий* и закон *убий* того-то и того-то. Правило это вытекает само собою из первого правила: "Не сердись и мирись с братом". Главный смысл его есть только отрицание суда человеческого, утвержденного ложным законом. Иисус говорит: *Не судите и не судитесь, а прощайте, все прощайте. Вы будете прощать, и вам будут прощать. А если вы будете судить, и вас будут судить, и зло никогда не кончится.* И, как в прежних правилах, дав правило, Иисус с двух сторон объясняет его: с внутренней -- для каждого, и с внешней -- для всех. Для каждого он говорит: Как может кто-нибудь из людей судить другого? Ведь судящий должен видеть, что хорошо и что дурно, но как же ему видеть, что хорошо, что дурно, когда он сам судит, т.е. хочет мстить и наказывать; он тем самым, что судит, уже утверждает зло, и потому, если он судит, то он сам слепой, который хочет вести слепого. Так выходит для каждого. Для всех же выходит то, что, во-1-х, если он судит, то и его будут судить, а во-2-х, то, что он думал исправлять, учить, а сам только портит и развращает. Хорошо! Он учит, наказывает. Но ведь ученик может выучиться только тому, что знает учитель. Учитель учит тому, что надо людям мстить. Этому самому и выучится ученик. Так учат люди других наказаниям, и так-то все глубже и глубже идут во тьму. Они говорят, что они делают это для блага. Убивают! Не может убийство произойти от доброго желанья; как не может вырасти дурной плод на добром дереве, и как с доброго дерева получается хороший плод, так и от доброго человека не может отродиться месть и наказание. И потому, если они наказывают, -- не верьте, что они добры. Вот смысл этого места. Сказано, что по закону Моисея справедливость достигалась судом и наказаниями. *Я же вам говорю,* говорит Христос, *не защищаетесь от зла, тогда вы достигнете справедливости.* Само собою, кажется, вытекает то, что нельзя и не должно судить и приговаривать к наказаниям. Если бы и не сказано было после этого: *не судите и не приговаривайте к наказанию,* и тогда бы ясно было, что это само собою разумеется, потому что Иисус Христос учит всех прощать. Кто же будет наказывать, если он всех учит *не противиться злу и не мстить.* Да и в первом же толковании закона *не убий* сказано, что *не гневайся* даже на брата. Кроме того, разве все учение прощения, все притчи: о прощенной блуднице, о должнике,

самая молитва, учащая прощать должникам нашим, -- разве все не говорит то же самое? Но тут еще прямо двумя словами, такими, которым нельзя придать никакого другого смысла, сказано: *Не судите судами, не приговаривайте к наказаниям.* И что же? Все церкви, все толкователи говорят, что это значит: *evitez l'amedisance*, не сплетничай -- и больше ничего. (стр.91) Не сплетничать и не говорить дурного о людях -- недурно; но прежде всего надо их не судить судами, не наказывать, не исправлять, не мстить, -- это-то главное и сказано. И опять четвертое правило, данное Иисусом, как и прежние три правила, все отвергнуто, так что, если бы выпустить все это место, все четыре правила, учение церкви нисколько бы не изменилось, даже яснее бы было. То же будет с пятым, последним правилом.

ПЯТОЕ ПРАВИЛО: НЕ ВОЮЙ

(Мф. V, 43, 44/Лк. VI, 27, 28/; Мф. V, 45; Лк. III, 33; Мф. V, 48/Лк. VI, 36/) Вы слышали, что сказано: *ублажай ближнего и ни во что считай неприятеля.* Я же говорю вам: *ублажайте неприятелей ваших, ублажайте тех, которые ни во что считают вас; ублажайте тех, которые грозят вам, и молитесь за тех, которые нападают на вас, чтобы вам сделаться равными сынами Отца вашего на небе.* Он велит солнцу восходить над злыми и добрыми и дождь посылает на праведных и неправедных. И если *ублажаете* *ублажающих вас,* какая тут заслуга? Потому что все народы то самое делают. И если вы *ублажаете своих братьев только,* что вы лишнего против других народов делаете? Всякий народ то же самое делает. Будьте же вы добры ко всем людям, как добр ко всем Отец ваш на небе. Левит гл. XIX. 17. *Не враждуй на брата твоего в сердце твоём; обличи ближнего твоего и не понесешь за него греха.* И кроме этого те места, где сказано: *люби Бога и ближнего.* Эти места относятся к любви к ближнему. Следующие места относятся к ненавидению врагов: Исход, гл. XXXIV. 12. *Смотри, не вступай в союз с жителями той земли, в которую ты войдешь, дабы они не сделались сетью среди вас.* 1. *Жертвенники их разрушьте, столбы их сокрушите, вырубите священные рощи их и изваяния богов их сожгите огнем.* Второзаконие, гл. XX. 1. *Когда ты выйдешь на войну против врага твоего и увидишь коней и колесницы (и) народа более, нежели у тебя, то не бойся их; ибо с тобою господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской.* 2. *Когда же приступаете к сражению, тогда пусть подойдет священник и говорит народу.* 3. *И скажет ему: слушай, Израиль, вы сегодня вступаете в сражение с врагами вашими, да не ослабеет сердце ваше, не бойтесь, не смущайтесь и не ужасайтесь их.* 4. *Ибо господь, Бог ваш, идет с вами, чтобы сразиться за вас с врагами вашими (и) спасти вас.* 5. *Надзиратели же пусть объявят народу, говоря: кто построил новый дом и не обновил его, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении и другой не обновил его.* 6. *И кто насадил виноградник и не пользовался им, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении, и другой не воспользовался им.* 7. *И кто обручился с женою и не взял ее, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении и другой не взял ее.* 8. *И еще объявят надзиратели народу и скажут: кто боязлив и малодушен, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы он не сделал робкими сердца братьев его, как его сердце.* 9. *Когда надзиратели скажут все это народу, тогда должно поставить военных начальников в вожди "народу.* 10. *Когда подойдешь к городу, чтобы завоевать его, предложи ему мир.* И. *Если он согласится на мир с тобою и отворит тебе ворота, то весь народ, который найдешь в нем, будет платить тебе дань и служить тебе.* 12. *Если же он не согласится на мир с тобою и будет вести с тобою войну, то осадь его.* (стр.92) 13. *И когда господь, Бог твой, предаст его в*

руки твои, порази в нем весь мужеский пол острием меча. 14. Только жен и детей и скот, и все, что в городе, всю добычу его возьми себе и пользуйся добычею врагов твоих, которых предал тебе господь, Бог твой. 15. Так поступай со всеми городами, которые от тебя весьма далеко, которые не из числа городов сих. 16. А в городах сих народов, которых господь, Бог твой, дает тебе во власть, не оставляй в живых ни одной души. 17. Но предай их заклятию: Хеттеев, и Аморреев, Хананеев, и Ферезеев, и Еве-ев, и Иевусеев, и Гегсеев, как повелел господь, Бог твой. 18. Дабы они не научили вас делать такие же мерзости, какие они делали для богов своих; и дабы вы не грешили перед господом, Богом вашим. 19. Если долгое время будешь держать в осаде (какой-нибудь) город, чтобы завоевать его и взять его, то не порти дерев его, от которых можно питаться, и не опустошай окрестностей; ибо дерево на поле не человек, чтобы могло уйти от тебя в укрепление. Странно, что, понимая то, что Иисус говорит об отношениях к чужеземцам, придумывают какое-то таинственное значение слов и не видят самого простого и ясного, -- ту простую понятную цель, которую преследуют теперь так безуспешно общества мира. Как будто бояться придать словам Иисуса простое, понятное и глубокое значение. Речь Иисуса говорит только то, что не должно защищаться от врагов, что ни в каком случае не должно воевать; церковь же 1500 лет проповедует противное и благословляет воинов. А между тем это пятое, последнее из маленьких правил выражено, даже в том виде, в каком оно дошло до нас, с такою ясностью, что, казалось бы, не может быть сомнения в его значении. Вам сказано: "Люби своего русского, а презирай жида, немца, француза. А я говорю: Люби людей чужих народов, если даже они нападают на тебя, делай им добро. Бог один у немцев и у русских и всех любит; и вы будьте равными сынами его, так же добры будьте ко всем, как и он". Что может быть связнее, проще, яснее этого? Но если подумать только, для чего говорилась эта речь, кто говорил эту речь, то еще очевиднее, что она не может иметь другого смысла. Для чего говорится вся речь? Иисус учит людей истинному благу, как же ему умолчать о том явлении, которое и тогда и теперь представляется как величайшее зло -- вражды народов и войны. Неужели мы только так умны, а он просмотрел это зло и этот неистощимый источник зла, а говорил только о том, как причащаться хлебом или вином, а об обществах убийц, о войнах -- ничего не сказал? И это тот Иисус, тот, который сказал, что он не одним евреям проповедует благо, тот, который *не признает ни матери, ни братьев, ни семьи, ни веры старинной*, а говорит таким же, как он, бродягам? Неужели же он признает государство и не говорит об отношениях народов, потому что признает, что эти отношения и войны очень хороши, или потому, что войны, заставляющие миллионы страдать и другие миллионы быть причиной страданий, не касаются его учения? В начале речи Иисус говорит, что не только не надо убивать, но гнева нельзя иметь на человека, -- так как же ему было не упомянуть о том вечном явлении войн, при котором не только гnevаются на людей, но убивают людей? Неужели мы только так умны, что видим зло войн, а Иисус не видал этого? Поразительно в этом непонимании самых простых слов то, отчего оно происходит и как оно оправдывается. Происходит это непонимание оттого, что учение Христа не признается учением о том, какова должна быть жизнь людей, а признается как бы некоторым дополнением и украшением той жизни, которая существует и которая считается настоящею. Не подходит учение Христа к жизни, значит надо его перетолковать. Иисус запрещает всякую вражду к чужеземцу, запрещает (стр. 93) защиту и велит покоряться всякому врагу, -- а у нас есть государства, право и т.д. Учение не подходит, и надо перетолковать его. Учение перетолковывают. И продолжают государства и войны. И если спросить: да как же войны в христианских народах? Отвечают: Иисус ничего не говорит о государствах, о войнах. Выходит, что Иисус, запрещая грубым словом назвать человека, запрещая иметь хоть одного человека обиженного и непримиренного,

разрешает насилия, убийства в огромных размерах. Он забыл сказать про это, или это не касается учения о благе. Если же читаешь, как написано, выходит следующее: *Первое маленькое правило Иисуса -- закон о человеке, одном в самом себе, в его сердце.* Взяв заповедь: *не убий*, имеющую целью то, чтобы люди по злобе не вредили друг другу, Иисус говорит: *не то что не убий, а не имей зла на брата, и если брат имеет зло на тебя, мирись с ним.* *Второе маленькое правило о человеке с женщиною -- о семье.* Взяв заповедь: *не прелюбодействуй*, имеющую целью то, чтобы люди своими половыми отношениями не вредили друг, другу, Иисус говорит: *не считай похоть плотскую хорошим делом.* *Третье маленькое правило о человеке в своих частных мирских отношениях с другими.* Взяв заповедь о клятве, имеющую целью верность отношений, Иисус говорит, что источник зла -- это обязательства, которые берет на себя человек. Нельзя обещаться ни в чем: не присягай ни в чем. *Четвертое маленькое правило об отношениях человека к своему государству и к законам государства.* Взяв статью из законов своего народа, Христос учит, что наказанием исправлять нельзя, а надо отдавать все, что у тебя берут, все спускать и никогда не судиться. *Пятое и последнее маленькое правило учения, начавшееся с жизни одного человека, захватывает все больше и больше людей и тут относится до тех людей, которых мы называем неприятелями, когда наш народ в войне с ними, до чужих народов, до всего человечества: вражеских народов, неприятелей не должно быть для вас.* Если они воюют с вами -- подчиняйтесь, делайте добро и не воюйте. Делайте, как Бог, для которого нет различия между добрыми и злыми. Будьте ко всем людям добры, какого бы они народа ни были, не делайте различия. (Мф. VII, 12 /Лк. VI, 31/) Так вот все то, что вы желаете, чтобы вам делали люди, то и вы делайте им. Потому что в этом закон и пророки. Стих этот, стоящий у Матфея в 7-й главе, после речи о суде, я переношу в заключение пятого правила. И вот, предупредив слушателей о том, что он не разрешает от закона, а дает сверх закона еще маленькие правила, такие, исполнение которых дает царство Божие: Иисус высказывает эти пять правил, именно: *не сердись, не блуди, не присягай, не судись, не воюй.* Иисус говорит: вот пять правил, но все они сходятся в одно. Правило это: *то, что ты желаешь, чтобы делали тебе другие, то самое делай другим.* Это правило заменяет весь прежний закон.

О МИЛОСТЫНЕ, ПОСТЕ И МОЛИТВЕ

(Мф. VI, 1-4, 16-18) Берегитесь того, чтобы не делать правду для людей только для того, чтобы они видели. Если так, то нет в правде вашей уж заслуги пред Отцом вашим на небе. Так что когда ты милостив к людям, не труби перед собой, как комедианты делают в сборищах, на улицах, чтобы хвалили их люди. Сами видите, они получили награду. А ты, если ты милостив, то будь милостив так, чтобы **(стр. 94)** не знать, правая ли твоя делает что, или левая. Так, чтобы жалость твоя к людям была бы в тайне сердца твоего, и Отец твой видит в тайне сердца твоего и отдаст тебе. И когда чего-нибудь лишаешь себя, не делайся угрюмым, как притворщики, потому, что они нарочно омрачают себе лица, чтобы люди видели, что они постытыся. Сам знаешь, они получают за то свою награду. А ты, если воздерживаешься от чего-нибудь, намажь голову и лицо вымой, чтобы не видали люди, что ты постишься, но чтобы видел в душе твоей Отец твой. И Отец твой, увидя в душе, воздаст тебе. Я перевожу это место (ст. 16, 17 и 18) прежде речи о молитве, как менее важное. (Мф. VI, 5-9. /Лк. XI, 2/; Мф. VI, 10, 11/Лк. XI, 3/; Мф. VI, 12, 13 /Лк. XI, 4/; Мр. XI, 25 /Мф. VI, 14/; Мр. XI, 26 /Мф. VI, 15/) И когда молишься, не будь, как лжецы: они всегда молятся в сборищах, остановившись на перекрестках улиц, чтобы видно было

людям. Сам видишь, они получают награду. А ты, если молишься, так войди в клеть твою, притвори двери, да и помолись Отцу. И Отец твой увидит в душе и воздаст тебе. Молясь, не болтайте языком как комедианты. Они думают, что болтовня их услышится. Не будьте как они, потому что Отец ваш знает, что вам нужно еще прежде, чем вы рот раскроете. Так вот как молитесь: Отец! Чтобы было твое царство. Пусть будет твоя воля в тебе и во мне. Денное пропитание дай нам с нужду. И прости нам наши вины за то, что мы прощаем всякому, кто виноват перед нами. Если станете молиться, прощайте, если что имеете на кого, затем, чтобы и Отец ваш на небе простил вам погрешности ваши. Если вы не простите, и Отец ваш на небе не простит погрешности ваши. "Вот то, что должно заменить вам молитву". Другого смысла не имеют эти стихи. Но как во многом и многом случалось с учением Иисуса, так и здесь те самые слова, которые он употребил для того, чтобы отрицать всякую молитву внешнюю, те самые слова, с небольшими туманными прибавлениями, поняты, как образец молитвы просительной. Как еще яснее сказать, что не нужно молиться? Храм жертвы уничтожен; сказано: не жертва, а любовь ваша между собою нужна. Сказано: Бог -- дух, и ему надо работать делом и в духе. Мало этого, как бы предвидя упорство людей удержать молитву, Иисус прямо говорит: *не молитесь словами*. Вся молитва должна состоять в желании царства Божия и в исполнении его правил, а все правила в том, чтобы не считать никого виновным, а всех любить и прощать. И что же? Эти самые слова, которыми он отрицает молитву, приняты за слова молитвы. (стр. 95)

БОГАТСТВО ЛОЖНОЕ И ИСТИННОЕ

(Мф. VI, 19,20 /Лк. XII, 33/; Мф. VI, 21 /Лк. XII, 34/; /Мф. VI, 22 /Лк. XI, 34/; Мф. VI, 23 /Лк. XI, 34,35/; Мф. VI, 24 /Лк. XVI, 13/; Лк. XII, 15; Мф. XVI, 26; Мф. VI, 25 /Лк. XII, 22, 23/; Мф. VI, 26 /Лк. XII, 24/; Мф. VI, 27 /Лк. XII, 25/; Мф. VI, 28 /Лк. XII, 27/; Мф. VI, 29,30; /Лк. XII, 28/; Мф. VI, 31/Лк. XII, 29/; Мф. VI, 32 /Лк. XII, 30/; МфМ,34;МфМ,33 /Лк. XII, 31/; Мф. VII, 7 /Лк. XI, 9/;Мф. VII,8 /Лк. XI,10/; Мф. VII, 9 /Лк. XI, 11/;Мф. VII, 10 /Лк. XI, 11/;Мф. VII, И /Лк. XI, 13/) И не копите себе животы на земле; здесь моль и ржа точат и воры подкапывают и крадут. А копите себе животы на небе: там ни моль, ни ржа не точат, ни воры не подкапывают и не крадут. Потому где будут животы ваши, там будет и сердце ваше. Телу свет – глаза. Если глаза твои не мутны, и всему телу будет светло. Если же глаза твои мутны, то и всему телу темно будет. Так вот, если свет твой тьма, то какова же тьма? Никто не может быть работником у двух хозяев, -- потому что одного будет ни во что считать, а другого будет почитать; одному угодит, а другого забудет. Нельзя работать на Бога и на мамона. Смотрите, берегитесь от всякой корысти, потому что жизнь человека не в том, что– бы у него было лишнее. Какая польза человеку, если он и весь свет наживет, а душу проживет. Богатством не выкупишь души. Вот потому–то говорю вам: не заботьтесь о том, что есть и пить будете, ни о теле вашем не заботьтесь, что оденете. Разве жизнь не больше пищи и тело не больше одежды? Гляньте на птиц небесных: ни сеют, ни жнут, ни собирают в сараи, а Отец питает их. А разве человек не дороже птицы? Как ни старайся, никто не может на крошечку протянуть век свой. И об одежде зачем заботитесь. Посмотрите на цветы полевые, как они цветут. Не работают, не прядут. А Соломон во всей своей славе не одевался лучше, чем один из цветов полевых. Если траву полевую, ту, что нынче жива, а завтра ране сожгут, Бог так одевает, как же ему вас не одеть? Плохо вы верите. Так вот вы и не заботьтесь, не раздумывайте, что

будешь есть, что будешь пить, чем оденешься. В этом нуждаются все народы, и знает Отец ваш на небе, что все это нужно вам. Так вот и не заботьтесь о том, что будет завтра. Завтра будет своя забота. Довольно заботы и на один день. Добивайтесь первее всего того, чтобы быть в воле Бога и доверяться воле Божией; просите главного, а остальное само придет. **(стр.96)** Просите, и дастся вам, добивайтесь, и найдете; стучите, и вам отворят. Потому всякий, кто желает, тот получает, и кто добивается, тот найдет, и кто стучится, тому отворят. Разве бывает из вас такой человек, чтобы, когда сын у него просит хлеба, а он дал бы ему камень? И разве бывает так, чтобы сын просил рыбки, а он бы дал ему змею? Если уже вы, дурные люди, знаете, что хорошо, и то и даете детям вашим, так как же Отец-то ваш на небе не даст духа добра тому, кто просит у него

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Ни на что не сердись, как бы ни обижали тебя. Не ищи плотских утех: если есть жена, с ней одной живи. Ни в чем не обещайся. Ни в чем не защищай ни своего труда, ни своего досуга; все, не судясь, отдавай тем, которые хотят отнять от тебя. Не считай себя членом какого-нибудь народа; не признавай никакого различия народностей, и из-за различия народностей не воюй, ни нападая, ни защищаясь. Будьте бродяги -- это, и не что иное, сказано в немногих правилах Христа. В них и в том, чтобы делать другим, чего себе хочешь, -- *весь закон и пророки*. Каковы люди теперь, каково их устройство жизни теперь, точно такое же оно было и тогда. И то самое, что говорят и скажут люди теперь об этом учении, то самое думали и говорили люди тогда. И теперь говорят и скажут и тогда говорили: "Но если не противиться злу и отдавать все, что отнимают, то весь смысл нашей жизни уничтожится. Нет ни государства, ни собственности, ни семьи. Я приготовил, собрал, скопил для себя, для семьи, для своего народа, а всякий злой человек придет, потянет с меня, и я должен отдать. Придет немец, француз, турок, заберет то, что я собрал, и я должен покориться?" И Иисус Христос прямо отвечает на это. Он не говорит ни о семье, ни об обществе, ни о государстве; он говорит только о том одном, что составляет предмет его учения, о том одном, что есть свет людей, -- о божественной сущности человека, о его душе. Но он прямо отвечает на естественный вопрос о том, что же будет с плодом моих трудов, с сокровищем, с капиталом, который я собрал? Он отвечает: "Человек в жизни может приобрести два богатства: одно богатство -- *духа в Боге*, и другое -- то, что вы называете богатством. Ваше богатство гибнет, вы это знаете; не нынче, завтра, через сто лет оно погибнет, и ничего не останется. Богатство в Боге, жизнь духа, -- одно не погибнет и не подлежит земным переворотам. Копите то, которое не гибнет. Если то, что ты желаешь, то, к чему ты стремишься, -- богатство, которое ты копишь, есть зло, то какова же будет твоя жизнь, вся направленная к одному злу. Если глаза твои видят хорошо, они и тело приведут туда, где ему будет хорошо; но если глаза твои слепы, то они и все тело заведут в зло. Желания, стремления твои -- это глаза, которые ведут тебя. Что ж будет с тобой, если желания твои направлены ко злу? И потому: *невозможно работать заодно -- на мамона, т.е. для гниющего богатства, и на Бога, для не гниющего духа*. Любовь к богатству есть обман. Стоит только подумать, чтобы понять это. Зачем оно? Мы привыкли говорить: как мне не заботиться, что я буду есть. Да кто есть-то хочет? Душа, жизнь? Откуда же она-то? Ведь не из хлеба она выросла, а прежде она родилась, а потом уж мы ее кормим хлебом. Она-то откуда? От Бога. Стало быть, Бог сделал и жизнь и хлеб. Ну что же для **(стр.97)** Бога дороже: жизнь или хлеб? Уж наверно жизнь. Так о жизни -- той, что от Бога, о той надо заботиться. А Бог, если сделал жизнь, так и сделает

то, что питает ее. Ведь кормит же Бог птиц, а они не сеют, не жнут, так и вас прокормит; то же и об одежде и обо всем, что вам каждому нужно. Так и не заботьтесь ни об еде, ни о чем. Отец ваш, Бог, знает, что вам нужно; не заботьтесь вперед, довольно зла от заботы и одного дня, от которого вы не уйдете. Зачем прибавлять себе еще новое зло, заботясь о завтра. Держитесь только минуты настоящего, стараясь всегда только в эту минуту исполнять волю Бога, и вы войдете в жизнь. Ищите только того, чтобы быть в царстве Бога, исполнять волю Отца, а все остальное само придет. Желайте, ищите только одного этого, и Отец даст вам эту жизнь, не телесную, но духовную. Он знает, что для вас добро, и то самое даст вам. Это кажется вам трудным, потому что вы не видите пути. Вам кажется, что везде путь; но есть путь -- один только путь, тот, который я вам показываю, -- путь этих правил, и по нем вы войдете в царство Божие. Не бойтесь, -- вы войдете, потому что Бог сам хочет этого". Отвергнуто или перетолковано каждое из пяти правил отдельно, и потому естественно отвергнуто и вывод. *И замечательно то, что вывод отвергается и признается парадоксальным не на основании ложности самого вывода, но на том основании, что он не сходится с существующим порядком вещей, точно так же, как и не сходился тогда, когда был проповедан. Но мало этого, вывод признается ложным не потому, что ничто не подходит под его определение (много христиан нищих вполне подходят к определению), но не подходим мы с нашим кружком людей, который мы называем церковью. А там сказано: что тесным путем не многие -- малое стадо входит. Нет! мы хотим и не признавать вывода и быть малым стадом.*

ТЕСНЫЙ ПУТЬ.

ПРИТЧА О ПОСТРОЙКЕ ДОМА.

(Мф. VII, 13, /Лк. XIII, 24/; Мф. VII, 14; Лк. XII, 32; Мф. VII, 22-24 /Лк. VI, 47/; Мф. VII, 25 /Лк. VI, 48/; Мф. VII, 26 /Лк. VI, 49/; Мф. VII, 27 /Лк. VI, 49/; Мф. VII, 28, 29) Входите узким (тесным) входом, потому что вход ровный и дорога широкая ведут в погибель, и многие входят. И узкий вход и тесная дорога ведут в жизнь, и немногие находят его. Не бойся, малое стадо, потому что Отец пожелал научить нас своей воле. Многие скажут мне в тот день: Господи, Господи, разве мы не учили, не для тебя зло изгоняли и не для тебя учредили власть. И тогда скажу им: никогда не знал вас; отойдите от меня вы, делавшие беззаконие. Так вот каждый, кто слышит слова эти и исполняет их, тот, как умный человек, строит дом на камне. И прошел дождь, и полились ручьи, и подули ветры, и наперли на дом тот, и дом не упал, потому что основан на камне. И всякий, кто понимает мои слова эти и не делает того, что я говорю, тот, как глупый человек, строит дом на песке. И пошел дождь, и полились ручьи, и подул ветер, (стр. 98) и ударил в дом, и завалился дом, и все загремело. И случилось, что, когда окончил Иисус речи эти, восхитился народ его учением. Потому что Он учил их, как свободный, а не как книжники. значит *власть*. И если искусственно не придавать этому месту мистического смысла, *т.е. уничтожить его смысл*, то все это значит только то, что люди, утверждающие законы гражданские и церковные, скажут: "мы все это и власти правительственные устроили для блага во славу Божию", -- то самое, что они и говорят.

ИЗБРАНИЕ ДВЕНАДЦАТИ АПОСТОЛОВ.

(Лк. VI, 12–18) В то время ушел Иисус в горы молиться и всю ночь молился Богу. И когда ободняло, позвал учеников и выбрал из них двенадцать и назвал их посланцами. Симона, того, что прозвал камнем, и Андрея, его брата, и Иакова, и Иоанна, Филиппа и Варфоломея, Матфея и Фому, Иакова Алфеева, и Симона по прозвищу Зилота, Иуду Иаковлева и Иуду Искарюта, того, что сделался предателем. И сошел с ними и остановился в раздолье, и ученики его и много народа со всей Иудеи и из Иерусалима и с берегов Тира и Сидона. Все пришли слушать его

ЗАКОН

Общее изложение главы четвертой Иоанн объявил пришествие Бога в мир. Он сказал, что людям надо очиститься духом для того, чтобы познать царство Бога. Иисус, не зная плотского отца и признавая отцом своим Бога, услышал проповедь Иоанна и спросил себя, что такое этот Бог, как он пришел в мир и где он? И, удалившись в пустыню, Иисус познал, что жизнь человека в духе и, уверившись в этом, что человек живет всегда Богом, что Бог, всегда в людях и что царство Бога всегда было и есть и людям нужно только признать его, -- познав это, Иисус вышел из пустыни и стал проповедовать людям то, что Бог всегда был и есть в мире и что для того, чтобы познать Его, нужно очиститься или возродиться духом. Он объявил, что Богу не нужны молитвы, жертвы и храмы, а нужно служение в духе, делание добра; объявил, что царство Бога надо понимать не так, что в какое-нибудь время и в какое-нибудь место придет Бог, а так, что во всем мире и всегда все люди, очистившись духом, могут жить во власти Божией. Он объявил, что царство Бога не приходит видимым образом, но что оно находится внутри людей. Чтобы быть участником царства, надо очиститься духом, т.е. возвысить в человеке дух, и ему служить. Тот, кто возвысит дух, тот вступает в царство Бога и получает жизнь невременную. Возможность возвысить дух и сделаться участником царства Бога имеет в себе каждый человек, и с того времени, как Иоанн объявил царство Бога, еврейский закон стал не нужен. Всякий понявший царство Бога, своим собственным усилием, возвысив в себе дух и работая Богу, вступает во власть Бога. Для того, чтобы работать Богу и жить в царстве Его, т.е. покоряться Ему и исполнять Его волю, нужно знать закон этого царства. И вот Иисус объявляет, в чем должно состоять возвышение духа и работа Богу, в чем состоит закон царства Бога. Иисус всю ночь молится и, отобрав двенадцать **(стр. 99)** человек, вполне понявших его, с ними выходит к народу и говорит то, в чем состоит возвышение духом и служение Богу, в чем закон царства Бога. Закон власти Бога состоит прежде всего в том, чтобы человек весь предавался власти Бога, и вот, оглянув народ, Иисус, указывая на учеников, сказал: "Счастливы вы, бродяги: вы во власти Божией. Вы счастливы: пускай вы голодны теперь, вы поголодаете, но вы насытитесь. Вы счастливы: пускай вы, если и погорюете и поплачете, -- потом вы утешитесь. Вы счастливы: пускай вас и ни во что считают люди и гоняют вас отовсюду. Радуйтесь этому, потому что так гоняли людей, всех тех, которые возвещали волю Божию. Но несчастны вы, богатые, потому что вы получили уже все, что желали, и больше ничего не получите. Если вы сыты теперь, то будете и голодны. Если вы веселы теперь, то будете и печальны. Несчастливы вы, если вас все хвалят, потому что все хвалят только лунов. Счастливы вы, бродяги, вы во власти Божией, но вы счастливы только тогда, когда вы не по виду только бродяги, но когда вы бродяги по душе; как соль хороша только тогда, когда не по виду только похожа на соль, но когда солонина сама по себе. Так и вы

соль мира, учителя мира, если вы знаете, что истинное счастье в том, чтобы быть бродягой. Если же вы бродяги только по виду, то вы как соль несоленая, никуда уже не годитесь. Если вы понимаете это, то и показывайте своими делами, что вы хотите быть бродягами, а не будьте, как другие. Если вы свет для людей, то и показывайте свой свет, а не скрывайте его, так чтобы люди на деле видели, что вы знаете истину, и, глядя на ваши дела, понимали бы, что вы сыны Отца вашего, Бога. И не думайте, что быть бродягой значит быть беззаконником. Я учу не тому, чтобы развязать ваши руки от закона Божия; напротив, тому, чтобы исполнять закон Божий. Пока есть люди под небом, то и закон о том, что должно и что не должно быть, есть для людей. Закона только тогда не будет, когда люди сами собой все будут исполнять по закону. И вот я вам даю правила для исполнения закона. И если кто не исполнит хоть одно из них и научит тому, что можно его не исполнять, то дальше всех будет от Бога; а кто исполнит все и так научит, тот ближе всех к Богу. Потому что если в вашей верности исполнения закона не будет больше верности исполнения закона фарисеев и книжников, то и не соединитесь с Богом. И вот эти правила: 1-е правило: Справедливость книжников и фарисеев состоит в том, что если человек убьет другого, то его надо судить и приговорить к наказанию. А мое правило то, что разозлиться на своего брата так же дурно, как убить. Я запрещаю злость на брата под тем же страхом, под которым фарисеи и книжники запрещают убийство. А бранить брата еще хуже, и еще под большим страхом я запрещаю это; а оскорбить брата еще того хуже, и я еще строже запрещаю это. И я запрещаю это потому, что вот вы считаете, что нужно для Бога ходить в храм, носить жертвы. Ведь вы ходите носить жертвы, -- так знайте, что как вы считаете важным жертвы, так еще более важен мир, согласие и любовь между вами для Бога; и что нельзя вам ни молиться, ни думать о Боге, если есть у вас хоть один человек, с которым вы не в любви. Так вот 1-е правило: Не сердитесь, не бранитесь, а поборанились -- миритесь. И прощайте все, в чем виноваты перед вами люди. 2-е правило вот какое: Фарисеи и книжники говорят: если сблудишь, то убить тебя и женщину вместе; а если хочешь блудить, то дай своей жене отпускную. А я говорю, что если ты оставишь жену свою, то кроме того, что ты распутник, ты еще и ее вгоняешь в распутство и того, кто с нею свяжется. Если ты живешь с женой и задумаешь влюбиться в другую женщину, ты уж прелюбодей и стоишь всего того, что по закону делают с прелюбодеем. И я под тем же страхом, как фарисеи и книжники запрещают блудить с чужой женой, -- запрещаю влюбляться в женщину. И я запрещаю это потому, что всякое распутство губит душу; так что лучше тебе отказаться от плотской утехы, чем погубить свою жизнь. И вот 2-е правило: Удовлетворяй похоть только с своей женой и не думай, чтобы любовь к женщине было хорошее дело. 3-е правило вот какое: Фарисеи и книжники говорят: "Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно, т.е. не призывай Бога твоего во лжи". И еще: *h̄j* клянись именем **(стр. 100)** моим во лжи и не бесчести имени Бога твоего. Я Господь (Бог ваш), т.е. не клянись мною в неправде так, чтобы осквернить Бога вашего. А я говорю, что всякая клятва есть осквернение Бога, и потому вовсе *не клянись*. Тебе нельзя обещать ничего, потому что ты весь во власти Бога. Ты волоса одного не можешь из седого сделать черным; какжеты вперед поклянешься, что ты то-то и то-то сделаешь, и поклянешься Богом. Всякая клятва твоя есть осквернение Бога, потому что если тебе придется исполнять клятву, противную воле Божией, то выйдет то, что ты обещался поступать против Его воли, -- и потому всякая клятва есть зло. Кроме того, клятва есть глупость и бессмыслица. Так вот 3-е правило: Никогда никому ни в чем не присягай. Говори да, когда да; нет, когда нет; и знай, что если от тебя требуют клятву, то это для зла. 4-е правило вот какое: Вы слышали, что сказано в старину: "око за око и зуб за зуб". Фарисеи и книжники учат вас делать

все то, что написано в старых книгах, как надо наказывать за разные преступления. Там сказано, что кто погубит душу, должен отдать душу за душу, око за око, зуб за зуб, руку за руку, вола за вола, раба за раба и т.д. А я вам говорю: злом не борись со злом, и вы не только не требуйте вола за вола, раба за раба, душу за душу, а не противьтесь злу. Если кто хочет судом засудить у тебя вола, отдай ему другого; кто хочет вынудить у тебя кафтан, отдай рубаху; кто выбьет тебе из одной скулы зуб, подставь ему другую скулу. Заставят тебя сработать на себя одну работу, -- сработай две. Берут у тебя именье, -- отдавай. Не отдают тебе денег, -- не проси. И потому: не судите и не судитесь, не наказывайте, и вас не будут судить и наказывать. Спускайте всем и вам спустят, потому что если вы будете судить людей, они вас будут судить. И, кроме того, вам нельзя судить потому, что мы, все люди, слепы и не видим правды. Как же я засоренными глазами буду разглядывать соринку в глазу брата? Прежде самому надо глаза прочистить, а у кого из нас глаза чисты? Если мы судим, то уж мы сами слепы. Если мы будем судить других и наказывать, то мы, как слепые, водим слепого." И, кроме того, Иисус говорит: "Чем же мы учим? Мы наказываем насилием, ранами, увечьем, смертью т.е. злобой, -- тем самым, что запрещено нам по заповеди: *не убий*, мы учим других. И что же выходит? Мы хотим учить людей, а мы развращаем их. Ну, что же может быть иного, как то, что ученик выучится и вполне станет, как учитель. Что же он будет делать, когда выучится? То самое, что делает учитель: насилия, убийства. И не думайте в судах найти справедливость. Любовь к справедливости отдавать на суды человеческие, все равно что драгоценный жемчуг бросать свиньям: они затопчут его и разорвут. И потому вот 4-е правило: Как бы тебя ни обижали, -- злом не туши зла, не суди и не судись, и не наказывай, и не жалуйся. 5-е правило вот какое: Фарисеи и книжники говорят: "Не враждуй на брата твоего в сердце твоем; обличи ближнего твоего и не понесешь за него греха. Побей всех мужчин и забери всех жен и скоту врагов, т.е. почитай земляков, а чужих считай ни во что". А я говорю вам: ублажай не одних земляков, но и чужих. Пускай чужие ни во что считают вас, пускай нападают, обижают, -- почитай их и угождай им. Только тогда вы будете настоящие сыны Отца вашего. Для него все равны. Если вы только к землякам хороши, то этак и все хороши к землякам, и от этого--то и бывают войны. А вы ко всем народам будьте равны, и вы будете сынами Бога. Все люди Его дети, стало быть все вам братья. И потому вот 5-е правило: К чужим народам соблюдайте то же, что я сказал вам соблюдать между собою. Вражеских народов нет, разных царств и царей нет, -- все братья, все сыны одного Бога. Не делайте различия между людьми по народам и царствам. Так вот: 1) Не сердитесь; 2) не забавляйтесь похотью блудной; 3) не клянитесь никому ни в чем; 4) не судите и не судитесь и 5) не делайте различия между разными народами; не знайте царей и царств. И вот вам еще поучение, в котором заключаются все эти правила, закон и пророки: *все то, что желаете, чтобы делали для вас люди, то сделайте им*. Когда вы будете исполнять это, ясно, что жизнь ваша переменится. Имущество у вас уже не будет, и их не нужно. Не устраивайте свою жизнь на земле, а стройте свою жизнь в Боге. Жизнь на земле погибнет, а жизнь в Боге не погибнет. И не думайте о земной жизни, потому что если вы о ней будете думать, вам нельзя уже думать о жизни в Боге. Где душа, там и сердце. **(стр. 101)** И если света в глазах нет, то и весь во тьме. Так вот, если ты желаешь и ищешь тьмы, то и зайдешь во тьму. Нельзя одним глазом на небо, а другим на землю глядеть; нельзя сердце свое класть в земную жизнь и думать о Боге. Либо земной жизни будешь работать, либо Богу. И потому: берегитесь от всякой корысти. Жизнь у человека не от того, что у него есть, а от Бога. Так что если человек и весь мир заберет себе, душе его нет пользы от этого. И глупо из нас сделает тот, кто жизнь свою погубит затем, чтобы забрать побольше имущества. Поэтому не хлопчите о том, что будете есть и пить и чем будете одеваться. Ведь жизнь мудренее пищи и одежды, а Бог дал вам

ее. Посмотрите на тварь Божию, на птиц. Они не сеют, не жнут, не собирают, а Бог питает их. Что же, перед Богом человек не хуже птицы. Если Бог дал жизнь человеку, то сумеет и пропитать его. А ведь вы сами знаете, что как вы ни хлопочите, ведь ничего не можете для себя сделать. Не можете ни на часок увеличить своего века. (Думка за горами, а смерть за плечами.) И об одежде не хлопочи. Цветы полевые не работают, не прядут, а разукрашены так, что и Соломон никогда так не разукрашал себя. Что же, если Бог траву, ту, что нынче растет, а завтра скосят, так разукрасил, что же, он вас не оденет? Не заботьтесь и не хлопочите, не говорите, что надо подумать о том, что будем есть и чем оденемся. Это всем людям нужно, и Бог знает эту нужду вашу. Так и не заботьтесь о том, что будет, -- о будущем не заботьтесь. Живите настоящим днем. Заботьтесь о том, чтобы быть в воле Божией. Желайте того, что одно важно, а остальное вам само придет. Старайтесь быть только в воле Божией, и вы будете в ней. Кто стучит, тому отворят. Кто просит, тому дают. Если будете просить настоящего, того, что нужно, вам то и дастся, что нужно. Разве есть такой отец, чтобы он сыну дал камень вместо хлеба или змею вместо рыбы. Так как же Отец ваш не даст вам того, что вам истинно нужно, если вы просите у него? А истинно нужна вам жизнь духа, только ее и просите у него. Молиться не значит делать то, что делают притворщики в церквах или на виду у людей. Они делают это для людей, и от людей и получают за это похвалу, но не от Бога. А ты, если желаешь войти в волю Отца, зайди туда, чтобы тебя не видел никто, и молись к Отцу твоему духу, и Отец увидит то, что в твоей душе, и даст тебе истинного духа. И не болтай лишнего языком, как притворщики: Отец твой знает, что тебе нужно, прежде чем ты рот разинешь. Так вот как надо молиться: Отец наш! Дай мне то, чтобы я был в Твоем царстве, т.е. чтобы Твоя воля была во мне. Дай мне питание такое, какое нужно. И не взыщи мои ошибки, как и я ни с кого не взыскиваю. Если просите духа у Отца, то не взыскивайте ни с кого и Отец не взыщет на вас ваши ошибки. А если не прощаете людям, то и Бог не простит вам. Не делайте ничего для похвалы людей. Если для людей делаете, то от людей вам и награда. Так что, если ты жалостлив к людям, так не труби об этом перед людьми; так делают притворщики, чтобы их хвалили люди. Они и получают, что желают. А ты, если жалостлив к людям, то делай добро так, чтобы никто не видал. И Отец твой увидит это и даст тебе то, что тебе нужно. И если нужду терпишь для Бога, так не плачься, не жалобь людей: так делают притворщики, чтобы люди видели и хвалили их. И люди хвалят их, и они получают, что желают. А ты не так делай; ты если терпишь для Бога, так ходи с веселым лицом, чтобы люди не видели, а Отец твой увидит и даст тебе то, что тебе нужно. Таков вход в царство Бога. Вход в волю Бога один только, -- он узкий и тесный. Вход всегда один, а кругом поле велико и широко, да пойдешь по нем и придешь к пропасти. Узкий ход один ведет в жизнь, а немногие идут по нем. Не робей, хоть мало стадо; вы войдете, потому что Отец научит вас своей воле". (стр. 102)

Глава пятая

ИСПОЛНЕНИЕ ЗАКОНА ДАЕТ ЖИЗНЬ ИСТИННУЮ

НОВОЕ УЧЕНИЕ О БОГЕ

Пророки обещали пришествие Бога в мир. После пророков Иоанн объявил, что Бог уже в мире, что для того, чтобы познать его, нужно только переродиться духом. Иисус сказал себе: если Бог в мире, то я должен знать Его. Где Бог? И, уйдя в пустыню, Иисус узнал, что есть непонятная ему жизнь плоти и, вместе с тем, понятное ему проявление Бога (гл. 1). Поняв это, Иисус вышел из пустыни и объявил, что Бог в мире, в людях, но не такой Бог, какого представляют себе люди всего мира, а Бог такой, что он выражается жизнью людей, Бог дух (гл. 2). Дух Бога есть в каждом человеке. Каждый человек, кроме своего происхождения от плоти, кроме своей зависимости от плоти, знает в своей свободе еще другое свое происхождение и зависимость от духа. Это — то сознание и есть Бог в мире. Бог, начало всего, дал людям это сознание себя и более не участвует в делах мира. Люди сами могут найти в себе Бога. Он в душе их. И потому пришествие Бога зависит от воли людей, от того, что они делают усилие для исполнения воли плотской жизни или воли духа Бога (гл. 3). Воля духа Бога есть добро. И для исполнения этого добра есть закон. Закон этот в пяти правилах: не сердиться, не блудить, ни в чем не обещаться, не бороться со злом, не воевать (гл. 4). Из этих правил следует отречение от богатства, всякой собственности, всякого величания, всякого насилования других людей, следует отречение от всего того, что составляло и составляет цель плотских желаний. Нищенство и бродяжничество есть единственный путь к достижению жизни истинной.

ИЗБРАНИЕ УЧЕНИКОВ И РЕЧЬ К НИМ ИИСУСА

(Мф. IX, 36; Мф. XI, 28–30) Иисусу жалко было людей, что они не понимают, в чем истинная жизнь, и мучаются, не зная зачем, как овцы без пастуха. И он сказал: Отдайтесь мне все замученные, все сверх сил нагруженные, и я дам вам отдых. Наденьте на себя мое ярмо и научитесь от меня. Я ведь смирен и мягок сердцем. И вы узнаете отдых в жизни. Потому что мое ярмо ладное и воз мой легкий. (стр. 103) Люди надевают на себя ярмо не по их сделанное и впрягаются в воз не по их силам. Люди, живя для плотской жизни, хотят найти успокоение и отдых. Только в духовной жизни есть отдых и радость. Только это ярмо сделано как раз по силам людей, и ему учит Иисус. Попробуйте и узнаете, как ладно и легко. Ин. VII. Кто хочет узнать от меня, правду ли я говорю, пусть попытает делать то, что я говорю. (Лк. X, 1, 2; Мф. X, 7) После этого назначил Иисус и еще семьдесят человек и послал их по два вместо себя во все города и во все места, где бы ему надо быть. И сказал им: поле велико а работников мало. Нужно, чтобы хозяин выслал жнецов на поле. Идите и разглашайте: говорите, пришло царство Божие. Стих 6 Матфея как не находящийся у Луки и влагающий в уста Иисуса мысль, противную его учению, опускается. Слова (ст. 8) лечить больных и пр. исключаются как внешнее доказательство истинности, не нужное для учения. (Мр. VI, 8, 9 /Мф. X, 10/; Мр. VI, 10; Мф. X, 12, 13; Мр. VI, 11; Мф. X, 22, 23, 16; Мр. XIII, 9; Мф. X, 19, 20, 23, 26; Мр. IV, 22; Лк. XII, 3–5; Лк. XII, 6 /Мф. X, 29/; Лк. XI, 7–9, Мф. X, 34; Лк. XII, 49–53; Мф. X, 36, 21; Лк. XIV, 26; Мф. X, 37; Лк. IX, 23; Мф. X, 39) И приказал им ничего не брать на дорогу, только один посох, ни мешка, ни хлеба, ни денег в кошелек. Обуйте лапти и один кафтан, потому что кто работает, тот стоит и платя. И где войдете в какой дом, в том и оставайтесь, пока не выйдете вовсе из того места. Когда входите в дом, здоровайтесь с хозяином, скажите: мир дому

вашему. Если хозяева согласны, то будет мир в том доме, а если не согласны, то ваш мир при вас останется. И если которые вас не примут и не послушают вас, то выдьте оттуда и отряхните пыль из-под подошв в знак того, что вам ничего не нужно от них. И будут вас ненавидеть за мое учение, и кто будет тверд до конца, тот уцелеет. И когда нападут на вас в одном городе, бегите в другой, а нападут в другом, бегите еще в другой. Вот я посылаю вас, как овец в стадо волков, так будьте умны, как змеи, и просты, как голуби. Смотрите, держитесь, потому что они отдадут вас на суды, и вас будут сечь в собраниях и будут водить вас к правителям и царям за меня, чтобы вы перед ними показывали. И когда отдадут вас в суды, вы не заботьтесь, как и что будете говорить, потому что научены будете в тот час, что сказать. Не сами будете говорить, но дух Отца вашего будет говорить в вас. Не обойдете еще городов Иудеи, как уже окажется сын человеческий. **(стр. 104)** Так и не бойтесь их. Потому что в душе скрыто то, что должно оказаться; все, что берегут, берегут только для того, чтобы оно явлено было на свет. И все, что вы говорили втайне, будет слышно при свете. Что вы на ухо говорили в чуланах, то разгласится с крыш. Говорю вам, друзья мои, не бойтесь тех, которые могут убить тело и сверх этого ничего не могут вам сделать. А покажу вам, кого бояться. Бойтесь того, кто убьет и уничтожит душу. Истинно скажу вам, этого бойтесь. Ведь пять воробьев дают на копейку, и те не забыты Богом, и ни один не помрет без Отца вашего. И волосы ваши на голове все на счету. Так не бойтесь же, вы дороже воробьев. Говорю вам, кто будет со мной заодно перед людьми, с тем и сын человеческий будет заодно перед силами Божиими. А кто откажется от меня перед людьми, тому отказано будет и перед силами Божиими. Не думайте, что я принес мир на землю, не мир я принес, но раздор. Я пришел сбросить огонь на землю. И как желаю, чтобы он разгорелся. Есть перерождение, через которое я должен пройти, и я томлюсь, пока оно не совершится. Или вы думаете, что я учу миру на земле? Нет не миру, но разделению. Потому что разделятся теперь пятеро в доме, трое от двух, и двое от троих. Разделится отец с сыном, и сын с отцом, и мать с дочерью, и дочь с матерью, и свекровь с невесткою, и невестка с свекровью. И будут неприятели человеку семейные его. Отдаст на смерть брат брата, и отец дитя свое; и дети поднимутся на родителей и предадут их смерти. Кто если хочет быть со мной и не сочтет ни во что и отца, и мать, и жену, и детей, и братьев, и сестер, и сверх того и живот свой, тот не может быть моим учеником. Для кого отец и мать дороже меня, тот не согласен со мной. И кому сын или дочь дороже меня, тот не согласен со мной. И сказал всем: кто хочет быть моим учеником, тот пускай откажется от своих желаний и пускай всякий час будет готов на виселицу, тогда только будет моим учеником. Тот, кто наживет себе живот, тот погубит живот, и кто погубит живот для меня, тот спасет его.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Ничто яснее этой речи Иисуса к ученикам пред их посланием на проповедь, повторенной у всех трех евангелистов, не определяет настоящего значения учения Иисуса. Если бы значение проповеди Иисуса было бы только то, которое признают церкви, то вся эта речь была бы непонятна. За что, в самом деле, бить учеников и убивать, **(стр. 105)** если проповедь, которую они разносят, есть проповедь только о примирении с братом, чистоте телесной, неосуждении ближнего, прощении своих врагов и о том, что Бог прислал сына на землю. Нельзя себе представить достаточно глупых и праздных людей, которые дали бы себе труд за это гнать и бить людей. Нельзя себе представить поводов, которые могли придумать

эти гонители, чтобы бить, мучить, убивать безобидных проповедников хороших нравственных правил и выдумки о сыне Божиим. Кому они могли помешать? Кто хотел -- слушал их, кто не хотел -- не слушал. За что же их бить и ненавидеть? Если бы это было хорошее, но неясное, парадоксальное нравственное учение, как его представляют свободомыслящие историки, то тоже не за что было гнать. Если это учение было о том, что Бог прислал сына на землю искупить род человеческий, то еще меньше было поводов сердиться на людей, которые воображали себе это и находили в этом удовольствие. Если это было отрицание еврейского закона, тоже не за что было гнать, особенно не евреям, но гнали и тогда, и после, и теперь -- не евреи. Если бы это было политическое учение, возмущение против богатых и сильных, то такие возмущения и прежде, и после, и теперь подавляются богатыми и сильными, и тогда бы подавилось и кончилось бы. Это было что-то другое. Только если понимать учение вполне так, как оно выражено в Нагорной проповеди и во всем Евангелии, если понимать, что Иисус запрещает прямо всякого рода не только убийство, но всякого рода противление злу, запрещает присягу (то кажущееся неважным дело, которое ведет ко всем ужаснейшим насилиям), запрещает суд, т.е. наказание, всякое противодействие насилию и похищению, и потому запрещает собственность, как и поняли его первые ученики, запрещает отдельность народов, пресловутую любовь к отечеству, тогда только понятны те гонения, которым подвергся Иисус, ученики его, первые и последующие, и понятно предвиденье Иисуса о гонениях, предвидение, очевидно, разделяемое и учениками. Понятно и разделение, которое должно произойти между людьми, о котором он говорит. Понятно, что если один человек из семьи, поняв учение, отказывается или дать клятвенное обещание, или быть судьей, или идти на суд, или отказывается от содействия власти, от участия в войне или собирании податей, или исполнения наказаний, или пренебрегает богатством, понятно, что разделение должно возникнуть в семье, если другие члены не поняли учения. И Иисус, очевидно, знал это, знал, что это так будет и не может быть иначе; он знал, что его учение -- не учение, но искра, которая зажигает сознание Бога в сердцах людей и, раз загоревшись, не может потухнуть. Потому-то Иисус Христос знал, что в каждом доме разделятся пятеро, и будут одни против других. Одни загорятся, другие будут тушить разгоревшихся. И он томился желанием видеть скорее пламя, которое охватит всех. И пламя это загорелось, и горело после, и горит до сих пор, и будет гореть всегда, пока будут люди. Если бы это было только нравственное учение о том, как вести себя в существующем порядке вещей, то понятно, что проповедники этого учения никому бы "не мешали, и это не было бы пламя, которое охватывает все, а была бы свечка, которая горела бы, освещая тех, которые близки к ней. Если бы это было только учение церковное о том, что Бог сходил в мир спасти людей, учение это никто бы и не знал, как мы не знаем верований зулу и чуваш, и никто бы не заботился о нем. Оно не только потухло бы, но никогда бы и не разгорелось. Если бы это было учение социально-революционное, то оно давно бы разгорелось и потухло, как разгорались и тухли такие учения в Китае, везде, где есть люди: или бедные отняли бы имения у богатых и сильных и опять стали бы богатые и сильные, или богатые и сильные задушили бы бедных, и искра потухла бы. Но искра не потухла и не потухнет, потому что Иисус не говорит ни о правилах, как жить человеку в обществе наилучшим образом при существующем порядке, ни о том, как **(стр. 106)** молиться Богу и что такое Бог, ни о том, как переустроить общество. Он говорит истину о том, *что есть человек, в чем его жизнь*. И человек, понявший, в чем его жизнь, будет жить этой жизнью. Человек, понявший смысл жизни, не может уже в другом видеть смысла. Когда он понял, что есть жизнь и что смерть, он не может не идти к жизни и не бежать от смерти. И что бы ни стояло на дороге к жизни: нравственные правила, Бог, верования людей, общественное устройство, -- человек, понявший жизнь, будет

идти к ней, не обращая ни на что внимания, и в своем стремлении включая все явления жизни: и нравственность, и богопочитание, и общественное устройство. Иисус Христос открыл свое учение не для того, чтобы сообщить людям, что он Бог, не для того, чтобы улучшить жизнь людей на земле, не для того, чтобы свергнуть власти, а потому, что в душе своей, как в душе каждого человека, пришедшего в мир, он знал, что лежит сознание Бога, которое и есть жизнь, и которому противно всякое зло. Иисус Христос знал и постоянно повторял, что не он говорит то, что он говорит, а что говорит то Бог в душе каждого человека. И, посылая учеников, Иисус Христос говорит: Не бойтесь никого, не жалеете ничего, и не думайте вперед, что вам сказать. Живите жизнью истинной, она есть разумение Бога, и когда вам нужно будет говорить, не думайте, -- дух Божий скажет за вас, и слова ваши, сказанные немногим, разнесутся везде, потому что они истина. (Лк. X, 17, 18, 20, 21) И вернулись с радостью те семьдесят человек, что он посылал, и сказали: Господин! зло покоряется нам чрез твою силу. Он же сказал им...¹ Но не радуйтесь тому, что зло покоряется вам. Радуйтесь более тому, что вы сами в царствии небесном. И тогда возрадовался в духе своем Иисус и сказал: признаю Тебя, Отец мой, владыка неба и земли. Потому что то, что Ты скрыл от мудрых и умных, то открыл детям. Ты истинно Отец, в этом выразилась твоя любовь. 1) Стихи 18 и 19 исключаются, -- не потому, что они говорили что-нибудь несогласное с учением, но потому, что они в том виде, в каком дошли до нас, говорят что-то непонятное. Общий смысл тот, что не ученость и мудрость, а прямое отношение сына к Отцу, открытое всем, дало ту любовь к духу, которая есть основа всего, и этою любовью, обращением сына к Отцу, открыло истину.

ЗЛО НЕ УНИЧТОЖАЕТСЯ ЗЛОМ

(Мф. XI, 27 /Лк. X, 22/) Все мне передано Отцом моим, и никто не признает, кто сын, только Отец. И никто не знает, кто Отец, а только сын, и тот кому сын откроет. "Никто не может знать сына, кроме Отца, и Отца никто не может знать, кроме сына", -- слова эти значат то, что сказано в беседе Никодима, что в человеке есть дух непостижимый ему самому и что этот дух есть сын духа, и это есть последнее знание о Боге. Здесь в первый раз Иисус отождествляет себя с сыном человеческим, и, говоря я, понимает не себя, Иисуса из Галилеи, но дух, живущий в человеке. (Мр. III, 20-24, 26; Лк. XI, 19, 20; Мф. XII, 29) И пришли домой, и собралось опять народу столько, что нельзя было им пообедать. И услышали об этом домашние его, пошли, чтобы взять его, потому что говорили, что он из себя вышел. (стр. 107) И книжники пришли из Иерусалима и говорили, что он злой дух и что он злом уничтожает зло. И, призвав их, в притчах сказал им: как можно злом зло выводить. И если сила поднимется сама на себя, не может та сила устоять. И если зло пойдет само на себя, то не может оно устоять, но и конец ему. Если я злом изгоняю зло, то вы чем же изгоняете? Поэтому вы сами будьте себе судьями. Если же я духом Бога изгоняю зло, то уже было, значит, прежде царство Божие. А то как бы мог кто-нибудь войти в дом сильного и разорить его. Прежде надо связать сильного и потом уж разорить дом его. Если же я изгоняю зло духом Бога, то дух Бога уже был в людях. А то иначе я не мог бы изгонять зло, как не может человек войти в дом сильного человека и разграбить его, если он прежде не связал этого человека. А человек уже связан духом Божиим и сознанием его власти. (Мф. XII, 30 /Лк. XI, 23;/Мф. XII, 31 /Мр. III, 28;/ Мф. XII, 32) Тот, кто не со мною, тот против меня. Кто не собирает, тот рассыпает. Поэтому говорю вам: всякая ошибка, всякое ложное слово оставляется людям; но ложное слово на дух Божий не проходит даром

людям. И тот, кто скажет ложное слово против сына человеческого, пройдет ему, а кто скажет против духа Божия, не пройдет ему даром ни в этом, ни в будущем веке. Ложное толкование того, что есть сын человеческий, не может сделать вреда. Но ложное толкование того, что есть дух Божий, не может пройти даром. Человек, не сознающий духа Божия, тем самым лишается жизни.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Значение всего места то, что ученые люди -- законники -- упрекали Христа, что от его учения произойдет еще большее зло, чем то, которое он хочет исправлять. Иисус говорит, что не он, а они злом исправляют мир и что мир стоит не злом, а чем-то другим. Я, говорит он про себя, исправляю мир не злом, а духом Божиим, тем духом Божиим, который живет в вас. Если бы я исправлял злом, то я бы не имел власти. А я исправляю духом Божиим, и я имею власть. Только следуйте моему учению, и все зло будет побеждено в мире, все зло будет разрушено. Дух Божий -- единая жизнь. Кто не в духе Божиим живет, тот против него тем, что он губит свою жизнь, как губит человек свой хлеб, не собирая его с поля. И потому самая важная для жизни ошибка людей есть ложное понимание духа Божия, те люди, которые так перетолковывают ложно дух Божий обманывают людей, губят себя и других. Они те, чрез которых разрастается зло в мире. (Мф. XII, 33-36; Лк. IX, 49, 50) Или считайте дерево хорошим, тогда и плод будете считать хорошим, или считайте дерево дурным, тогда и плод можете считать дурным. Потому что по плоду судят о дереве. Змеиная вы порода, **(стр. 108)** нельзя вам доброго говорить, потому что вы злы. Язык говорит то, что из сердца наружу просится. Добрый человек выпускает из сердца то, что он в нем собрал доброго, а злой человек выпускает то, что он накопил в сердце злого. А я говорю вам: всякое бездельное слово, что скажет человек, разберется, почему оно сказано, в день расчета. И сказал ему Иоанн: Учитель! видели мы одного человека, изгоняет зло так же, как ты, и мы запретили ему, потому что он не с нами ходит. Иисус сказал им: напрасно, не запрещайте: тот, кто не против нас, тот с нами. Ученики Иисуса думают, что есть какое-то особенное учение Иисуса и что надо следовать ему исключительно; тот же, кто не следует, тот ошибается. Иисус говорит: напрасно так думаете, -- кто изгоняет зло, тот не делает нам напротив, а делает то же, что мы, тот за нас.

ИСЦЕЛЕНИЕ РАССЛАБЛЕННОГО

(Ин. V, 1-9) После этого был праздник еврейский, и пришел Иисус в Иерусалим. И есть в Иерусалиме у скотных ворот купальня, зовут ее по-еврейски Вифезда, с пятью навесами. Под навесами лежало много больных: слепые, расслабленные, калеки. Они все ожидали колебания воды. Ангел будто сходил по временам в купальню и колебал воду, и кто будто первый войдет после того, как вода взыграется, тот делается здоров, какая бы ни была на нем болезнь. И был там один человек, 38 лет уже был в слабости. Иисус увидел, что он лежит, и узнал, что он лежит уже давно, и говорит ему: хочешь выздороветь? Слабый и говорит: как же не хотеть, государь мой. Да вот нет у меня человека, чтобы, когда заиграет вода, окунул меня в купе-лю. А то все не поспеваю. Как пойду окунуться, а другой уже вперед меня веко-чет. И сказал ему Иисус: очнись, собери свою постель и ходи. И сейчас же очнулся человек, собрал постель и пошел ходить. На мой взгляд, особенность этого чуда от других та, что в других среди естественного является чудо, как доказательство божественности Иисуса; здесь же, напротив, среди чудесного является естественное, как

доказательство божественности Иисуса. Больной ждет 20 лет чуда, а Иисус говорит ему: ничего не жди, что в тебе есть, то и будет. Проснись. Есть сила встать и идти, и иди. Тот попробовал, встал и пошел. Все это место, принятое за чудо, есть указание на то, что чудес не может быть и что болен тот человек, который ждет чудес, что самое большое чудо есть сама жизнь. Самое же событие совершенно просто, оно повторяется беспрестанно среди нас. Я знаю барыню, которая 20 лет лежала и поднималась только тогда, когда ей делали впрыскивание морфина; через 20 лет доктор, делавший ей впрыскивание, (стр. 109) признался, что он делал впрыскивание водою, и, узнав это, барыня взяла свою постель и пошла. Рассказ о купальне есть то же самое, -- ясно и просто переданный. Значение его то, что люди ждут чудес, вмешательства Бога, а Бог в них, Бог есть жизнь; отдайся ей, поверь ей, и ты жив. Вся дальнейшая речь, кроме вставленной насмешки над верованием в субботу, усиливающим смысл рассказа о купальне, есть только разъяснение мысли о том, что одно чудо, одна истина, одна сила есть жизнь, та, которая в каждом человеке, и во власти каждого человека положиться на нее. (Ин. V, 9-16) Дело это было в субботу. И сказали евреи человеку: нынче суббота, тебе не следовало собирать постели. А тот отвечал им: тот, кто меня поднял, тот мне сказал: собери постель и ходи. И они спросили его: какой такой человек сказал тебе: собери постель и ходи. А слабый не знал, кто такой, потому что Иисус замешался тайно в народе. Потом встретил его Иисус в храме и говорит: Ну, вот, ты здоров, смотри же не ошибайся вперед, чтобы с тобой хуже не сделалось. И пошел человек и рассказал евреям, что это Иисус его поднял. И напали иудеи на Иисуса за то, что он это еде/, ал в субботу. Человек был как мертвый оттого, что он верил в тот вздор, который выдумали евреи, и ждал какого-то чуда извне, а не верил жизни, которая была в нем. Иисус показал ему, что все рассказы о купальне -- вздор и выдумка и что одна чудо: это его собственная жизнь. Человек поверил в это и стал жив. Стало быть, доказано суеверие, доказана истина, человек жив и ходит. Спорить, кажется, нельзя. Нет, у людей есть еще доводы. Зачем сделал человека живым в субботу. В пятницу можно быть живым, а в субботу нельзя. (Ин. V, 17-32) Иисус отвечал им: Отец мой не переставая работает, и я работаю. И еще более старались иудеи убить его за то, что он мало того, что разоряет субботу, еще и Отцом своим называет Бога и равняет себя с Богом. И сказал Иисус: разве не понимаете, что не может сын человеческий ничего сам собой сделать, если бы он не знал, что Отец делает; потому что Отец делает, то и он то же делает. Отец любит сына и все ему показал. И больше этих дел покажет ему, так что вы будете дивиться. Потому что как Отец возбуждает смертных и живит, так и сын живит кого хочет. Потому что Отец не выбирает, но выбор передал во власть сыну. Затем, чтобы все чтили сына так же, как чтут Отца. Тот, кто не чтит сына, не чтит и Отца, того, который послал сына. Ведь вы понимаете, что кто разумение мое понимает и полагается на того, кто послал меня, тот имеет жизнь невременную и для (стр. 110) того нет смерти, но тот перешел уже из смерти в жизнь. Истинно говорю вам, что пришел час теперь, что смертные поймут голос сына Божия и, поняв, будут жить. Потому что как Отец жив сам собою, так дал сыну жизнь в самом себе. И дал ему свободу делать выбор, и тем-то он человек. Не дивитесь этому, потому что наступило время, когда все смертные поймут голос сына Бога. И вступят те, которые делали добро, в пробуждение жизни, а те, кто делали дурное, -- в изгнание смерти. Я не могу сам собою ничего делать: как понимаю, так и выбираю. И выбор мой верен, так как я не ищу своей воли, а воли пославшего меня Отца. Если бы я один уверял о себе, то уверение мое было бы ложно. Но есть другой, уверяющий о мне, что я делаю правду. И вы знаете, что истинно его уверение обо мне, что я делаю правду. Стихи 33, 34, 35 и начало 36-го об Иоанне ничего не прибавляют к учению и разрывают смысл: "Не я один

свидетельствую, но и дела мои". (Ин. V, 36-47) Потому что те дела, каким научил меня Отец, чтобы я исполнял их, эти самые дела, какие я делаю, показывают обо мне, что Отец меня послал. И Отец, тот, что послал меня, он показывает и показал обо мне, но вы ни голоса его никак не понимали и не понимаете, и не знали и не знаете, кто он. И разумения его, такого, чтобы оно держалось в вас, не имеете в себе, потому что не верите тому, кого он послал. Разберите в писании; вы по нем думаете иметь жизнь вечную. Оно-то и уверяет обо мне. И вы не хотите верить мне, что будете иметь жизнь. Суждения человеческие я не принимаю. Но я узнал, что в вас нет правды и любви Божией. Я учу вас от Отца моего, и вы не принимаете моего учения. А если кто другой будет учить вас сам от себя, того учение примете. На что вы можете полагаться, когда принимаете учение от людей, а учение от единого, однородного Богу сына не ищите? Не я вас обличаю перед Отцом, но Моисей, на которого вы надеетесь, обличает вас. Если бы вы верили Моисею, то верили бы и мне, потому что он писал обо мне. Если его писаниям не верите, то как же вам верить моим словам?

ПРИТЧА О НАСЛЕДСТВЕ (ТАЛАНТАХ)

(Лк. XIX, 11-13; Мф. XXV, 15; Лк. XIX, 13 / Мф. XXV, 15/; Мф. XXV, 16-18; Лк. XIX, 14, 15; Мф. XXV, 19-22, Лк. XIX, 17, 18; Мф. XXV, 24-26; Лк. XIX, 23-26; Мф. XXV, 30; Лк. XIX, 27) Когда они слушали это, Иисус на прибавку сказал еще (стр.111) притчу затем, чтобы они не думали, что царство Божие придет без усилия. Он сказал: родовитый получил наследство, и надо было ему съездить получить наследство и потом вернуться. Вот он призвал десять работников своих и дал им свое имение. Кому дал пять гривен, кому две, кому одну, каждому по его силе. И сказал им: вот, сделайте оборот, а сам уехал. Вот, когда разделил, тот у, которого было пять талантов, стал работать на них и нажил еще пять талантов. Так же сделал и тот, кому даны два таланта. А тот, у кого был один, зарыл в землю хозяйское добро. А земляки этого человека считали его ни во что и объявили ему, что мы не хотим тебя в цари, И вышло, что человек этот сел на царство, вернулся домой и велел кликнуть работников тех, которым дал деньги, чтобы узнать, что каждый из них выработал. И стал спрашивать у них отчета. Вот пришел один, кому дано было пять гривен, и принес еще пять гривен, и сказал: хозяин, ты мне дал пять гривен, вот я нажил на них еще пять гривен. И сказал ему хозяин: ладно! ты хороший и верный работник, в малом был верен, над большим тебя поставлю, радуйся вместе с хозяином. Пришел еще один, кому даны были две гривны, и сказал: вот, хозяин, ты мне дал две гривны, и я нажил на них еще две. И сказал хозяин и тому и другому: ладно! вы добрые и верные работники, за то, что в малом были верны, над большим вас поставлю: радуйтесь вместе с хозяином. И пришел и другой, кому дана была одна гривна, и сказал: господин, вот на гривну твою я заработал пять гривен. Пришел и тот, кому дана была одна гривна, и сказал: хозяин! вот твоя гривна, я понял тебя, хозяин, что ты жестокий человек, берешь, где не клал, и жнешь, где не сеял. Я испугался тебя и завернул ее в платок и зарыл в землю. Вот, получи свое. И хозяин сказал ему: дурной ты работник и ленивый, по твоим речам буду судить тебя. Ты знал, что я жестокий человек: беру, где не клал, и жну, где не сеял. Отчего же ты не отдал деньги мои на дело, и я бы пришел и с ростом бы получил. И сказал хозяин слугам: возьмите у него гривну и дайте тому, у кого десять. И сказали ему: хозяин, у того уже десять. Говорю вам, что всякому, кто бережет, тому дастся лишнее, а у того, кто не бережет, отнимется и то, что у него есть. И ненужного работника возьмите и выбросьте вон. (стр.112)

Тех же неприятелей моих, которые не хотели, чтобы я был их царем, чтобы их не было для меня.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Человек родовитый, удалившийся из дома своего для того, чтобы быть царем, -- это Бог, разумение, дух. Удаление его из мира, который вместе с тем есть его дом, выражает ту же мысль, как и притча Марка о севце, не заботящемся до жатвы о всходе семян, и о закваске. Бог, вложив в людей разумение, оставляет их жить одних. Имение свое, которое он раздает рабам, есть разумение. Разное количество гривен, данное каждому, есть степень разумения, есть повторение притчи о семенах, павших на дороге, на камне и репьях. Но здесь уже не может быть недоразумения о том, чтобы произрастание зависело от Бога, от внешних причин. Здесь уже прямо сказано, что вступление в царство Божие зависит прямо от усилия, которое сделает каждый; только степень разумения зависит от внешних причин. Земляки родовитого человека, не хотящие признавать его царем, -- это люди, не имеющие разумения, люди тьмы, того, что не существует для Бога. Это то, что выражено плевелами в притче о сеятеле и плевелах. Возвращение родовитого человека домой -- это совершение всей жизни, то самое, что выражено в притче о плевелах, сожжение их; то же, что выражено в притче о неводе; то же, что выражено у Иоанна словом смерть. Отчет рабов -- это состояние тех, которые имели разумение, как зерно. Отчет первых двух рабов -- это состояние тех, которые удержали в себе разумение, как зерна на доброй земле; награда их есть соединение с хозяином. Отчет последнего раба -- это состояние того, который, имея разумение, не удержал его, как зерна на дороге, на камнях и в репьях. Он ненужный раб, его нет для разумения. Земляки, не признавшие царя, -- это люди вне разумения, их тоже нет для разумения. Гривна -- это разумение в человеке. Тот работник, который работал над этой гривной, тот приобрел, исполнил волю хозяина, хозяин принял его в товарищи, он соединился с хозяином. Разумение и жизнь остались разумением и жизнью. Но злой работник спрятал свою гривну, он сказал себе: не хочу знать хозяина, хочу на себя работать, но хозяйская гривна обличила его, и он, чтобы не думать о хозяине, зарыл эту гривну. Злому работнику дана жизнь разумения, но он не хочет работать на нее, он думает, что она чужая и не нужна ему, и он прячет ее сам от себя, чтобы можно было работать для плоти, для пищи телесной, а не для исполнения воли хозяина. Злой работник не понял того, что гривна -- жизнь разумения -- дана не для хозяина, а для него самого. Он сказал себе: "хозяин хочет взять у меня то, чего он не давал мне, -- плотские радости: так не дам же их ему, а буду жить для них. А жизнь разумения, какая есть, такая и будет". Но хозяин пришел и, увидав, что жизнь разумения не растет в человеке этом, отнял ее. Семя духа Божия посеяно равно во всех сердцах, и каждый человек может увеличить в себе это семя духа. Каждый предоставлен самому себе. Бог дал каждому духа. Одни, получив этот дух, полюбили его, возрастили в себе, удвоили и дали плод каждый по силам; но другие, как те, которые объявили владетелю, что не хотят быть под его властью, как тот последний раб, сказали себе: за что отдам я плотскую свою жизнь, плотские наслаждения ради духа, который не мой. Он хочет, чтобы я ради этого духа отдал ему то, чего он не давал мне, -- плотскую мою жизнь. А лучше я спрячу подальше этот зародыш духа, данный мне, и буду жить плотью. Но он потерял и последний зародыш духа Божия, и плотская жизнь его кончилась смертью. Жизнь разлита во всех. Тот, кто создает в себе сына человеческого, будет жить жизнью истинной, тот приобретет жизнь истинную. Жизнь же истинная не может быть ни больше, ни меньше. Если в жизни земной нам кажутся одни люди имеющими больше, а другие меньше, одни пять гривен, другие (стр. 113) две и одну, то для жизни истинной они все

равны, они все существуют в радости хозяина. Только тот, кто зарыл эту жизнь, тот сам себя лишает жизни и выходит из области света в тьму. Притча эта выражает еще и то, что людские понятия о справедливости не приложимы к вопросу жизни и смерти. Понятие ветхозаветное о том, что за такие-то дела Бог награждает, за такие-то наказывает -- ложно. Нет ни наград, ни наказаний. Кто держится жизни, тому дается еще больше; кто не держится жизни, у того последняя отнимется. Как и в начале Евангелия, так и в беседе с Никодимом, так и во всех притчах и беседах Иисус говорит одно, что жизнь есть только разумение. Жизнь только настолько жизнь, насколько она есть разумение. Жизнь животную Иисус называет смертью, и потому так называет, что она и точно только момент, кончающийся вечною смертью. И потому не надо думать, что человек с своими руками, ногами, весь живой. Живое только то, что сознает свое божество. Люди не должны смотреть на себя, как на живые существа, только потому что они движутся, едят, но только потому, что они сознают себя сынами Бога. Где начало того всего мира земного, мы не знаем и не можем знать. Все, что мы знаем, это то разумение, которое дано нам, и им мы только можем жить. Владелец дал свои гривны людям, оставил их в своем владении и ушел. Бог вложил людям свое разумение и оставил их в мире смерти. Если люди и не чувствуют над собою власть владетеля, то все-таки у них есть те гривны владельца их, которые даны им, и им надо что-нибудь делать с ними. Людям дано разумение. Оно дано в размере, но оно дано всем, и им надо что-нибудь с ним делать. И каждый делает с этим разумением, что хочет. Один работает много, другой меньше, третий ничего не делает, четвертый и вовсе не признает его. Но дело не в том, что он сработал, но в том, что он понял, что в нем жизнь, и работал над тем, что есть жизнь, стремился увеличить жизнь. И с людьми совершается совсем не то, что мы привыкли считать справедливым, т.е. чтобы за большой труд была соответственная награда, чтобы человек, ничего вредного не сделавший, не пострадал, чтобы человек отвечал за то, в чем он виноват. Все это так, когда мы себе представляем какую-то власть человеческую, казнящую за то, что мы считаем дурным, и награждающую за то, что мы считаем хорошим, но это не так, когда мы созерцаем самую сущность жизни. С самого начала и до конца Иисус говорит, что никаких наград и наказаний ни от людей, ни от Бога быть не может. Истинное благо есть разумение, само в себе и цель, и средство, и жизнь. Стало быть, кто имеет разумение и в него перенес свою жизнь, тот имеет жизнь. Кто не имеет и не в него кладет свои усилия, тот не имеет жизни. С общей точки зрения: хотя и много попадет зерен на камни и на дороги, -- другие зерна, попавшие на хорошую землю, наверстают и урожай будет. И не виновато, и не наказано зерно, упавшее на камни и на дорогу, и не награждены те, которые попали в добрую землю; но для того, чтобы был урожай, упавшие на добрую землю должны родить сам -- пятьдесят и больше. Разумение в мире вообще возвращается к Богу, хотя и много человеческих существ живут без этого разумения; многие выносят это разумение и увеличивают его себе. С личной точки зрения: каждому дана гривна, нельзя забыть про нее. Если забудешь, то покажешь, что она не нужна тебе, и ее возьмут у тебя. Если забыл, как тот раб, и станешь утверждать свою справедливость, то сам себя обвинишь. На что же тебе ее, коли ты зарыл ее? Ее отдать надо тому, кто заработал на ней. Разумение есть в каждом, оно -- жизнь. Если ты не хочешь идти к жизни, то жизнь уйдет от тебя. Нет наград, нет наказаний для людей. Не люди живут для себя. Если бы они жили для себя, то были бы награды и наказания для них. *Не люди живут для себя, а Бог в людях живет для себя.* Если человек живет для Бога, то он живет. Если он живет для себя, без Бога, то он не живет, и как жить нельзя ни меньше, ни больше, так и не жить нельзя ни меньше, ни больше, *человек живет или не живет.* Тут нет ни наказания, ни (стр. 114) награды, а есть жизнь или смерть. Учение Христа есть только учение о том, что жизнь, что смерть. Жизнь -- разумение, остальное -- смерть.

О ХЛЕБЕ ЖИЗНИ

(Ин. IV, 31–38) И вот раз спросили Его ученики: Учитель, ед ты? Он же сказал им: у Меня еда такая, какую вы не знаете. И заговорили друг дружке ученики: или кто приносил ему есть? И сказал им Иисус: Моя еда это то, что Я делаю волю того, кто послал Меня, и исполняю его дела. Не говорите, что еще четыре месяца и жатва придет. Вот говорю вам, поднимите глаза и смотрите на поля, что побелели уже к жатве. И тот, кто жнет, тому платят, и он собирает плод в жизнь невременную, так что тот, кто сеял, вместе радуется с тем, кто жнет. Потому что верна пословица, что сеет один, а собирает другой. Я учу вас жать то, над чем не вы мучились. Другие мучились, а вы в чужом труде стали участниками.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Стихи эти неясны. Церковью они объясняются еще неяснее. Церковь понимает, что говорится о самарянах, возбужденных к учению. Значение места этого, по-моему, следующее: сказав ученикам, что пища его есть исполнение воли Божией, то же самое, что он сказал себе в пустыне, что он сказал самарянской женщине. Иисус говорит: исполнение воли Бога нельзя откладывать, как откладывают жатву до того, когда она поспеет. Жатва эта всегда спела, т.е. *исполнение воли Бога всегда возможно*, когда пища этого исполнения есть ваша плотская жизнь, и всегда есть, что жать, есть, что приносить в жертву духу. Тот, кто жнет, тот получает награду -- жизнь невременную. И радуются этому одинаково и жнущий и сеющий, т.е. жнущий человек, живущий духом, и Отец Бог, тот, который посеял в людях дух свой. И в том верна пословица: что один сеет, другой жнет. Бог сеет, а человек жнет. Я учу вас жать, срезать то, что не вы работали, но то, что Бог сделал для вас, вашу плотскую жизнь. Стихи 39–42 не имеют значения и потому выпускаются. Содержание их -- о том, как поверили самаряне. (Ин. VI, 27–30) И Иисус сказал народу: вы заботитесь о пище земной, а я говорю вам: добывайте не ту еду, что пропадет, а ту еду, что сохранится "в жизнь вечную, ту, что вам даст сын человеческий, на нем печать Бога. И сказали ему: что же надо делать, чтобы делать дела Божий? И в ответ сказал Иисус: то и дело Божие, чтобы полагаться на того, кого Он послал. Какой же ты нам дашь пример, чтобы мы верили тебе, что ты сам делаешь? Церковь понимает эти слова Иисуса всегда так, что Иисус велит верить в себя. Иисус ничего подобного не говорит, он увещевает их верить в то, что он говорит, и ответ иудеев показывает, что они и не думали понимать так Иисуса. Они говорят: ну вот, ты велишь верить в того, кого послал. Ну, что же ты делаешь? (Ин. VI, 31) Отцы наши манну ели в пустыне, как и написано: хлеб с неба дал им есть. (стр. 115) Для того, чтобы не спутаться в понимании дальнейших слов о поедании тела и крови сына человеческого, породивших столько идолопоклоннических объяснений, надо не выпускать из памяти смысл всей речи и помнить, что первая мысль учения Христа во время искушения в пустыне представилась ему в сравнении пищи земной с пищей Божией и что собственно не пища, а еда, поэтому имеет значение и пищи и питания. На искушение пищи он ответил себе, что не хлебом сыт человек, а исходящим из уст духом Божиим, т.е. не плотью. В разговоре с самарянкой он опять тем же образом выразил сущность своего учения (Ин. IV, 14): "Если бы ты знала дар Божий, то ты бы сама просила у меня пить не такой воды, как земная, от которой опять захочется пить, а такой, которая удовлетворяет вполне, после которой нет жажды". В Нагорной проповеди опять также в образе пищи он выражает то же, когда говорит, что душа больше пищи. Ученикам он

говорит: "моя пища творить волю пославшего меня и его дела". Здесь речь начинается с того же. Иисус говорит: не заботьтесь о питании погибающем, т.е. не думайте, что хлеб, который вы кладете в брюхо, дает вам жизнь, а заботьтесь о питании не гибнущем, о разумении. Жизнь ваша есть разумение, а разумение больше пищи, оно только -- жизнь. Эту настоящую жизнь дает вам сын человеческий, запечатленный Богом, т.е. сын человеческий, живущий по закону Бога.

Народ спрашивает: что же надо делать, чтобы трудиться над истинной жизнью, над этим разумением? Иисус отвечает, что для этого нужно только верить, быть вполне убежденным, что жизнь есть разумение, и жить этим разумением, и полагаться на жизнь в разумении. На это евреи приводят ему 24 ст. из 77-го псалма: "И одождал на них манну в пищу и хлеб небесный дал им", очевидно соединяя в одно понятие пищи манну и хлеб с неба. Хлеб же с неба имеет совсем другое значение, чем пища плотская. Значение по-еврейски выражается в следующих стихах книги Сираха (XV, 3): "Напитает его хлебом разума и водою мудрости напоит его". (Ин. VI, 32, 33) И сказал им Иисус: ведь вы сами знаете, что не Моисей дал вам хлеб с неба, но Отец мой дает вам хлеб с неба настоящий. Потому что хлеб Божий есть то, что сходит с неба и дает жизнь миру.

Иисус тотчас же поправляет то недоразумение, которое могло бы произойти от смешения пищи -- манны с неба с хлебом небесным, т.е. с законом, полученным Моисеем с неба от Бога. Он говорит: ведь хлеб с неба не потому хлеб с неба, т.е. закон Бога, что его дал Моисей, но потому, что он от Бога и дает жизнь миру. (Ин. VI, 34-36) И сказали ему: ну, так дай же и ты нам этот хлеб. И сказал им Иисус: Я хлеб жизни. Кто отдается мне, тот никогда не будет голоден. И кто будет верить мне, не будет жаждать никогда.

Но я уже говорил вам, и вы видели и видите и не верите. *Этот* хлеб, т.е. закон, как закон Моисея. (Ин. VI, 37) Все то, что дает мне Отец, то придет ко мне, и того, кто отдается мне, я не погублю. Все, что поручил мне Отец, как царь гривны, вернется ко мне, как вернулись гривны, данные на работу, и кто последует мне, моему примеру, того не выбросят в тьму кромешную, тот не уничтожится. (стр. 116) В этом стихе, так же, как и в последующих, выражаются рядом две мысли: одна о том, в чем состоит учение Иисуса; другая о том, какие последствия будет иметь следование его учению. (Ин. VI, 38-40) Потому что я сошел и схожу с неба не для того, чтобы делать свою волю, но волю Отца, того, который послал меня. А воля Отца моего, который послал меня, та, чтобы я не погубил ничего из того, что Он дал мне, но возбудил бы это до последнего дня.

Потому что в этом воля пославшего меня. Так что всякий, кто познал сына человеческого и верит в него -- имеет жизнь. И возбужу его до последнего дня. Евреи спрашивают: покажи же нам, какая это пища, дающая жизнь? Он отвечает: это вы можете видеть на мне. Я питаюсь только одной этой пищей, и пища эта есть исполнение воли Отца. Жизнь моя есть разумение Бога, и потому я творю его волю. Воля же Отца та, чтобы всякий разумел в себе Отца и жил бы до последнего дня своей жизни одним этим разумением. (Ин. VI, 41, 42) И стали евреи спорить за то, что он сказал: я хлеб, сошедший с небес. И сказали: разве это не Иисус, сын Иосифа. Мы знаем его отца и мать. Как же он говорит, что он с неба сошел. В настоящем случае евреи вполне понимают, о чем идет речь. И слова: хлеб с неба понимают именно в смысле закона Бога. Замечание их о том, что он сын Иосифа, и что они знают его родных, есть то самое, которое сделано у Луки после проповеди в Назарете. В противном случае слова их не имеют никакого смысла. Сын ли он, или не сын Иосифа, знакомство с родными его не разъясняет и не затемняет того, что он кусок хлеба, сошедший с неба. Удивление же тому, что сын плотника дает им закон Бога -- понятно. (Ин. VI, 43-46) И ответил Иисус и сказал им: не спорьте промеж себя. Никто не может поверить мне, если Отец, тот, кто послал меня, не притягивает его. И я возбужу его до последнего дня.

Написано у пророков: и будете все научены Богом. Кто понимает об Отце и научился истине, тот отдается мне. Не то, чтобы кто-нибудь видел и видит Отца; но кто в Боге, тот видел и видит Отца. Стих этот есть почти повторение стиха 1-й главы. Стих этот здесь прямо отвечает на сомнение евреев и их возражения. Возражения их можно выразить так: как это ты, простой плотник, можешь нам открыть закон Бога. Закон Бога открыт Моисеем, который видел самого Бога. На это отвечает Иисус и говорит о Боге духе, который в душах всех людей и открывается разумением. Не человек во плоти и крови видит Отца, но разумение знает Отца. (Ин. VI, 47-51) Истинно говорю вам: кто верит, у того жизнь невременная. Я хлеб жизни. Отцы ваши ели манну в пустыне и померли. (стр.117) А хлеб тот, который с неба, такой, что кто им питается, тот не умрет. Я хлеб жизни, тот, который сошел с неба. Если кто питается этим хлебом, будет жить век. И хлеб тот, который я дам, это моя плотская жизнь; ее я отдал вместо жизни мирской. Иисус вновь исправляет ошибку, которую в начале рассуждения сделали евреи, назвав манну хлебом небесным. Хлеб небесный есть пища духовная, дающая жизнь, не подлежащую смерти. ... значит иногда жизнь духовная, иногда плотская; но У Иоанна всегда без исключения означает: мир временный, плотской, противоположный жизни духа. И потому *t, (or* должно быть переведено жизнь мирская. Фраза темна и не может не быть темна, так как фраза принятого сравнения хлеба с учением Иисуса выражает новую мысль о том, что учение его состоит в том, чтобы жить духом и пренебрегать плотской жизнью, то самое, что много раз сказано в другой форме: кто не отречется от самого себя, не возьмет креста и т.п. И на этой-то неясной фразе строятся догматы. Не говоря о бессмысленности и мерзости догматов, нельзя не заметить и того, что фраза эта, на которой строится догмат, переведена в смысле догмата совершенно неправильно: не может значить за, не может значить жизни людей; если забыть неправильность перевода, то как она переведена, она есть сбор слов без смысла. В древнейшем Синайском списке, найденном Тишендорфом, фраза эта читается так: хлеб же, который я дам для жизни мира, есть моя плоть, -- т.е. речи Иисуса придается тот смысл, что своею плотью и кровью он называет свое учение (.....) как у Ин. I, 14; IV, 63 и 68. (Ин. VI, 52-55) И стали ворчать между собою евреи и говорили: как он может нам дать мясо есть. И сказал им Иисус: истинно говорю вам, если не будете есть плоти сына человеческого и не будете пить его крови, то не будет в вас жизни. Тот, кто ест свою плоть и пьет свою кровь, у того жизнь невременная. И потому плоть моя -- истинная пища, и кровь -- истинное питье. Перед этим Иисус сказал, что хлеб с неба, т.е. закон Бога, для него тот, что он отдает свою плотскую жизнь для жизни духа, это есть хлеб небесный, которому он учит. Хлеб мучной есть питание мирской жизни, хлеб, сама плотская жизнь, есть питание духа. И теперь он говорит, что плоть и кровь, в которой, по понятиям евреев, была жизнь, должны служить пищею для духа. Пища, хлеб нужны для жизни плотской, но вся жизнь плотская есть только пища для жизни невременной. Тело и кровь мои в самом деле только пища и питье духа. Это разумение -- сознание моей жизни. Всякий, кто живет, живет только тем, что он тратит свою жизнь телесную, желает ли, думает ли, работает ли: всякое действие жизни есть съедение своей плоти и крови, движение к уничтожению плоти. (Ин. VI, 56-58) Тот, кто съедает мою плоть и пьет мою кровь, тот во мне, и я в нем. И как послал меня живой Отец, и я живу Отцом, и съедающий меня дух, и он будет жив только по воле моей. Таков-то хлеб, спешший с неба, не такой, как отцы (стр.118) ваши ели, манну, и умерли. Тот, кто будет грызть этот хлеб, будет жить невременно. Тот, кто съедает мою плоть, то, что изнашивает мое тело, что это? Вот это-то есть источник всего, это есть Бог. Это есть разумение -- начало всего и я сам. Я в нем; и оно во мне. И как по воле чьей-то -- Отца жизни (как он называет

источник всего) живу я во плоти, точно так же по моей воле, моего разума, будет жить это разумение. Мысль эта выражается в следующем: (Ин. XII, 24, 25) Вы сами знаете, что если зерно пшеницы, падши на землю, не умрет, то одно и останется. Если же умрет, то большой приплод принесет. Тот, кто любит душу свою, погубит ее, а кто не любит душу свою в этом мире, сохранит ее в век. Стихи эти из прощальной беседы прямо разъясняют мысль предшествующего, и потому я вставляю их здесь. (Ин. VI, 59-63) Это он говорил, поучая в собрании в Капернауме. Многие из учеников слышали это и сказали: жестокое это слово! кто может его понять? И догадался Иисус, что ропшут об этом ученики его, и сказал им: То вас и смущает, что вы видите, что сын человеческий становится тем, чем он был прежде. Дух живит, а тело ни на что не нужно. Слова те, которые я сказал вам: это то, что дух есть и жизнь есть. Иисус говорит, что вас соблазняет именно то, что вы видите, что сын человеческий есть Бог.

ИСПОЛНЕНИЕ ЗАКОНА ДАЕТ ЖИЗНЬ ИСТИННУЮ

Общее изложение главы пятой. И Иисусу жалко было людей за то, что они погибают, не зная того, в чем истинная жизнь, и мечутся и мучаются, сами не зная зачем, как заброшенные овцы без пастуха. И Иисус говорит людям: вы все заботитесь о плотском благе, заложились в такой воз, какой вам не свезти, и надели на себя ярмо такое, какое не по вас сделано. Поймите мое учение, следуйте ему, и вы узнаете покой и радость в жизни. Я даю вам другое ярмо и другой воз -- жизнь духовную. Запрягитесь в нее, и вы научитесь от меня спокойствию и блаженству. Надо быть смиренным и кротким сердцем и найдете блаженство в жизни вашей. Потому что мое учение -- это ярмо для вас сделано, и исполнение моего учения -- это воз легкий, по вашим силам. И Иисус ходил по городам и селам и всех учил блаженству жизни по воле Божией. Потом он выбрал из своих близких 70 человек и послал их в те места, где хотел сам побывать. Он сказал им: много людей не знают блага настоящей жизни, всех мне жалко и всех желаю научить, но как хозяина не хватает на жатву своего поля, так и я не успею. Идите вы по разным городам и везде разглашайте пришествие Бога и закон Бога. Говорите, что для блаженства нужно быть бродягой, что закон весь в пяти правилах против зла: 1) не сердиться; 2) не распутничать; 3) не присягать, не обещаться ни в чем; 4) не противиться злу, не судиться; и 5) не делать различия между людьми и считать ни во что царей и царства. И потому во всем сами исполняйте эти правила. Первее всего будьте нищие, бродяги, ничего не берите с собою: ни мешка, ни хлеба, ни денег. Только платье на теле да обувь. Вы разглашаете (стр. 119) блаженство нищих, и потому прежде всего сами будьте примером нищенства. Не выбирайте хозяев, куда вам заходить, а в какой первый придете дом, в том и оставайтесь. Когда придете в дом, поздоровайтесь с хозяевами. Если примут вас -- ладно, а не примут, уйдите в другой. За то, что вы будете говорить, вас возненавидят и будут на вас нападать и гонять. И когда выгонят, вы идите в другую деревню, а из той выгонят, идите еще в другую. Будут вас гонять, как волки гоняют овец, но вы не робейте и не слабейте до последнего часа. И будут на суды водить вас и судить, и будут сечь вас, и будут водить вас к начальникам, чтобы вы оправдывались перед ними. И когда вас будут водить на суды, вы не робейте и не придумывайте, что вам сказать. Дух Божий скажет в вас, что нужно сказать. Не обойдете еще всех городов, как уже поймут люди ваше учение и обратятся к нему. Так и не бойтесь; то, что скрыто в душах людей, то выйдет наружу. То, что вы скажете двоим или троим, то разойдется между тысячами. А главное, не бойтесь тех, которые могут убить ваше тело. Ну что ж, убьют ваше тело, душам-то

вашим они ничего не могут сделать. Так и не бойтесь их. А бойтесь того, чтобы не уничтожились тела и души, если вы отступите от закона, вот чего бойтесь. За копейку пять воробьев отдают, а и те не помрут без воли Божией. И волос с головы не падет без воли Божией, так чего же вам бояться, если вы в воле Божией? Кто перед людьми будет заодно с волей Божией, с тем и будет Бог; а кто перед людьми откажется от воли Божией, от того откажется и Бог. В мое учение, о том, что нужно быть нищим, бродягой, не сердиться, не распутничать, не клясться, не судить и не судиться, не воевать -- все не поверят. А те, кто не поверят, возненавидят его потому, что оно лишает того, что они любят, и делается раздор. Учение мое как огонь запалит мир. И оттого должен сделаться раздор в мире. Сделается раздор в каждом доме. Отец с сыном, мать с дочерью и семейные сделаются ненавистниками того, кто поймет мое учение. И будут убивать их. Потому что тот, кто поймет мое учение, для того не будет ничего значить ни отец, ни мать, ни жена, ни дети, ни все его имущество. Кому отец или мать дороже моего учения, тот не понял учения. Кто на всякий раз не готов на всякие мучения плоти, тот не мой ученик. Тот, кто будет заботиться об этой плотской жизни, тот погубит истинную жизнь, а кто погубит эту плотскую жизнь по моему учению, тот спасет свою жизнь. Семьдесят учеников пошли по городам и селам и сделали то, что велел Иисус. Когда они вернулись, то с радостью сказали Иисусу: бесовское учение о гневе, прелюбодеянии, клятве, судах, войнах -- везде уступает нам. И Иисус сказал им: не радуйтесь тому, что зло уступает вам, радуйтесь тому, что вы в воле Божией. И тогда возрадовался Иисус о силе духа и сказал: в том, что ученики мои поняли меня и что зло покоряется им, вижу, что ты дух высший, -- начало всего, истинно Отец людей, -- потому что то, что не могли понять мудрецы и ученые всей ученостью своей, то поняли несмысленные только тем, что признали себя сыновьями Отца. И ты, как Отец, любовью между Отцом и сыном, открыл им все. Все, что нужно знать человеку, все это открыто ему любовью Отца к сыну и сына к Отцу. Только тот, кто признает себя сыном, только того признает Отец. И после этого пришел Иисус с учениками в один дом, и набилось столько народа, что нельзя было им и пообедать. И пришли домашние его и хотели его взять, потому что думали, что он взбесился. И книжники и фарисеи пришли из Иерусалима и говорили: он взбесился, он большим злом хочет исправить меньшее зло. Чтобы не было нищих, он хочет всех сделать нищими, и чтобы никого не наказывали, и чтобы разбойники всех перебили, и чтоб не воевать, и тогда всех перебьют враги. И он сказал: вы говорите, что мое учение есть зло и вместе с тем говорите, что я уничтожаю зло. Этого не может (стр. 120) быть, зло нельзя уничтожить зло. Если я уничтожаю зло, то учение мое не может быть зло, потому что зло не может пойти само на себя. Если бы зло пошло само на себя, то и не было бы зла. Вы сами по своему закону изгоняете зло. Чем вы изгоняете зло? Законом Моисея, а закон этот от Бога. Я же изгоняю зло духом Бога, тем самым, который всегда был и есть в вас. Только от этого я могу изгонять зло. И то, что зло изгоняется, это вам и доказательство, что учение мое истинно, что дух Бога есть в людях и сильней плотской похоти. Если бы этого не было, то нельзя бы было победить похоть зла, как нельзя войти в дом сильного и разграбить его. Чтобы разграбить дом сильного, надо прежде связать сильного. И так связаны люди духом Божиим. Тот, кто не заодно со мной, тот противник мне. Кто в поле не собирает, тот только обсыпает, потому что тот, кто не заодно со мною, тот не заодно с духом Божиим, тот противник духу Божьему. И потому говорю вам, что всякая ошибка людская и всякое ложное толкование не взыщется, но ложное толкование о духе Божиим -- скажется людям. Если кто скажет слово против человека, то это еще ничего, но если кто скажет слово против того, что есть святого в человеке -- о духе Божиим, то это не может пройти ему даром; меня браните сколько хотите, но не называйте злом то добро, которое я делаю. Не может пройти даром человеку то, что он добро называет злом, т.е. те

дела, которые я делаю. Надо быть заодно с духом Божиим или против него. Или вы считаете дерево хорошим и плод его хорошим, или вы считаете дерево дурным и плод его дурным, потому что по плоду ценится дерево. Вы видите, что я изгоняю зло, стало быть, учение мое -- добро. Всякий, кто изгоняет зло, тот, какое бы ни было его учение, не может быть против нас, а он с нами, потому что изгонять зло можно только духом Божиим. После этого пришел Иисус на праздник в Иерусалим. И была тогда в Иерусалиме купальня. И говорили про эту купальню, что будто сходит в нее ангел, и от этого вода в купальне начнет играть, и кто, если первый после того, как вода взывается, окунется в купальню, тот, чем бы ни был болен, выздоровеет. И были поделаны около купальни навесы. И под навесами этими лежали всякие больные и ждали, когда взывается вода в купальне, чтобы окунуться в нее. Иисус пришел к купальне и видит под навесом лежит человек. Иисус спросил его, что он? Человек и рассказал, что он уже 38 лет хворает и все ждет, чтобы попасть в купальню первому, когда вода взывается, да все не попадет, все прежде его войдут в купальню и выкупаются. Иисус посмотрел на него и говорит: напрасно ты ждешь здесь чуда от ангела; чудес не бывает. Одно чудо есть, что дал Бог людям жизнь и надо жить всеми силами. Не жди тут ничего у купальни, а собери свою постель и живи по -- Божьему, сколько тебе Бог силы дает. Хворый послушал его, встал и пошел. Иисус и говорит ему: ну, вот видишь, силы есть у тебя, смотри же, вперед не верь во все эти обманы, не ошибайся так вперед, а живи, сколько тебе Бог силы дал. И пошел человек и рассказал всем, что с ним было. И рассердились все те, кто затеял обман купальни и наживались от нее, и не знали, как свое зло выместить и придрасться к хворому и к Иисусу за то, что обличил их обман. Придрались они к тому, что это было в субботу, а в субботу по их закону нельзя работать. Они прежде пристали к хворому и говорят: как ты смел свою постель собирать в субботу. В субботу нельзя работать. Хворый им говорит: кто меня поднял, тот велел мне и постель собрать... Они говорят: кто тебя поднял? Он сказал: не знаю. Подходил человек и ушел. Фарисеи добрались до Иисуса и нашли его и говорят: как ты мог велеть человеку встать и собрать постель в субботу? На это Иисус отвечал им: Отец мой Бог никогда не перестает работать, и я никогда не перестаю работать, и в будни **(стр. 121)** и в субботу. Не суббота сделала человека, а человек сделал субботу. Тогда евреи еще пуще напустились на него, как он смеет называть отцом своим Бога. И они стали нападать на него, и Иисус отвечал им: человек ведь ничего не мог бы делать сам собою, если бы Бог, Отец -- дух Бога в человеке, не указывал ему то, что должно делать. Бог, Отец человека, всегда живет и действует, и человек всегда живет и действует. Бог, Отец, для блага людей, дал им смысл, показав, что хорошо и что дурно. Так же как отец дает жизнь, так и дух Божий дает жизнь. Бог, Отец, не выбирает, не решает сам ничего, а, научив человека тому, что хорошо и что дурно, он предоставляет самому человеку делать, -- затем, чтобы люди чтити дух Божий, повиновались ему в себе так же, как они чтут Бога и повинуются ему. Кто не чтит в себе духа-Бога, тот не чтит и Бога. Вы поймите, что тот, кто вполне отдался моему учению, возвысил в себе дух и в нем полагает свою жизнь, тот имеет жизнь невременную и уже избавлен от смерти. Ясно, что теперь мертвые, поняв смысл своей жизни, что они сыны Божий, будут жить. Потому что, как Отец жив собою, так и сын жив сам собою. Свобода выбора есть то, что и есть дух Бога в человеке -- это весь человек. Не удивляйтесь этому учению; теперь пришло время, что все смертные разделятся. И одни, те, которые делают добро, найдут жизнь, а те, которые делают зло -- уничтожатся. Я ничего не могу выбирать сам собою. А то, что понял от Отца, то и выбираю. Выбор мой справедлив, если я держусь не своего желания, а того смысла, который я понял от Отца. Если бы я один уверял, что я прав, потому что я так хочу, вы могли бы мне не верить. Но другой еще уверяет обо мне, что я делаю правду. Это дух Божий, и вы знаете, что

уверение его истинно. По делам моим вы видите, что Отец послал меня. И Отец-Бог показывал и показывает обо мне и в душах ваших и в писании. Вы голоса его не понимали и не понимаете, и не знали и не знаете его. И твердого разума его не имеете в себе, потому что не верите тому, кого он послал, духу Божию в душах ваших. Вникните в ваши писания; вы думаете найти в них жизнь, вы найдете там о духе Божием в вас самих. А вы не хотите верить мне, что будете иметь жизнь. Я не считаю того, что вы молитесь в своих храмах и соблюдаете посты и субботы по человеческим правилам, но истинной любви к истинному Богу в вас нет. Я учу вас от Отца моего и вашего, и вы не понимаете меня, а если кто вас будет учить от себя, вы тому поверите. На что вы можете положиться, когда друг от друга речи принимаете, а учения от такого же, как Отец, сына не ищите? Я не один показываю вам, что вы не правы перед Отцом вашим. Тот самый Моисей, на которого вы надеетесь, он показывает вам, что вы не правы и не понимаете его. Если бы вы полагались на то, что говорил Моисей, то вы бы полагались на то, что я говорю. Если не полагаетесь на его писание, то и моему учению не поверите. И еще для того, чтобы они поняли это и не думали, что войти в волю Божию можно без усилия, он сказал им притчу: царь один получил царство. Для того, чтобы ему получить это царство, надо было этому царю отлучиться из царства на время. Вот царь и уехал. Но перед отъездом он подданным своим роздал свое имение, каждому по силе: кому пять гривен, кому две, кому одну, и каждому велел без него работать и наживать на эти гривны, сколько кто может. Вот как уехал царь, и стал без него каждый с хозяйским имением делать, что хотел. Одни стали работать, и кто на пять гривен заработал еще пять гривен, кто на одну гривну заработал десять гривен, кто на две заработал две гривны, кто на одну заработал пять гривен, кто на одну гривну заработал одну гривну, а еще другие ничего не работали над хозяйскими деньгами, взяли и зарыли в землю то, что получили от царя, и ничего не работали. Кто взял **(стр. 122)** пять гривен, так и осталось у него пять гривен. Кто взял две и одну, так и остались две и одна. А еще третьи мало того, что не работали над хозяйским добром, еще не хотели показаться царю, и послали ему сказать, что они не хотят быть под его властью. Вот пришло время и вернулся царь в свое царство и позвал всех своих подданных к отчету, что кто сделал с тем, что ему дано. И пришел один работник, тот, кому дано было пять гривен, и говорит: вот на пять гривен я заработал еще пять. И пришел другой, кому дана была одна гривна, и говорит: вот на одну гривну я заработал десять. Пришел тот, кому даны две гривны; и принес еще две, и тот, кому дана одна, и принес еще пять. Тот, кому дана одна, принес еще одну. И всех и ровно похвалил и ровно наградил хозяин. Он всем равно сказал: вижу, вы добрые и верные работники, вы работали над моим добром, и за то я вас всех принимаю равными участниками в моем имении. Будем владеть всем вместе. После этих пришли те подданные, какие не работали над хозяйским добром. И один сказал: господин! ты дал мне гривну, когда уехал. Я знаю, что ты строгий человек и хочешь брать с нас то, чего не давал, я и боялся тебя и от страха перед тобой спрятал твою гривну. Вот она цела. Что дал мне, то и возьми назад. И другой из этих такой, что получил пять гривен, такой, что получил десять гривен, принесли назад хозяйские гривны хозяину и сказали ему то же. Тогда царь сказал им: глупые люди. Говорите, что вы от страха передо мной запрятали свои гривны в землю и не работали на них. Если вы знали, что я строг и возьму то, что не давал, так зачем же вы не попытались сделать то, что я велел. Если бы вы работали на мою гривну, именья бы прибавилось, и все-таки исполнили бы, что я велел, и, может быть, я помиловал бы вас и хуже бы вам не было. А теперь вы все-таки не ушли от моей власти. И отобрал хозяин гривны у тех, кто не работал на них, и велел слугам отдать тем, кто больше заработал. И тогда слуги сказали: хозяин! у тех и так много. А царь сказал: дайте тем, кто мне заработал, потому что тому, кто блюдет то, что есть, тому прибавится, а у того,

кто не блюдет, последнее отнимется. А этих глупых и ленивых работников выкиньте вон, чтобы их не было, и тех, что посылали за мною сказать, что не хотят быть в моей власти, тоже выкиньте вон, чтобы их не было. Царь -- это начало жизни -- дух. Мир -- это его царство, но он не управляет сам царством, а, как мужик, посеял зерно и оставил его одно. Оно самородно родит былку, колосья и зерна. Гривна -- это разумение в каждом человеке. Бог дух вложил в людей разумение и оставляет их жить одних по их воле. Бог не решает сам ничего, а, научив человека всему, предоставляет самому человеку решать. Не всем равно дано гривен, но каждому по силе его. Не всем равно дано разумения, но оно дано, и для Бога нет большего и меньшего. Для Бога нужна только работа над разумением. Одни работают над хозяйской гривной, другие не работают для хозяина, третьи и не работают и не признают хозяина. Одни люди живут разумением, другие не живут им, но оно мертво лежит в них, третьи не признают его. Хозяин вернулся и спрашивает отчета. Это смерть временная и расчет жизни. Одни приходят и говорят, что они работали над гривной, те входят в жизнь хозяина. И хозяин не считает, кто больше, кто меньше заработал. Все одинаково делаются участниками жизни хозяина. Кто примет разумение, тот и имеет жизнь. Кто имеет разумение и положился на посланного его, тот имеет жизнь невременную и не знает смерти, а перешел в жизнь. Другие приходят и говорят, что они не работали над гривной, не отказываются от гривны, но говорят, что незачем работать, потому что работай не работай, их ждет казнь. Они знают жестокость хозяина. Другие люди имеют разумение, но не полагаются на него. Они говорят себе: работай -- не работай, все равно умрешь и ничего не останется, поэтому нечего с ним делать. На это царь говорит: если ты знаешь, что я жесток, то тем больше надо было делать мою волю. Зачем же ты не попытался делать, а? Если люди знают, что смерть временная неизбежна, то почему же не попытаться жить исполнением воли Божией -- разумением. И царь говорит: отнимите у них гривну и дайте тем, у кого (стр.123) есть. Царю все равно, у кого гривны, только бы они были. Так же как мужику все равно, из какого зерна выйдет колос, только бы был урожай. Если разумение дает жизнь людям по воле их, то люди, которые не держат его, не могут жить и становятся вне жизни. И после смерти временной от них ничего не останется. А тех людей, которые не признают власти царской, царь говорит: тех тоже выкиньте вон. Еще другие люди -- те не только не работают над разумением и жизнью, но презирают того Отца духа, который дал его, -- те тоже не могут жить и также уничтожаются со смертью. (стр.124)

Глава шестая

ПИЩА ЖИЗНИ - НЕ ХЛЕБОМ СЫТ

О РОДСТВЕ ПЛОТСКОМ И ДУХОВНОМ.

(Мф. XII, 46-50) И когда он говорил, мать и братья подошли и стали вдалеке, хотели с ним поговорить. Один человек увидел их и говорит ему: вот мать твоя и братья твои стоят поодаль, хотят с тобой поговорить. А он сказал: кто моя мать и кто мои братья? И показал рукой на учеников и сказал: вот и мать и братья мои. Потому что, кто исполняет волю Отца моего Бога, тот

мне и брат, и сестра, и мать. Перед этим сказано, что для жизни истинной не может быть места, не может быть заботы другой, кроме жизни, не может быть соображений о том, что сделано, о прошедшем, о временном; теперь говорится, что и общения между людьми не может быть иного, как соединения в единой для всех воле Бога. Близость людей к царству Бога зависит только от единения в воле Бога. (Лк. XI, 27, 28) И случилось, что когда он говорил это, взвела голос женщина одна из народа и говорит ему: блаженно чрево то, что носило тебя, и блаженны соски те, что ты сосал. Он же сказал ей: бывает блажен тот, кто понимает разумение Бога и держит его. Благо жизни не может зависеть ни от кого; никто не может передать своего блага другому. Благо есть только жизнь разумения. (Лк. IX, 57, 58) И на пути сказал Иисусу один человек: повсюду пойду за тобой, государь мой. И сказал ему Иисус: у лис есть норы, и у птиц есть гнезда, а у сына человеческого нет приюта. Значение стиха этого двояко: одно то, что сын человеческий, в смысле человека, не должен заботиться о месте, в котором он находится. Где бы он ни был -- все равно, только бы он не считал какого-нибудь места свойственным себе. Он должен быть бродягой. (стр. 125) Другое, что сын человеческий -- дух Бога в человеке -- вне пространства, и что быть там, где сын человеческий, нельзя, потому что он везде и нигде.

БУРЯ НА ОЗЕРЕ

(Лк. VIII, 22-24 /Мф. VIII, 26/; Лк. VIII, 25) И случилось, в один день вошел он в лодку и ученики его, и сказал им: переплывем на ту сторону озера, и поплыли. И когда они плыли, вот сделалась большая буря, и нашла на озеро, и заливало их, и пришла им беда, а он на корме спал. И подошли ученики его и разбудили его и сказали: наставник, наставник, пропадем! Он же, проснувшись, сказал им: отчего вы робеете, маловерные, и он укорил ветер и волнение воды; и ветры затихли, и стала тишина. И сказал им: где вера ваша? Иисус не выказывает никакого страха перед опасностью земною, он спит тогда, когда буря бьет лодку и заликает ее. Когда его будят и говорят, что они погибают, он удивляется и делает им упрек. Они говорили, что верят истинной жизни вне времени и пространства, а при первом случае они своею робостью перед земными бедствиями показали, что не верят в нее. Как заботы о похоронах отцов и о домашних распорядках, как кровные связи, как отношения к другим людям не могут влиять на жизнь духа, так и опасность смерти земной и самая смерть земная не могут помешать жизни духа. И Иисус спит и, возбудившись, также остается спокоен. (Мф. VI, 34; Лк. IX, 59, 60) Не заботьтесь о будущем; довольно для настоящего своего зла. И другому Иисус сказал: иди за мною. А тот сказал: только прикажи мне прежде сходить отца похоронить. И сказал ему Иисус: оставь мертвых хоронить мертвым, а ты иди за мной и возвещай благовестие Божие. Опять два значения: одно, все заботы мирские, даже самые важные, какими кажутся похороны, суть дела смерти и тьмы. Одно дело жизни -- это жизнь, распространение жизни. Другое значение и главное: для того, кто живет жизнью, -- нет смерти. (Лк. IX, 61, 62) И сказал еще один человек: я пойду за тобою, но пусти меня прежде дома распорядиться. И сказал ему Иисус: кто взялся за соху да назад глядит, тот не годится в царство Бога. Это последнее изречение включает в себя смысл и первых двух, и в нем главная мысль всего места. Смысл его тот, что кто познал жизнь в царстве Бога -- жизнь духа, и при этом заботится о чем-нибудь плотском, тот этой заботой о плотской жизни признает то, что он не живет жизнью духа. Если человек, живя жизнью духа, заботится о плотской жизни, то он также мало успеет в жизни духа, как и тот, кто будет пахать, глядя не перед собой, а позади себя. Сравнение это имеет

еще одно значение. Человек, воображающий, что он живет духом, и вместе с тем соображающий то, какие последствия будет иметь то, что он делает в (стр.126) жизни, подобен тому пахарю, который, чтобы провести борозду, смотрит не вперед, на то, что он делает, а назад, на то, что он сделал. (Лк. XII, 31) Ищите только того, чтобы быть в воле Бога, а все остальное будет у вас.

ИИСУС У МАРФЫ И МАРИИ

(Лк. X, 38–42; Лк. IX, 23–26) Случилось, что шел раз Иисус с учениками и зашел в одну деревню. Женщина одна, Марфа, завала его в свой дом. И была у нее сестра Мария. Мария села в ногах Иисуса и слушала учение его. А Марфа хлопотала о большом угощении и подошла к Иисусу и говорит: тебе, видно, и нужды нет, что сестра моя меня одну оставила служить. Скажи ей, чтобы она помогла мне. А Иисус на ответ и говорит ей: эх! Марфа, Марфа, ты кручинишься и тужишь о многих делах. А только ведь одно нужно. И Мария выбрала то, что лучше; то, что она выбрала, уж никто не отнимет от нее. И сказал всем: хочешь следовать мне, откажись от самого себя и будь готов на все на каждый час и тогда следуй за мной. Кто хочет живот свой спасти, тот погубит его. А кто погубит свой живот для меня, тот спасет его. Какая польза человеку, если и мир весь заберет, а себя погубит или повредит? Кто моих слов постыдится, того и сын человеческий постыдится, когда окажется в смысле Отца и сил Божиих. Слово крест я перевожу в том значении, которое всеми толкователями придается ему. Не употребляю же самого слова крест, потому что оно и исторически не имеет в устах Иисуса смысла. Если бы он и знал, что ему быть распятым, то ученики не могли знать этого, и потому слово это для них не имело смысла.

ПРИТЧА О БОГАТОМ

(Лк. XII, 15–21; Лк. XIII, 1–3) И сказал им: смотрите, берегитесь от всякого избытка, потому что не может быть жизнь в излишестве того, чем владеешь. И сказал им притчу: был человек богатый, и родилось у него много хлеба. И подумал он: что бы сделать? некуда мне собрать плодов моих. И говорит: вот что сделаю: сломаю амбары и построю новые и свезу туда весь хлеб и все добро мое. И скажу душе своей: ну, душа! есть у тебя добра много – и на много лет. Спи, ешь, пей и радуйся. И сказал ему Бог: безумный! нынче ночью возьмут от тебя душу; куда же твои запасы? Так-то бывает с тем, кто копит сам в себя, а не богатеет в Бога. (стр.127) Случились тут люди и рассказали ему о галилеянах, которых убил Пилат. И на ответ сказал им Иисус: или вы думаете, что галилеяне эти были грешнее всех, что с ними это случилось. Нисколько. Если же вы не обдумаетесь, все точно так же погибнете.

ПРИТЧА О СМОКОВНИЦЕ

(Лк. XIII, 4–9) Или те 18, каких задавила башня, когда завалилась, полагаете ли вы, что они больше того заслуживали из всех жителей Иерусалима? Нисколько. Но если не обдумаетесь, все точно так же погибнете. И сказал им такую притчу: у одного человека росла в саду яблоня. И пришел и посмотрел, нет ли на ней плода, и не нашел. И сказал садовнику: вот три года хожу, смотрю плода на этой яблоне, и все нет. Сруби ее. Что ей место портить. А садовник

сказал: хозяин! оставь ее еще на лето, я окопаю ее и обложу навозом; авось будет с плодом. А уж и после не родит, ну, так и сруби ее.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Смерть, лишение возможности жить истинной жизнью, разумением Бога, всякую минуту перед нами, как она пришла к богатому человеку в ту ночь, как он собирался жить более, как она пришла к людям, убитым Пилатом, убитым башнею. Всякий час жизни нашей есть счастливая случайность, как просьба садовника погодить рубить, не принесет ли плода. Иоанн Креститель еще говорил это людям, призывая их к перемене жизни (Лк. III, 9) (Лк. XII, 54-57) И сказал народу: когда видите тучу с запада, тотчас говорите: дождь будет, и так и бывает. И когда с юга дует, говорите: жара будет, - и сбывается. По виду земли и неба умеете догадываться; как же о настоящем своем положении не догадаетесь? Как в самих себе не видите, что верно? Место это повторяется здесь в другом значении. У Матфея оно отвечало на вопрос фарисеев о доказательствах. Здесь оно указывает на то, что погибель смертью для человека так же очевидна, как и пришествие грозы по признакам. Как же знаете и помните, что будет гроза, а не знаете и не помните, что будет смерть? (Лк. XIV, 25-35) И шло с ним много народа. И, обратившись, сказал им: Кто идет ко мне и не считает ни во что отца своего, и мать, и жену, и детей, и братьев, и сестер, и еще свою плотскую жизнь, тот не может быть научен мною. И кто не волочет свой крест и не делает то же, что я, того нельзя научить. Потому что всякий из вас, если хочет построить дом, прежде ведь сядет и сочтет (стр. 128) расходы, станет ли докончить, для того, чтобы не случилось, что, начав, да не докончив, не стали бы смеяться над ним. Не сказали бы: вот человек начал строиться, а не может кончить. И царь, если хочет воевать с другим царем, то прежде сядет да подумает: может ли он с десятью тысячами воевать против двадцати. Если же нет, то еще издалека пошлет послов, чтобы замириться. Так и всякий из вас, если не сочтется со всеми своими делами, не может быть научен мною. Соль -- хороша. Но если она не солонa, нечем ее исправить. Ни она земля, ни она навоз. Надо выбросить ее. У кого есть смысл, тот поймет.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Иисус говорит: для того чтобы быть наученным мною истинной жизни, спасающей от смерти, необходимо отречься от всего. А чтобы не жалеть то, от чего отрекаешься, нужно только расчесть выгоды и невыгоды плотской и духовной жизни. Обдумай свое положение здесь, на этом свете, так, как обдумывают его строящий дом и царь, собирающийся воевать. Ну, хорошо, ты любишь своего отца, мать, детей, свою жизнь. Ну, хорошо: можешь ты достроить эту жизнь, как дом, можешь ты противостать смерти, которая идет на тебя с своими силами; можешь или думаешь, что можешь, так строй свою жизнь. Если же увидишь, что не можешь, что дом твой останется недостроенным, что царя того, который идет войной на тебя, тебе не победить, так брось строить, замиришь и иди за мной к той жизни, которую я показываю вам. И потому середины не может быть. Веришь, что только та жизнь, которая дает разумение, есть жизнь, живи разумением, и тогда не только не будешь ничего жалеть, но с радостью будешь отдавать плотскую жизнь, а не веришь и жалеешь плотскую жизнь, то лучше и не ходи за мной. Смысл моего учения есть отречение от плотской жизни. Если хочешь быть моим учеником, и не

отрекся от всего, жалеешь что-нибудь, то ты, как соль несоленая, никуда уже не годишься.

ПРИТЧА О ПИРЕ

(Лк. XIV, 15–18) И услышав это, один из тех, кто был с ним, сказал ему: блажен кто ест хлеб в царствии Божиим. Иисус сказал: один человек приготовил большой пир и позвал многих. И послал слугу сказать гостям: время ужина. Идите, уже готово. И начали по одному все отказываться. Первый сказал: я землю купил, надо идти поглядеть. Значение этого стиха -- сомнение в самом царстве Божиим. Человек этот говорит: хорошо, мы разделим все, а что как нет царства Бога? Притча эта похожа на притчу Матфея, но имеет другое значение. Чтобы не ошибаться в ее значении, надо ясно понимать случай, по которому она сказана. Выражено сомнение о том, будет ли еще это царство Бога, для которого нужно отдать плотскую жизнь. Притча выражает ответ на это сомнение. Иисус говорит: сомнения не может быть. Вас зовут, и вы знаете, что есть пир, но вы не идете не потому, что заняты, что сомневаетесь, а потому, что увлечены ложным богатством. (стр. 129) (Лк. XIV, 19–24) Другой сказал: я купил цабан быков, пойду попытать их, пожалуйста, извини меня. Третий сказал: я только женился, и потому мне никак нельзя. И пришел работник и рассказал все это хозяину; хозяин рассердился и говорит работнику: так иди же сейчас на улицы и на площади и приведи сюда нищих, убогих, хромых, слепых. И сказал работник: хозяин! я сделал все по твоему приказу, а все еще у нас место есть. И сказал хозяин работнику: поди же по улицам и площадям и всех уговаривай, чтобы шли и чтобы полон дом у меня был. Потому что, говорю вам, никто из тех званых не будет есть моего обеда. Значение притчи прозрачно и просто. Сказано в Нагорной проповеди: блаженны нищие, горе богатым. И теперь объясняется, почему нищих позвали, и они рады и пришли: им больше не о чем думать. А богатым мешает забота: кому поле, кому быки, кому свадьба. Нищие все пришли, но место еще есть для тех, кто хочет прийти. А чтоб прийти, сказано, что нужно сделать: нужно оставить заботы о житейском, о богатстве; место всегда есть для тех, кто хочет прийти, т.е. отдать богатства; но те, кто не хочет этого сделать, занят быками, полем и женою, тем нельзя прийти, и им не видеть ужина. (Мф. XXII, 2–12) Царство Божие вот к чему приравнять: царь затеял свадьбу сына. И послал работников звать гостей на гулянье. А гости разгадали идти. Опять послал других работников, говоря: скажите гостям, обед готов, кормленные все быки убиты. Все готово, приходите на гулянье. Но гости не приняли зова -- кто пошел на поле, кто на торг. А другие еще ухватили работников, надругались над ними и побили их. Царь оскорбился, послал воинов на них и погубил их и город их сжег. Потом и говорит царь работникам: обед был готов, да гости не были согласны. Подите же по проулкам и кого встретите, того зовите на гулянье. И пошли работники по дорогам и собрали всех, кого нашли, худых и добрых, и стали полны хоромы гостей. Вошел и царь полюбоваться на гостей и увидел -- один гость не одет в свадебное платье. Он и говорит ему: ты, дружок, как сюда вошел без свадебного платья? Кто входил на свадьбу, должен был надевать платье от хозяина. А кто не надевал, тот показывал презрение хозяину и не исполнял его волю. (Мф. XXII, 12–14) Гость смолчал. Тогда сказал царь слугам: свяжите ему руки и ноги и возьмите его, бросьте во тьму вон отсюда. (стр. 130) Потому что много званых, но мало избранных.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

"Никто не может соединиться со мной, если тот Отец, что послал меня, не тянул бы его к себе. И я подниму его до последнего дня". (Ин. VI, 44.) "Не тот, кто говорит мне: господи, господи, получит царствие Божие, а тот, кто творит волю пославшего меня Отца, который на небесах". (Мф. VII, 21.) Притча о свадьбе царя есть только разъяснение этих мыслей. Притча о браке или о пире повторена у Луки. Несмотря на близкое сходство самых притч, приложение их различно. Как идолопоклоннические церкви, так и свободные мыслители одинаково признают это. Но как те, так и другие, видят в обеих притчах этих только указание на то, что евреи не спасутся, а спасутся язычники. Мне кажется, что мысль эта так проста и бедна, что если бы такая мысль и была у Иисуса, он бы не дал себе труда разъяснять ее притчами. Для читающего Евангелие прямо, как оно написано, притчи эти есть разъяснение все той же одной мысли, которая выражена в притче о талантах, во всем учении и во всех притчах, но с новыми оттенками. Притча о свадьбе царя особенно близка к притче о талантах. Новое в ней то, что притча о талантах разъясняет стих о том, что "воля Отца та, чтобы не погубить ничего из того, что он дал мне", а эта разъясняет мысль о том, что "никто не может прийти ко мне, если бы Отец не тянул его к себе". Отец тянет к себе, как царь зовет всех на ужин, и желает иметь как можно больше гостей. Отец призывает к себе, тянет к себе всех. Если не идут одни, то придут другие. Если одни зерна упадут на дорогу, камень и терние, то другие попадут на добрую землю, и плод будет. Отец мало того, что посеял поле и ждет, но он приготовил благо и зовет на него. Но одним людям кажется, что те дела, какие занимают их, важнее этого, и они не идут просто, а другие, как те жители города, в притче о талантах, которые вовсе не хотят признавать царя, -- даже ругаются над работниками и убивают их. Тех царь уничтожает и наполняет ужин свой теми, которые хотят прийти. Разумение зовет к себе всех. Одни слышат и понимают его, но не хотят отдаться ему, -- те остаются, какими они были, с возможностью жизни; другие прямо не признают разумения и враждебны ему, -- те этим самым уничтожаются; еще другие соединяются с разумением. Одна часть мысли выражена, но остается другая -- о тех, которые признают разумение. Одни гости, исполнившие волю хозяина, приняли то благо, которое он дает им, -- одежду брачную. Сравнение исполнения воли хозяина с одеждой, подаренной хозяином, указывает на то, что исполнение воли хозяина нетрудно, что оно, кроме исполнения воли хозяина, есть само в себе благо. "Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас. Возьмите иго мое на себя, и научитесь от меня, ибо я кроток и смирен, и найдете покой душам вашим. Ибо иго мое благо и бремя мое легко" (Мф. XI, 28-30). Другие не исполнили волю хозяина, не приняли его одежды, и тех хозяин велел выбросить вон. С теми случилось то же, что с теми, которые побили работников. Одни, соединясь с разумением, исполняют его, другие не исполняют. Те, которые не исполняют, уничтожаются так же, как и те, которые враждебны к нему.

ПРИТЧА О ХОЗЯИНЕ И ПРИКАЗЧИКЕ

(Лк. XVI, 1-13) Был один человек богатый, и был у него приказчик. И наговорили хозяину на приказчика, что он мотает хозяйское добро. (стр. 131) И, кликнув его, хозяин сказал: слухи о тебе есть. Дай отчет в твоём управлении, потому нельзя тебе еще управлять. И сказал сам в себе приказчик: что буду делать как, хозяин отнимет у меня управление? Пахать сил нет, побираться стыдно. Знаю, что сделаю, чтобы, когда отставят от управления, взяли бы меня к себе добрые люди. И позвал по одному каждого из должников хозяина своего и сказал: ты сколько должен моему хозяину? Тот сказал: сто ведер масла. И сказал ему: возьми расписку, садись и пиши скорее: пятьдесят. Потом другому сказал: ты

сколько должен? Сто мер хлеба. И сказал ему: на твою расписку, а напиши: восемьдесят. И одобрил господин приказчика неправильного богатства в том, что он умно сделал, потому что сыны мира этого умнее сынов света промежду своими. И я вам говорю: делайте себе друзей из богатства неправды, чтобы, когда его не будет, приняты вы были под крыши вечные. Кто в малости верно делает, тот и в большом будет верно делать. А кто в малости неверно делает, и в большом будет неверно делать. Так вот, если в неправильном богатстве вы неверно делаете, то настоящее кто же вам поручит? И если в чужом не делаете верно, ваше-то кто же вам даст? Никакой слуга не может двум господам служить; или одного ни во что считает, а другому угождает, или другого забывает, а того почитает. Нельзя Богу работать и богатству.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Притча эта считается самой непонятной и соблазнительной притчей. И ее всячески толкуют, и все ничего не выходит. Но стоит только не перетолковывать, что бродяги, нищие только в царствии Бога, что кто имеет собственность, тот не то что не допустится, но не может войти в ворота царства Бога, что первое условие вступления в царство Бога состоит в том, чтобы отбросить собственность, что нельзя служить Богу и маммону, как нельзя одним глазом смотреть на небо, другим на землю, -- все это столько раз сказано со всех возможных сторон, что стоит только нарочно не перетолковывать этого, -- и притча так ясна и проста, что даже толковать нечего. Так и видно, что только противление учению -- непризнание собственности злом, мешает тому, чтобы притча была вполне ясна. От этого вытекают такие оговорки. Деньги -- зло, поскольку они являются целью, но они могут быть благом в том случае, если их употребляют в качестве средства... Нигде не сказано, что деньги могут быть благом; везде всегда сказано обратное, тут же названо богатство богатством неправды, и быть верным богатству неправды нельзя. Одна верность по отношению к неправде есть та, чтобы не иметь неправды. От этого условного понимания смысла притчи, от этих оговорок происходит, кроме неясности, и низменное и отрывочное понимание притчи, имеющей глубокое и связанное со всем учением значение.

(стр. 132) Смысл притчи, если верить словам Евангелия, самый простой: человек, чтобы обеспечить свою жизнь, отдает другим имение ложное, не принадлежащее ему. Через чужое, ложное богатство человек этот обеспечил себя, т.е. он отдал чужое, ложное и получил настоящее. Иисус говорит: и вы тоже делайте, чтобы получить жизнь, отдавайте мнимую собственность -- жизнь плотскую со всем тем, что мнимо нужно для нее. Если же вы не отдаете эту ложную собственность, ту, которая не в вашей власти, то как же вы получите жизнь настоящую? Жизнь плотская выражается имуществом, даже слово живот имеет и значение собственности и значение жизни. Отдавайте имущество, чтобы получить жизнь. Притча эта есть только разъяснение с другой стороны пира гл. 14-й Луки.

ПРИТЧА О БОГАТОМ И ЛАЗАРЕ

(Лк. XVI, 14-16, 19-31) И услышали это фарисеи, а они любят деньги, и стали его поднимать на смех. И он сказал им: вы сами себя пред людьми оправляете. Но Бог знает сердца ваши. Что у людей высоко, то блевотина пред Богом. Закон и пророки до Иоанна, а с того времени царство Божие возвещается и всякий силой входит в него. Был человек богатый и одевался в шелк и бархат, и веселился и радовался каждый день. И был бродяга нищий, звали Лазарем. И Лазарь валялся в струпьях у ворот богатого. Хотелось Лазарю

объедками со стола богача пропитаться, но еще собаки приходили и лизали струпья Лазаря. И умер бродяга нищий, и ангелы снесли его к Аврааму. Умер и богатый, и похоронили его. И в аду, в муках, поднял он глаза и увидел далеко, далеко Авраама и Лазаря с ним. И заговорил богач и сказал: Авраам, батюшка, сжался надо мной, пришли мне Лазаря, чтобы он помочил палец в воде и мне бы дал глотку промочить, потому что жарко мне в огне. И сказал Авраам: дитячко, вспомни, что ты сколько добра принял в жизни, столько Лазарь бед принял. Здесь его призвали, а ты мучаешься. А пуще всего то, что между нами и вами большая пропасть легла. Если бы кто и хотел перейти к вам от нас, нельзя перейти. И сказал богач: попрошу же тебя, батюшка, пошли ты его, Лазаря, ко мне домой. У меня пять братьев. Пусть он растолкует им, чтобы и они не попали сюда на пытку. И сказал ему Авраам: у них ведь есть Моисей и учителя, пусть слушают их. А он сказал: нет, батюшка Авраам, вот если бы из мертвых кто пришел к ним, тогда бы одумались. И сказал ему Авраам: если уж Моисея и пророков не слушали, хоть и мертвый кто встанет и придет к ним, и того не послушают. (стр. .133)

ОБЪЯСНЕНИЕ ПРИТЧИ О ЛАЗАРЕ

Притча или, скорее басня эта, стоящая прямо после притчи об управителе, объясняет ту же простую мысль о том, что блаженны нищие, потому что они получают блаженство, и горе богатым, потому что они получили все, чего искали; и так как эта евангельская истина обходится церквями, то басня эта, так же, как притча об управителе, представляется трудною. Все учение Иисуса только в том и состоит, что на деле человек не может иначе выразить веры в учение его, как отречением от собственности, и только в том учение, а толкователи с удивлением находят, что он считал выгодой бедность, а богатство невыгодой. Смысл притчи теоретический тот, что время жизни дано для того, чтобы вознести сына человеческого, отдать свою плотскую жизнь для того, чтобы получить жизнь истинную. Придет смерть, и человек лишится этой возможности. Христос в самой грубой насмешливой форме выражает, с одной стороны, ту мысль, что когда кончится жизнь, придет смерть, то все житейское окажется ненужным, и с другой, что воротить ее, эту возможность жизни, уже нельзя. И прибавляет, что доказательств недостаточности и ничтожности одной земной жизни не нужно искать нигде, что это ясно всякому, что мертвый не может уже прийти рассказать, что с ним сделалось, когда он умер, как это рассказывает богач. Смысл притчи практический тот же, но сказано, что именно надо делать, чтобы получить жизнь истинную. Отдавать плотскую жизнь, отдавать ее не на словах, можно только тем, чтобы не держать за собой богатств, когда есть нищие, голодные. И потому держание собственности, когда есть нищие, несовместимо с жизнью. Чтобы отдавать жизнь, надо прежде всего отдавать собственность, а кто не отдает, тот не может получить жизнь. Вся притча эта замечательна своим ироническим тоном. Последнее замечание о том, что если мертвые воскреснут, и то не поверят, намекает на басню воскресения Иисуса.

ГЛАВНЫЕ ЗАПОВЕДИ

(Мф. XXII, 35, 36) И спросил Иисуса один из законников, выпытывая его, и сказал: Учитель, какая большая заповедь в законе? Беседа эта с законником должна быть помещена прежде беседы с богатым юношей. Надо помнить, что по закону Моисееву, как его понимали законники и как мы его понимаем, никак нельзя сказать, что большая заповедь любить Бога и ближнего. Второз. VI, 5.

И люби господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими. Левит. XIX, 18. Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя. Я господь (Бог ваш). В законе много написано правил, и выбрать можно два правила всякие, т.е. сказать тысячу различных вещей с помощью слов закона. Следовательно, то, что люби Бога и ближнего суть главные заповеди, есть мысль не Моисея, а Иисуса, и законник, соглашаясь с этим и повторяя эти заповеди, повторяет только то, что и прежде говорил Иисус. В беседе с юношей Иисус, перечисляя заповеди в конце самых употребительных заповедей, как завершение их всех, называет заповедь любви ближнего, повторяет уже то, что известно; поэтому беседа эта (правила, которые Иисус сказал) должна стоять прежде. (Мф. XXII, 37-40; Мр. XII, 32-34) Иисус сказал ему: люби господа Бога твоего всем **(стр.134)** сердцем твоим, всей душой твоей, всей силой твоей. Это первая большая заповедь. Вторая такая же: люби ближнего твоего, как самого себя. В этих двух заповедях весь закон и пророки. И сказал еще законник: хорошо ты, сказал учитель, что Бог один и другого нет, кроме его. И любить его всем сердцем, всей жизнью и всей силой, и любить ближнего как самого себя -- главное всех служб. Иисус, взглянув на него, сказал ему: недалек ты от царствия Божия. Во Второзаконии нет слов "и всем разумом твоим", и потому я выпускаю их (и. у Мф. и у Мр.) Продолжение же стиха во Второзаконии говорит, чтобы "вещи, которые я приказываю вам, были бы у вас в сердце". "Вы внушите их детям вашим, вы будете говорить о них, когда вы дома спокойны и одни, и когда вы в пути, и когда будете ложиться и вставать. Вы приложите это к рукам своим, чтобы они были делом для вас, и приложите к глазам, чтобы вы чрез них смотрели". И потому мысль не состоит в том, чтобы любить Бога словами, а любить так, чтобы исполнять его волю. Воля же его выражена в следующей заповеди: *люби ближнего*; так что Иисус прямо отвечает на вопрос законника, какая большая заповедь: *Чти Бога так, чтобы любить ближнего, как самого себя.*

О БОГАТОМ И БОГАТСТВЕ

(Мр. X, 17, 18; Мф. XIX, 17-19) И один раз подбежал к Иисусу один начальник, пал на колена и спросил его: учитель благой, скажи мне, какое благо надо делать, чтобы иметь жизнь вечную? А Иисус говорит ему: что говоришь о благе, благ только один Отец. Если хочешь иметь жизнь вечную, исполняй заповеди. Тот и говорит ему: какие? Иисус говорит: не убивай, не блуди, не кради, не показывай ложно. Чти Отца и люби ближнего, как самого себя. . не может здесь иметь значения ни добрый, ни хороший, ни добродетельный, потому что по смыслу речи от этих качеств Иисус не отрицается, но по смыслу речи указывает юноше на то, что он и ученики его не блаженны, т.е. не испытывают и не дают счастья земного, а, напротив, еще больше подлежат плотским невздам, чем другие люди. 'А....., имеет смысл благой без различения блага, сообщаемого другим, и блага, испытываемого самим, т.е. *благодетельный и хороший*. Юноша спрашивает вообще о благе, о счастье, как ему получить благо, счастье, довольство. А Иисус говорит: благ, т.е. доволен вполне, один Бог. И благо, разумея под тем, что нам приятно, получить мы не можем, мы можем получить жизнь. (Мф. XIX, 20, Мр. X, 21; Мф. XIX, 21) И говорит начальник: все это я держу с молодых лет. Чего же еще не доделал? **(стр.135)** Иисус взглянул на него и улыбнулся и говорит: одного еще не доделал: если хочешь исполнить все, поди, продай все, что у тебя есть, и раздай нищим, и будет у тебя сокровище в Боге; тогда приди сюда и иди за мной. "Одного еще не доделал", -- очевидно, насмешка. Иисус повторяет его слова и говорит: одного маленького не доделал, того, чтобы

исполнять эти заповеди. (Мр. X, 22–27) Человек огорчился на это слово и пошел прочь, потому что у него большое было имение. И, приметив, как он огорчился, Иисус, оглянувшись, говорит своим ученикам: вот видите, как несообразно тем, у кого есть имение, войти в царство Божие. Ученики ужаснулись на это слово. А Иисус, обратившись к ним, сказал им: да, дети, опять говорю вам, вот как несообразно тем, у кого есть имение, войти в царство Божие! Способнее верблюду в ушко иголки пролезть, чем богатому в царство Божие войти. Они же пуще ужаснулись и говорят друг другу: так кто же может жизнь сохранить? И посмотрев на них, Иисус сказал: по – людскому кажется, что это нельзя сделать, а по–Божьи все можно.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Смысл беседы тот, что богатый и важный человек приступает к Иисусу и говорит: ты учитель блага и счастья, так скажи же, какому благу и счастью ты учишь? Иисус говорит: я учу не благу и счастьем, благ и счастлив только Бог Отец, а я учу жизни, тому, как получить жизнь. И чтобы получить жизнь, надо исполнять заповеди вот какие: кроме старых: не убий, не прелюбодействуй, не укради, не лжесвидетельствуй, еще: *чти Бога так, чтобы любить ближнего, как самого себя.* Богатый человек говорит: я все эти заповеди исполнил. Иисус говорит: если бы ты исполнил две последние заповеди, хоть одну последнюю, у тебя не было бы имени. Если бы ты точно исполнил эту заповедь о любви к ближнему, как к самому себе, не было бы у тебя ничего своего, ты все бы уже раздал тем, у кого нет, а хочешь исполнить, так пооди раздай. Начальник нахмурился и ушел. Тогда Иисус и говорит ученикам: видите, что правда, что я говорил, что нищим принадлежит царство Божие, что вам нельзя служить Богу и маммону. Никак нельзя тому, у кого есть собственность, войти в царство Божие. Ученики ужаснулись. А он опять сказал им: нельзя войти в царство Божие тому, у кого есть имение; легче верблюду в игольное ушко пройти, чем тому, у кого есть имение, войти в царство Божие. Они еще более ужаснулись и говорят: как же это можно? А он говорит: судя по–человечески нельзя, а судя по духу, по–Божьему, не только можно, но и нельзя подумать иначе. Никакая притча, кажется, не давала своим толкователям более труда, чем эта. Нужно растолковать все так, что можно быть богатым, зная, что нищие дохнут с голоду, и быть христианином. И они уродуют учение и толкуют. А казалось бы, как решиться перетолковывать обратно то, что столько раз так ясно и настоятельно сказано. Начинается Евангелие с того, что Иоанн бежит в пустыню, делается нищим, проповедует то, чтобы тот, у кого есть две одежды, отдал бы одну нищему, и у кого есть пища -- тоже, и упрекает богатых за их богатство и жестокость. (стр. 136) По толкованиям церковным это значит только то, что Иоанн крестил, как–то мазал на царство Иисуса. А о богатстве и нищенстве -- это для красоты слога. Иисус идет в пустыню нищим и борется с соблазном богатства -- это ничего не значит, это только дьявол искушает Бога. Иисус возвращается в мир, отрекается от дома, семьи, собственности и сближается с нищими и проповедует нищим, -- это ничего не значит. Это только показывает смирение Бога. Иисус говорит, что Богу противны богатые жертвы, что он радуется только на любовь и милосердие людей друг к другу, -- это только цитата из пророков. Иисус объясняет, что царствие Божие состоит в том, чтобы отречься от жизни плоти и жить духом, -- это есть разъяснение отношений лиц св. Троицы и больше ничего не значит. Иисус, отвечая ученикам Иоанна, говорит, что нищие узнают о своем благе, -- это тоже только для красоты слога сказано; наконец, Иисус говорит свою проповедь в ясных, доступных всем словах, прямо говоря, что должны делать люди, чтобы исполнить его учение. Проповедь эта и учеными и неучеными считается самым ярким и ясным местом

Евангелия. И проповедь эту Иисус начинает словами: "Блаженны вы, нищие, бродяги, потому что ваше царство Божие, и несчастны вы, богатые, потому что вы дорожите наградой плотской". К словам этим прибавляется не вяжущееся ни с чем словечко *духом*, и слова эти толкуют, как чувствительные фразы, относящиеся к смирению; а о том, что богатство, собственность есть источник зла, есть жестокость -- об этом Иисус ничего не говорит. Это не Христос сказал, а Прудон. Прудон же все врет, он социалист и безбожник. Во всей проповеди только разъясняется и утверждается это учение о нестяжании. В 5-й главе даются правила, которые ведут к тому, чтобы невозможна была собственность. Если прощать все обиды, не защищать своего, не судиться, не защищаться от врагов, то и не мыслима собственность. Все правила эти откидывают и признают только чувствительными фразами. В главе 6-й сказано прямо: не собирайте, не копите ничего, т.е. не имейте ничего, а если будете копить, то не будете сынами Бога. Нельзя, сказано прямо: нельзя, невозможно соединить служение Богу и маммону. Ясно, что если соберешь, скопишь что-нибудь, то ты, что скопил, не отдал нищему. А нищие всегда есть. И потому нельзя копить и незачем копить, потому что ты во власти Бога. И скопишь -- то помрешь. На завтра и то не заботься. Кажется, точно и ясно. Но Иисус как будто предвидит, что люди захотят скрыть это, перетолкуют, и он прибавляет еще притчи: о пире, на который приходят только нищие, о неверном управителе, о богаче и Лазаре; со всех сторон перебирает и высказывает то же, что войти в Царство Божие нельзя с собственностью. Нет, это только говорится обо всем другом, только не о моей кубышке, и богатство ничему не мешает, даже очень прекрасно. Но мало всего этого, в беседе с юношею то же и то же высказывается уже с такою простотою и ясностью, что нельзя ничего перетолковать. Но они толкуют, выдумывают за Иисуса правила, клонящиеся к тому, чтобы кубышка была цела. Страшные напряжения изворотливости мысли и речи направлены на то, чтобы доказать эту возможность. Выдуман какой-то Эбион, которого никогда не было и который будто основал секту, признающую необходимость бедности для вступления в царство Божие. Эбион же значит то самое, чем велел быть Иисус, и ученики называли себя эбионами. Эбиониты, т.е. исполняющие учение, это -- секта, а те, которые выдумали Троицу и таинства и допускают богатство, суды, войны, это -- истинные последователи. Первые-ученики Иисуса, апостолы, не так понимали учение. Все же верующие были вместе и имели все общее. И продавали имущества и всякую собственность и разделяли всем, смотря по нужде каждого. (Деян. Ап. II, 44). Не было между ними никакого нуждающегося, ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили (стр. 137) цену проданного. И полагали к ногам апостолов, и каждому давалось, в чем кто имел нужду. (Деян. Апостолов IV, 34, 35). Но нет, им хочется удержать кубышку и считать себя сынами царства. Но Бог с ними, с их кубышкою. Владели бы ею, но оставили бы в покое учение Иисуса. Учению этому нельзя следовать немножко: они сами говорят, что оно -- истина. Если же оно истина, то истины немножко не может быть -- истина или ложь. Для того, чтобы понимать истину немножко, надо уже совсем одуреть, как одурели люди мнимой науки: Ренан, Штраус, Баур, Рейс и все риторически рассматривающие религию. Ренан, напр. ("Апостолы", стр. 381), говорит: "безусловная вера есть нечто совершенно для нас чуждое..., т.е. он говорит, мы ни во что не верим, и мы обо всем судим. Мы правы, а тех, которые верят, тех мы обсуживаем". Мы так привыкли к этому научному сумбуру, что нас и не поражает такое изречение, а ведь если это разобрать, то это бред сумасшедшего, который говорит: я царь, и все, кто не признают моего царства, те ошибаются. Человек, который ни во что не верит, тот ничего не знает, тот человек духовно больной. А ученый во всей книге высказывает это и прямо заявляет. И вдруг оказывается, что историк говорит, что веры никакой нет теперь, а была прежде, а вера -- основа жизни, т.е. историк признается, что он, собственно, не знает, в чем смысл жизни, и

потому пропадает и смысл того, что он говорил прежде о другом. Но историки не видят этого, а пре наивно, не зная никакой настоящей религии, судят о религии, о том, из чего вытекает жизнь людская, на основании маленьких проявлений общественной жизни, т.е. государственной, экономической и других. Так Штраус критикует все учение Христа, потому что жизнь немецкая расстроится, а он к ней привык. И глупость эта так заманчива, что как только у человека своих мыслей нет, и он ничего не знает, потому что ни во что не верит, а хочется помудрствовать, так он начинает писать историю религии. Во всех романах мудрые люди все пишут историю религии, т.е. то, чего нельзя и подумать, т.е. то, что значит -- я сумасшедший.

ИИСУС И ЗАКХЕЙ

(Лк. XIX, 1-10) И войдя в Иерихон, Иисус шел по городу. И вот один человек, звали его Закхеем, был он начальник откупщиков и был богат. И хотелось ему увидеть Иисуса, какой он. И никак не мог в толпе продрасть до него, потому что был мал ростом. Вот он забежал вперед и влез на дерево, чтобы увидеть его, когда он мимо пройдет. Вот, проходя мимо, Иисус глянул на него и говорит: Закхей, ты слезь скорей, потому что хочу нынче у тебя в доме остановиться. Закхей живо слез и с радостью принял его к себе в дом. Вот все увидали и стали ворчать: что ж это он у грешника остановился в доме. А Закхей подошел к Иисусу и говорит: вот, господин, одну половину имения отдаю побирушкам, а если смошенничал против кого, отдам вчетверо. Иисус и говорит на его слова: теперь уцелеет чадо дома этого, так как он сын Авраама. Потому что в том дела сына человеческого, чтобы отыскивать и спасать то, что погибло и погибает. (стр. 138) "Сын Авраама" - имеет определенное значение. Значение это выражено ясно в послании Галат. III, 7: "Познайте же, что верующие суть сыны Авраама". В этом смысле употребляется слово сын Авраама, т.е. верующий также, как Авраам, и также, как Авраам делал жертвою сына, показывающий свою веру. Очевидно, Закхей знал учение Христа и полюбил его, иначе незачем было ему делать такие усилия, чтобы увидеть Иисуса, и очевидно, что Иисус, заметив его в таком страшном положении и заметив выражение его лица, а может быть, и услышав слова, выражавшие эту любовь к учению, обратился к нему. Точно так же необходимо предположить, что в доме Закхея Иисус говорил ему и что слова Закхея об отдаче половины имения отвечали на учение Иисуса. (Мр. XII, 41-44) И сел Иисус против кружки и смотрел, как народ кладет деньги в кружку. И много богатых приходило и помногу клали. И подошла одна вдова нищая и положила в кружку две полушки, значит копейку, И он подозвал учеников и говорит им: истинно говорю вам, что вдова эта нищая больше всех положила в кружку. Потому что те все клали из того, что им лишнее. А она из того, что ей недостает, все, что у ней было, то и положила, весь свой живот туда положила.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Люди привыкли мерить по пользе, которую приносит жертва, и потому Иисус, указав на две полушки вдовы, сказал, что та, которая отдала все, что имела, всю свою жизнь, та только дала, а остальные ничего не дали, потому что дали то, что для них лишнее. Маленькая притча эта очень важна. Она прямо совершенно с другой стороны подтверждает то, что для того, чтобы быть в возможности исполнять волю Бога, неизбежно надо быть нищим. Чтобы отдать что-нибудь, надо прежде отдать все, не иметь ничего. А отдать 3/4 имения и не лишиться себя ничего в

жизни, значит ничего не отдать. Обыкновенно люди, которым не нравится это требование и толкование Иисуса, а оно не нравится всем богатым, говорят: велено все отдать, этого никто не делает и нельзя делать, стало быть это неправда, а все-таки лучше отдать хоть что-нибудь из своего излишка, по крайней мере бедные будут сыты и голые одеты. Но это рассуждение основано на непонимании учения. Иисус Христос нигде не велит отдавать бедным, чтобы бедные были сыты и довольны; он говорит, что человек должен отдать все бедным для того, чтобы сам он был счастлив. Он не велит, не говорит, что должен всякий отдать, но возвещает людям истинное благо и говорит, что человек, постигнувший истинное благо и ищущий жизни истинной, непременно отдаст все свое имение и в этом найдет счастье. "Нельзя служить Богу и маммону" -- не есть правило, но так оно в действительности, не то что не годится, а нельзя. Кто не оставит дома, имения и семьи и не идет за мной, тот не может быть моим учеником, т.е. тот не понял меня; кто понял, тот уже потому, что понял, сделает это. Юноша, хвалившийся тем, что он исполняет все заповеди, даже и заповедь о любви к ближнему, как к самому себе, обличен этим самым. Он еще не вступил в возможность исполнять заповеди, если не избавился от богатства. Богатство мешает входу в царство Божие. Поэтому те, которые уверяют, что если нельзя делать того, что велит делать Иисус Христос, то лучше хоть что-нибудь дать для пользы нищих, -- говорят не о том, о чем говорит Иисус. Иисус не только не говорит о пользе материальной, он не знает ее. Он велит (стр. 139) отдавать имение только затем, чтобы оно не было препятствием жизни; после же того, как человек отдаст имение, он учит о том, что счастье человека состоит в том, чтобы жалеть и любить людей. Стало быть, прежде всего, для того, чтобы получить возможность отдавать свою жизнь, надо прежде всего отдать несправедное богатство, и потому те, которые дают или устанавливают подать на бедных, пускай оставят в покое Иисуса Христа и его ученье. Он этого не велит. Если они это делают, то для своего удовольствия, и пускай делают, но так пускай и говорят. А давать из своего излишка Иисус Христос считает безразличным, т.е. ничего не говорит про это, не говоря уже о том, что давать так, чтобы другие видели, Иисус Христос прямо запрещает.

МЕРИЛО ДОБРА

(Мр. XIV, 3; Ин. XII, 3; Мф. XXVI, 8, 9; Ин. XII, 4-6; Мф. XXVI, 10; Мр. XIV, 7, 8 /Мф. XXVI, 12/) И случилось быть Иисусу в доме Симона шелудивого. Подошла к нему женщина, и женщина эта была богата кувшином цельного дорогого масла. И женщина разбила кувшин и налила этого масла Иисусу на голову. И вся горница наполнилась духом хорошим от масла. И ученикам не полюбилось это, и стали они говорить между собою: и зачем такая пропажа дорогого масла задаром. Можно бы это масло задорого продать и раздать нищим. И тут один из учеников, Иуда Искариот, тот самый который предал его, и говорит: Надо бы продать: масло это триста гривен стоит, и отдать нищим. А сказал это не затем, что о нищих ему была забота, а потому, что он был вор, а ящик для нищих на себе носил. Почуял Иисус и говорит: что вы смущаете эту женщину, оставьте ее, она добро сделала мне. Нищие всегда есть между вами, и когда хотите, можете их ублажать; а я не всегда с вами. Что имела, то отдала; она загодя обмазала мне тело на погребение. Если бы к словам: *нищих всегда имеете* не было прибавки, а *меня не всегда имеете*, то значение слов Иисуса было бы то, что не укоряйте женщины за то, что она не дала тем нищим, которых вы не видите, а дала мне; нищие всегда пред вами, кого жалко, тот и нищий. Я нищий, и она меня пожалела и хорошо сделала. Но слова "меня же не всегда имеете" и следующий стих о том, что она сделала, это приготавливая его к погребению, показывают, что он намекает на свою смерть. По

моему мнению, Иисус, отвечая на рассуждения Иуды о пользе, говорит: в добром деле нет пользы, и всякое дело можно растолковать так, что оно будет полезно и бесполезно, как хочешь. Безрассуднее поступка этой женщины нельзя сделать, но и этот поступок можно растолковать в смысле пользы. Она облила мое тело маслом. Вы говорите: напрасно. Почему вы знаете, я сейчас умру, и тогда окажется, что она прекрасно сделала -- приготовила тело мое к погребению. Иисус облит маслом, как обливают мертвые тела, и он шутливо выражает свою мысль о том, что человек не может ничего знать о том, что полезно и бесполезно. (стр.140) (Мр. XIV, 9) Истинно говорю вам, где только во всем мире скажется про истинное добро, скажется слово о том, что она сделала. Но после шутки на возражение о пользе дела Иисус говорит о значении дела в смысле добра, и тут говорит, что этот поступок есть лучшее выражение того добра, которому он учит.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Ученики меряют добро по пользе и потому осуждают женщину, смущают ее, так что она уже не знает, хорошо ли, дурно ли она сделала, пожалев Христа, отдав ему все, что она имела драгоценного. Особенно недоволен Иуда. Христос говорит: не смущайте ее, она сделала добро, самое большое, какое могла. Не говорите о нищих, которых вы не видите, не жалеете, не любите. Она увидела меня, я ей жалок был, и она отдала все, что имела. Лучше этого ничего нельзя сделать. Женщина погубила задаром 300 динариев, потому что она пожалела Иисуса Христа и хотела сделать ему добро. Хороший это поступок или нет? Мы так привыкли жить по закону Иуды Искаротского, что нет ни одного человека, который бы не сказал, увидав подобный поступок, что это безумное и даже дурное дело. Пример, как нельзя более поразительный. Сосуд с драгоценным маслом, как теперь розовые масла, разбит, и пролито на 300 рублей масла, потеряно задаром, напрасно. Зачем? кому какая польза? А там, на улице, сотни нищих голодных. Не лучше ли им дать? Иисусу Христу даже удовольствия это не могло доставить. Он сам жалеет бедных, как же не осудить эту глупую бабу? И Иуда осудил, и все ученики за ним. И рассуждение, почему баба -- дура и сделала глупость, так просто и ясно, что ничего сказать нельзя. Но Иисус Христос не только не осудил, но похвалил, он сказал: везде, во всем мире, где возведено будет истинное добро, скажется то, что она сделала! Что же она сделала? Она отбросила богатство во имя жалости. Она сделала безумное для сынов мира сего дело, для дела света, для жалости. Она в своем поступке соединила оба основания учения Иисуса: *отдать все, что у тебя есть, и жалеть и любить ближнего*. Она одним поступком и отдала и пожалела, разбила склянку с маслом, потеряла все, что имела, и полила голову Иисуса, потому что пожалела его. А что выйдет из этого -- это думал, это знал Иуда. Он знал, что масло это даром потеряно. И вот мы, одни из тех, которым возведено истинное благо, по глупости этой бабы понимаем смысл Евангелия. Осудить не только такой поступок, но всякий поступок любви и сострадания -- легко. Всегда можно делать что-нибудь полезное, но всякий поступок любви и сострадания вызывает не в Иуде, а в сынах Божиих, желание подражать такому делу, сделать больше или хоть то же; только в Иуде он вызывает рассуждение о пользе. Но Иоанн евангелист объяснил и значение рассуждения Иуды: "он сказал это не потому что ему была забота о нищих, а потому, что он был вор, и он носил ящик для бедных". Как после этих слов простых, ясных, метких, в христианских обществах могут быть благотворительные учреждения -- непонятно. Ведь они прямо основаны на рассуждении Иуды, прямо противоречат словам Иисуса Христа: "нищие всегда есть у вас". И объяснения Иоанна Богослова прямо объясняют значение людей,

заводящих такие учреждения: "они делают это не потому, что они заботятся о нищих, но потому, что они носят денежные ящики, и потому что они воры" -- воры, к несчастью, слишком часто и в прямом смысле, и всегда -- в переносном смысле; не забота о нищих, а забота о мирских выгодах, соображениях, тщеславии заставляет их рассуждать так, как Иуда, и делать то же, что он. (Мр. IX, 31, 32)

И поучал своих учеников и говорил им, что сын (стр. 141) человеческий отдастся во власть людей, и убьют его, и убитый третьим днем восстанет.

Они же не понимали речи и боялись спросить его. Иисус говорит ученикам и народу, что, несмотря на то, что все учение его есть возвешение истинного блага, дающего жизнь всем людям, для следования этому учению надо быть готовым на земные страдания; что старшины, священники и ученые не примут этого учения о сыне человеческом, отвергнут его, что сыну человеческому, т.е. тем людям, которые будут исповедовать в себе сознание Бога, придется испытать много гонений и мучений. Слова о том, что *сын человеческий восстанет в третий день*, или имеют то значение, что, несмотря на все гонения, сын человеческий не может быть уничтожен и скоро восстанет опять, или не имеют никакого смысла. Первый же смысл должен быть правилен потому, что тотчас же после этого Иисус говорит, что скоро, так скоро, что многие из тех, которые тут, еще не умрут, учение сына человеческого уже охватит людей и явится не в гонении, а в силе.

Но как страдать? за что страдать людям, исповедующим учение любви? Нельзя ли не страдать, обойти то, что заставит страдать? Нельзя ли скрыть то, что возмутит и озлобит людей? -- говорит Симон Петр. И Иисус Христос отвечает ему: не говори этого; это -- соблазн; ты думаешь о человеческом, а не о Божьем. Для божеского нет страданий, нет мучений. Тот, кто хочет идти по мне, кто понял учение, тот должен отречься от этой земной жизни, тот не должен стыдиться, бояться высказывать перед людьми всю истину. Мр. IX, 31. Сын

человеческий, сознание Бога, отдано во власть людей. Люди давили и еще будут давить его, но оно восстанет. (Лк. XII, 33; Лк. XIV, 12-14)

Продавайте свое имение, давайте в милостыню. Добывайте себе мощну, такую чтобы не старела, сокровище неистощимое у Бога, куда бы вору не подойти и моли не залететь.

И если хочешь угостить обедом или ужином, не зови приятелей, братьев, родных или соседей богатых, чтобы и они тебя позвали и тебе бы отплатили.

Но когда делаешь угощение, зови нищих, убогих, хромых, слепых. И будешь счастлив, потому что этим нечем отплатить тебе, а отплатится в восстановлении праведных.

ИСПОЛНЕНИЕ ВОЛИ БОГА

(Мф. XXI, 28-31) Что вы думаете: было у человека два сына, и он, подойдя к первому, сказал: ты иди, работай нынче в саду. Он на ответ

сказал: не хочу; потом передумал, пошел. И подошел отец ко второму, сказал то же. Он же на ответ сказал: слушаю, батюшка; и не пошел. Кто из двух

исполнил волю отца? Говорят ему: первый. Притча эта находится только у Матфея и вставлена в рассуждение о значении Иоанна. Смысл ее там очень неясный и ровно ничего не прибавляет к тому, что сказано без притчи. Между тем смысл этой притчи относится прямо к 21-му стиху VII главы Мф., к следующим словам: "Не каждый, кто говорит мне: господи, господи, войдет в царство Божие, но тот, кто исполняет волю Отца моего на небе", и дает (стр. 142)

РАЗЪЯСНЕНИЕ МЫСЛИ, ВЫРАЖЕННОЙ В ЭТИХ СЛОВАХ. ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ ЖИЗНЬ ИСТИННУЮ, ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН ОТРЕЧЬСЯ ОТ ЛОЖНОЙ ЖИЗНИ ПЛОТИ

Общее изложение главы шестой Для жизни духа не может быть различия между семейными и чужими. Иисус говорит, что мать и братья его ничего не значат для него как мать и братья: ему близки только те, кто исполняет волю общего Отца.

Блаженство и жизнь человека зависит не от его семейных отношений, а от жизни духа. Иисус говорит, что блаженны те, кто держат разумение Отца. Для человека, живущего духом, нет дома. Животные имеют дома, но человек живет духом и потому не может иметь дома. Иисус говорит, что у него нет места, определенного ему. Для исполнения воли Отца не нужно определенного места, оно везде и всегда возможно. Плотская смерть не может быть страшна для человека, отдавшегося воле Отца, потому что жизнь духа не зависит от (5) смерти плоти. Иисус говорит, что тот, кто верит в жизнь духа, не может ничего бояться. Никакие заботы не могут помешать человеку жить духом. На слова человека о том, что он будет исполнять учение Иисуса после, но что прежде ему нужно похоронить отца, Иисус отвечает: мертвые только могут заботиться о похоронах мертвых, живые же живут всегда исполнением воли Отца. Заботы о семейных и домашних делах не могут мешать жизни духа. Тот, кто заботится о том, что выйдет для его плотской жизни из исполнения воли Отца, тот делает то же, что пахарь, который пашет и глядит не вперед, а назад. Заботы о радостях жизни плотской, которые кажутся столь важными людям, суть мечта. Одно настоящее дело жизни есть возвешение воли Отца, внимание ей и исполнение ее. На упрек Марфы о том, что она одна заботится об ужине, а сестра ее Мария не помогая ей, слушает учение, Иисус отвечает: напрасно ты упрекаешь ее. Заботься, если тебе нужно то, что дает забота, но оставь тех, которые не нуждаются в плотских удовольствиях, делать то одно дело, которое нужно для жизни. Иисус говорит: тот, кто хочет получить истинную жизнь, состоящую в том, чтобы исполнять волю Отца, тот прежде всего должен отказаться от своих личных желаний, тот не только не должен строить жизнь свою так, как ему хочется, но тот должен быть готов на всякий час переносить всякие лишения и страдания. Тот, кто хочет устроить свою жизнь плотскую, как ему хочется, тот погубит истинную жизнь исполнения воли Отца. И нет выгоды приобретать для плотской жизни, если приобретение это губит жизнь духа. Более всего губит жизнь духа корыстолюбие, приобретение богатств. Люди забывают, что, сколько бы они ни приобрели богатств и имущества, они всякий час могут умереть, и имение их не нужно для их жизни. Смерть висит над каждым из нас: болезнь, убийство от людей, несчастные случаи -- всякую секунду могут прекратить жизнь. Смерть плотская есть неизбежное условие всякой секунды жизни. Если человек живет, то он должен на каждый час своей жизни смотреть как на отсрочку, которая по милости чьей-то дана ему. И это надо помнить и не говорить, что мы не знаем этого. Мы знаем и предвидим все, что на земле и на небе случается, а о той смерти, которая, мы, знаем, ждет нас каждую секунду, мы забываем. Если же мы не будем забывать этого, то мы не можем отдаваться жизни плоти, не можем рассчитывать на нее. Для того, чтобы следовать моему учению, надо расчесть выгоды служения плотской жизни своей воли, и выгоды исполнения воли Отца. Только тот, кто ясно расчел это, только тот может быть моим учеником. А кто разочтет, тот не будет жалеть мнимого блага и мнимой жизни для получения истинного блага и истинной жизни. Жизнь истинная дана людям, и люди знают и слышат ее зов, но, постоянно увлекаясь минутными заботами, лишают себя ее. Жизнь истинная подобна пиру, который сделал богач и пригласил на него гостей. Он зовет гостей также, как голос духа Отца зовет к себе всех людей. Но гости одни занялись торговлей, другие -- хозяйством, третьи -- семейными делами -- и не пошли на пир. Только нищие, не (стр. 143) имеющие забот плотских, пошли на пир и получили счастье. Так и люди, отвлекаясь заботами плотской жизни, лишают себя жизни истинной. Тот, кто не откажется совсем от всех забот и страхов жизни плотской, тот не может исполнять волю Отца, потому что нельзя служить немного себе и немного Отцу. Надо расчесть, выгодно ли служить своей плоти, можно ли устроить свою жизнь, как самому хочется? Надо сделать то же, что делает человек, когда строит дом или собирается воевать. Он разочтет, может ли он докончить, может ли победить. И если видит, что не может, то уж не тратит даром ни трудов, ни войск. А то даром

погубит и будет посмехом людям. Если бы можно было устроить плотскую жизнь, как хочется, тогда и надо служить плоти. Но так как нельзя, то уж лучше оставить все плотское и служить духу, а то будет ни то и се. Плотской жизни не устроишь и жизнь духа потеряешь; и потому, чтобы исполнять волю Отца, надо совсем отрешиться от плотской жизни. Плотская жизнь -- это то порученное нам, чужое, мнимое богатство, которое мы должны употребить так, чтобы получить свое истинное богатство. Если у богатого человека будет жить приказчик и будет знать, что, сколько бы он ни служил хозяину, хозяин разочтет его и оставит ни с чем, то приказчик этот умно поступит, если, пока он еще управляет чужим богатством, сделает добро людям. Тогда, если и оставит его хозяин, те, кому он сделал добро, примут его и будут кормить. Если приказчик так сделает, то он сделает умно. То же должны делать люди с своей плотской жизнью. Плотская жизнь есть то чужое богатство, которым они управляют только на время. Если они хорошо употребляют это чужое богатство, то получают свое истинное. Если мы не отдадим ложное имущество наше, то не дастся нам истинное. Нельзя служить ложной жизни плоти и духу, надо служить тому или другому. Нельзя служить богатству и Богу. То, что велико перед людьми, то мерзость перед Богом. Перед Богом богатство есть зло. Богатый уже тем виноват, что он ест много и роскошно, когда нищие голодают у дверей его. И все знают, что собственность, которую не отдаешь другим, есть неисполнение воли Отца. Подошел раз к Иисусу православный начальник богатый и стал хвастать, что он исполнил все заповеди закона. Иисус напомнил ему о том, что есть заповедь любить всех людей, как самого себя, что в этом состоит воля Отца. Начальник сказал, что он и это исполнил. Тогда Иисус сказал ему: это неправда; если бы ты хотел исполнять волю Отца, ты не имел бы собственности. Нельзя исполнять волю Отца, если у тебя есть свое имущество, которое ты не отдаешь другим. И Иисус сказал ученикам: людям кажется, что без собственности нельзя жить, а я вам говорю, что истинная жизнь состоит в том, чтобы отдавать свое другим. Один человек, Закхей, услышал учение Иисуса и поверил ему и, пригласив в дом свой Иисуса, сказал ему: отдаю половину имения нищим и вчетверо отдам всякому, кого я обидел. И Иисус сказал: вот человек, который исполняет волю Отца, потому что нет того положения, в котором бы была исполнена воля Бога, но вся жизнь наша есть исполнение ее, а этот человек исполняет. Воля Отца жизни в том, чтобы люди возвращались к ней. Добро нельзя мерить ничем, нельзя сказать, кто сделал больше, кто меньше. Вдова, которая отдает последнюю полушку, отдает больше, чем богатый, дающий тысячи. Нельзя мерить его и тем, что полезно и бесполезно. Образцом того, как нужно делать добро, пусть будет та женщина, которая пожалела Иисуса и безумно пролила ему на ноги масла дорогого на 300 рублей. Иуда сказал, что она глупо сделала, что на это можно бы накормить многих. Но Иуда был вор, он солгал и, говоря о пользе плотской, думал не о нищих. Нужна не польза, не количество, нужно исполнение воли Отца: любить и жить для других. И пришли раз к Иисусу мать и братья его и не могли никак свидеться, потому что много было народа около Иисуса. И один человек увидел их, подошел к Иисусу и говорит: твои семейные -- мать и братья стоят наружи, хотя с тобой повидаться. (стр. 144) Иисус сказал: мать моя и братья мои -- те, кто понял волю Отца и исполняет ее. И женщина одна сказала: блаженна та утроба, которая выносила тебя, и те сосцы, которые ты сосал! Иисус сказал на это: блаженны всегда только те, которые поняли разумение Отца и хранят его. И сказал один человек Иисусу: пойду за тобой, куда бы ты ни пошел. И Иисус сказал ему на это: идти за мной некуда, у меня нет ни дома, ни места, где бы я жил. У зверей только есть логова и норы, а человек -- дух, и он везде дома, если он живет духом. И случилось раз Иисусу плыть с учениками в лодке. Он сказал: переедем на ту сторону. Поднялась на озере буря, и стало заливать их, так что чуть не потопило. А он лежал на корме и спал. Они взбудили его и говорят: учитель, что

ж, или тебе все равно, что мы погибаем? И когда буря затихла, он сказал: что это вы так робки? Нет в вас веры в жизнь духа. **Одному человеку Иисус сказал: следуй за мной. И человек сказал: у меня старик отец; прикажи мне прежде похоронить его, тогда я пойду за тобой. И сказал ему Иисус: пускай мертвые хоронят мертвых, а ты, если хочешь быть жив, исполняй волю Отца и разглашай ее. И еще один человек сказал: я хочу быть твоим учеником и буду исполнять волю Отца, как ты велишь, но позволь мне прежде устроить домашних. И Иисус сказал ему: если пахарь смотрит назад, то нельзя ему пахать. Сколько ни смотри назад, пока смотришь назад, пахать нельзя. Надо обо всем забыть, кроме той борозды, какую ведешь; тогда только можно пахать. Если ты рассуждаешь о том, что выйдет для жизни плотской, то ты не понял жизнь настоящую и не можешь жить ею.** После этого случилось раз, что зашел Иисус с учениками в одну деревню. И женщина одна, Марфа, пригласила его к себе в дом. И была у Марфы сестра, Мария, и села она у ног Иисуса и слушала его учение. А Марфа хлопотала о том, чтобы было хорошее угощение. И подошла Марфа к Иисусу и говорит: тебе и дела нет, что сестра моя одну меня оставила служить. Скажи ей, чтобы и она поработала со мной. И в ответ сказал ей Иисус: Марфа, Марфа, заботишься и хлопчешь о многих делах, а одно только есть дело нужное. И Мария выбрала то одно, что нужно и чего никто не отнимет от нее. Для жизни нужна только одна пища духа. И сказал Иисус всем: кто хочет идти вслед меня, тот пусть откажется от своей воли и пусть будет готов на всякие лишения и страдания плоти на каждый час, тогда только он может идти вслед меня. Потому что тот, кто хочет заботиться о своей плотской жизни, тот погубит истинную жизнь. А кто, если и погубит плотскую жизнь, исполняя волю Отца, тот спасет истинную жизнь. Потому что, какая же выгода человеку, если он и весь мир заберет, а жизнь свою загубит или повредит? И, услышав это, один человек сказал: хорошо как есть жизнь духа, а то как мы все отдадим, а жизни этой нет? На это Иисус сказал: вы знаете, что исполнение воли Отца дает жизнь всем, но вы отвлекаетесь от этой жизни ложными заботами и отговариваетесь от нее. Вы вот что делаете: хозяин приготовил обед и послал звать гостей, но гости стали отказываться. Один сказал: я землю купил, надо пойти поглядеть. Другой сказал: быков купил, надо попытаться. Третий сказал: я женился и буду свадьбу играть. И пришли работники и сказали хозяину, что никто не идет. Хозяин тогда послал работников звать нищих. Нищие не отказались и пришли. И когда пришли, то и еще осталось место. И хозяин послал звать еще и говорит: поди уговаривай всех, чтобы пришли ко мне на обед и чтобы у меня было больше народа. А те, кто отказались за недосугом, те не попали на обед. Все знают про то, что исполнение воли Отца дает жизнь, но не идут, потому что их отвлекает обман богатства. И сказал Иисус: Берегитесь же богатства, потому что не от того твоя жизнь, что у тебя больше, чем у других. Был богатый человек, и родилось у него много хлеба. И думает он себе: дай перестрою амбары, выстрою большие и соберу туда все мои богатства. И скажу душе моей: **(стр.145)** вот тебе, душа, всего вволю, отдыхай, ешь, пей и живи в свое удовольствие. И сказал ему Бог: глупый! в нынешнюю ночь возьмут твою душу, а все, что ты припас, другим останется. Так-то бывает со всяким, кто готовит для плотской жизни, а не живет в Боге. И сказал им Иисус: вот вы рассказываете, что Пилат убил галилеян. Что же, разве галилеяне эти были чем-нибудь хуже других людей, что это случилось с ними? Нисколько. Все мы такие, и все мы также погибнем, если не найдем спасения от смерти. И те 18 человек, каких задавила башня, когда завалилась, разве они были особенные, хуже всех других жителей Иерусалима? Нисколько. Если мы не спасемся от смерти, не нынче завтра также погибнем. Если мы не погибли еще, как те, то нам надо думать про себя вот как: у человека растет в саду яблоня. Приходит хозяин в сад, посмотрел яблоню и видит: нет на ней плода. Хозяин и говорит садовнику: вот, три года хожу, и яблоня эта все холостая.

Надо срубить ее, а то что она напрасно место портит! А садовник говорит: погодим еще, хозяин, дай я ее окопаю, обложу навозом и посмотрим, на лето, может, даст плод. А и на лето не даст, ну, тогда срубим. Так-то и мы, пока живы плотью и не приносим плода жизни духа, и мы -- бесплодная яблоня. Только по милости чьей-то мы оставлены еще на лето. А не принесем плода, так же погибнем, как тот, кто амбар построил, как галилеяне, как 18 задавленных башней и как все не приносящие плода погибают, умирая навсегда смертью. Чтобы понять это, не нужно никакой мудрости; всякий это сам видит. Ведь не то, что в домашних делах, а и в том, что на всем свете делается, умеем мы рассуждать и вперед угадывать. Если ветер с запада, мы говорим к дождю, и так бывает. А ветер с полдня -- мы говорим к ведру, и так и бывает. Что же, мы погоду узнавать умеем, а того вперед угадать не можем, что все мы померем и погибнем и что одно спасение для нас -- жизнь духа, исполнение его воли. И шло с Иисусом много народа, и он еще раз сказал всем: тот, кто хочет быть моим учеником, тот пусть ни во что считает отца и мать, и жену и детей, и братьев, и сестер, и все свое имущество, и пусть на всякий час будет готов на все. И только тот, кто делает то, что я, только тот следует моему учению и только тот спасется от смерти. Потому что всякий, прежде чем что-нибудь начать -- разочтет: выгодно ли то, что он делает, и если выгодно, то делает, а не выгодно, то бросает. Всякий, кто строит дом, прежде ведь сядет и сочтет, сколько нужно денег, сколько у него есть и достанет ли кончить, чтобы не случилось того, что начал строить и не кончил, и люди смеются. Также и тот, кто хочет жить жизнью плотской, должен прежде рассчитать, может ли он докончить то, чем он занят. И всякий царь, если хочет воевать, то прежде подумает: может ли он с десятью тысячами идти против двадцати тысяч. Если разочтет, что не может, то пошлет послов и замирится, а не станет уже воевать. Так и всякий человек пускай прежде, чем отдастся жизни плотской, подумает: может ли он воевать против смерти, или она сильнее его, и тогда не лучше ли ему вперед замириться? Так-то всякий из вас должен прежде разобраться с тем, что он считает своим: семейство, деньги, именье, и когда он разочтет, какая от этого польза, и поймет, что нет никакой, тогда только он может быть моим учеником. Тот, кто отдает ложное, временное богатство для жизни истинной по воле Отца, сделает то же, что сделал умный приказчик. Был один человек приказчиком богатого хозяина; и винит приказчик, что вот хозяин сгонит его и останется приказчик без хлеба и без приюта. И подумал себе приказчик, дай, вот что сделаю: раздам потихоньку из хозяйского мужикам, сбавлю им долги и тогда, если прогонит меня хозяин, мужики попомнят мое добро и не оставят меня. И так и сделал приказчик: призвал мужиков -- должников хозяйских, и переписал им расписки. Кто должен 100, написал им 50; кто -- 60, написал 20, и другим то же. И вот узнал про это хозяин и говорит себе: а что же? ведь он умно сделал, а то бы ему по миру идти. Мне убыток сделал, а по расчету умно сделал. Потому что в плотской жизни мы все понимаем, в чем расчет верный, а в жизни духа не хотим понимать. Так-то и нам надо поступать с несправедным богатством: отдавать его затем, чтобы **(стр. 146)** получить жизнь духа. И если мы таких пустяков, как богатство, пожалеем для жизни духа, так и не дастся она нам. Если мы ложное богатство не отдадим, так и не дастся нам наша собственная жизнь. Нельзя служить зараз двум господам: Богу и богатству, -- юле Отца и своей воле. Либо одному, либо другому. И слышали это православные, а православные любят богатство, и они насмеялись над Иисусом. А он сказал им: вы думаете, что потому, что вас за богатство почитают люди, что вы и точно почетны? Нет. Бог не смотрит наружу, а смотрит на сердце. То, что перед людьми высоко, то мерзость перед Богом. Теперь царство небесное на земле, и велики те, кто входят в него. А входят в него не богатые, а те, которые ничего не имеют. И это всегда так было, и по вашему закону, и по Моисею и пророкам -- тоже. Слушайте, что такое по вашей вере

богатые и нищие. Был человек богач -- рядился, гулял, веселился каждый день. И был бродяга Лазарь в коросте. И Лазарь приходил на двор к богачу, думал: не останутся ли объедки от богача; но и объедков Лазарю не доставалось: богачевы собаки все подъедали, да еще и Лазарю облизывали струю. И умерли оба, и Лазарь и богач. И вот в аду увидал богач издали -- далеко Авраама, смотрит -- и Лазарь коростовый с ним сидит. Богач и говорит: Авраам, батюшка, вон с тобой Лазарь коростовый сидит, он у меня валялся под забором. Тебя я беспокоить не смею. Пришли ко мне Лазаря коростового, пускай бы он палец в воде помочил и дал мне глотку освежить, потому горю в огне. А Авраам говорит: за что же мне к тебе в огонь Лазаря посылать? Ты в том мире что желал, то и имел, а Лазарь только горе видел; так ему теперь надо радоваться. Да и хотел бы сделать, да нельзя, потому между вами и нами пропасть большая и перейти ее нельзя. Мы живые, а вы мертвые. Тогда богач говорит: ну, так, батюшка Авраам, пошли Лазаря коростового хоть ко мне в дом. У меня пятеро братьев, жалко мне их, пусть он все расскажет им и покажет, как вредно богатство, а то как бы и они не попали в эту муку. А Авраам говорит: они и так знают, что оно вредно, это им и Моисей и все пророки тоже говорили. А богач говорит: все бы лучше, если бы кто из мертвых воскрес и к ним пришел; они бы лучше одумались. А Авраам сказал: если же Моисея и пророков не слушают, хоть и мертвый воскреснет, и того не послушают. Что надо делиться с братом и делать добро людям, это все знают, и весь закон Моисея и все пророки только это же и говорят. Вы знаете это, но не хотите делать потому, что любите богатство. И подошел к Иисусу богатый начальник из православных и сказал ему: ты -- учитель благой; -- что мне сделать, чтобы получить жизнь вечную? Иисус сказал: за что называешь меня благим? Благ только Отец. А если хочешь иметь жизнь, то исполняй заповеди. Начальник говорит: заповедей много, какие? Иисус говорит: не убивай, не блуди, не кради, не лги, да еще чти Отца твоего и исполняй его волю и люби ближнего, как себя. А православный начальник и говорит: эти все заповеди я исполняю с детства, а я спрашиваю: еще что нужно сделать по твоему учению? Иисус посмотрел на него, на его богатое платье, улыбнулся и говорит: одного маленького дела ты не доделал: ты не исполнил того, что ты говоришь. Если хочешь исполнить эти заповеди: и не убий, и не блуди, и не кради, и не лги, и главное -- заповедь: люби ближнего, как себя, то сейчас же продай все имение и отдай нищим, тогда исполнишь волю Отца. Услыхал это начальник, нахмурился и отошел, потому что ему жалко было своего имени. И Иисус сказал ученикам: вот видите, что никак нельзя быть богатому и исполнять волю Отца. Ученики ужаснулись на эти слова. А Иисус еще раз повторил и говорит: да, дети, нельзя тому, у кого есть свое имение, быть в воле Отца. Скорее верблюд в ушко иголки пройдет, чем то, чтобы богатый исполнил волю Отца. И они еще пуще ужаснулись и говорят: как же, после этого и жизнь свою уберечь нельзя? А он говорит: человеку кажется, что нельзя без собственности уберечь свою жизнь, но Бог и без собственности уберегает жизнь человека. Один раз шел Иисус через город Иерихон. А был в этом городе начальник, откупщик-богач, (стр. 147) и звали его Закхей. Этот Закхей слышал про учение Иисуса и поверил в него. И когда он узнал, что Иисус в Иерихоне, он хотел увидеть его. Народу около него было так много, что нельзя было пропихаться до него, а Закхей был мал ростом. Тогда он забежал вперед и влез на дерево, чтобы повидаться с Иисусом, когда он будет проходить мимо дерева. И точно, проходя мимо, Иисус увидел его и, узнав, что он верит его учению, сказал: слезай с дерева и иди домой, я приду к тебе. Закхей слез, прибежал домой, приготовил встречу Иисусу и с радостью принял его. Народ стал судить и говорить про Иисуса: вот пошел в дом к откупщику, к плуту. А тем временем Закхей сказал Иисусу: вот, господин, что я сделал: половину имения отдам нищим, а из остального заплачу вчетверо всем тем, кого я обидел. И сказал Иисус: вот и спасся ты; был мертв, а стал жив,

пропадал и нашелся, потому что ты сделал, как Авраам, когда он хотел заколоть сына, показал свою веру. Потому что в том вся жизнь человека, чтобы отыскивать и спасать в душе своей то, что погибает. Жертву нельзя мерить величиною ее. Случилось раз, что Иисус с учениками сидел против кружки. В кружку клали люди свое имя для Бога. И подходили к кружке богатые и клали помногу. И подошла одна нищая вдова и положила две полушки. И Иисус показал на нее и сказал ученикам: вот видите, что вдова эта нищая положила две полушки, а она больше всех положила, потому что те клали, что им не нужно для жизни, а эта положила все, что у нее было, всю жизнь свою положила. Случилось Иисусу быть в доме Симона шелудивого. И вошла в дом женщина. И был у этой женщины кувшин с дорогим цельным маслом на триста рублей. Иисус сказал ученикам, что близка смерть его. Услышав это, женщина и пожалела Иисуса, и захотела показать ему свою любовь и помазать ему голову маслом. И забыла она все, и что стоит масло, и разбила весь кувшин, и помазала ему голову и ноги, и пролила все масло. И стали ученики судить между собою о том, что дурно она сделала. И Иуда, тот, что после выдал Иисуса, сказал: вот даром пропало сколько добра. Можно бы продать это масло за триста рублей и сколько нищих оделить. И стали ученики укорять женщину, и она смутилась и не знала, хорошо или дурно она сделала. Тогда Иисус сказал им: напрасно вы смущаете женщину, она истинно добро сделала. И напрасно поминаете о нищих. Если хотите делать добро нищим – делайте, они всегда есть. Зачем же говорить о них? Если жалуете нищих, идите, жалейте их, делайте им добро; а она меня пожалела и добро сделала настоящее, потому что отдала все, что имела. Кто из вас знает может, что нужно, что не нужно. Почему вы знаете, что не нужно пролить на меня масло? Она облила меня маслом, так хоть, чтобы приготовить тело мое к похоронам, и затем это нужно. Она истинно исполнила волю Отца: забыла себя и пожалела другого, забыла плотские расчеты и отдала все, что имела. И Иисус сказал: учение мое есть исполнение воли Отца, а исполнять волю Отца можно только делом, а не словами. Если один сын на приказание отца все говорит: слушаю, слушаю, а не делает того, что велит отец, то ведь он не исполняет воли отца. А если другой сын хоть и скажет: не хочу слушаться, а потом пойдет и сделает по приказу отца, то ведь он исполняет волю отца. Так-то и в людях: не тот в воле Отца, кто говорит: я в воле Отца, а тот, кто делает то, что хочет Отец. (стр. 148)

Глава седьмая

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ИСТИННОСТИ УЧЕНИЯ

ТРЕБОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ОТ ХРИСТА

Служение Богу только в том, чтобы делать дело Бога. Жизнь человека от Бога. Жизнь истинная есть жизнь в Боге. Жизнь в Боге в том, чтобы исполнить волю Бога. Воля Бога в законе Бога. Закон Бога в том, чтобы не сердиться на людей, не искать женской любви, не связывать себя обещаниями и клятвами, не противиться злу

и не делать различия между земляками и чужими народами. Только в жизни плотской можно исполнять волю Бога. Жизнь плотская есть пища для исполнения воли Бога. Исполнять волю Бога можно только делами. Учение Иисуса есть учение о делах жизни. Служение Богу только в том, чтобы делать дело Бога, и потому доказать словами его нельзя. (Мр. VIII, 11) И вышли фарисеи и начали спорить, доискиваясь от него доказательства, исследуя его учение.

значит доказательство и в этом смысле употребляется в евангельском языке. Очевидно, что здесь оно стояло в смысле *доказательства* и было прибавкой с *неба* переделано в чудо. (Мр. VIII, 12; Лк. Xxf, 54-56

/Мф. ХУ1,3/; Лк. ХП,57; Мф. XII, 38; Лк. XI, 29,30,32,31) И, страдая духом, сказал: каково! эти люди хотят доказательства? Разве может быть доказательство для , этих людей. И он сказал народу: когда видите тучу с запада, тотчас полагаете, что будет дождь, и так бывает. И когда с полдня дует, полагаете, будет ведро, и так и бывает. Вид земли и неба умеете постигать, а эту жизнь не постигаете. Что же вы о себе не рассуждаете верно? Тогда обратились к Иисусу некоторые из ученых и фарисеев и сказали: наставник!

желалось бы нам видеть доказательство твоего учения. И когда народ собрался, он начал говорить: порода эта ищет доказательств. И не будет ей другого доказательства, как только доказательство Ионы. И каково Ионы было доказательство для ниневитян, (стр.149) таково доказательство сына человеческого для этой породы. Если бы ниневитяне пробудились и сравнить их с нынешними людьми, они бы оказались правее, потому что они обдумались от проповеди Ионы, а тут важнее Ионы. Если разбудить царицу южную и сравнить ее с людьми теперешними, то и она окажется правее их тем, что она пришла с конца земли внимать мудрости Соломона, а вот вам важнее здесь. Значение места следующее: фарисеи и ученые требуют доказательств истинности учения. Иисус отвечает: разумение ничем нельзя доказать. Иоанн сказал: кто говорит слова Бога, тот от Бога, и кто понимает их, тот запечатлевает этим истинность слов. Доказательств нет. Но все люди искали всегда и ищут разумения: и ниневитяне, и царица южная, приходившая к Соломону. И я открываю вам разумение, а вы спрашиваете доказательств. Доказательств не будет вам. (Ин. VII, 1-7) После этого Иисус ходил по Галилее и не хотел ходить по Иудее, потому что евреи приговорили его к смерти. И подошел праздник иудейский. И сказали Иисусу братья его: уйди отсюда и иди в Иудею, чтобы ученики твои пред другими видели, как ты служишь Богу. Потому что никто не станет скрывать свое служение Богу, а ищет того, чтобы показать себя. Если ты так служишь Богу, показывай себя миру. Потому и братья не верили в его учение. Сказал им Иисус: мне еще не время, для вас же время, конечно, пришло. И не станет вас мир ненавидеть, а меня ненавидит, потому что я доказываю, что его служение Богу -- зло. Разговор между братьями и Иисусом идет о том, что если он хочет проповедовать свое учение, то вот случай: идти на праздник; там будет много народа, и там пускай при всех Иисус объявит свое учение. Тогда ученики увидят при других правду его учения. Пускай идет на праздник. На это Иисус говорит: для вас есть время будней и праздника, а для меня нет никакого особенного времени. Оттого самого они и ненавидят меня, что я показываю, что все их богослужение -- зло, что нет никаких праздников. (Ин. VII, 8) Вы идите на праздник этот, а я не пойду на праздник этот, потому что мне еще нет времени. Два раза повторенное слово *этот* указывает еще раз на то, что Иисус не признает праздника. (Ин. VII, 9-13) Сказал так и остался в Галилее. И когда они ушли, он после пришел, не на праздник, а просто. Евреи искали его на празднике и говорили: здесь он или нет? И спор большой был о нем в народе. Одни говорили, что он хороший человек, другие говорили, что нет, что он заблуждает народ. Но никто прямо не говорил о нем от страха евреев. (стр.150) Иудеи, зная, что

он отрицает их веру, спрашивают, пришел ли он на праздник, или своим отсутствием отвергает их праздник, и по этому случаю спорят об его учении, но боятся говорить прямо, что он отвергает все богопочитание иудеев.

БЕСЕДА ИИСУСА С ФАРИСЕЯМИ

(Ин. VII, 14, 15) И в половине праздника вошел Иисус в храм и начал учить. И чудно было евреям, и говорили: как он, этот неученый, учен? Как и в большей части мест Евангелия Иоанна, надо мысленно его дополнять тем, что сказано в других Евангелиях. В этом месте сказано, что Иисус учил, и народу чудно было его учение. Стало быть, для смысла речи надо вообразить то, чему он учил. Чему же он учил? Выдумывать мы не можем, и потому неизбежно должны вставить мысленно здесь его учение о ложности еврейского богопочитания, о том, что Бог есть дух и ему надо служить в духе и делом. Нагорную проповедь, учение о нищенстве и 5 правил, -- вообще одно из его поучений по Евангелию, которые все включают в себя все учение -- и об отрицании ложного Бога, и о служении ему делом в духе: добром, любовью, смирением. (Ин. VII, 16-18) Отвечал на это Иисус и сказал: мое учение не мое, но того, кто послал меня. Тот, кто захочет делать его волю, тот узнает об учении, что оно от Бога, или я сам от себя говорю. Тот кто сам от себя говорит, тот рассуждает о том, что ему одному кажется; тот же, кто рассуждает о том, что кажется пославшему его, тот прав и неверности нет в нем. Это место есть выражение все той же мысли, что единственное доказательство Бога лежит в душе человека. Надо твердо помнить, что, говоря о своем учении, Иисус говорит об уничтожении богопочитания еврейского, о том, что Бог есть дух, что познает его человек только в себе, что жизнь духа состоит в исполнении воли Бога. Для понимания бесед Иоанна необходимо помнить, что Иисус этими беседами подтверждает, доказывает, объясняет то, что сказано в беседе с Никодимом, а не излагает никакого положительного учения. Роковое и печальное заблуждение церкви состоит в том, что она в этих' словах хочет видеть положительное учение. Учения нового никакого здесь нет, а есть подтверждение прежнего, выраженного особенно в беседе с Никодимом. Только помня это, станет ясно, почему, по Иоанну, речи Иисуса, не имеющие ничего такого противного для иудеев, возбуждают их гнев. Надо помнить, что повод каждой беседы Иисуса с евреями есть отрицание богопочитания евреев и всего закона Моисея. Каждая беседа затевается с того, что они спрашивают его доказательств законности его отрицания. (Ин. VII, 19) Не Моисей дал вам закон, и никто из вас не живет по закону; как же вы приговариваете меня к смерти? Иисус говорит: не Моисей научил вас закону Бога, и никто из вас не исполняет закона. Иисус говорит здесь о законе вечном, о котором он говорил в Нагорной проповеди. Он говорит: не Моисей дал вам закон, закон дан Богом, и вот, следуя закону Моисея, никто из вас не исполняет закона. И он спрашивает, на каком законе они основывают свое требование убить его. (Ин. VII, 20-22) И на ответ сказал народ: ты бесишься. (стр. 151) И на ответ сказал им Иисус: я сделал служение Богу единым, и вам это чудно. А вот Моисей дал вам обрезание, хотя оно не от Моисея, но от отцов, и вы обрезаете в субботу. Разъяснение этого места, не имеющего никакого смысла по объяснениям церковным, зависит от предшествующих стихов: того, что не Моисей дал вам закон и что никто из вас не живет по закону, и того стиха, где Иисус говорит, что он сделал богослужение единым цельным, не противоречивым, как закон Моисея. И вот он дает пример того внутреннего противоречия, которое лежит в законе Моисея. При этом надо помнить тоже и то, что обрезание имеет два значения: одно внешнее, другое завет с Богом такой же, как и соблюдение всех заповедей и субботы. Суббота была знаком завета с Богом. Иисус говорит: вот вам

пример. Моисей велел обрезать крайнюю плоть затем, чтобы вы были в завете с Богом. Завет с Богом утверждается соблюдением субботы, и вот вы, чтобы соблюсти закон Моисея, имеющий целью соблюдение завета с Богом, нарушаете субботу, завет с Богом. (Ин. VII, 23) Если человек принимает обрезание в субботу, чтобы не нарушить закон Моисея, так как же на меня сердитесь вы за то, что я вполне человека исправил в субботу? Все это место, по моему мнению, с начала до конца превратно понято и ложно переведено. Не говоря уже о филологической невозможности такого перевода (церковного), что же выходит из перевода и толкований? Иисус начал речь с того, что он учит не от себя, а от Бога, -- и кто исполняет волю Бога, тот узнает, правда или нет то, что он говорит. Потом говорит, что не Моисей дал вечный закон и что никто из них не живет по закону, и спрашивает: за что же хотите убить меня? Они говорят: нет, мы не хотим убить. А он отвечает (по толкованию церкви): вы хотите убить меня за то, что я вылечил в субботу, а суббота не важное дело, и тут вставляется еще более неуместная подробность о том, что не Моисей, а отцы дали обрезание. Вы же сами нарушаете субботу, а важнее вылечить человека. И вслед за этим отступлением ни к селу ни к городу говорит: не судите -- по внешности, а по правде. И вслед за этим говорит: вы знаете пославшего меня и т.д., продолжает все ту же речь. Невольно возникает вопрос, зачем говорить так некстати, нескладно и такое ни к чему не нужное и еще совсем нарушающее ход мысли и спускающееся от высоких истин к какой-то пошлой полемике. При настоящем же переводе всего этого нет, и стихи эти прямо продолжают ту же мысль и связаны с дальнейшей речью. Иисус говорит, что не Моисей дал вам закон, но Бог, и вы не исполняете закона, за что же вы хотите убить меня? Они говорят: за то, что ты бесишься. Он говорит: я сделал богослужение единым, я дал вам закон единый, не противоречивый, и это вам чудно кажется. А это вам не чудно, что Моисей дал вам закон затем, чтобы быть в завете с Богом, и одно из главных условий завета с Богом, это соблюдение субботы, а вы обрезываете в субботу, чтобы соблюдать закон Моисея? Так что же вам чудно, что я человека исправил, сделал вполне свободным в субботу? Рассуждайте не по букве, а по духу. И он продолжает речь: не спрашивайте, кто я, а кто пославший меня, и т.д. (Ин. VII, 24) Не судите по внешности, а судите по истине. Слова эти прямо связываются с стихом 19 о том, что не Моисей научил вас закону и никто не исполняет закона. Тот, кто будет судить не по внешности, а по сущности дела, тот поймет это. (стр. 152) (Ин. VII, 25-30) И вот сказали некоторые из иерусалимских жителей: разве это тот, которого хотят убить? Вот он явно говорит, и ничего ему не отвечают. Уж и начальники не признали ли, что он самый помазанник? Только то, что мы его знаем. А когда придет помазанник, никто не будет знать, откуда он. И уча в храме, Иисус громко сказал: знаете меня и знаете, откуда я пришел! Но ведь я не сам собой пришел, но истинен тот, который послал меня, того вы не знаете. Я знаю его, что я от него и что тот меня послал. И хотели осилить его, но никто не одолел его, потому что еще не было суждено ему. Оба выражения могут иметь прямой смысл *силом взять его* и могут иметь смысл *осилить его в споре и одолеть доводами*. Второй смысл ближе связывается со всем последующим. (Ин., VII, 31-36) Многие же из народа поверили в его учение и говорили, что, когда Христос придет, едва ли он лучше этого докажет. Услыхали фарисеи, что народ смущается об его учении, послали фарисеи и архиереи помощников осилить его. И сказал Иисус: только не долгое время я хожу с вами и веду вас к тому, кто меня послал. Будете искать доводов против меня и не найдете, и куда я иду, нельзя будет вам прийти. И сказали иудеи: куда он хочет идти, что мы не найдем его? Или хочет к грекам уйти и их учить? Что значит: будете искать меня и не найдете, и куда я иду, не придете? Иисус говорит, что будете спорить со мной и ничего не найдете, а нужно не спорить, а исполнять, делать, идти за мной; тогда узнаешь,

правда ли. (Ин. VII, 37-46) В последний главный день праздника стоял Иисус и громко говорил: если кто жаждет, тот пусть идет ко мне и пьет. Тот, кто верит в мое учение, у того из нутра потекут (как сказано в писании) реки воды живой. Это он сказал о духе Божиим, который должны были принять верующие в него, потому что еще не было духа, так как Иисус еще не был понят. Многие из народа, поняв учение его, сказали: этот истинно пророк. Другие говорили: это самый избранник Божий. Иные говорили: разве из Галилеи придет избранник? По писанию сказано, что он от семени Давида и из Вифлеемской деревни. И было разделение в народе через него. Некоторые из них хотели осилить его, но никто не одолел. (стр. 153) Пришли слуги к священникам, и священники сказали: что же вы не научили его? Отвечали слуги: никогда ни один человек не говорил так, как этот. Ответ слуг священников указывает на то, что слуги эти не были полицейские исполнители, а были помощники священников в толковании закона, и что они старались одолеть его речами. (Ин. VII, 47-52) И сказали им фарисеи: или и вы заблудились? Никто из начальников ведь не поверил ему, ни из фарисеев никто.

• Но эта чернь не знает закона, проклятый народ. И сказал им Никодим, тот, который ночью приходил к Иисусу, он был с ними: Разве можно по нашему закону осудить человека не узнав прежде, как он учит? На ответ сказали ему: или и ты из Галилеи? Поищи в законе и посмотри, может ли пророк быть из Галилеи.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Иисус не идет справлять праздник, потому что отрицает все праздники и все внешнее богопочитание, но приходит в половине праздника не для того, чтобы справлять праздник, но чтобы говорить с народом. И, войдя в храм, учит народ служению Богу духом, и народ дивится на его учение, на то, как мог он, простой человек, познать все это. Он говорит: это учение не мое, а это учение Бога--духа. Когда у него спрашивают доказательств истинности его учения, он говорит: одно есть доказательство, чтобы узнать, справедливо ли то, что он проповедует: надо испытать исполнять волю Отца--Бога, и тогда узнаешь, правда ли то, что он говорит от Бога ли, или сам выдумал. Воля же эта всем известна, она высказана Иисусом в своих проповедях о том, что Бог есть дух, что его никто не видал, что богослужение иудеев есть обман, что дух Бога понятен только в человеке. На возражения, которые ему делают о законе Моисея, Иисус отвечает, что не Моисей дал закон, но Бог, и что они не понимают закона. В пример того, как относится его учение к закону, он говорит им, что закон главный состоит в том общении с Богом, которое Моисей велел выражать обрезанием. Завет -- это главное, а исполнение закона писанного всего -- противоречиво. И он приводит пример обрезания в субботу. Если, говорит он, обрезание делается и в субботу, то надо понимать, что главное -- завет, и менее важное -- закон. В моем учении главное -- служить Богу делом. Они не понимают его и спорят о том, мессия он или нет. Им кажется, что он не мессия, потому что они знают его, а мессию никто не будет знать. И Иисус громко кричит: вы говорите, что посланного от Бога вы не будете знать. Вы и не знаете его; вы знаете меня, Плотникова сына, но вы не знаете того, который во мне говорит вам о Боге, -- того вы не знаете. И тот-то -- Христос, избранный Богом и обещанный вам, другого нет и не будет. Я теперь и веду вас к Отцу, идите за мной и не разбирайте, кто я, а будете разбирать, кто я, то не поймете Отца. Идите за мной, я открыл вам истинную жизнь, -- идите же ко мне и приобретайтесь этой жизни. Она, как вода ключевая, никогда не истощится. Слова Иисуса Христа убедили многих неученых, но священники и архиереи говорят: этот проклятый народ не знает закона. Им что ни

скажи, они поверят. Никодим говорит: однако надо понять, что он говорит, может быть и правду. Не может быть, говорят фарисеи. Почему? -- Потому что он из Галилеи. **(стр. 154)** Ученые повторяют то самое, что сказали евреи Христу, то самое, что говорят церкви 1800 лет, что по пророчествам в одном известном месте, в определенных вперед условиях должен прийти сын Божий; но не слушают того, что закричал Иисус (Ин. VII, 28): Знаете меня, и откуда я пришел. Но не от себя я пришел, но есть истинный тот, который послал меня; того вы не знаете. А только того надо знать. Не зная того, т.е. Бога в вас самих, вы не можете знать и меня. Если бы я сказал, что я Христос, вы поверили бы мне, а не поверили бы Богу, который в вас; только веря в Бога, который говорит чрез меня, вы можете понять Бога, того, который в вас. **(Ин. VIII, 12)** И в другой раз Иисус сказал: я свет мира. Кто пойдет за мной, тот не будет ходить в потемках, но у того будет свет жизни. Ин. I, 4: В нем жизнь, и жизнь -- свет людей. В этом месте находится признанная всеми критиками вставка истории прощения блудницы, учительное же место есть прямое продолжение предшествующей главы. Особенность речи в этой главе та, что прежде Иисус обращался к народу, теперь же он обращается к фарисеям. После разговора фарисеев со слугами надо предположить, что они сами вступили на состязание с Иисусом. **(Ин. VIII, 13-15)** И сказали ему фарисеи: ты сам о себе показываешь, и потому показание твое несправедливо. И на ответ сказал им Иисус: если я и сам о себе показываю, то истинно показание мое, потому что я знаю, откуда я пришел и куда иду. Вы только не знаете, откуда я и куда я иду. Вы судите по плоти, а я не приговариваю никого. На вопросы о том, почему учение его истинно, Иисус первым доказательством поставил то, что если кто станет делать то, что он говорит, то узнает, что истинно его учение; вторым доказательством истинности он выставляет то, что он знает то, откуда взялась душа человека и куда идет, а они не знают. **(Ин. VIII, 16-19)** Но если я и сужу, то суд мой истинен, потому что я не один, но я и пославший меня Отец. И в законе вашем написано, что двух людей показания достаточны. Я о себе показываю, и показывает обо мне пославший меня Отец. Сказали ему иудеи: какой такой твой Отец? И сказал им Иисус: меня не знаете и Отца не знаете. Если бы меня знали, знали бы и Отца. Если меня не знаете, то и Отца моего не знаете. Третьим доказательством истинности своего учения Иисус выставляет то, что истинность его подтверждается двумя свидетелями: самим человеком и его Отцом -- Богом. Евреи спрашивают: кто твой Отец? Он отвечает: в том-то и дело, что вы не знаете своего Отца, не знаете своего происхождения. Если бы вы знали, то и меня бы знали, и все бы вам было ясно. Он говорит то, что говорил Никодиму, что основа всего -- это понять, откуда взялась жизнь -- дух человека. **(Ин. VIII, 20-25, 27)** Это говорил Иисус у сокровищницы в храме, и никто силою не взял его, потому **(стр. 155)** что, видно, не пришло на то время. И опять сказал им Иисус: я веду, а вы будете разбирать, кто я, и в ошибке вашей умрете. Куда я иду, вы не придете. И сказали иудеи: не убьет ли он себя, что сказал: куда иду, вы не придете? И он сказал им: вы из нижних, я из высших. Вы от мира, я не от мира этого. Я сказал, что умрете в ошибках ваших, если не положитеесь на то, что я. И сказали ему: кто ты? И сказал им Иисус: прежде всего я то, что говорю вам. Они не поняли того, что он говорил им об Отце. "Я то, что сначала сказал вам: я свет и разумение", или "я то, что говорю вам, я -- мое учение, я -- путь и истина", как сказано далее. Стих 26-й: "Многое имею судить и говорить о вас, но пославший меня истинен, и я, что слышал от него, то и говорю миру" ровно ничего не прибавляет к тому, что сказано прежде, между тем не только нарушает связь мысли 25-го стиха с 27-м, но даже уничтожает смысл 27-го стиха. Если стих 27-й: "они не поняли того, что он говорил им об Отце", стоит после слов: "я то, что говорил вам", то ясно, что это то и есть то, что он и Отец одно, -- что и сказано

после (Ин. X, 30). И потому ст. 26-й должен быть выключен. (Ин. VIII, 28-36) И сказал им Иисус: когда вознесете сына человеческого, тогда узнаете то, что я есть. Я от себя не делаю ничего, а чему научил меня Отец, то говорю. И пославший меня со мною. Не оставил меня одного Отец, потому что я всегда и везде делаю то, что приятно ему. И когда он говорил это, многие поверили в его учение. И вот сказал Иисус поверившим ему: если вы будете тверды в разумении моем, тогда будете научены мною. И познаете истину, и истина освободит вас. Отвечали ему: мы порода Авраама и ничьи рабы не были никогда. Как же ты говоришь: вы сделаетесь свободными? И отвечал им Иисус: вы сами узнаете, что всякий, кто делает ошибку, делается рабом ошибки. Но раб не остается в семье навсегда, а сын навсегда. Так что если сын вас освободит, то по настоящему будете свободны. Это место неясно. По первой части сравнения, что раб не всегда в доме, а сын всегда, ожидаешь того, что сказано будет: старайтесь быть не рабами, но сынами, а сказано, что сын освободит. Церковь объясняет, что сын Божий, 2-е лицо, освободит. Но если это бы хотел сказать Иисус, то было бы излишне говорить о том, что всякий делающий грех раб греха и что раб не всегда в доме, а сын всегда. Принимать раба за грешника, которого освободит Христос-Бог, нисколько не помогает, а разрушает весь смысл сравнения. Человек по сознанию своему -- сын Бога; человек же по заблуждениям своим -- раб своих заблуждений. Сын всегда в семье отца, раб не всегда. Человек, сделавший грех, стал на время рабом. Человек, обращающийся к Отцу, становится сыном и освобождается и становится вечным. Можно жить в доме как сын и как раб. Только тот, кто живет как сын, тот свободен. Следовательно, истина та, которая делает вас свободными, есть признание своей сыновности к Отцу. (Зародыш притчи о наемнике-пастухе) (стр. 156) (Ин. VIII, 37-47) Знаю, что вы порода Авраама. Однако хотите убить меня потому, что разумение мое не вмещается в вас. Я то, что понял у Отца моего, то говорю. А вы вот, что поняли от своего отца, то и делаете. И сказали ему: отец наш Авраам. Сказал им Иисус: если бы вы были дети Авраама, то и служили бы Богу так же, как он. А теперь рассуждаете, что надо убить меня, человека, который правду вам сказал, ту, которую он слышал от Бога. Этого Авраам не делал. Вы служите своему Отцу. Сказали ему: мы не от блуда рождены. Общий у нас Отец - Бог. Сказал им Иисус: если бы Отец ваш был Бог, вы бы меня любили, потому что я от Бога исшел и к нему иду. Я не от себя пришел, но он меня прислал. Вот оттого-то слов моих разумения не понимаете, что не можете понять рассуждения моего. Вы от Дьявола, и похоти отца вашего хотите делать. Он убийца был сначала и в правде не был, потому что нет в нем правды. Когда он говорит -- говорит ложь свою личную, и правды нет в нем, потому что лгун и отец лжи. Я же, когда правду говорю, не верите мне. Кто из вас обличит меня в том, что я ошибаюсь? Если же правду говорю, отчего мне не верите? Тот, кто от Бога, слова Бога понимает. Вы не слышите, потому что вы не от Бога. Стихи с 41-го по 46-й продолжают ту же мысль, которая выражена сначала о том, что закон Моисея ложен и что, не понимая закона Моисея, они не исполняют закона Бога. Иисус объявляет им, что весь закон их есть ложь, что они служат Дьяволу, похоти, а не Богу, и что поэтому они не могут и не хотят понимать его служения Богу. (Ин. VIII, 48-50) И в ответ сказали ему иудеи: разве не правду мы сказали, что ты бешеный самарянин. Отвечал Иисус: я не бешеный. Но я чту Отца, а вы срамите меня. Я не рассуждаю о том, что мне кажется. Есть тот, который рассуждает и казнит. Слова неясны, но по последующему стиху смысл их должен быть тот, что этот *тот*, кто рассуждает и казнит, есть смерть. (Ин. VIII, 51-55) Истинно говорю вам: если кто разумение мое постигнет и совершит, не увидит смерти вовек. Сказали ему иудеи: теперь мы видим, что ты бешеный. Авраам умер и пророки, а ты говоришь, если кто разумение мое

совершит, не вкусит смерти вовек. Или ты больше отца нашего Авраама, а он умер и пророки умерли, -- кем же ты себя делаешь? Отвечал Иисус: если бы я сам так себя признавал, то, что мне кажется, ничего бы не значило. Есть тот, кто признает меня, тот, кого вы называете своим Богом. И вы не знали и не знаете (стр. 157) его, а я знаю его. И если скажу, что не знаю его, то буду такой же, как вы, лгун. Но я знаю его и разумение его совершаю. Ясное отрицание Бога внешнего. Та же мысль, как и в введении и в Послании Иоанна, что "Бога никто не знал и не знает". (Ин. VIII, 56-59) Авраам, ваш отец, любил свет мой, и видел и радовался. Сказали ему иудеи: тебе нет 50 лет, и ты видел Авраама? И сказал им Иисус: истинно говорю вам, прежде, чем родился Авраам, я . семья. И вот схватили камень, чтобы швырять в него, но Иисус скрылся от них и вышел из храма. Иисус говорит, что он *то*, что говорит им, говорит же он *то*, что знает от Отца. Тот, кто в себе возвеличит сына человеческого -- разумение, тот получит жизнь и не умрет, потому что это разумение есть Бог, и другого нет, и что он не может скрыть его, если бы и хотел. Когда они говорят: "как же не умрет", он говорит: что разумение есть одно, что оно есть и было прежде Авраама, что оно вне времени. Беседы Иисуса с фарисеями, требующими доказательств истинности учения, по синоптикам, и эти две главы Иоанна -- 7 и 8, составляют одну беседу, в которой Иисус на вопросы иудеев о том, чем он докажет свое учение, отвечает, что доказательств учения его нет и не может быть, потому что учение его есть учение о жизни, о служении Богу духу, которого человек сознает в себе, но видеть и показать не может.

ПРОЗРЕНИЕ СЛЕПОГО

(Ин. IX, 1) И проходя, увидел Иисус человека, темного от рождения.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Глава эта стоит между 8-ю и 10-ю и есть изложение все той же мысли и ответ на тот же вопрос: какие есть доказательства ложности закона Моисея и истинности учения Иисуса? Разбирая эту главу, никак нельзя признать того, чтобы писатель хотел говорить о плотском исцелении слепого. Если и признать, что речь идет о плотском исцелении, то непонятно, для чего Иисус, исцелив его, говорит, что он свет миру, и что надо ходить, пока свет. Непонятно, почему слепой говорит про Иисуса, что он пророк; непонятно, почему фарисеи говорят ему: *воздай славу Богу*; непонятно, почему они говорят ему: *ты ученик его*. Непонятно, зачем Иисус встречает еще раз слепого и говорит ему: ты видел сына Бога и видишь его. И главное -- непонятны и совершенно излишни слова Иисуса в 39, 40 и 41-м стихах: Ин. IX, 39. И сказал Иисус: на суд пришел я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы. 40. Услышав сие, некоторые из фарисеев, бывших с ним, сказали ему: неужели и мы слепы? 41. Иисус сказал им: если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха; но как вы говорите, что видите, то грех остается на вас. Если это только чудо, как чудо Мр. VIII, 22, то вся учительная сторона места отпадает. Если же это поучение, то отпадают только слова о брени и мазании им. Я избираю последнее, и это тем более естественно в этом случае, что во всей этой главе непонятного и лишнего только и есть слова: он сделал из плевка брение и помазал им глаза. (стр. 158) (Ин. IX, 2-4) И спросили ученики Иисуса: наставник! в чем согрешил этот или родители его, что он родился темным? Иисус отвечал: ни он не согрешил, ни родители его. Но чтобы в нем оказалось служение Богу. Нам надо служить тому, кто послал нас, покуда день, а придет ночь, тогда уж

никто ничего не может делать. Ответ Иисуса состоит в том же, в чем смысл его слов иудеям: "Не рассуждайте о том, виноват ли я, или прав, а идите за мной". Он говорит: "Не рассуждать надо, в чем кто виноват, а служить Богу надо всегда, пока мы живы". (Ин. IX, 5) Когда я в мире, я свет миру. Разумение есть свет мира. Но что, если человек с самого рождения не видал света? Виноват ли он, или не виноват? –спрашивают ученики. Иисус отвечает: никто не виноват. Если мы видим темного, то нам не спрашивать нужно, кто виноват, а нам надо делать дела Божий, те самые дела, которые не могли бы и проявляться для нас, если бы не было слепых; нам надо давать свет темному, -- не потому, чтобы Бог нарочно ослеплял людей, но потому, что все проявление Бога состоит в освещении тьмы, в прозрении слепых. Пока день, мы должны работать для проявления света в тьме. Пока мы в мире, мы свет мира, и в этом наша жизнь истинная. (Ин. IX, 7–12) И сказал ему: очистись в купели посланного. Он очистился и стал видеть. Соседи и те, которые видели его прежде, что он был попрошайка, сказали: неужели это тот, что сидел и попрошайничал? Иные сказали: тот самый. Иные сказали: похож на того. А он сказал: я самый. И сказали ему: как тебе открылись глаза? И тот в ответ сказал им: человек, по прозвищу Иисус, научил меня очиститься очищением посланного, -- я очистился, и вот вижу. Тут сказали ему: где он? Тот сказал: не знаю. Ненужную Я пропускаю глупую, подробность стиха 6-го. Прозрение получается чрез очищение духом от посланного. И нельзя не заметить, что в стихе 4-м сказано, что надо делать дела посланного. Слепой очищается, перерождается в купели посланного, т.е. того, который делает дела посланного. В подтверждении того, что речь идет здесь не о слепом, надо заметить, что не сказано, чтобы соседи знали его слепым, а сказано, что они знали его попрошайкой. П..... -- просить с назойливостью, требовать, попрошайничать. Ненужная подробность о брении исключается, как и прежде. (Ин. IX, 13–23) И привели к фарисеям того, кто был темный. Дело было в субботу, когда Христос открыл глаза темному. И опять спросили его фарисеи, как он стал видеть. Он сказал им: очистился и вот вижу. И стали говорить фарисеи: одни сказали -- этот человек не в завете с Богом, потому что не держит субботы. (стр. 159) Другие сказали: как может грешник показывать такие примеры. И был у них раздор. И опять сказали тому, что был темный: ты сам что полагаешь о том, что он тебе глаза открыл? Тот сказал, что он пророк. И не поверили иудеи, что он темен был и стал видеть, до тех, пока не позвали его родителей. И спросили их: это ли ваш сын, про которого вы говорите, что он темным родился? Как он теперь видит? И на ответ сказали им родители его: знаем, что это сын наш и что темным уродился. А как он видит теперь, или кто открыл ему глаза -- не знаем. Сам уже он в возрасте, его спросите, он о себе скажет. Родители его сказали так, потому что боялись иудеев, потому что иудеи уж положили на том, что если кто признает Христа, того отлучить от собрания. От этого-то родители и сказали: он сам на возрасте, его самого спрашивайте. Переводчики и толкователи, приняв всю эту главу за описание чуда, толкуют обыкновенно так, что евреи не верят тому, что совершилось чудо, и допрашивают о том слепого и его родителей. Но стоит читать то, что написано, для того, чтобы видеть, что у фарисеев нет и в мысли такого свидетельствования. Они спрашивают (Ин. IX, 10): как открылись твои глаза, т.е. что ты видишь? Как прозрел? (Ин. IX, 15): Опять они спрашивают: как ты стал видеть? В обоих вопросах этих нет свидетельствования, а есть интерес к тому, как это сделалось. Потом, стих 16-й, они толкуют не о том, что был ли он слепой или нет, а о том, что Иисус не от Бога. Стих 17-й, они спрашивают: что ты думаешь о том, кто тебе открыл глаза? Потом стих 19-й, они призывают родителей и не спрашивают, был ли он слеп, как бы должно было, но говорят: вот ваш сын, которого вы называете слепым, как он видит? Или фарисеи не умеют

говорить и думать, или они не свидетельствуют слепого, а хотят знать, что именно видит этот человек, переставши быть темным. И родителей призывают затем, чтобы узнать, откуда этот человек набрался своих вольнодумных мыслей. Если это свидетельство о слепоте, то все стихи не имеют смысла. Если же фарисеи хотят знать, что увидал темный и откуда он набрался этих мыслей, то они ясны. (Ин. IX, 24) Тут призвали в другой раз того, который был темный, и сказали ему: признавай Бога, мы знаем, что этот человек грешник. По моему мнению, это не может значить ничего другого, как только то, что фарисеи велят ему признавать своего Бога. Только понимая так, понятны все предшествующие разговоры и в особенности стихи 28-й и 29-й, где они говорят, что они ученики Моисея, с которым сам Бог говорил, а не Иисусовы, и дальнейшие. (Ин. IX, 25-31) И отвечал он им: грешник он или нет, того не знаю. Одно знаю: был я темный, а теперь вижу. Опять сказали ему: что он над тобой сделал? как он открыл тебе глаза? И отвечал им: я уже говорил вам, вы не верите. Что же опять хотите то же слышать? Или вы хотите сделаться его учениками? (стр. 160) И стали ругать его и сказали: ты его ученик, а мы ученики Моисея. Мы знаем, что Моисею сам Бог говорил. А этого и не знаем, откуда он. И отвечал тот им и сказал: то делаешь себя Богом. И отвечал им Иисус: да ведь это самое сказано и в вашем писании; сказано, что будто бы сам Бог сказал дурным правителям: вы -- Боги. Если он уже порочных людей называл Богами, то почему вы считаете кощунством то, чтобы называть сыном Бога то, что Бог, любя, послал в мир. Всякий человек по духу сын Бога, если я не живу по-божески, то не верьте, что я сын Бога, если же живу по-божески, то по моей жизни верьте, что я в Боге. И тогда поймите, что Отец во мне и я в нем, что я и Отец -- одно. И сказал Иисус: учение мое есть пробуждение жизни. Кто верит в мое учение, тот, несмотря на то, что умирает плотски, остается жив. Кто жив, тот не умирает. И иудеи не знали, что с ним делать, и не могли присудить его. И пошел он опять за Иордан и оставался там. И многие поверили в его учение и говорили, что оно истинно так же, как и учение Иоанна. И так многие верили в его учение. И спросил раз Иисус учеников своих: скажите, как люди понимают мое учение о сыне Бога и о сыне человеческом. Они сказали: одни понимают также, как учение Иоанна, другие так же, как пророчество Илии, еще другие говорят, что похоже на учение Иеремии, понимают, что ты пророк. Он сказал: а вы как понимаете о моем учении? И сказал ему Симон Петр: по-моему, твое учение в том, что ты избранный сын Бога Жизни. Ты учишь тому, что Бог есть жизнь в человеке. И сказал ему Иисус: счастлив ты, Симон, что понял это, человек не мог открыть тебе этого, но понял ты это потому, что Бог в тебе открыл тебе это. Не плотское рассуждение и не я с своими словами открыл тебе это, а Бог, Отец мой, прямо открыл тебе это. И на этом разумении основывается то собрание людей, для которого нет смерти. -- то и чудно, что вы не знаете, откуда он, а он мне глаза открыл. Мы знаем, что Бог не слушает грешников, а слушает того, кто благочестив и волю Бога делает. "Мы", очевидно, показывает, что это говорит не просто нищий слепой, а говорит тот, кто понял учение Иисуса. (Ин. IX, 32-38) От века не слышно, чтобы открыл кто глаза рожденному темным. Если он не от Бога, не мог бы ничего делать. И отвечали ему: весь ты в грехах родился, а нас учишь. И выгнали его. Услыхал Иисус, что они выгнали его, и, встретив, сказал: полагаешься ли ты на сына Божия? А тот на ответ сказал ему: какой он, чтобы мне полагаться на него? Сказал ему Иисус: ты видел и видишь его, и он беседует с тобою: тот самый и есть. Он сказал: полагаюсь, господин! и поклонился ему. Слепой отроду отвечал фарисеям то, что он испытывает, и ничего не мог сказать другого; он не видал истинной жизни и не понимал ее; Иисус открыл ему глаза, и он ничего уж не может сказать ни за, ни против Моисея; он увидал жизнь и говорит, что видит, и больше ничего сказать не может. Но когда фарисеи отлучили его от церкви, тогда Иисус нашел его и говорит ему:

полагаешься ли ты на сына Бога? Слепой сначала не понимает, что такое сын Божий. Иисус толкует ему: сын Божий -- это то, что ты знаешь, то, что беседует с тобой в твоей душе: ты сам, -- то самое, что сказано в беседе с Никодимом -- голос его слышишь и понимаешь. (Ин. IX, 39-41) И сказал Иисус: я пришел в этот мир на разделение, чтобы темные стали видеть, и зрячие стали бы темными. И услышали это фарисеи и другие с ними и сказали: или ты и нас считаешь темными? И сказал им Иисус: если бы вы были темные, не было бы в вас ошибки; теперь же вы считаете себя зрячими, и ошибка в вас есть.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

На вопрос о том, за что есть люди, лишённые понимания истинного блага, сами ли они виноваты, или родители их виноваты, Иисус отвечает, что человеческий вопрос о том, за что? и понятие человеческое о справедливости неприменимы тут. Ни сам не виноват тот, кто не видит, ни родители его не виноваты, рассуждать не надо, а надо жить светом разума. Был слеп и стал видеть. Сын человеческий, сын Божий, пришел в мир только затем, чтобы отделить видящих от невидящих. И только тот, кто видит и не идет к свету, только тот грешен. (Ин. X, 19-21) И сделался разлад опять между иудеями от этих слов. Многие из них сказали: он благой -- бесится, что его слушать. Другие сказали: не от бешеного услышишь такие речи, не может бешеный слепым глаза открывать. (стр. 161)

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

В предшествующих двух главах Иисус сказал, что все богопочитание евреев ложное, что Моисеев закон исполнен противоречий и есть ложь и что они не знают Бога и служат похоти дьявола, называя его Богом, а что он дает им учение истинного служения Богу делом. На вопрос их о доказательствах истинности своего учения он говорит, что учение его не есть его учение, а того, от которого мы все произошли -- учение жизни. И, чтобы узнать, истинно ли его учение, надо жить по его учению, -- жить, как он учит. Тот, кто будет так жить, тот узнает, что он делается свободным, что для него не будет никакого страха, ни зла, ни смерти. Тот, кто будет так жить, тот почувствует, что он будет участником начала жизни -- Бога. Тот, кто живет для своей плоти, тот живет противно началу жизни -- Богу, как работник живет в доме хозяина, не заботясь о хозяйской воле. А надо жить, как сын в доме отца, слиться с волею Отца, и тогда всегда будешь жить с Отцом. Для жизни в Боге нет смерти. Она всегда была, есть и будет, она есть прежде начала мира. Тот, кто не живет в Боге, тот и не знает Бога, и нельзя рассказать его. Чтобы его понять, надо жить в Боге. Так что доказательств истинности своего учения, таких, каких требовали иудеи, Иисус не мог дать. И чтобы показать им еще яснее невозможность этих доказательств, он говорит им притчу об исцелении слепорожденного. Кто понимает сердцем, тот видит, а кто не понимает, тот не видит, пока у него не откроются глаза. И доказывать истину учения жизни нельзя другому; тот, кто понял главный смысл жизни, тот понял его так, что не может уже останавливаться ни перед какими соображениями, тот знает, что был слеп, а теперь видит, знает, что прежде вся жизнь его была мрак, а теперь стала свет. И отчего прежде он не видел света, и прав или не прав тот, кто в субботу открыл ему свет, он не знает и не может об этом думать, -- был слеп, а теперь вижу. И других доказательств нет.

ИИСУС – ДВЕРЬ ЖИЗНИ

(Ин. X, 1–6) Истинно говорю вам: тот, кто входит в овчий двор не дверью, но пролезает где-нибудь, тот вор и разбойник. Тот, кто входит дверью, тот и есть пастух овцам. Тому сторож отпирает, и овцы слушают его голоса. И он каждую овцу зовет по кличке и выпускает их в поле. И когда выпустит отсаженных овец, передом сам идет. И овцы с ним идут, по-тому знают его голос. А за чужим не пойдут и разбегутся от него, потому не знают голоса чужих людей. Такую притчу сказал им Иисус но они не поняли, что он говорил.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Речь идет все о том же, о доказательствах ложности веры иудейской и истинности учения Иисуса. После притчи о прозревшем слепом говорится о том, что прозрение это всегда будет происходить, потому что учение Иисуса состоит в том, что знают все люди, что он только напоминает, освещает им то, что они знали прежде, что лежит в сердцах людей. Его учение в сравнении с учениями ложными то же, что появление в овчарне своего пастуха в сравнении с воров, залезающим в овчарню: его все тот час же узнают, как узнают овцы своего пастуха, они чувствуют, что он накормит их и даст им жизнь, а от учения ложного люди шарахаются, как овцы от разбойника, который лезет через забор. Они не узнают его и боятся, чуя зло. Если бы Иисус что-нибудь необыкновенное, несвойственное (стр. 162) людям говорил им, тогда бы они могли пугаться его, как шарахаются овцы от перелезающего через ограду, -- но он говорит о том, что все знают в себе, о том пути, который один ведет к жизни; он входит в ту дверь, которая одна ведет на пастбище -- в жизнь. И то, что он говорит, знакомо людям, как знаком овцам голос пастуха, и потому они пойдут за ним и получают жизнь. (Ин. X, 7–10) И опять сказал им Иисус: истинно говорю вам, что мое учение -- дверь овцам. Все те, которые прежде меня приходили, -- воры и разбойники: но и овцы не слушались их. Я дверь. Если кто через меня войдет, то уцелеет. И войдет, и выйдет, и пастбище найдет. Вор идет только затем, чтобы украсть, зарезать и погубить. Я пришел дверью, чтобы жизнь имели и с излишком имели. Кажется, вполне ясно. Все те, которые приходили учить так же, как учу я, все те воры и разбойники, т.е. ясно: "Моисей и все пророки -- ложные учителя. Слова: "Закон Моисея и пророки до Иоанна; Моисеем дан закон, истина и радость Иисусом Христом" -- значат то же самое. Яснее, кажется, нельзя выразить отрицание закона Моисея. Я отношу *уцелеет, войдет и выйдет и пастбище найдет* к овцам, так как без этого не только смысл сравнения теряется, но и все значение *двери* утрачивается. Я понимаю так: Иисус Христос сравнивает себя, как живого человека, с пастухом. Но, кроме того, он себя, свое божеское сознание, сравнивает с дверью. И потому дальше он говорит: "вор идет только затем, чтобы украсть, зарезать и погубить; я пришел дверью, чтобы жизнь имели и с излишком имели (Ин. X, 10). И, оставив сравнение двери, опять продолжает сравнение себя с пастухом.

РАЗЪЯСНЕНИЕ ПРИТЧИ О ПАСТУХЕ И ОВЦАХ

(Ин. X, 11–18) Я пастух хороший. Хороший пастух жизнь свою кладет за овец. Наемный -- не пастух, ему овцы не свои, он видит, что идет

волк, бросает овец и бежит; а волк хватает и разгоняет овец. А наемный бежит, потому что он наемный, и нет ему дела до овец. Я хороший пастух, я узнаю своих овец, и они узнают меня. Так же, как знает меня Отец, и я знаю Отца и жизнь свою кладу за овец. И другие есть у меня овцы, не от одного двора, и тех мне надо вывести, и голос мой услышат, и будет одно стадо и один пастух. За то и любит меня Отец, что я отдаю жизнь свою за то, чтобы опять получить ее. Никто не отнимает ее у меня, но я сам по своей воле отдаю ее и могу получить ее. Эту заповедь получил я от Отца моего.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Притча эта об овцах и пастухе, уже представлявшаяся Иисусу Христу прежде, когда ему народ казался подобным овцам, разогнанным без пастуха, разъясняется Иисусом Христом теперь с трех сторон: . 1) Он говорит, что он говорил не раз, что всяких дорог много, но вход всегда один. Он говорит, что в овчарню одна дверь и из овчарни один выход на пастбище, т.е. чтобы кормиться -- жить. И для жизни людей есть выход, этот выход есть разумение жизни, то, чему он учит. Всякое учение, которое не основано на **(стр.163)** разумении жизни, -- ложно, и все знают это, как знают овцы, когда вор лезет через ограду. 2) Он говорит, что он вошел этой дверью и зовет людей идти за ним в эту дверь, чтобы получить жизнь. И как овцы идут за пастухом, вошедшим дверью и со знакомым им голосом, так и люди пойдут за ним. И не одни только те люди, которым он говорит теперь, но все люди; так что, как если овец свести в одно стадо, и их поведет один пастух, так и его учение соединит всех людей. 3) Он говорит: кроме того, что в овчарне овцы узнают, отличают настоящего пастуха от вора, -- и в поле, на пастбище настоящий пастух отличается от наемного. Тут Иисус Христос сравнивает пастуха наемного с хозяйским сыном, пасущим отцовское стадо. Наемный убежит от волка, ему дела нет до овец, а хозяйский сын, пастух, тот не жалеет себя для овец, потому что овцы отца его. И он не бросит овец, потому что они его овцы и он их пастух и хозяин. Так и учение Моисея было учение ложное, потому что по его закону выходило воровство, грабеж и выгода для тех, кто проповедовал. По учению же Иисуса нет ни воровства, ни грабежа, и не только нет выгоды тому, кто проповедует, но, напротив, все учение его состоит в том, чтобы жизнь свою отдавать для других с тем, чтобы получить истинную жизнь. В этом состоит та заповедь Отца, которую он проповедует людям. (Ин. X, 19-21) И опять сделался раздор между иудеями от этих слов. Многие говорили: он бесится и сумасшествует, что вы его слушаетесь? Другие говорили: такие речи не от бешеного, Кто бесится -- не может слепым открывать глаза. Стихи 22 и 23, говорящие о том, что был такой-то праздник зимой, тот праздник, который бывал через два месяца, вводят подробность ни к чему не нужную, тем более что речь, сказанная при этом случае, прямо продолжает то, что говорилось прежде. (Ин. X, 24-29; Ин. XI, 25, 26; Ин. X, 30) И вот окружили его евреи и говорят ему: до каких пор ты будешь нас мучить? Если ты Христос, скажи нам. Отвечал им Иисус: я говорил уже вам, а вы не верите. То, как я живу по учению Отца моего, показывает вам, кто я. А вы не верите, потому что вы не из овец моих, как я сказал вам. Овцы мои понимают мой голос, и я признаю их, и идут за мной. И я жизнь не временную даю им, и не погибнут в этом веке, и не отнимет никто их у меня. Отец мой, который вручил мне их, больше всех и никто не может отнять их у Отца моего. Я -- пробуждение и жизнь. Тот, кто верует в меня, хоть и умрет, жив будет. И всякий живущий и верующий в меня не умрет в этом веке. Я и Отец -- одно.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Евреи умоляют Иисуса открыть им, Христос ли он. Они, видимо, страдают так, как страдали и страдают многие прежде и теперь, сомневаясь в том, что Христос есть второе лицо троицы, и боясь одинаково отвергнуть то, чему верят миллионы и исповедуют как истину веры, без которой нельзя спастись, и признать ложь за истину. Они умоляют Иисуса облегчить их душу, (стр. 164) вывести из мучительного сомнения. И что он отвечает им? Продолжает поговорку об овцах и говорит: что он и Отец -- одно, но не отвечает на их вопрос ни да, ни нет, не разрешает их мучительного сомнения. И не их одних, но всех нас, миллиардов людей, живших после него. Если он был Бог, то как же мог всемогущий, всеведущий, все благий Бог не знать всех тех страданий, которые примут и те евреи, и мы с миллиардом людей, мучимые сомнениями и лишены спасения? Он не мог не пожалеть их и нас. И ему стоило только сказать: да, я Бог, и евреи и мы были бы блаженны. Но не только Бог, если он был святой человек, но и не только святой человек, если он был просто человек, если бы он был даже злой обманщик, он, зная всю бездну зла, которое произойдет от этого сомнения, не мог не сказать тогда да или нет: да, я Христос, мессия; нет, я не мессия. Но он не сказал ни того, ни другого. И все евангелисты прямо записали это, записали именно эту жестокость его, если он был Бог, как понимает церковь; это уклонение его, если он был человек, как понимают историки. Он не сказал им ни того, ни другого, а повторил яснее, сильнее то, что он прежде говорил. Объясняя, кто он такой, что он такое, и во имя чего он учит, и в каком смысле он Христос, избранник, помазанник Божий, и в каком смысле он не Христос, он сказал: я и Отец -- одно. Он ответил все то, что мог; он не мог ответить иначе, потому что он признавал себя Христом, избранником Божиим, но не в том смысле, в котором понимали слово Христос, мессия иудеи. Если бы он сказал им, что он Христос, они бы поняли в нем пророка, царя, но уже не могли бы понять того, чем он исповедовал себя, человеком, вознесшим в себе разумение жизни для того, чтобы освятить во всех других это разумение. Если бы он сказал им, что он не Христос, они бы лишены были того истинного блага, которое он проповедовал людям, и это была бы неправда, потому что он чувствовал себя Христом, избранником Божиим. Он сказал им прежде, что он пришел от пославшего его Отца, что он только творит волю этого Отца, что он только пастух, указывающий дверь овцам, что он дает жизнь вечную тем, которые верят ему, и что Отец людей -- Бог ведет их к нему, и что он и Отец -- одно, т.е. что он -- разумение. (Ин. X, 31-38) И вот опять взялись за камни евреи, чтобы побить его. Сказал им Иисус: много показал я вам добрых дел Отца моего, за какое же дело из всех вы хотите побить меня камнями? И в ответ сказали ему иудеи: не за доброе дело мы побьем тебя, но за кощунство, за то, что ты, будучи человек, делаешься Богом. И отвечал им Иисус: разве не написано в законе вашем: "Я, Бог, сказал: вы боги"? Если он назвал богами тех, к кому говорил, и писание не может нарушиться, то тому ли, кого Отец любил и послал в мир, вы говорите: "кощунствует", за то, что я сказал, что я сын Бога? Если я не делаю того же, что Отец, не верьте мне. Если же делаю то, что Отец, так не мне верьте, делу верьте, тогда поймете, что Отец во мне и я в нем.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Иисус говорит, что он -- Христос, в том смысле, что он в себе имеет разумение -- одного Бога, которого мы зЧаем, и что потому он и Бог -- одно. Иудеи хотят убить его. Он говорит, за что: разве разумение произвело что-нибудь

дурное? Дела этого разума, дела Отца, разве были дурны? За что же **(стр.165)** бить? Они говорят: ты кощунствуешь, называя себя Богом. И он говорит им: что же тут кощунственного? в нашем писании сказано: вы боги; сказано это в псалме 81-м, где Бог упрекает сильных мира, творящих неправду. Там сказано: "они не знают, не разумеют, во тьме ходят. Я сказал: вы боги и сыны всевышнего Иеговы". Так что же, если нечестивые, угнетающие люди в писании, которому вы веруете, названы богами, то как же про меня, исполняющего волю Бога, вы говорите, что я кощунствую, говоря, что я сын Божий! Если мои, Иисусовы, дела дурны, осуждайте их, но дела Божий, если они от меня происходят, верьте, что они от Отца. Делая дела Божий, я в Отце и Отец во мне. (Ин. XI, 25, 26; Ин. X, 39-42; Мф. XVI, 13-16; Ин. VI, 68; Мф. XVI, 17, 18) И сказал Иисус: учение мое -- учение пробуждения и жизни. Тот, кто верит в мое учение, если и умрет, будет жить. И тот, кто, живя, верит в мое учение, -- не умрет. И обдумывали иудеи опять как бы его осилить. И он не поддался им. И пошел опять за Иордан в то место, где прежде Иоанн крестил. И остался там. И многие отделились его учению и говорили, что Иоанн доказательства не дал, но все, что сказал об этом, было верно. И многие там поверили в его учение. И пошел Иисус в деревни Кесарийские, Филипповы, и спросил учеников и сказал: как понимают люди про меня, что я сын человеческий? Они сказали: одни понимают, как Иоанна Крестителя, другие, как Илию, еще иные, как Иеремию, или как одного из пророков. И он сказал им: а вы как обо мне понимаете? И в ответ сказал ему Семен, по прозванию Камень: ты Христос, сын Бога живого. В тебе слова вечной жизни. И в ответ сказал ему Иисус: счастлив ты, Семен, сын Ионин, потому что не смертный открыл тебе это, но Отец мой Бог. И я тебе говорю, что ты камень, и на том камне построю я мое собрание людей, и смерть не одолеет это собрание людей.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Семен понял вполне то, что говорил о себе Иисус Христос, и вполне выразил это. Он сказал: ты то, что ты говоришь, в тебе слово жизни, ты сын жизни, твое учение -- жизнь. И Иисус говорит ему: блажен ты потому, что не от меня смертного ты понял, но от духа Божия. Теперь, когда основа твоя *не смертное, не мои слова, не мое пророчество, но разумение Бога -- ты тверд, и на этом разумении только оснуется истинное соединение людей.* (Мф. XVI, 20) Тогда он различил ученикам, чтобы они никому не говорили, что сам он Христос. значит разделить, различить; растолковать -- будет слишком слабо. На каком основании слово это переводится "запретил", можно понять только потому, что смысл этого стиха, самого важного, совершенно потерян, как будет видно далее. Иисус сказал Петру, что он признал верно его Христом в смысле сына Бога **(стр.166)** живого, и прибавил: верно потому, что ты не во мне, Иисусе смертном, искал моих прав, а в духе Божиим, и сказал о том, что на таком понимании только может основаться собрание людей; говорится, что после этого он растолковал ученикам, в каком смысле он Христос, затем, чтобы они уже больше не впадали в ошибку, говоря, что он, смертный Иисус из Назарета, есть Христос. Ведь это ужасно! Иисус говорит всеми возможными способами выражения о том, что он человек, как все, и все люди -- такие же люди, как он; но он проповедует учение о духе и сыновности Богу живому, -- учение, которого нельзя иначе выразить, как словами Иисуса. Он проповедует это учение. Все понимают его навыворот, понимают, что он делает себя Богом. Он убивается, говорит, что не я Бог, а вы все Боги, что я человек, спасаюсь Богом, который во мне, что этот Бог в каждом человеке есть единый Христос, что другого не будет, и никто не хочет понять его. Одни кричат: сын Давида, признают его только Богом и

поклоняются ему; другие признают его только человеком и хотят распять его за то, что он называет себя Богом. Наконец, ученик Симон Петр понимает его, и он подразделяет и толкует ученикам, что не следует считать его, Иисуса, Христом. Эту самую фразу переписывают с маленькой переменной, и выходит, что он для чего-то не велел никому говорить, что он Иисус Христос. Ушами не слышат и глазами не видят.

ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ

За этим следует так называемое воскрешение Лазаря. Как ни ясна бессмыслица таких чудес, мы 1000-летним одурением, напускаемым на нас церковью, доведены до того, что нас сразу не поражают такие бессмыслицы, и потому я считаю не лишним разъяснить, как я понимаю теперь такие рассказы о чудесах. Лазарь, человек, о жизни которого ничего не сказано, умер. Иисус приходит. Он в гробу и смердит. Иисус говорит слова, и он воскресает. Это должно доказать мне истинность того, что Иисус был сын Божий -- Бог и что он пришел спасти нас и дать нам учение истины. Прежде всего, что такое значит воскресить мертвого? Если человек умер и пахнет, то значит, что все тело его стало разлагаться и жизнь плотская кончилась. Человек опять стал жив, что же это значит? Или то, что человек не умер, т.е. не совершил процесса смерти, или то, что случилось то, что разрушает мое понятие о жизни и смерти, то, что для меня уже нет различия между смертью и жизнью. В обоих случаях нет ничего удивительного. Если он не умер, то не о чем и говорить. Если же мои понятия о смерти и жизни плотской неверны, то тоже нечего удивляться. Но положим, мы забудем это рассуждение и скажем, что воскресение есть проявление могущества Бога. Если так, то вместе с могуществом Бога мы невольно думаем и о мудрости его и не можем не спросить себя: зачем он воскресил Лазаря, а не Ивана и Петра, и зачем он воскресил Лазаря, а не сделал того, чтобы у Лазаря выросли крылья или две головы? И мы должны признаться, что в этом действии Бога вместе с могуществом не выразилась его мудрость. Сказано, что Иисус воскресил Лазаря затем, что он пожалел сестер, это что-то не божеское. Но положим, мы и это забудем. Проявилось могущество Бога, чтобы доказать его истинность. Но если и положим, что это так, мы не можем не спросить, какая связь между истинностью Бога и тем, что Лазарь воскрес? Я сомневаюсь, что монета, которую мне дают, -- настоящая, золотая. Мне показывают, что монета эта имеет свойство, положим, хоть издавать звуки. Да, хорошо, он воскресил Лазаря, а монета издает звуки; но чем же это мне доказывает, что Иисус -- Бог и что монета золотая? Причинной связи нет никакой. Но положим, что мы и это забудем и согласимся, что чудеса удостоверяют нас в истинности божества. Хорошо. Иисус доказал свою божественность тем, что воскресил мертвого. Но если он даже и воскресил, то это плохое доказательство его божества, потому что волхвы воскрешали, и спириты материализировали Кетти Кинг. Апостолы воскрешали, и мощи воскрешали. Если уж Бог хотел необыкновенным делом доказать свое могущество, то он выбрал бы что-нибудь необыкновенное, такое, в чем бы не могли ему подражать (стр. 167) люди, он бы что-нибудь поудивительнее сделал, какую-нибудь звезду бы сделал четвероугольную; но забудем и про это и допустим, что Бог забыл, что точно такие же чудеса будут делать или рассказывать, что делают, люди, и допустим, что это чудо единственное и неповторявшееся. Бог, чтобы доказать людям свою истинность, воскресил мертвого Лазаря. Хорошо, он воскресил Лазаря, чтобы людям доказать свою истинность. Я человек, что же мне через 1800 лет доказывать то, что Бог, в виду десятка людей, 1800 лет тому назад будто бы воскресил человека. Я был бы рад этому верить, если бы я видел, а то я не видал. Что бы Богу воскресить человека, да и оставить

его жить до сих пор? Ему бы ничего не стоило. Или дерево заставить расти на листьях вверх корнями, или звезду сделать длинную, как палку, на одном месте? Тогда бы уже не было сомнения. А то я ничего не видал. Вижу, что точно такие же штуки делают Митрофаны и спириты, да делают не 1800 лет назад, а теперь, в наше время, и пишут в книжках, и свидетелей приводят. Так отчего же я тому буду верить больше? Так что ни за что ухватиться нельзя, и выходит одно, что Бог осрамился, взялся доказывать свою истинность и не доказал, да мало того, что не доказал, этим самым приемом самых плохих доказательств признал то, что хороших у него нет, что монета не золотая, а мне хотят всучить фальшивую. Если писатель действительно думал, что Иисус воскресил из мертвых Лазаря и этим доказал свою божественность, то я не могу не видеть, что писатель ничего не понимает в учении Христа. Между тем я из самой книги почерпаю истинное знание об учении Христа и даже в этом месте я нахожу слова стиха 25-го, которые прямо противоречат рассказу о материальном воскресении мертвого: "тот, кто верит в меня, если и умрет, оживет", значит, то, что говорится во всем учении, что жизнь истинная не во времени и зависит от воли человека; по рассказу же оказывается, что воскресение Лазаря произошло по воле Иисуса: не пришел бы он, не дали бы ему знать, как не дали знать о миллионах умерших с верою в него, и он не воскрес бы. Вот это-то внутреннее противоречие нужно объяснить. И принять всю главу с рассказом о воскресении Лазаря нельзя люди церковные, те, которые никогда и не понимали учения Христа. Для всех же прочих, кто ищет учения, не может быть и вопроса о том, что значит рассказ о воскресении -- он ничего не значит, как и все чудеса. Это надо очистить и отбросить, и останутся одни слова стихов 25-го и 26-го: Ин. XI, 25,26 Иисус сказал ей: я семь воскресение и жизнь; верующий в меня, если и умрет, оживет. И всякий живущий и верующий в меня не умрет вовек. Веришь ли сему?

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИСТИННОСТИ УЧЕНИЯ

Общее изложение главы седьмой Чтобы получить жизнь истинную, надо отдавать жизнь плотскую. Жизнь плотская есть пища для жизни истинной. Учение Иисуса в том, чтобы отдавать жизнь плотскую для жизни истинной. Стали фарисеи и ученые люди спрашивать у Иисуса: хорошо, ты говоришь, что надо отдавать жизнь плотскую и все ее радости за то, чтобы получить жизнь истинную; чем ты докажешь это? И Иисус застонал от жалости к людям этим. То, что они спрашивали его доказательств, показало уже ему, что они не поняли его. И он сказал: люди хотят доказательств, и доказательств не может быть дано им. И он сказал им: каких плотских доказательств хотите вы о жизни неплотской? Разве вы имеете доказательства всего того, что вы знаете? Глядя на красную вечернюю зарю, вы полагаете, что наутро будет ведро, и когда сумрачно поутру, полагаете, что будет дождь. Вы не имеете доказательств, но вы судите об этом по виду неба и умеете рассуждать. Что же вы о самих себе не рассуждаете так же верно? Если бы рассуждали о самих себе так же точно, как о признаках погоды, вы бы знали, что так же верно, как после западного ветра бывает дождь, так же верно после этой временной жизни бывает смерть. И потому нет вам и не может быть другого доказательства истинности моего учения, как только самое учение. Доказательств разумения не может быть. Царица южная приходила к Соломону не (стр. 168) спрашивать доказательств, а слышать его мудрость. Ниневитяне не спрашивали у Ионы его доказательств, а внимали его учению и обратились; то же и вам нужно делать и не спрашивать доказательств. После этого иудеи старались присудить Иисуса к смерти, и Иисус ушел в Галилею и жил с своими родными. Пришел иудейский праздник обновления сени. И братья

Иисуса собрались идти на праздник и стали звать с собой Иисуса. Они не верили в учение Иисуса и говорили ему: вот ты говоришь, что иудейское служение Богу неправильное, а что ты знаешь настоящее служение Богу делом. Если точно ты думаешь, что никто, кроме тебя, не знает истинного служения Богу, так вот пойдем с нами на праздник, там народу будет много. Вот там при всем народе и объяви, что учение Моисея ложно. Если все поверят тебе, тогда и ученикам твоим будет видно, что ты прав. А то что же скрывать? Ты говоришь, что наше служение Богу ложно, что ты знаешь истинное служение Богу, ну и покажи его всем. И Иисус сказал им: для вас есть особенное время и место для служения Богу, для меня нет особенного времени для служения Богу. Я всегда и везде работаю Богу. Я это самое и показываю людям, показываю им, что их служение Богу ложное, и за это-то они и ненавидят меня. Вы идите на праздник, а я пойду, когда вздумаю. И братья ушли, а он остался и пришел уже после, в середине праздника. И иудеи смущались тем, что он не почитает их праздника и не пришел и много спорили об его учении: одни говорили, что он правду говорит, а другие говорили, что он только смущает народ. В половине праздника Иисус вошел в храм и стал учить народ о том, что их служение Богу ложное, что Богу надо служить не в храме и жертвами, а в духе и делом. Все слушали его и дивились его мудрости. И Иисус, услышав то, что они удивлялись его мудрости, сказал им: мудрость моя в том, что я учу тому, что знаю от Отца моего. Учение мое состоит в том, чтобы исполнять волю духа, дающего мне жизнь. Тот, кто делает это, тот узнает, что это правда. Потому что он не будет делать то, что ему кажется хорошим, а то, что кажется хорошим духу, живущему в нем. Ваш закон Моисея не закон вечный, и оттого те, кто следует ему, не исполняют вечного закона и делают зло и ложь. Я учу вас исполнению одной воли, и в моем учении не может быть противоречия. А ваш писанный закон Моисея весь исполнен противоречия. Я же даю вам такое учение, при котором человек становится выше всех постановлений и в самом себе находит закон. И многие сказали: однако, вот говорили, что он ложный пророк, а вот он закон осуждает и никто ничего не говорит ему. Может быть, и в самом деле он настоящий; может быть, и начальники признали его. Только одно не верно: сказано, что когда придет посланный от Бога, то никто не будет знать, откуда он, а мы знаем его, и откуда он, и всю его родню. Народ все не понимал его учения и все искал доказательств внешних. Тогда Иисус сказал им: знаете меня и откуда я по плотскому, но не знаете, откуда я по духу. Вот того-то, от кого я по духу, того-то вы не знаете. А того только и надо знать. Если бы я сказал, что я Христос, вы поверили бы мне, человеку, а не поверили бы Богу, который во мне и в вас. А надо верить одному Богу. Я здесь между вами на недолгое время моей жизни указываю вам путь спасения -- возвращения к тому источнику жизни, из которого я исшел. А вы спрашиваете у меня доказательств и хотите засудить меня. Если вы не знаете этого пути, то, когда меня не будет, вы уж никак не найдете его. Не обсуживать меня надо, а надо идти за мной. Кто будет делать то, что я говорю, тот узнает, правда ли то, что я говорю вам. Тот, для кого жизнь плотская не стала пищей духа, тот, кто не ищет истины, как воды жаждущий, тот не может понять меня. Тот же, кто жаждет истины, тот иди ко мне и пей. И тот, кто поверит в мое учение, тот получит жизнь истинную. Тот получит жизнь духа. И многие поверили в его учение и говорили: то, что он говорит, -- истина и от Бога. Другие не понимали его и все искали по пророчествам доказательств того, что он послан от Бога. И многие спорили с ним, но никто не мог оспорить его. Фарисеи и ученые послали своих помощников состязаться с ним. Но помощники их вернулись к ним и сказали: ничего не можем с ним сделать. Никогда ни один человек не говорил так, как он. Тогда фарисеи сказали: это ничего не (стр. 169) значит, что его нельзя оспорить и что народ верит в его учение. Мы не верим, и никто из начальников не верит. А народ -- проклятый, он всегда глуп и неучен.

И сказал Иисус фарисеям: доказательств истинности моего учения не может быть, как не может быть освещения света. Учение мое есть свет настоящий, тот свет, при котором люди видят, что хорошо и что дурно, и потому доказать учение мое нельзя: оно доказывает все остальное. Кто пойдет за мной, тот не будет во тьме, а у того будет жизнь. Жизнь и свет одно и то же. Фарисеи все-таки требовали от него доказательств истинности его учения и сказали: ты один это говоришь. И он отвечал им: если я и один говорю, то все-таки моя правда, потому что я знаю, откуда я пришел и куда иду. По моему учению есть смысл жизни, по вашему же его нет. Кроме того, я не один учу, а тому же самому учит Отец мой -- дух. Но вы его не знаете, и этим-то самым и доказывается ложность вашего учения. Вы не знаете, отчего ваша жизнь и кто Отец вашей жизни. Не знаете, откуда вы и куда идете. Я веду вас, а вы, вместо того чтобы идти за мной, разбираете, кто я, и потому не можете прийти к спасению и жизни, к которой я веду вас. И вы погибнете, если останетесь в этом заблуждении и не пойдете за мной. И иудеи спросили: кто ты? Он сказал: я не кто-нибудь особенный, я, как человек, ничто, но я главное всего, то, что говорю вам, -- я путь и истина, я -- разумение. И когда сделаете своим Богом дух сына человеческого, тогда узнаете, что такое я, потому что я делаю и говорю не от себя, как человек, но то, чему научил меня Отец -- то говорю, тому учу. Только тот, кто держится разумения, кто исполняет волю Отца, только тот может быть научен мною. Для познания истины нужно делать добро. Тот, кто делает зло, тот любит тьму и идет к ней; кто творит добро, тот идет к свету. И потому, чтобы понять учение мое, надо творить дела добра. Тот, кто будет делать добро, тот познает истину, а кто познает истину тот будет свободен от зла и от смерти. Потому что всякий, кто заблуждается, тот делается слугой своего заблуждения. А как слуга в доме хозяина не живет всегда, а сын хозяина всегда в доме, так и человек, если заблудился в жизни и делается слугой своих заблуждений, -- не живет всегда, а умирает. Только тот, кто в истине, остается жив всегда. Истина же в том, чтобы быть не слугой, а сыном. Так что если будете заблуждаться, то будете слугами, несвободными, и умрете. А будете в истине, то будете сынами свободными и будете живы. Вы про себя говорите, что вы сыны Авраама, что вы знаете истину. А вы вот хотите меня убить за то, что я говорю вам правду. Авраам так не делал. Если вы хотите это сделать -- убить человека, то вы не сыны Отца -- Бога, и вы не служите ему, а служите своему отцу. Вы не сыны одного со мною Отца, а вы слуги заблуждения и сыны его. Если бы ваш отец был один со мною, то вы любили бы меня, потому что я тоже от Бога исшел. Я ведь не сам от себя родился, а тоже от Бога. Вот от этого-то моих слов не понимаете, и не вмещается в вас мое разумение. Если я от Отца, и вы от того же Отца, то не можете желать убить меня. Если же вы желаете убить меня, то мы не от одного Отца. Я от Бога, а вы от дьявола. Вы хотите похоти отца вашего делать; он всегда был убийца и лгун, и нет в нем истины. Если он что говорит, дьявол, то он говорит свое личное, а не общее всем, и он отец лжи и заблуждения. Поэтому вы слуги заблуждения и сыны его. Вот видите, как легко обличить вас в заблуждении. Если я заблуждаюсь, то обличите меня, если же нет во мне заблуждения, то отчего же не верите мне? И стали иудеи ругать его и говорили, что он бешеный. Он сказал: я не бешеный, но я почитаю Отца, а вы хотите убить меня, сына Отца; стало быть, вы не братья мне, а другого отца дети. Не я утверждаю то, что я прав, но истина говорит за меня. И потому повторяю вам: тот, кто учение мое постигнет и совершит, тот не увидит смерти. И иудеи сказали: ну, разве не правду мы говорим, что ты бешеный самарянин? Ты сам себя обличаешь. Пророки умерли, Авраам умер, а ты говоришь, что, кто совершит твое учение, тот не увидит смерти. Авраам умер, а ты не умрешь? Или ты больше Авраама? Иудеи все рассуждали о том, что он, Иисус из Галилеи, важный или неважный пророк, и забывали все то, что он говорил им, что он ничего не говорит о себе как о **(стр. 170)** человеке,

но говорит о духе Божиим, который был в нем. И Иисус сказал: я ничем себя не делаю; если бы я говорил о себе, о том, что мне кажется, то все, что я говорил бы, ничего бы не значило; но есть то начало всего, которое вы называете Богом; вот про него-то я и говорю. А вы не знали и не знаете настоящего Бога, а я знаю его. И не могу сказать, что не знаю его. Я был бы лгун, такой же, как вы, если бы сказал, что не знаю его. Я знаю его и знаю его волю и исполню ее. Авраам, ваш отец, потому только свят, что он видел и радовался на мое разумение. Иудеи сказали: тебе нет 50 лет, как же ты мог жить при Аврааме? Он сказал: прежде чем был Авраам, был я, то "я", про которое я говорю вам, -- было разумение. Иудеи схватили камни, чтобы побить его, но он ушел от них. И опять учил Иисус народ и говорил: Я свет мира. Кто пойдет за мной, тот не будет ходить во тьме, но у того будет свет жизни. Если человек не видит света, то не виноваты ни родители его, ни он сам, но если в нем есть свет, то наше дело в жизни только в том, чтобы светить другим. Пока мы в мире, мы свет миру. Если мы видим людей, лишенных света, то мы открываем им свет от того начала, которое произвело нас. И если человек увидит свет, то он весь переменится так, что никто уже не может узнать его. Человек остается тем же человеком. Но разница в нем делается та, что, узнав то, что он сын Бога, он получает свет и видит то, чего не видал прежде. Человек, не выдавший света и увидавший свет, ничего не может сказать о том, справедливо ли то, что он прозрел; он может сказать только: я переродился, я стал другой, я прежде был слеп, не видел истинного блага, а теперь вижу. О том, как я стал видеть, не знаю, но думаю, что тот, кто открыл мне свет, человек от Бога. И сколько бы ни говорили человеку, увидавшему свет, что свет этот не настоящий, что ему надо молиться другому Богу, тому, которого он не видит; что тот, кто ему дал свет, ошибается, -- человек не поверит этому. Он скажет: я не знаю ничего про вашего Бога, ни про то, ошибался ли, или не ошибался тот человек, который открыл мне глаза; я знаю только то, что прежде я не видел ничего, а теперь вижу. И сколько ни спрашивайте у такого человека, как ему открылись глаза, он будет говорить одно: открылись тем, что я узнал, что начало моей жизни есть дух, и, узнав это, переродился. Сколько ни говорите о том, что настоящий закон Бога есть закон Моисея, что Бог сам открыл его Моисею, что Бог общается только со святыми, а что тот, кто открыл тебе глаза, -- грешник, человек ответит одно, что ничего этого не знаю и не видал, а знаю, что был слеп, а теперь вижу. И знаю, что тот, кто открыл мне глаза, -- от Бога. Потому что, если бы он не был от Бога, он не мог бы этого сделать. Такой человек полагается только на дух сына Бога, который в нем, и больше ничего не нужно ему. И Иисус сказал: учение отделяет людей, слепые делаются зрячими; но те, которые думают, что они зрячие, делаются слепыми. Если люди не видят света от рождения, они не виноваты, и они могут прозреть. Только те, которые утверждают, что они видят, когда они ничего не видят, только те виноваты. И стали спорить иудеи. Одни говорили: он просто беснуется; другие говорили: не может бешеный открывать глаза людям. И еще Иисус учил народ. Он говорил: Люди отдаются моему учению не потому, что я им доказываю его; нельзя доказывать истину. Истина доказывает все остальное. Но люди отдаются моему учению потому, что оно единое и знакомо людям и обещает жизнь. Мое учение для людей как знакомый голос пастуха для овец, когда он входит к ним дверью и собирает их, чтобы вести на пастбище. Вашему же учению никто не верит, потому что оно чуждо людям, и люди видят в нем ваши похоти. Оно для людей то же, что для овец вид человека, не входящего в дверь, но перелезающего через ограду. Овцы не знают его, а чувствуют, что это разбойник. Мое учение единое истинное, как единая дверь для овец. Все ваши учения закона Моисеева, все -- ложь, все -- как воры и разбойники для овец. Кто отдается моему учению, тот найдет жизнь истинную так же, как овцы выйдут и найдут корм, если пойдут за пастухом. Потому что вор только затем приходит, чтобы красть,

грабить и губить, а пастух затем, чтобы кормить и дать жизнь. И одно мое учение обещает и дает жизнь вечную. (стр. 171) Пастухи бывают хозяева, такие, для которых овцы составляют их жизнь и которые отдают жизнь свою для овец, -- это пастухи настоящие. А бывают наемники, такие, которые не заботятся об овцах, потому что они наемники и овцы не ихние, такие, что если идет волк, то бросают овец, это не настоящие; так и учителя бывают не настоящие -- такие, которым нет дела до жизни людей, и настоящие -- такие, которые душу свою отдают за жизнь людей. Я такой учитель. Учение мое в том, чтобы жизнь свою отдавать за людей. Никто не отнимет ее у меня, но я сам свободно отдаю ее за людей, чтобы получить жизнь истинную. Эту заповедь получил я от Отца моего. И как знает меня Отец, так и я знаю Отца, и потому жизнь свою кладу за людей. За то и любит меня Отец, что я исполняю его заповеди. И все люди, не только здесь и теперь, но все поймут мой голос и все сойдутся в одно, и будут едины все люди и едино их учение. И иудеи окружили его и сказали: все, что ты говоришь, трудно понять и не сходится с нашим писанием. Не мучай нас, а просто и прямо скажи нам: ты ли тот мессия, который по нашим книжкам должен прийти в мир? И отвечал им Иисус: я уже говорил вам, кто я. Я то, что говорю вам. Если не верите моим словам, то верьте моим делам--жизни в Боге, которую я веду; по ним поймите, кто я, и для чего я пришел. Но вы не верите, потому что не идете за мной. Кто идет по мне и делает то, что я говорю, тот понимает меня. И кто понимает мое учение и исполняет его, тот получает жизнь настоящую. Отец мой соединил их со мной, и никто не может разъединить нас. Я и Отец Бог -- одно. И иудеи оскорбились этим и взялись за камни, чтобы побить его. Но он сказал им: я много добрых дел показал вам через Отца моего, за какое же из этих добрых дел хотите побить меня? Они сказали: не за доброе дело хотим побить тебя, но за то, что ты, человек, делаешь себя Богом. И отвечал им Иисус: да ведь это самое сказано и в вашем писании; сказано, что будто бы сам Бог сказал дурным правителям: вы -- Боги. Если он уже порочных людей называл Богами, то почему вы считаете кощунством то, чтобы называть сыном Бога то, что Бог, любя, послал в мир. Всякий человек по духу сын Бога, если я не живу по-божески, то не верьте, что я сын Бога, если же живу по-божески, то по моей жизни верьте, что я в Боге. И тогда поймите, что Отец во мне и я в нем, что я и Отец -- одно. И сказал Иисус: учение мое есть пробуждение жизни. Кто верит в мое учение, тот, несмотря на то, что умирает плотски, остается жив. Кто жив, тот не умирает. И иудеи не знали, что с ним делать, и не могли присудить его. И пошел он опять за Иордан и оставался там. И многие поверили в его учение и говорили, что оно истинно так же, как и учение Иоанна. И так многие верили в его учение. И спросил раз Иисус учеников своих: скажите, как люди понимают мое учение о сыне Бога и о сыне человеческом. Они сказали: одни понимают также, как учение Иоанна, другие так же, как пророчество Илии, еще другие говорят, что похоже на учение Иеремии, понимают, что ты пророк. Он сказал: а вы как понимаете о моем учении? И сказал ему Симон Петр: по-моему, твое учение в том, что ты избранный сын Бога Жизни. Ты учишь тому, что Бог есть жизнь в человеке. И сказал ему Иисус: счастлив ты, Симон, что понял это, человек не мог открыть тебе этого, но понял ты это потому, что Бог в тебе открыл тебе это. Не плотское рассуждение и не я с своими словами открыл тебе это, а Бог, Отец мой, прямо открыл тебе это. И на этом разумении основывается то собрание людей, для которого нет смерти. (стр. 172)

Глава восьмая

ДРУГОЙ ЖИЗНИ НЕТ

О НАГРАДАХ В ЦАРСТВЕ БОГА

(Мф. X, 37–39; Мф. XIX, 27; Мр. X, 29–31) Тот, кто любит отца или мать больше меня, не согласен со мною. И кто любит сына или дочь больше меня, не согласен со мной. И кто не готов на все плотские лишения и не идет за мною, тот не согласен со мной. Кто приобретет жизнь плотскую, тот погубит жизнь, а кто погубит жизнь плотскую по моему учению, тот получит жизнь. Тогда сказал ему Симон Петр: ну, вот мы оставили все и последовали за тобой. Что нам за это будет? И отвечал им Иисус: вы сами знаете, что всякий кто, бросит семью, сестер и братьев, или отца, или мать, или жену и детей, и поля для моего учения -- истинного блага, получит во сто раз больше теперь, в этой жизни, среди гонений, семей, братьев, сестер, детей, полей, и в веке проходящем жизнь вечную. И многие будут первые -- последние, и последние -- первые.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Вопрос Петра о том, какая нам будет награда, Иисус понимает двояко: первое, какая вообще награда за исполнение закона, и второе, какая будет награда именно им, награда, соответствующая их жертвам. На первую часть вопроса о престолах на небе Иисус отвечает, что они сами знают, какая будет награда. Награда здесь, в этой жизни, во сто раз больше тех радостей от людей, которые они оставили, и жизнь вне времени. Отвечая же на другую часть вопроса, Иисус говорит, что в царстве Бога нет первых и последних, что и первые -- последние, и последние -- первые, что понятие царства Бога не связывается с наградой по заслугам, -- то самое, что сказано в притче о талантах, -- и разъясняет эти слова притчей. Следующий вопрос Петра и ответ Иисуса стоят у Матфея прямо после заключения беседы с богатым юношей, что никто не может спастись, не будучи нищим. Жестокие слова эти поражают учеников. И эти--то жертвы плотской жизнью и вызывают вопрос Петра. По моему соединению глав, вопрос этот **(стр. 173)** следует за всеми примерами и указаниями на то, как надо всю плотскую жизнь отдать за жизнь духа. На это Петр спрашивает: что нам будет? Стих 28 Мф. я выпускаю, как не имеющий определенного смысла и говорящий о том, что они будут сидеть на 12 престолах и судить 12 колен израилевых. Он или ничего не значит, как совершенно непонятный, или означает насмешку -- иронию над вопросом: что получают за это? какую награду? Следующее место прямо указывает на иронию.

ПРИТЧА О РАСПЛАТЕ ХОЗЯИНА С РАБОТНИКАМИ

(Мф. XX, 1–16) Потому что царство Бога вот на что похоже: хозяин один пошел с утра нанимать в сад работников. Уговорившись с работниками по гривне в день, послал их в сад. Потом вышел в завтрак на обзор и нашел еще работников незанятых. И сказал им: идите и вы на работу ко мне в сад, что следует, заплачу. Они и пошли. И опять вышел хозяин на базар в обед и в

9-м часу, и нашел еще незанятых работников и с ними так же сделал. В полдень пошел хозяин опять на базар и видит работников, стоят незанятые, он и говорит им: что вы так стоите, день целый ничего не делаете? Они говорят: никто не нанял. Он и говорит им: так идите же и вы в сад, получите что следует. Вот как пришел вечер, и говорит хозяин приказчику: позови ты работников и раздай им поденную; прежде последним, после первым. И тем, которые пришли в полдень, дали по гривне. И те, какие пришли первые, подумали, что, верно, им больше дадут, и им дали по гривне. Они взяли и стали ворчать на хозяина. Что это, говорят, эти последние только одну упряжку работали, а ты их с нами сравниваешь. Мы целый день потели да ворочали. Хозяин и говорит одному из них: что же, братец, я ведь не обижаю тебя. Ведь у нас за гривну договор, был? Возьми, брат, свое да иди в свое место. Я хочу дать последнему столько же, сколько тебе. Разве я не властен в своем? Или видишь, что я добр, так от этого у тебя глаз завистлив стал? Так что будут первые последними, а последние первыми.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Следующие затем слова: "много званых, мало избранных" -- очевидно, ненужная прибавка. Во многих списках слов этих нет. У Тишендорфа слов этих тоже нет. Слова эти у Луки ученики говорят Иисусу вслед за его разъяснением того, что прощать братьев надо не 7 раз, а 70 раз 7, -- очевидно, слова эти, как и слова Петра, относятся ко всем жестоким словам требования отречения от плотской жизни. Всем людям дана возможность жизни истинной. Кто хочет, берет ее, кто не хочет, не берет ее. Тот, кто получает жизнь истинную, тот имеет ее, и она не то что равна для всех, но с ней не могут совместиться наши (стр. 174) понятия: больше и меньше, раньше и позже. Она -- вне категорий пространства времени, причинности, -- сказали бы философским языком. Но мы так привыкли к возмездию в жизни земной, что не можем отрешиться от мысли о том, что тот, кто сделает все то, что считается хорошим и угодным какому-то Богу, которого мы представляем себе вне себя (тогда как Иисус с начала до конца толкует одно и одно, что Бога никто никогда не знал, один сын явил), что нам хочется установить наши отношения к Богу подобно человеческим отношениям барина и холопа. Нам хочется угождать кому-то, делать то, что мы не понимаем и не хотим, для того, чтобы угодить барской воле; но за то хоть мы и допускаем, что мы должны быть наказаны за не угождение, как мы сами любим наказывать за то рабов, мы хотим тоже и быть награждены за угодливость исполнения чужой воли. И несмотря на то, что все учение Иисуса Христа отрицает этот взгляд, мы все и ученики его спрашиваем, что нам будет за то, что мы оставили детей и дома и живот свой для того, чтобы следовать его учению. И что ж мы спрашиваем? Мы спрашиваем, что нам будет за то, что мы пойдем на пир, на который нас зовут. Что нам будет за то, что мы влезли на ту лодку спасения, которая готова принять нас. Что нам будет за то, что мы оставили жен, детей, дома и пошли за тобой. То есть что нам будет за то, что мы променяли горе на радость, узы на свободу, смерть на жизнь. И он отвечает: во-первых, вы ничем не жертвуете. Вы отдаете в этой жизни семьи, детей, имущество, и всего этого, даже среди гонений, вы будете иметь во сто раз больше; а во-вторых, вы получите жизнь истинную. Какую же вам еще награду? Сидеть на престолах, как цари, и судить народы? В этом мире смерти я учу вас жизни единой возможной, единой доске спасения. И вы, сбираясь ухватиться за эту доску, спрашиваете: какая будет за это награда?

БОЛЬШЕ ВСЕХ ТОТ, КТО ВСЕМ СЛУГА

(Мр. X, 35–37) И пришли к Иисусу братья Зеведеевы Яков и Иоанн и говорят: учитель! хочется нам, чтобы ты сделал для нас то, о чем попросим. Он и говорит им: чего это вам хочется, чтобы я сделал? Они и говорят ему: сделай так, чтобы мы двое были в твоём учении равными тебе. Ученики эти делают Иисусу вопрос: почему они так непонятливы, а он так мудр, и просят его, чтобы он сделал их такими же мудрыми, как он сам. (Мр. X, 38; Мф. XX, 22, 23,) И на ответ Иисус сказал им: вы сами не знаете, чего просите. На земле можете делать то же, что и я, и можете переродиться духом так же, как и я переродился. Они говорят: можем. Он же говорит им: жить так же можете и переродиться духом так же можете, но сделать то, чтобы вы были такими же, как я, не в моей власти, а во власти Отца моего.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Сделать из вас таких же, как я, дать вам такой же разум -- не во власти моей. Это во власти Отца и дано различно, как дано различное число гривен. Но жить так же, как я, и так же переродиться духом вы можете. (Мф. XX, 24–27; Лк. XXII, 26; Мф. XX, 28) Услыхав это, остальные десять учеников рассердились на двух братьев. И подзвав их, Иисус сказал: вы знаете, что те, которые считают себя (стр. 175) начальниками народа, владеют людьми. И чиновники распоряжаются народом. Промеж вас этого не должно быть. Из вас, если кто хочет сделаться большим, тот будь слугой. Кто хочет сделаться первым, тот будь рабом. Тот, кто, как младший, тот больший; тот, кто как слуга, впереди всех. Так как сын человеческий не затем объявился, чтоб ему служили, а затем, чтобы служить и жизнь свою отдать, как выкуп за большое.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Последний стих, служащий главной основой недоразумения, из которого вытек бессмысленный и безнравственный догмат искупления, имеет самое простое и ясное значение, строго вытекающее из смысла всего места. Сын человеческий -- единая сущность божества, находящегося во всех людях. Существование сына человеческого только и состоит в том, чтобы возвращаться к источнику, Богу. Разумение единого Бога во всех людях есть то, что мы называем жизнью. Возвращаясь к единому источнику, сын человеческий восстанавливает свое единство. Из этого вытекает любовь людей между собою. Из этого вытекает первая заповедь: любовь к Богу, и вторая, подобная ей: любовь к ближнему. Жизнь земная состоит только в том, чтобы отдавать ее, как выкуп за жизнь истинную. Сыны Зеведеевы хотят быть такими же, как Иисус Христос, такими же мудрыми. Он говорит им: зачем вам это? жить и переродиться духом вы можете так же, как и я, стало быть, вам нужно это для того, чтобы быть важнее, больше других. Но по моему учению нет большого и малого, важного и неважного. Царям, чтобы управлять народами, тем нужно быть больше и важнее других, а вам этого не нужно, потому что, по моему учению, выгодно быть меньше других. По моему учению, кто меньше, тот больше. По моему учению, надо быть слугою, рабом. Мое учение только в том и состоит, что дело сына человеческого в том, чтобы отдавать свою жизнь плотскую другим для того, чтобы получить жизнь истинную. (Мф. XVIII, 11–13; Лк. XV, 6; Мф. XVII, 14) Дело сына человеческого в том, чтобы спасти то, что гибнет. Как думаете: если у человека 100 овец, и заблудится одна из сотни, ведь оставит он 99 и пойдет повсюду искать пропавшую? И если случится, что найдет, вы сами знаете, что радуется на нее больше, чем на 99 не заблудших. И дома созовет соседей и приятелей и скажет: а мне радость,

я ведь нашел пропащую овцу. Так-то и Отец ваш на небе желает, чтобы не пропал ни один из этих маленьких людей.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Стих Луки XV, 7, продолжая сравнение, нарушает смысл притчи и, усиливая значение радости на небе, вводит ложное понятие о том, что кто-то больше радуется грешнику, чем праведнику, и потому я удерживаю слова Матфея, применяя их к следующим двум притчам Луки. Смысл притч вытекает из первого изречения Матфея, что сын человеческий пришел спасти гибнущее. Люди радуются находке, возвращению пропавшего, и на эту цель направляют все силы. Такова и цель сына человеческого— (стр. 176) го, потому что желание Отца, пославшего свет миру, одно неизменное желание, есть возвращение к себе своего разума. (Лк. XV, 8-10/Мф. XVIII, 14/; Лк. XIV, 7-11; Лк. IX, 47; Мр. IX, 35) Если у какой женщины из десяти гривен пропадет одна, ведь зажжет она свечу и станет мести избу и до тех пор искать, пока не найдет. И когда найдет, ведь скажет соседкам: а мне радость, нашла пропавшую гривну. Так-то и Отец ваш на небе желает, чтобы не пропал ни один из этих маленьких людей. И сказал им: Если зовут тебя на свадьбу, то не садись в передний угол, чтобы не случился кто из гостей почетнее тебя. И пойдет хозяин и скажет тебе: уступи ему место; тогда ты со стыдом сядешь на самое низкое место. Но если позовут тебя, ты поди да привались где-нибудь в самое низкое место, чтобы, когда увидит тебя хозяин, он бы сказал: дружок, пересядь выше; тогда будет тебе честь перед гостями. Всякий, кто себя возвышает, понизится, а кто низится, тот повысится. И Иисус, зная мысли их, сказал им: кто хочет быть первый, тот будь самый последний и будь всем слуга.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Ученики опять, представляя себе царство Божие как что-то земное, спорят о том, кто из них лучше, и спрашивают: кто больше? Иисус говорит: лучше и больше один другого нельзя быть, потому что царство Божие состоит в том, чтобы считать других лучше себя. Как только человек станет мериться с другими, спрашивая себя, кто лучше, так он стал не в любовные отношения; потому он тотчас же стал хуже. И потому нельзя быть лучше в царстве Божиим, это так по существу того, что есть царство Бога, и не может быть иначе. Точно так же, как и на свадьбе, если гость без зову лезет в передний угол, то он срамит сам себя. И если гость смиряется и сядет вдали, то его выведут выше и ему будет честь. Величание несовместимо с тем, что есть царство Бога.

ПРИТЧА О БЛУДНОМ СЫНЕ

(Лк. XV, 11-32; Мф. XVIII, 14) И сказал Иисус: у одного мужика было два сына. Меньшой и говорит отцу: батюшка, отдели меня. И отец отделил его. Вскоре взял этот меньшой всю свою часть и пошел вдали. И промотал все имение. Как промотал все, сделался большой голод в той земле. И стал он голодать. И пристал он к одному жителю, и тот послал его в поле свиной стеречь. Никто ему ничего не давал. В охотку ему было и желуди есть, те, что свиньи лопали. И раздумал он и говорит: (стр. 177) сколько у моего отца теперь работников вволю хлеба едят, а вот я голодом погибаю. Дай-ка пойду к отцу и скажу ему: батюшка, виноват я перед Богом и перед тобою.

И не стою я того, чтобы сыном называться, а возьми меня в батраки. Взял и пошел к отцу. И издалека еще его узнал отец и ахнул, и бегом навстречу побежал к нему, обнял его за шею и стал целовать. Сын и говорит: батюшка, виноват перед Богом и перед тобою, не стою я того, чтобы тебе в сыновьях быть. А отец говорит работникам: несите кафтан самый лучший и оденьте его, и перстень дорогой давайте надену ему на палец, и дайте хорошие сапоги ему. И возьмите теленка поеного и нарежьте, и будем радоваться. Потому что сын мой этот был мне как мертвый, а теперь живой стал. Пропавший был, а теперь нашелся. И стал он радоваться. А старший сын был тем временем в поле. И как стал он подходить, слышит -- песни поют и играют. Он позвал парнишку и говорит: что это у нас делается? А мальчик говорит: брат твой пришел, и родитель твой велел теленка убить за то, что здоров вернулся. И старший брат рассердился и даже не вошел. Отец вышел к нему и позвал его. А старший сын и говорит: вот сколько лет я на тебя работаю и приказа твоего не слушаюсь, а ты мне и козленка никогда не дал, чтобы мне с приятелями повеселиться. А этот сын твой имение твое промотал с распутниками, а как пришел, ты ему поеного теленка убил. Отец и говорит ему: сынок! ты всегда со мною, и все мое -- твое. А как же мне не радоваться, что брат твой в мертвых был и живой стал, пропадал и нашелся. Так-то и Отец ваш на небесах хочет, чтобы не пропал ни один человек, хоть самый маленький.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Сын человеческий пришел, т.е. живет, существует для того, чтобы спасти погибающее. Его существование есть возвращение к себе разумения людей. В этом жизнь его. Те, которые с ним, те -- с ним, и он не чувствует их; но те, которые отошли от него, тех он зовет и ищет.

ПРИТЧА О РАБОТНИКАХ В ЧУЖОМ САДУ

(Мр. XII, 1-9; Мф. XXI, 41,42) И начал им говорить в притчах: человек насадил сад, и огородил, вырыл пруд, и поставил избу, и сдал мужикам, а сам уехал. И в срок послал к мужикам работника, чтобы получить по договору плоды с сада. Мужики схватили работника, избили его и отослали ни с чем. (стр. 178) Хозяин прислал другого работника, и этого зашвыряли камнями, голову разбили и, наругавшись, отослали со срамом. Хозяин еще послал. И того побили. И еще многих посланных работников избили и исколотили. Был у хозяина еще один сын любимый, и под конец послал его к ним и говорит: авось сына-то моего уважают. А мужики подумали себе: это сам хозяин. Давайте-ка уьем его, и все наше будет. И схватили, побили его и выкинули из сада. Ну, что ж сделать хозяину сада? И отвечали ему: побить этих разбойников и отдать сад другим, которые будут давать ему плоды сада. И сказал им Иисус: или вы никогда не читали в писании: тот камень, что выбросили строители, тот и стал державой свода. Держава эта от Бога и удивительна на наш глаз. В Новом Завете упоминание о камне в том же смысле встречается три раза. Во всех этих местах значение камня -- это основа всего, основа жизни и учения. Слова: *камень краеугольный*, для выражения *основа всего*, прежде всего встречается у Исайи, и потому для объяснения места нужно восстановить место Исайи. Исайя XXVIII, 14-18. Слушайте слова вечного, люди насмешники, правители народа иерусалимского. Потому что вы говорите: "Мы сделали

уговор со смертью, с адом мы заключили союз. Когда буря разразится, она пройдет и нас не заденет, потому что мы во лжи нашли спасение и мы спрятались за коварством". И потому господь вечного говорит вам: смотрите, я на Сионе установил стену крепкую, дорогой камень угольный, крепкой основы: кто на него будет надеяться, тот не побежит. Но я взялся за иную правду и за правило добра, и град унесет вашу защиту лжи, и ваш уговор со смертью сотрется, а союз с адом не устоит. Вот значение камня основного. Камень тот, который устоит от смерти, это -- *справедливость и правда*. И этот камень, по стиху псалма, люди стали строить и не взяли. А между тем от Бога дана эта основа, и для нас она удивительна. (Мф. XXI, 43) Поэтому говорю вам: вы лишитесь царства Бога, и дастся оно тем, которые творят плоды его.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Притча эта, исполненная глубочайшего значения, совершенно потеряна по тому частному значению, которое дано ей. Притча эта прямо продолжает мысль, которая заключается в притче о работнике, пришедшем с поля: что вера основывается не на том, что нам будут обещать люди, а на сознании своего отношения к Богу. Отношение это, выраженное в притчах о работниках в саду и о работнике, пришедшем с поля, здесь выражается с новой стороны. Иисус становится на точку зрения людей плотских, уверенных в том, что жизнь дана им для их потех, и потому осуждающих ту духовную основу жизни, которая отвергает плотскую жизнь. Притча эта ярко выставляет ту же мысль, которая выражена в том работнике, который зарыл свой талант в землю и еще бранил хозяина за то, что он жесток и берет, где не клал. Иисус высказывает, как и во всех учительных местах, все одну и ту же основную мысль своего учения, что жизнь есть дар Бога, начало божеское, и что человек, поняв это, может, слившись с началом жизни в этой жизни, спасти свою истинную жизнь. Но в этой притче Иисус высказывает эту мысль с другой стороны: он показывает то, что происходит с теми людьми, которые не понимают и не хотят понять этого. Он показывает то, какой бессмыслицей представляется жизнь для людей, вообразивших себе, что жизнь есть только **(стр. 179)** одна плотская. Он говорит: положение людей в мире подобно положению работников в чужом саду. Работать нужно, жить нужно. Хочешь, не хочешь, будешь работать, будешь жить; и будешь работать и будешь жить не на себя, а как ни живи, как ни работай, все будешь работать на других, как в чужом саду. Если не признаешь хозяина сада, того, кто послал тебя туда, и не сделаешь того, что он велел, то хозяин прогонит, убьет и пришлет других. Севец сеет: одни семена пропадают, другие растут. Точно так же в мире людей. Те люди, что не исполняют воли Бога, гибнут и заменяются другими. Главное значение притчи отрицательное. Иисус живо представляет бессмыслицу жизни, если нет хозяина и нет определенной воли хозяина. Как только люди забудут хозяина или не хотят знать его, так жизнь является какой-то безумной игрой. Работать всю жизнь на чужого, мучиться, слышать какие-то требования совести, ни к чему не ведущие, заглушать их и потом погибнуть. И если не признавать хозяина, нет и не может быть другой жизни. Жизнь -- бессмыслица. Только тогда эта жизнь получает смысл, когда люди признают хозяина и отдают ему плоды его, только когда люди признают Бога, работают ему и сливают свою жизнь с волею Бога. Хозяин нанял рабочих. Одни пришли с утра, другие -- в полдень, третьи -- под вечер. Хозяин отдал всем поровну. И когда работавшие с утра упрекнули хозяина, хозяин сказал: разве я вам обещал больше? Если ты не доволен, то только потому, что ты зол. Людям дана жизнь плотская затем, чтобы отдавать ее за жизнь невременную. И отдавая эту жизнь и получая эту жизнь, ты спрашиваешь, какая тебе будет награда, или отчего тебе не такая награда, какую тебе хочется. Когда слуга твой служит

тебе, разве ты благодаришь его за то? спрашиваешь его, какая ему нужна награда за это? Он сделал то, что должен был сделать, и он получает раз навсегда определенную за труд награду -- питание и кров. Так и всякий, вступивший в царство Бога, живущий волею Божьею, не может ни сравнивать себя с другими, ни находить награду свою ни большою, ни малою. Это одна жизнь истинная, одно благо, и не может быть большей и меньшей, ни иного блага.

ВЕРА ПОДОБНА ЗЕРНУ ГОРЧИЧНОМУ

(Лк. XVII, 5, 6) И сказали ученики Иисуса: сделай так, чтобы мы верили. И сказал Иисус: если бы в вас вера была, как зерно березовое, говорили бы вы: дерево, поди, пересадись в море, и слушалось бы оно вас? Зерно горчичное никак нельзя принимать за образ самой мелкой вещи. Никогда оно не употребляется в этом смысле: зерно горчичное употребляется в смысле подобия царства небесного, находящегося внутри людей, и потому и здесь должно иметь то же значение.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Место это, представляющееся таким уродливо бессмысленным по толкованиям церкви, особенно важно потому, что оно дает точное определение того, что Иисус называет верою. Церковь не видит тут ничего, кроме возможности делать чудеса. Место это имеет глубокое значение. Ученики говорят: увеличь в нас веру. И он говорит им про то, что есть вера. Он говорит: если бы у вас была та вера, которую я вам определял подобием зерна горчичного, меньшего всех семян, но такого, из которого разрастаются самые большие деревья, вы бы не искали еще другой веры. Вера, подобная зерну горчичному, есть вера в то, что зернышко, кажущееся самым малым, есть зародыш огромного, вера в то, что самое незаметное в вас -- жизнь, дух -- есть зародыш жизни истинной. Если (стр. 180) бы вы верили в это, т.е. знали так же несомненно, как то, что из зерна горчичного вырастает дерево, вы бы не I просили увеличения веры. Вера есть несомненное знание. И тут он говорит те слова, которые могут иметь двоякое объяснение. Если последние слова стиха 6-го значат то, что понимает под ними церковь, то он говорит: если бы вы имели такую веру, то вы бы не спрашивали и ничего не казалось бы вам удивительным; если же слова эти имеют вопросительный смысл, то он говорит: вера есть несомненное знание того, что если вы знаете, что вы такое, знаете, что в вас зародыш духа Божия, по притче зерна горчичного, то для вас не нужно чудес. Чудеснее того, что в вас зародыш духа Божия, ничего быть не может. Так что в обеих версиях стих этот указывает на то, что основа эта есть сознание в себе духа Божия и что чудеснее этого, убедительнее этого ничего быть не может. И тогда последующая притча о работнике с поля прямо вытекает из этого. Вся убедительность притчи о зерне горчичном в том, что в тебе зародыш Бога, в том, что в тебе сын человеческий, посланный в тебя от Бога, и твое дело только исполнять то, на что ты послан. (Лк. XVII, 7-10) Если у кого из вас есть работник, пахарь или пастух, и вернется этот работник с поля, -- что ты сейчас так и скажешь ему: ну, брат, садись скорей за стол? Нет, ты скажешь: ну-ка, брат, собери мне поужинать да послужи, пока я поем да попью, а потом сам садись, ешь и пей. И что ж, ты очень благодаришь работника за то, что он сделал все, что ты велел? едва ли. Так-то и вы, коли все сделаете, что вам предоставлено, все-таки полагайте про себя не больше, как то, что мы негодные работники, и только то, что нужно было, сделали.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

То, что мы зовем жизнью земною, есть смерть. Она не нынче – завтра кончится; стоит только сообразить то, что мы можем приобрести в ней, чтобы понять, что все земное есть как начало постройки дома, который мы не можем окончить, и что значение ее есть только возможность жизни в Боге, которая не уничтожается. Надо пользоваться этой возможностью, в этом одном -- жизнь истинная. Хорошо ли, дурно ли это, нравится ли нам это, или не нравится, находим ли мы это, по нашим понятиям, справедливым или нет, -- это все равно, это так, и другого ничего нет. Когда мы находим это несправедливым, то это только оттого, что мы меряем земным. В жизни же истинной нет большего и меньшего. Он говорит: хозяин добрый всем дает поровну, и тем, которые с утра работают, и тем, которые с полудника. И за то, что хозяин добр, за то ты и обижаешься. Видно, ты зол, если ты не можешь понять истинного добра, не меряющего не награждающего, а изливающегося всегда и везде. И он говорит: ты говоришь, награда какая тебе? стало быть, благодарности ты хочешь себе от кого-то и за что-то. За что же это следует тебе, по-твоему, благодарность? за то, что ты делаешь то самое, что тебе необходимо нужно, неизбежно делать для того, чтобы жить; за это благодарность? Если уже ты хочешь смотреть на Бога, как холоп на барина, так и смотри так. Холоп работает, и за работу его кормят, и больше ничего. Может быть, нам и хотелось бы и сидеть на престоле на небе, и жен сто иметь, и всего этого, но ведь не я виноват, не, я выдумал это, что всего этого нельзя иметь, что все это смерть. Нынче жив, завтра умрешь, сгниешь, и ничего не останется. Ведь это так, и из этого никуда не уйдешь. (стр. 181) В этом-то мире смерти я учу вас приобретению жизни истинной, среди погибели даю вам доску спасения. А вы спрашиваете, какая мне будет награда за то, что ты спас меня. Не награды спрашивай, а старайся, как бы спастись.

О НАСТУПЛЕНИИ ЦАРСТВА БОГА

(Лк. XVII, 20-25) И сказал им: не приходит царство Божие так, чтобы что-нибудь случилось. Не скажут вам: вот оно здесь, или вот оно там, потому что оно в вас. И сказал ученикам: придет время, когда будете желать видеть один из дней спасения сына человеческого, и не увидите. И если бы сказали вам: вот оно здесь, вот оно там -- не ходите, не гоняйтесь за ним, потому что оно как молния от края до края неба светит. Таков будет сын человеческий в своем дне спасения. Прежде же всего необходимо ему много терпеть и переносить от рождения этого.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Речь началась и продолжается о смерти, о том, что человек неизбежно умрет и погибнет, если он не спасется учением Иисуса. В чем же это спасение? В том, чтобы возвысить дух. Как это возвысить дух? Он говорит им: царство Бога, т.е. соединение с волей Бога, ни здесь ни там, оно в вас самих. Придет время, когда вы почувствуете неизбежность смерти, будете искать спасения, но вы не найдете уж того, что прошло. Если вам будут говорить: вот тут, вот здесь спасение, -- не верьте: спасение сына человеческого как молния, блеснит мгновенно, оно внутри вас, оно только в настоящем моменте жизни, оно в духе, для которого нет времени. Человек в этом настоящем пусть ищет спасения. И прежде всего пусть много терпит и переносит. (Лк. XVII, 26-30) И как было в жизни Ноя,

так будет в день спасения сына человеческого. Ели, пили, женщин замуж выдавали до того дня, пока Ной вошел в ковчег и пришел потоп и погубил всех. Так же было и во дни Лота: ели, пили, торговали, продавали, садили, строили. И в тот день, когда Лот вышел из Содома, прошел дождь огненный и серный и погубил всех. Так же будет и в тот день, когда сын человеческий откроется.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Так же, как спасся Ной и Лот, также спасется человек, познав смысл жизни человека, -- когда поймет, что жизнь в духе; так точно ничего не изменяется в мире и не изменится, когда всякий, возвысивший в себе дух сына человеческого, оставит заботы мира и выйдет из него. И как погибли люди, не вошедшие в ковчег при Ное, и люди Содома, не вышедшие из него при Лоте, так погибнут и теперь люди этого мира, не перенесшие свою жизнь в дух сына Бога. Пришествие сына человеческого или явление его есть проявление жизни духа, для которого нет смерти. Признак проявления есть смерть. И потому под пришествием сына человеческого разумеется и смерть. Смерть плотская есть как бы отделение жизни от мертвого, так же как потоп и огненный дождь. (стр. 182) Все это место есть то, что на церковном языке принято называть совершением века -- кончиною мира. Хотел ли, или не хотел Иисус предсказать что-то для нас, христиан, совершенно все равно: для нас важно, чему он учил. А учил он о том, что день спасения сына человеческого приходит для каждого человека так же, как он пришел для Ноя. Что Иисус говорил просто о смерти каждого человека, событии, несомненно важнейшем для человечества, чем падение огня с неба, не может быть никакого сомнения. То, что по всем Евангелиям за этим местом непосредственно идут увещания о том, чтобы быть всегда готовым к смерти, несомненно доказывает это. Как narosли на эту беседу прибавки о странных внешних событиях, трудно добраться, но естественно, что они должны были нарасти между людьми, не понявшими смысла речи. Одно особенно замечательно и исключает возможность допустить стихи о внешних чудесах, которые совершаются. В стихе 20-м Лк. XVII сказано ясно, что царство Божие придет не с внешними признаками. Чтобы принять стих о знамениях, надо откинуть этот стих и тот, где сказано, что царство Божие внутри вас есть (Лк. XVII, 21). (Лк. XVII, 31, 32) В день спасения кто на крыше, а одежда его в доме, не сходи брать; и кто на поле, тот не оглядывайся назад. Помните жену Лота. Она оглянулась, пожалела свое земное и погибла. Кто оглядывается, взявшись за плуг, ненадежен для царствия Божия. Когда откроется для человека значение жизни духа и жизни плоти, т.е. сын человеческий, тогда человек, поняв, что жизнь его гибнет, не оглядывайся назад, а, как Ной и Лот, иди, бррсай все. И для того, чтобы уже не могло быть сомнения в этом значении всей речи, Иисус прибавляет: (Лк. XVII, 33) Кто если захочет земную жизнь свою спасти, тот погубит ее, а кто если и погубит ее, даст ей приплод -- вечность. (Мф. XXIV, 3) И когда он сидел на горе смоковниц, стали подходить к нему ученики поодиночке и говорили: скажи нам, когда это будет? и какой признак пришествия твоего учения и достижения вечной жизни?

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Ученики спрашивают: ты обещаешь вечную жизнь, и если ты говоришь, что ничего видимого не случится, почему же мы будем знать, достигли мы или нет этой вечной жизни и когда? Стих этот из глав, называемых обыкновенно *совершением века*. Разбор этих глав можно видеть у всех критиков Евангелия. Главы эти

представляют сложный ряд наслоений, чуждых основной мысли. Я оставляю из этих глав по синоптикам то, что остается, т.е. то, что имеет определенный смысл. Невозможность дать им какое-нибудь объяснение и распутать противоречия очевидна для каждого читателя без предвзятых мыслей. Образование же этих глав, по моему мнению, следующее: прибавок от писателей или мест, потерявших всякий смысл, очень мало, но есть перемещение стихов из одного места в другое. Так, в XXIV гл. Мф. представляется следующее: стихи с 1-го по 3-й (и соответствующие им по Mr. и Лк.) имеют поводом отрицание храма, изложенное во 2-й главе Иоанна; стихи же с 6-го по 14 имеют основанием речь ученикам при посылке их на проповедь; с стиха 15-го по 25-й есть явная приписка по вводным словам Марка (гл. XIII, 14: "кто читает, тот пусть заметит"); с стиха 26-го по 28-й есть повторение того, что сказано о внутреннем царстве Бога; с стиха 29-го по 31-й есть предсказания, относящиеся к чему-то вещественному и носящие на себе печать искажения какой-то другой мысли. После (стр183) этих стихов уже все понятно. И только для большей связности мысли я считаю лучшим перенести притчу о смоковнице после слов о том, что времени никто не знает. Объяснив, что царство Бога проявляется в духе человека мгновенно, вне времени, Иисус опять говорит, что для проявления царства Бога в духе человека не может быть ни места, ни времени. (Mr. XIII, 32; Лк. XVII, 37) И о дне спасения и времени никто не знает; ни силы Божий, ни сын. И они еще сказали ему: где? Он же сказал им: где стерва, туда собираются воронья. Я пропускаю слова стихов 34-36 гл. XVII Лк., где говорится о том, что один возьмется, а другой останется. Мысль, выраженная этими словами, та, которая выражена в речи послания учеников о том, что учение Иисуса произведет разделение. Неуместная вставка этого стиха в этом месте объясняется тем, что все это место -- кончина мира и совершение века, понятое писателями вещественно, составлено из вставок с разных мест, как это будет видно в последующем. То, что стихи эти -- вставка, подтверждается и тем, что вопрос учеников где? не может относиться к ним; сказано где? в одной постели, в поле, на мельнице; к стиху 33-му к словам: "кто погубит жизнь, тот приобретет ее", слово "где" прямо относится: приобретет жизнь -- где? И вот на вопрос: где? Иисус отвечает: нигде. Для царства Божия нет места. Если вы говорите о том, что на свете бывает, то на свете все мертвое, все стерва, и где стерва, там воронья.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Царство Божие не приходит ни в кого приметным образом. Нельзя про него сказать: оно здесь, там. Если же вам захочется видеть во времени сына Божия, т.е. царство Божие, и вы не найдете, и вам скажут: вот оно здесь, там, не ходите, не верьте. Оно вне времени и пространства. В самих себя смотрите. Как молния, свет мгновенный от неба до неба, осветит оно ваши души. Но прежде надо пострадать вам и испытать многое. И как было во дни Ноя и Лота, когда уже совсем близко "вы будете к погибели, как близки были Лот и Ной, тогда явится в вас сын человеческий. И тогда, где тебя застанет этот внутренний свет, не обращай назад к прежней жизни. Но какое доказательство, что мы уж получили эту жизнь, что она уже наступила для нас? -- спрашивают ученики. Он говорит: никто не знает; этого доказательства нет. И нельзя сказать, где это будет. "Где" -- можно сказать о стерве, о вороньях, а для духовного нет места так же, как и нет времени. (Mr. XIII, 28, 29) Вы возьмите пример от смоковницы: когда ветки ее станут являть или станут пробиваться, вы полагаете, что лето близко. . Так и вы, когда если видите, что это случилось, постигаете, что царство Бога близко, у дверей. Иисус говорит: одно доказательство лета есть жизнь. Одно доказательство царства Бога есть соединение с волей Бога, есть жизнь в воле Бога. (Лк. XXI,

28) Когда же это начнет совершаться, выпрямитесь и поднимите глаза, потому что приближается спасение ваше. Я переставляю этот стих, как заключающий в себе объяснение притчи о смоковнице. Доказательств нет, кроме сознания жизни в Боге; сознание это выражается делом, как рост листьев весною. Когда почувствуете это, тогда поднимите глаза, не бойтесь; тогда знайте, что началось спасение ваше. (стр.184) Это один признак, одно доказательство.

О МОЛИТВЕ

(Лк. XVIII, 1) И сказал им Иисус поучение к тому, что всегда надо молиться и не унывать. Молиться (П.....) первое значение: желать, искать, стремиться к чему-нибудь. Так как сказано, что молиться надо только о Духе Святом, то и здесь надо помнить, что молитва, желание должно быть только о том, чтобы Бог дал возможность быть в царстве Бога, т.е. духа святого. В стихе этом я переменяю слово притча на поучение, потому что вставлено тут поучение о молитве; и притчи гл. XI Лк. сказаны, без малейшего сомнения, к тому же. (Лк. XI, 1-4) И случилось, что Иисус молился в одном месте, и когда он кончил, один из учеников сказал ему: господин, научи нас молиться, как Иоанн научил молиться своих учеников. И Иисус сказал им: когда молитесь, говорите: Отец! да будешь ты свят в нас, да объявится царство твое, т.е. да будет воля твоя; да сойдет в нас дух твой и очистит нас. Дай нам питание духа, то, которое дает жизнь. И не взыскивай с нас все, чем мы должны, потому что и мы не взыскиваем с тех, что нам должны. И не считайся с нами. Во многих списках нет ни *наш*, ни *суций на небесах*; у Безы стоит (в нас), что дает более ясный смысл. В некоторых списках нет: *и на земле, как на небе*; слова: *да сойдет дух твой в нас и очистит нас* встречаются в цитатах древних церковных писателей. "А.... значит питание духа. Е..... только раз встречается именно в этой молитве. По смыслу составных слов значит *то, что дает существование*. Не взыскивай с нас того, что мы должны тебе. Мы обязаны жизнью разумению, а не отдаем ему всю свою плотскую жизнь, и потому мы должники неоплатные. Одно, что можем сделать, это уже не считаться с его детьми -- с людьми, и просить, чтобы и Бог не считался с нами. (Лк. XI, 11-13, 5-9) Какой же из вас Отец, когда сын просит у него хлеба, даст ему камень, и когда просит рыбы, подаст ему козлю. И если просит яйца, подаст ему паука? Если вы дурно живете и умеете дары давать детям вашим, то тем более Отец Бог даст святого духа тем, которые просят его. И говорит им: если у тебя будет сосед, и ты придешь к нему в полночь и скажешь ему: дружок, дай мне три хлеба, потому заехал ко мне приятель с дороги и нечем накормить его. И тот сосед изнутри ведь не скажет: не тревожь меня, дверь уже заложена, и дети со мной спят на постели, никак нельзя мне встать и дать тебе хлеба. Полагаю, что уже если и не по дружбе встанет и даст ему, от стыда одного перед (стр.185) ним вскочит и даст, что нужно. И я вам говорю: просите, и дастся вам; кто ищет, тот найдет, кто стучит, тому отворят.

ПРИТЧА О СУДЬЕ И ВДОВЕ

(Лк. XVIII, 2-8) Он сказал: был в одном городе судья, и судья этот ни Бога не боялся, ни людей не стыдился. И была в том городе вдова. И ходила эта вдова к судье, и говорила ему: рассуди меня по правде с моим обидчиком. И долго не хотел судья ее рассудить, а потом и говорит сам себе: я хоть и не боюсь Бога и на людей не смотрю, а чтоб не было мне докуки от этой вдовы, рассужу ее по правде, чтобы она из себя не вышла и мне не выцарапала глаза.

И сказал Иисус: поймите, что судья неправды сказал. Как же Бог—то не поступит по правде с избранными своими, с теми, что день и ночь молят его и терпят? Я говорю вам, что сейчас же поступит с ними по правде. Кроме того, сын человеческий, явившись, и так найдет веру на земле. Ударение здесь главное на слове *неправды*. Поймите, что это сказал судья неправды. Судья неправды и тот был вынужден сделать *правду*. Всегда молитесь, ищите, стремитесь. Неправедный судья и тот боится вдовы нищей и делает по ее, так как же Бог не сделает того, о чем его просят. Но даже если и нет Бога на небе, то нельзя не верить в сына человеческого в душах людей. (Лк. XII, 22, 25, 31, 35–40)

И сказал ученикам своим: потому не заботьтесь о жизни вашей. Кто из вас заботой прибавит хоть на час себе веку? Ищите только того, чтобы быть в воле Бога, все остальное будет само собой. Будьте подпоясаны, готовы, чтобы ночники у вас всегда горели. Будьте всегда, как слуги, когда они ждут хозяина из гостей, чтобы, как только он постучится, сейчас же и отворить ему. Счастливы те слуги, каких хозяин найдет готовыми. Вы сами знаете, что он посадит их за стол и будет угощать их. И приди он в первом, во втором или третьем часу, все равно те слуги будут довольны. Вы знаете, что если бы хозяин дома знал, когда вор придет, он бы не спал и не дал бы разорить дома. Так и вы будьте готовы потому что вы не знаете, когда сын человеческий уходит. Стихи Лк. XII, 26–30 приведены в главе 4-й, в Нагорной проповеди. (Мф. XXIV, 45–50; Мр. XIII, 33–37; Лк. XXI, 34–36) Будет ли верен раб и умен, тот, которого поставил хозяин над слугами своими, кормить их вовремя? Счастлив раб, если придет хозяин и найдет, что он так и делает. Истинно говорю вам, поставит его хозяин над **(стр. 186)** всем именем своим. А если злой раб скажет сам себе: помедлит еще хозяин вернуться, -- и начнет бить слуг, есть и пить с пьяницами, и придет хозяин раба в то время, как тот не ждет его, и плохо будет рабу тому. Итак, не засыпайте; не знаете, когда время. Когда человек уехал из дома и дал свободу слугам и каждому дело и сторожу велел не спать, не спите, потому что не знаете, когда придет хозяин дома: с вечера, или в полночь, или к петухам или к утру, чтобы, когда придет, не застал вас сонных. Это то самое, что я вам и говорю, всем говорю: будьте готовы всегда. Сдерживайте же сами себя, чтобы сердца ваши не отягчались объединением и пьянством и печалью житейскими, чтобы не застал врасплох день тот. Потому что он, как сеть, брошен на всех живущих на земле. Бдите же, боясь во всякое время, с тем чтобы быть достойными избежать всего, что будет, и чтобы быть достойными сына человеческого. Чтобы получить царство Божие, которое внутри вас, избегайте жизни плотской, бойтесь всего, что отвлечет вас от разумения Бога, с тем чтобы вы могли избежать того, что бывает, и могли восстановить в себе сына человеческого. (Мф. XXIV, 42, 44) Не спите, потому что не знаете, в какой час хозяин придет. Потому и вы будьте готовы. В какой час не гадаете, придет сын человеческий.

ПРИТЧА О ДЕВАХ СО СВЕТИЛЬНИКАМИ

(Мф. XXV, 1–13; Мф. XXIV, 43) Тогда подобно будет царство Божие десяти девушкам. Они взяли плошки и пошли навстречу жениху. Пять было умных, а пять глупых. Глупые взяли плошки, да не взяли масла. А умные взяли плошки да еще масла в посудине. Мешкал жених, они все задремали и заснули. Среди ночи закричали вдруг: вот жених, жених идет! Идите навстречу. Тогда проснулись все девушки и оправдали плошки. Глупые и говорят умным: дайте нам вашего масла, а то наши плошки затухнут. А умные говорят им в

ответ: никак нельзя, неостанет нам и вам. Пойдите лучше в лавку, купите себе. Пока они пошли покупать, пришел жених. Те, которые были готовы, пошли с ним на свадьбу и затворили за ним дверь. После пришли и остальные девушки и говорят: хозяин, хозяин! отопри нам. А он сказал им: правду скажу вам, я не знаю, кто вы. Так не спите, потому что не знаете дня и часа, когда сын человеческий придет. (стр.187) Тоже вы знаете, что если бы знал хозяин дома, когда придет вор, он не спал бы и не дал бы подкопать дома.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ.

Царство небесное вне времени и пространства, оно в вас, в вашей жизни настоящей. Будете желать вернуть те дни, когда оно было в вас, но уж не вернете. Царство Божие есть ваша свобода жить в этом мире, как сыны, а не как рабы, -- ваша свобода жить настоящим. Если вы пропустили эту жизнь, ее нельзя уже вернуть. (Лк. XIII, 23-27) И один человек сказал ему: господин, или мало кто спасется? Он сказал: Бейтесь, чтобы войти в узкие ворота, потому что говорю вам, многие будут придумывать, как бы войти, да не будут усиливаться. Если вы с того времени, как хозяин придет и запрет двери, начнете стоять наружи и толкать дверь и будете говорить: хозяин, хозяин! отопри нам, то он скажет вам: не знаю вас и не знаю, откуда вы. Тогда станете говорить: мы ели и пили пред тобою, и ты у нас учил. А он скажет: говорю вам, не знаю вас и откуда вы, отойдите от меня все делатели неправды.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Объяснив то, что присутствие сына человеческого не находится нигде и не во времени, Иисус Христос притчами разъясняет то же. Он говорит, что так как дни сына человеческого -- спасение сына человеческого -- вне времени, то и люди, носящие в себе разумение Бога, не должны представлять его себе во времени, а всегда вне времени жить жизнью сына человеческого, сливаться с ним. Если в сравнении с хозяином дома и девушками -- видеть, как делает церковь, именно указание на время, под женихом разуметь Христа, приходящего во времени, то мысль всего учения теряется, и утверждается как раз то самое, что отвергал Иисус. Притчи именно означают то, что времени для сына человеческого нет. Ночной сторож затем только и ночной сторож, затем и поставлен, чтобы не спать всю ночь, потому что он не может знать времени, когда он нужен. Точно так же и девы только затем и явились, чтобы встретить жениха. И точно так же и с сыном человеческим. Сын человеческий затем только и сын человеческий, чтобы жить всегда, как сын, в доме отца, а не как раб, и всегда сознать Бога в себе. Хозяин, к которому подкопался вор, не дал бы украсть у себя, если бы узнал, когда придет вор. Стало быть, время знать нельзя. Всегда и никогда. Надо, чтобы хозяин так устроил свой дом, чтобы нельзя было украсть у него. Так и с разумением Бога. Оно не приходит и не уходит, для него нет времени. Есть разумение, то значит, что уже началась жизнь сына человеческого вне времени. У Иисуса спрашивают после этого, много ли будет таких, которые спасутся? Он не отвечает на это, потому что не может отвечать. Для сына человеческого нет ни места, ни времени, и потому ни много, ни мало. Во всех брошено семя. Но на это он говорит: не рассуждать нужно о том, кто и как спасется, а нужно работать, биться, силою входить в двери, потому что те, кто будет рассуждать, те не войдут. Было время входить -- не вошел, дверь затворилась. И никакие рассуждения помочь не могут. Не рассуждать надо, а делать. А входят те, кто борется и делает правду. А делатели неправды не могут войти, потому что хозяин не знает их, их нет для него. Поучая о жизни

сына человеческого во всех людях, о независимости его от места и часа Иисус Христос говорит о жизни людей вообще. Говоря о сыне человеческом, он не говорит о смерти людей. Смерти для сына человеческого нет; смерть есть только явление тьмы. **(стр. 188)** Смерть есть все, что не есть сын человеческий. Если бы Иисус говорил о смерти людей, то он бы должен был сказать, что дух людей воскреснет, но он этого нигде не говорит и как бы избегает вопроса о видимой смерти. Он не избегает, но этого понятия нет в его учении. Смерть отдельного человека есть та же тьма, как и всякое действие всех людей, не живущих разумением Бога. Смерть отдельных людей есть в его учении только такое состояние, в котором уже невозможно жить разумением Бога, это -- то, что он в сравнениях изображает затворенными дверьми.

О ПРИШЕСТВИИ СЫНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

(Мф. XVI, 27) Потому что войдет сын человеческий с силами своими и тогда воздаст каждому по делу его. Стих этот я повторяю здесь для того, чтобы ясен был стих Матфея XXV, 31 в котором говорится о том, что будет, когда сын человеческий придет в славе Отца. **(Мф. XXV, 31-33)** Когда сын человеческий войдет в свое значение и все силы его, тогда он утвердится на седалище своего значения. Тогда предстанут пред ним все люди, и он отделит их друг от друга, как пастух отделяет овец от козлов. И отгоняет овец направо, а коз, налево.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Пришествие сына человеческого в значении Отца, в своем значении, значит только то, что значит возвеличить сына человеческого. Когда явится это значение сына человеческого, то оно этим самым явлением разделяет людей на две части, как пастух отбирает овец от козлов. Это назначение сына человеческого: разделить мир, отделить живое от мертвого. **(Мф. XXV, 34)** Тогда владыко говорит тем, которых он отобрал направо: вы, любимые моим Отцом, сюда идите, и получите по праву приготовленное вам царство от начала мира. Выражена та же мысль, как и в словах: "прежде, чем был Авраам, я есмь", и в словах: "для Бога все живы". **(Мф. XXV, 35-46)** Потому что я голоден был, и вы накормили меня; жаждал, и вы напоили меня; странником был, вы приняли меня. Раздет был, вы одели меня; болен был, вы ходили за мной; в тюрьме был, вы посетили меня. Тогда ответят ему праведные и скажут: когда же мы видели тебя голодным -- и накормили, и жаждущим -- и напоили? Когда мы видели странником -- и приняли, или раздетым -- и одели? Когда же мы видели тебя больным и в тюрьме -- и посетили? И на ответ скажет им владыка: вы сами знаете, что все, что вы сделали хоть одному из этих братьев моих самых ничтожных, все это мне сделали. Тогда скажет тем, которые налево: идите от меня прочь вы, нелюбимые, в тьму внешнюю, приготовленную злу и силам его. Потому что когда я был голоден, вы мне не дали есть. **(стр. 189)** Когда пить хотелось -- не напоили. Был странником, и вы не приняли меня; раздет был вы не одели меня. Болен и в тюрьме был, и вы не призрели меня. Тогда ответят ему и эти и скажут: господин, когда же мы видели тебя голодным, или жаждущим, или странником, или раздетым, или больным, или в тюрьме и не послужили тебе? Тогда на ответ скажет им: вы сами знаете, что всякому самому ничтожному из братьев ваших, которым вы не сделали всего этого, вы мне не сделали.

И уйдут эти в отсечение вечное, а праведники в жизнь вечную. Сын человеческий в значении своем, т.е. когда возвеличен сын человеческий, когда понята жизнь духа, сын человеческий воздаст каждому по делам его. Сын человеческий, дух в человеке, есть владыка жизни, и он разделяет людей. То самое, что сказано у Иоанна, гл. V: Отец не судит, не разделяет никого, но всякий суд и разделение передал сыну. И сын разделяет всех людей, как пастух разделяет овец и козлов. И первым он говорит: придите и получите то, что назначено вам от начала мира, т.е. примите ту жизнь не плотскую, но жизнь духа, которая не имеет начала и конца. До сих пор высказываются те же мысли, которые были высказаны прежде, но с стиха 35-го высказывается то, чем именно по внешним признакам приобретает эта жизнь духа, -- жалостью и помощью ближнему, и объясняется, почему любовь и сострадание к ближнему дают жизнь вне времени. Он говорит: вы потому получаете жизнь, что вы любили жизнь не свою плотскую, но сына человеческого. Вы жалели не одну свою душу, но и другие такие же души. Вы меня, сына человеческого, любили во всех его проявлениях. Вы мне работали. И, представляя недоумение слушателей, почему ему работали, он говорит: все, что вы сделали для самого ничтожного из моих братьев, вы сделали мне, т.е. сыну человеческому. И то же самое, представляя недоумение других, не любивших людей, он говорит и им: все, что вы не сделали для меня, -- вы не сделали для сына человеческого. Прежде сказано, что дух сына человеческого вне времени и пространства, здесь сказано, что он един во всех людях и что для того, кто возвеличил в себе дух сына человеческого, кто постиг его сущность, неизбежно вытекает единение со всеми людьми; единение вызывает сострадание и любовь. А сострадание и любовь проявляются только делами. И потому суд сына человеческого находится в нем самом и выражается делами самыми простыми и понятными: кормить, поить голодного, лечить больного, помогать обиженному. Самое глубокое учение о единстве сына человеческого во всех людях сводится здесь с самыми простыми признаками выполнения любви к ближнему. Здесь опять то крайнее представление о познании истины и добра, которое выражено в Евангелии Иоанна. И не идут к свету, потому что дела их злы. И идут к свету, потому что дела их в Боге соделаны. Кто сознает в себе сына человеческого, тот сознает его единство во всех людях и делает добро для людей. Кто делает добро для людей, тот сознает единство во всех людях сына человеческого и в самом себе жизнь духа. *Для жизни духа нужны дела добра.* Для дел добра нужно сознание в себе духа. Это крайний предел познания человека. Он достигается и разумом и жизнью и не может быть постигнут одним без другого.

ДРУГОЙ ЖИЗНИ НЕТ.

Общее изложение главы восьмой Вы будете нищими, бродягами, вы будете унижены. Но тот, кто любит отца или мать, сына или дочь больше меня, тот не понял моего учения. Кто не готов на все плотские страдания и лишения, тот не понял меня. Кто приобретет все лучшее для жизни плотской, тот погубит истинную жизнь. А кто погубит свою плотскую жизнь, исполняя мое учение, тот получит жизнь истинную. И на эти слова сказал ему Петр: это все так, верно, и мы послушали тебя, отбросили все заботы, все имущество, стали бродяги и по- (стр. 190) шли за тобой; какая нам будет за это награда? Иисус говорит ему: ты сам знаешь, что бросил, и всякий, кто бросит семью, сестер, братьев, отца, мать, жену, детей, имущество и будет следовать моему учению истинного блага, разве не получит в сто раз больше даже в этой жизни, теперь, и сестер, и братьев, и полей, и всего, что нужно, и, кроме того, еще в этой жизни получает жизнь вне времени. А насчет того, что ты полагаешь, что зато, что вы сделали, вам будет награда, то ты ошибаешься. Наград в царстве Бога не

бывает. Царство Бога есть цель и награда. В царстве Бога все равны, нет ни первых, ни последних. Царство Бога вот на что похоже. Хозяин один пошел с утра нанимать рабочих в сад. Нанял рабочих по гривне в день и привел в сад, заставил работать. И опять пошел в обед, и еще нанял, и послал в сад работать; и ввечеру еще нанял и послал работать. И со всеми уговорился по гривне. Пришло время к расчету, хозяин и велел всех рассчитать поровну. Прежде тем, которые пришли последними, а после и первым. Вот увидели первые, что последним дают по гривне, и подумали, что им больше дадут. Вот дали и первым тоже по гривне. Они взяли, да и говорят: что же, те только одну упряжку работали, а мы все четыре; как же нам поровну дано? Это несправедливо. -- А хозяин подошел и говорит одному из них: что ты ворчишь? разве я обидел тебя? За что нанял, то и отдал. Ведь у нас за гривну уговор был. Возьми свое и иди. А если я последнему хочу дать то же, что и тебе, разве я не властен в своем? Или оттого, что видишь, что я добр, тебе так завидно стало? В царстве Бога нет ни первых, ни последних, -- всем одно. Тот, кто исполняет волю Бога и отдает плотскую жизнь, тот имеет жизнь духа, тот в воле Бога. И никто другой не может приблизить человека к воле Бога. Царство Бога берется усилием. Подошли раз к Иисусу два ученика его: Иаков и Иоанн, и говорят: учитель, обещай нам, что ты сделаешь нам то, о чем мы попросим тебя. Он говорит: чего вы хотите? Они говорят: чтобы мы были такие, как ты. И Иисус сказал им: вы просите того, что не в моей власти. Жить вы можете так же, как и я, и переродиться духом так же можете, как и я, но сделать вас такими же, как я, не в моей власти. Все люди различно рождены, и каждому дана различная степень разумения, но исполнять волю Бога и получить жизнь все могут одинаково. Услыхав это, другие ученики рассердились на двух братьев, что они хотели быть такими же, как учитель, и старшими из учеников. Иисус же подозвал их и сказал: если вы, братья, Иоанн и Иаков, просили меня сделать вас такими же, как я, для того, чтобы быть старшими учениками, то вы ошиблись; если и вы, другие ученики, сердитесь на них зато, что эти двое хотят быть старше вас, то и вы ошибаетесь. Только в мире считаются, цари и начальники, кто старше, чтобы им управлять народами; а между вами не может быть ни старших, ни младших. Между вами для того, чтобы быть большим другого, надо быть всем слугою, потому что в том учение о сыне человеческом, что он не затем живет, чтобы ему служили, но чтобы он всем служил и чтобы отдавать свою жизнь плотскую, как выкуп за жизнь духа. Дух-Бог ищет спасения того, что гибнет. Бог желает спасения людей и радуется этому так же, как радуется пастух, когда найдет одну пропавшую овцу. И когда пропадет одна, он оставляет 99 и идет спасать пропавшую. И если пропадет копейка у бабы, то ведь всю избу выметет и ищет пока найдет. Бог любит то, что гибнет, и зовет его к себе. И сказал им еще притчу о том, что нельзя возвыситься тем, кто живет в воле Божией. Он сказал: если тебя позвуют на обед, то не садись в первый угол, придет кто почетнее тебя, хозяин и скажет: выдь оттуда и пусти того, кто получше тебя, тогда хуже постыдишься. А ты лучше сядь на самое последнее место, тогда хозяин найдет тебя и позовет на почетное, тогда тебе честь будет. Так и в царстве Бога нет места гордости. Кто себя возвышает, тот этим самым себя роняет, а кто себя принижает, считает себя недостойным, тот этим самым себя поднимает в царстве Бога. Было у одного человека два сына. Меньшой и говорит: батюшка, отдели меня. И отец отделил его. Взял меньшой свою часть, пошел на чужую сторону, промотал все имение и стал бедствовать. И попал он на чужой стороне в свинопасы. И так голодал, что со свиньями желуди ел. И раздумался он раз о своем житье и говорит себе: зачем я отделился и ушел от отца. У отца всего было много; у отца и работники сыто едят. А я со свиньями один корм ем. Дай-ка пойду к отцу, паду ему в ноги (стр. 191) и скажу: виноват, батюшка, перед тобою, и не стою тебе сыном быть. Возьми меня хоть в батраки. Подумал и пошел к отцу. И как он только подходит стал,

тотчас издали узнал его отец и сам навстречу побежал к нему, обнял его и стал целовать. Сын и говорит: батюшка, виноват я перед тобой, не стою тебе сыном быть. А отец и слушать не стал, говорит работникам: несите скорее одежду самую лучшую и сапоги самые хорошие, оденьте и обуйте его. И бегите, ловите теленка поеного и убейте; будем веселиться о том, что сын мой этот был мертвый, а теперь живой стал, пропадал, а теперь нашелся. Пришел большой брат с поля и, как стал подходить, -- слышит: дома песни играют. Он подозвал парнишку и говорит: что это у нас веселье идет? А парнишка и говорит: разве ты не слышал, брат твой вернулся? И отец твой радуется и велел теленка поеного убить на радости, что сын вернулся. Большой брат разобиделся и не пошел в дом. А отец вышел к нему и зовет его. А он сказал отцу: вот, батюшка, я сколько лет на тебя работаю и приказа твоего не ослушиваюсь, а ты для меня никогда теленка поеного не резал. А меньшой брат ушел из дома да все имение прогулял с пьяницами, а ты ему теперь теленка поеного зарезал. Отец и говорит: ты ведь всегда со мной, и все мое -- твое. И как же мне не радоваться, что брат твой в мертвых был и живой стал, пропадал и нашелся. Так-то и Отец ваш на небесах хочет, чтобы ни один человек, самый негодный, и тот бы не пропал, а был бы жив. Жизнь людей, не понимающих того, что они живут на этом свете не для того, чтобы пить, есть и веселиться, а для того, чтобы всею жизнью своею работать Богу, -- жизнь этих людей подобна вот чему: хозяин насадил сад, обделал, устроил его, все сделал для того, чтобы сад как можно больше давал плодов. И послал в этот сад работников, чтобы они работали -- собирали плоды и по уговору платили бы ему за сад. Хозяин -- это Бог. Сад--это мир. Работники -- это люди. Бог только затем сотворил мир и послал в него людей, чтобы люди отдавали Богу божье, разумение жизни, которое он вложил в них. Пришел срок, хозяин послал работника за оброком. Бог, в душе людей, не переставая говорит им о том, что они должны делать для него, и не переставая зовет их. Работники отогнали посланца хозяина ни с чем и продолжали жить, воображая, что сад их собственный и что они сами по своей милости сидят в нем. Люди отогнали от себя напоминание воли Божией и продолжали жить каждый для себя, воображая, что они живут для радостей плотской жизни. Тогда хозяин послал еще и еще любимцев своих, -- сына своего, чтобы напомнить работникам их долг. Но работники совсем одурели и вообразили себе, что если они убьют хозяйского сына, который напоминал им о том, что сад не ихний, то их совсем оставят в покое. Они и убили его. Люди не любят и напоминания о том духе, который живет в них и показывает им на то, что он вечен, а они не вечны, и они убили, насколько могли, сознание духа; завернули в платок и зарыли гривну, данную им. Что же делать хозяину? Больше ничего, как изгнать тех работников и прислать других. Что же делать Богу? Сеять, пока будет плод. Он то и делает. Люди не понимали и не понимают, что то сознание духа, которое есть в них и которое они прячут, потому что оно мешает им, что это--то самое разумение и есть одна основа жизни. Они выбрасывают тот камень, на котором все держится. И те, кто не возьмет за основу жизнь духа, те не входят в царство Бога и не получают жизни. Чтобы получить жизнь и царство Бога, надо помнить свое положение, не ждать наград, а чувствовать себя в долгу. Тогда ученики сказали Иисусу: умножь в нас веру. Скажи нам такое, чтобы мы сильнее верили в жизнь духа и не жалели бы жизни плотской. Вот сколько надо отдать, и все надо отдавать для жизни духа. А награды, ты сам говоришь, нет. И на это Иисус сказал им: если бы у вас была вера такая же, как вера в то, что из зерна березового вырастет большое дерево, то вы бы верили в то, что в вас есть единственный зародыш жизни духа, из которого вырастет жизнь истинная. Вера не в том, чтобы поверить во что-нибудь удивительное, а вера в том, чтобы понимать свое положение и то, в чем спасение. Если ты понимаешь свое положение, то ты не будешь ждать награды, а будешь трудиться над тем, чтобы сохранить то, что дано тебе. Если ты с работником придешь с поля, то

ведь не посадишь его за стол, а велишь убрать скотину да приготовить тебе поужинать, а уже потом скажешь ему: пей и ешь. Ведь ты не благодаришь работника, что он **(стр.192)** сделал, что должно. И работник не обижается, а работает и ждет то, что ему следует. Так-то и вы делайте, что должно, и думайте, что мы негодные работники, только что должно было, то и сделали, и не ждите награды. Не в том забота, чтобы была награда, а в том, чтобы получить ее, не быть виноватым дурным работником. Не об этом надо заботиться, чтобы верить в то, что будет награда и будет жизнь: это не может быть иначе; но заботиться надо о том, чтобы не погубить эту жизнь, не забыть то, что она дана нам для того, чтобы принести плоды ее и исполнить волю Бога, а не думать о том, что мы исполнили и что нам следует награда. Тогда только вы поймете, что есть царство Божие, про которое я говорю вам, и что это царство Бога есть единственное спасение от смерти и что оно не явится так, чтобы его можно было видеть. Про царство Бога, спасающее от смерти, нельзя сказать: вот оно пришло или вот оно придет, вот оно тут или вот оно там. Оно внутри вас, в душе вашей. Потому, если, когда придет время и вы захотите найти спасение в жизни, будете искать его и вы не найдете его нигде и никогда. Если будут вам говорить: спасение здесь, спасение там, -- не ищите нигде спасения, кроме как в самих себе. Потому, что спасение, как молния, мгновенно и везде, и для него нет времени, и нет места: оно внутри вас. И как спасение было для Ноя, как оно было для Лота, таково оно всегда и для сына человеческого. Жизнь вся остается та же для всех людей: все едят, пьют, женятся -- но когда приходит потоп и дождь с неба, когда приходит плотская смерть, одни погибают, другие спасаются. Когда наступит для вас царство Бога внутри вас, тогда каждый из вас не будет уже думать о плотском, и не оглядывайтесь назад, как жена Лота. Нельзя пахать, если глядишь назад. Помни только о настоящем. Ученики еще спрашивали: по чему узнать, что это случилось, что пришел день спасения и что мы достигли вечной жизни? И Иисус отвечал им: никто не может знать, когда и где случится это с человеком. И показать и доказать этого нельзя. Одно, что вы можете знать, это то, что, когда это совершится в вас, вы почувствуете в себе жизнь настоящую. С вами сделается то, что делается с деревом весною: то оно было мертво, а то вы видите, как ветки начнут мякнуть, почки надуваться и листья расти. Это-то вы и почувствуете в себе. Почувствуете в себе жизнь, и жизнь, исходящую из вас. Когда почувствуете это, то знайте, что царство Бога и день спасения близок. Поэтому не заботьтесь о жизни плотской. Ищите только того, чтобы быть в воле Бога; все остальное будет само собой. И сказал им, что надо всегда желать одного этого и не унывать. И сказали ему ученики: научи нас молиться. И он сказал: ваша молитва вся только в том: Отец! будь твой дух свят в нас, твоя воля чтобы была в нас. И дай нам питаться плотской жизнью для жизни духа. Не взыскивай с нас строго того, что мы должны тебе и мы не будем взыскивать с тех, кто нам должен; не считайся с нами. Ведь если сын просит у отца хлеба, отец не даст ему камня и не даст змею вместо рыбы. Если же мы, злые люди, даем детям нашим то, что им добро, а не зло, то как же Отец наш, тот, от кого мы изошли, Отец духа, не даст нам того духа, которого одного мы просим у него. Не только отец, но всякий чужой человек не может отказать другому, если упорно просят его. Если ты и в полночь придешь к соседу просить хлеба, чтобы покормить гостя, ведь знаешь, что хоть не по дружбе, а из совести все-таки даст, что нужно, если ты очень просить будешь. Если будешь просить, то и получишь, -- будешь стучать, то и отворят. Нельзя же ожидать, чтобы Бог дал вам духа, спасающего от смерти, когда вы и не ищите, не просите его. И сказал Иисус: был судья злой, и ни Бога, ни людей не боялся. И бедная вдова просила его. Судья не рассуждал ее. Но вдова приставала к судье и день и ночь просила его. Судья и говорит: что делать, рассужу вдову, как ей хочется, а то она мне покоя не дает. Поймите, что неправедный судья и тот это сделает. Как же Бог-то не сделает того, о чем день и ночь не переставая

молят его? Если есть Бог, то он сделает это. Если нет Бога, и вместо Бога неправедный судья, то все-таки есть сын человеческий, ищущий правды, и в него нельзя не верить. Ищите царства Бога и правды его всегда, во всякое время; остальное все само собой будет. Не заботьтесь о будущем, а старайтесь только избегать зла настоящего. Будьте всегда готовы, как слуги, ожидающие хозяина, чтобы тотчас же, когда он придет, отворить ему. Слуги не знают, когда он вернется, рано или поздно, и всегда должны быть готовы. И если они встретят хозяина, то исполнили волю его, и им хорошо. То же (стр. 193) самое и в жизни: всегда, всякую минуту настоящего надо жить жизнью духа, не думая о прошедшем и будущем и не говоря себе: тогда-то я сделаю то-то. Если бы хозяин знал, когда придет вор, то он не спал бы; так и вы не спите никогда, потому что для жизни сына человеческого нет времени; он живет только в настоящем и не знает, когда начало и конец его жизни. Жизнь наша то же, что жизнь раба, которого хозяин оставил старшим в своем доме. И хорошо рабу тому, если он делает волю хозяина всегда. Но если он скажет: хозяин не скоро придет, и забудет дело хозяина, то хозяин вернется врасплох и прогонит его. Итак, не унывайте, а всегда в настоящем живите духом. Для жизни духа нет времени. Смотрите за собой, чтобы не отягчать себя и не отуманивать пьянством, объедением, заботами, -- чтобы не пропустить время спасения. Время спасения как сеть накинуто на всех: оно всегда. И потому всегда живите жизнью сына человеческого. Царство небесное вот на что похоже: пошли десять девиц с плошками встречать жениха. Пять было умных, а пять глупых. Глупые взяли плошки, да не взяли масла на запас. А умные взяли плошки и на запас масла. Пока ждали жениха, они задремали. Когда подходил жених, глупые увидели, что у них мало масла, и стали просить, и пошли купить, а пока они ходили, жених вошел, и умные девицы, у которых было масло, вошли с ним, и двери затворились. Только на то и нужно было ходить девицам, чтобы встретить жениха с плошками, а они забыли про то, что не то дорого, чтобы горели плошки, но чтобы они горели во время. А для того, чтобы они горели, надо было им гореть не переставая. Жизнь только затем, чтобы возвысить сына человеческого, а сын человеческий всегда: он не во времени, и потому, служа ему, надо жить вне времени, в одном настоящем. И потому делайте усилия, делайте дела настоящего, чтобы войти в жизнь духа; если не будете делать усилия, не войдете. Будете говорить: мы то-то говорили, но не будет добрых дел и не будет всей жизни. Потому что сын человеческий в своей силе каждому даст то, что он сделал. Люди все разделяются тем, как они служат сыну человеческому. И своими делами они разделяются надвое, как делят в стаде овец и козлов. Одни будут живы, другие погибнут. Те, которые служили сыну человеческому, те и получают то, что принадлежало им от начала мира -- жизнь, ту, которую они сохранили. Сохранили же они жизнь тем, что служили сыну человеческому: голодного кормили, голого одевали, странника принимали, заключенного посещали. Они жили сыном человеческим, чувствовали, что он один во всех людях и потому любили его. Он один во всех. Те же, которые не жили сыном человеческим, те не служили ему, не понимали, что он один во всех, и потому не соединились с ним и потеряли жизнь в нем и погибли. (стр. 194)

Глава девятая

СОБЛАЗНЫ

БУДЬТЕ КАК ДЕТИ

. Человеку дана жизнь духа. Жизнь эта выражается в жизни плоти. Если человек будет жить одной плотской жизнью, он погибнет, как всякая плоть. Одно спасение его в том, чтобы жить духом. Если человек сознал в себе дух, то он живет им и этим спасается от смерти. Всякий человек знает это, но жизнь плотская соблазняет каждого человека и отводит от жизни духа. В чем соблазны плоти и как избежать их? (Мр. X, 13-15) И приводили к Иисусу детей, чтобы и они подходили к нему. Но ученики не позволяли тем, кто приносил детей. И Иисус увидал это, огорчился и сказал им: оставьте детей подходить ко мне и не мешайте им, потому что такие, как они, в царстве Бога. Вы сами знаете, что если царство Бога не поймется так, как понимает его дитя, -- не войдете в него. Смысл места совершенно потерян. Место же это должно быть важно, если оно два раза, -- в этом отделе и в отделе гл. XVIII Мф. (IX Мр. и IX Лк.), повторено согласно. Я ставлю это место прежде XVIII гл. Мф. потому, что оно общее, а между тем выражает ту же мысль. В гл. XVIII Мф. мысль эта уже разъясняется. Для церковников весь смысл этого места сосредоточился на том, что Иисус благословлял детей, накладывая руки, и они толкуют, зачем он накладывал руки, и дальше они ничего не видят. Но именно накладывание рук--то и не имеет ничего интересного; это только рассказ о поводе, по которому Иисус высказал важные учительные слова. Накладывание рук здесь занимает то же место, какое в других местах слова: "в то время", "после этого" и т.п. Важно то, что он выразил по случаю детей. Выразил же он следующее: во-первых, он огорчился тем, что ученики могли счесть какое бы то ни было существо недостойным и неспособным соединиться с ним. Во-вторых, он по этому случаю сказал людям, что они не должны мешать детям соединиться с ним. В-третьих, он сказал, что это тем более дурно, что дети, пока они не испорчены людьми, сами собою находятся в том царстве Бога, которое он проповедует, и что потому не отделять их надо от него, а напротив, самим учиться у них тому, как понимать царство Бога. Все эти мысли разъясняются в главе XVIII Мф. (стр. 195) (Мф. XVIII, 2, 3, 5/Мр. IX, 37; Лк. IX, 48/; Мр. IX, 37) И подозвал Иисус мальчишку и поставил его промеж учеников. И сказал: истинно говорю вам: если не вернетесь назад и не станете как малые дети, не войдете в царство небесное. И если кто понимает такого одного ребенка так же, как меня, тот понимает мое учение. А кто меня понимает, тот понимает пославшего меня.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Чтобы войти в царство Бога, надо быть как ребенок. Если не вернетесь назад к своему детству и не будете как дети, то не можете быть в воле Бога. Прежде сказано: будьте бродяги, но бродяги не невольны, а сознательно, теперь говорится: будьте как дети. Будьте бродяги--нищие, как дети, не потому, что вы не умели приобрести отечества, имущества, семьи, а как дети, которые и не знают ни про отечество, ни про государство, ни про суды, ни про собственность, ни про блуд, ни про клятву, -- будьте как дети. Словам этим так же, как и блуднице, побиваемой камнями, особенно посчастливилось, и бесчисленное количество рассуждений, чувствительных фраз и картин написано на эту тему, но смысл этих много раз повторенных слов остается не только туманным, но совсем непонятным. Слова же эти вовсе не чувствительные и туманные фразы, а очень определенные и ясные, строгие слова, такие же значительные, строгие и ясные слова, как слова о том, что если не будете как бродяги, нищие, не войдете в царство Бога. И так же часто повторено и то и другое, и так же выражено: если не будете

бродяги и не будете как дети, не войдете в царство Бога. Что же значит быть как дети? Быть глупым, как дети, этого не мог сказать Иисус, увещевавший людей к разумению. Быть слабым, как дети, это ни к чему не нужно. Быть не злобным, как дети, это неправда, дети бывают очень злы. Быть готовым на все, любить Бога и ближнего, -- дети уже никак не могут, дети -- самые эгоистические существа. Так в чем же надо быть похожими на детей? Тем, которые скрали пять заповедей Нагорной проповеди, никак нельзя угадать этого. Только тем, кто понял эти заповеди, ответ самый простой и ясный. В пяти правилах сказано:

- 1) Не сердиться и прощать обиды, сделать так, чтобы никто не имел гнева на тебя, -- дети делают это всегда, никто не сердится на детей.
- 2) Не блудить -- дети не блудят.
- 3) Не клясться -- дети не понимают, что такое клятва.
- 4) Не судить -- они только боятся суда.
- 5) Не иметь врагов государственных -- они и не понимают этого.

Так вот что значит быть как дети: не иметь веры в те людские учреждения, которые породили зло -- вражду, блуд, обещания, суды, насилие и войны. У Мф. в гл. XVIII, ст. 6, тут же, после указания на то, что надо быть как дети, чтобы войти в царство Бога, сказано: и горе тому, кто соблазнит, обманет, введет во зло этих невинных. Только понимая это, можно понять и значение слов: кто поймет, что такое ребенок по моему учению, тот поймет все мое учение и волю Отца. Понять надо то, что ребенок -- это душа Божия, сын Бога, только знающий Отца и не знающий еще заблуждений плоти; что все учение Иисуса состоит в том, чтобы не делать зла, а ребенок еще не делает его. (Мф. XVIII, 10)

Смотрите же, не презирайте ни одного ребенка, потому что, говорю вам, души их всегда видят Отца своего, Бога. (стр. 196) Стих этот, перенесенный за несколько стихов после, явно относится к определению отношения детей к царству Бога. Прежде сказано, что надо сделаться таким же, как ребенок, чтобы быть в царстве Бога. Надо смирить себя и понимать жизнь так же, как понимают ее дети. И он говорит: поэтому не презирать надо детей, а учиться надо у них. Дети -- те, которые не испорчены злом людей: это души, которые всегда живут по воле Отца. (Мф. XVIII, 14)

Так что ни один ребенок не погибает по воле Отца вашего Бога. Стих этот, опять оторванный от речи вставкой притчи о потерянной овце, продолжает ту же речь. Он говорит: дети все в воле Бога и, не имея еще своей воли, всегда в царстве Бога; души их не разъединены с Отцом, так что разъединение их от Отца происходит не по воле Отца, а по воле людей. (Мф. XVIII, 6)

И тот, кто отманит от истины хоть одного из таких детей, верующих в меня, тот готовит ему то, чтобы надеть жернов на шею и потонул бы он в море. *Верующий в меня:* дети, маленькие дети, те, которые и ничего не понимают и близко не подходили к Иисусу, эти дети верят в Иисуса или в его учение; что это значит? А это одинаково сказано и у Мф. и у Марка. Дети верят в Иисуса. Верить в то, что он второе лицо троицы -- нельзя. Верить в его учение -- им тоже нельзя. Одно, во что могут верить дети и во что они верят, это: что жизнь -- добро. Вот это -- и больше ничто -- есть учение Иисуса. Тот, кто не соблазнен, тот верит в Иисуса.

Короткий стих XVIII, 6 по Матфею: И тот, кто отманит от истины одного из таких детей (IX, 42 по Марку), есть разгадка всего евангелия. Надо выбросить его или понимать все евангелие так, что Иисус не учил никакой вере, кроме веры в жизнь. Соблазненный ребенок, лишенный жизни, подобен человеку с жерновом, брошенному в море. Жернов -- это соблазн. Но почему соблазненный подобен человеку, брошенному в море, остается мало что непонятным, но грубым и глупым. Перевод этого места церковью есть один из многих примеров не одной злонамеренности перевода, но и обычной неряшливости, легкомысленности. (Мф. XVIII, 7-9)

Мир людей несчастен от обманов, потому что нельзя не быть обманам; но несчастен человек, кто делается обманщиком. Если рука твоя или нога вводит тебя в обман, отсеки их и брось, потому что хорошо жить хоть безрукому или хрому, а не с двумя ногами и двумя руками пропасть. И

если глаз твой вводит тебя в обман, вырви его и брось. Хорошо жить хоть кривому, а не с двумя глазами пропасть.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Сказано, что дети рождаются верующими в учение Иисуса, что они в царстве Бога и что погибают они только оттого, что взрослые люди отманывают их от царства Бога и соблазняют. Соблазны есть и будут, но надо бояться их, потому что они губят и детей и тех, которые сами соблазн для других. Соблазн -- это то, что отманывает от добра и истины, это зло и ложь, которые кажутся добром и правдой, это та привада в западню, которая кажется птице и зверю добром до тех пор, пока обманутый не попадет в нее. Такие--то ловушки, обманы, составляют несчастье (стр. 197) мира. Люди добры, но эти обманы губят их. Они есть в мире и не могут не быть, как не может не быть тьмы, если есть свет; не может не быть заблуждения, если есть истина. Но надо знать их, потому что в них главная беда людей. Берегитесь и того, чтобы не попасть в них, и того, чтобы, попавшись, не быть участниками в них. Есть же соблазны против пяти правил Нагорной проповеди: *Соблазн гнева* -- тот, который приводит человека к убийству, к обиде. *Соблазн блуда* -- который приводит человека к нечистоте телесной и раздору с ближними. *Соблазн клятвы* -- вовлекающий человека в поступки, противные воле Божией, под предлогом обещания. *Соблазн насилия* -- вызывающий человека к возмездию таким же злом, каково то зло, которое он потерпел от другого. *Соблазн различия* -- между своим народом и чужим и признания необходимости защищать своих и вредить чужим. Против этих правил расставлены западни по всему миру, и против них--то теперь остерегает Иисус Христос. Это соблазны того, что всеми принято, всеми считается хорошим и важным, то, что высоко перед людьми, но мерзость перед Богом. Он не называет их злом, но он называет их западнями,, через которые зло входит в мир, и которых должны бояться люди. Разрушать их не нужно, они не важны, они ни зло, ни добро, но не надо в них участвовать.

ПОНЯТИЕ ВИНЫ

(Лк. XVII, 3) Берегитесь же. Если обидит тебя брат твой, то выговори ему, а повинится -- прости ему. Место это стоит у Луки непосредственно после слов о том, что необходимо быть соблазнам, но беда тому, через кого они входят в мир. У Матфея точно так же место о прощении брата следует за словами о соблазнах, но вопрос Петра перенесен к концу. Для ясности речи я переношу вопрос Петра (стих 21-й Матфея) к началу и соединяю со стихом 3-м Луки, с которым он и связан по смыслу. (Мф. XVIII, 21, 22) Тогда подошел к нему Петр и говорит: сколько бы раз ни обидел меня брат, я все буду прощать его до семи раз. И говорит ему Иисус: я говорю не семь раз прощать, а семьдесят раз семь.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Петр выставляет соблазн рассуждения о том что месть есть противодействие злу. Он говорит: положим, простить можно один раз, но если я прощу один раз, он сделает непременно еще раз то же потому именно, что я простил его. Если прощать, то придется прощать беспрестанно, и люди беспрестанно будут обижать тебя. И Иисус предостерегает от этого обмана и отвода от истины и

говорит: прощать не раз надо, не семь раз, а столько раз, сколько обидит, и не рассуждать о том, что это будет или не будет поощрять обидчика. (Мф. XVIII, 23-35). Поэтому царство Бога вот на что похоже. Человек богатый хотел счесться со своими приказчиками. Только начал он считаться, привели ему приказчика одного. Должен он был десять тысяч денег. Не было у него чем заплатить, и велел хозяин продать жену, детей и все, что у него было, чтобы заплатить. И вот пал тот приказчик в ноги хозяину, стал кланяться (стр. 198) и говорил: хозяин, потерпи на мне, все заплачу. И сжалился хозяин на слугу этого, и отпустил его, и долг простил ему. И вышел приказчик и нашел своего работника, такого, который должен был ему сто копеек. И, позвавши его, стал душить и говорил: заплати, что должен. И вот пал тот работник в ноги и просил, говоря: сжался надо мною, все тебе заплачу. Но тот не согласился, отвел его и отдал в тюрьму пока тот не заплатит ему долг. И увидели то, что случилось, другие работники и очень опечалились и пошли открыли хозяину все, что случилось. Тогда призвал хозяин приказчика и говорит: злой раб, весь долг тот простил тебе за то, что ты просил. И тебе должно было помиловать раба твоего, как я тебя помиловал. И, прогневавшись, хозяин отдал его истязателям, пока не отдаст всего, что был должен ему. Так и Отец мой небесный сделает с вами, если каждый не простит брату своему от всего сердца его погрешностей. Представление о том, что кто-нибудь из людей может быть виноват перед нами, есть обман. Если мы считаем других виноватыми перед собой, должными, то только потому, что мы забываем все вины наши, что мы забываем все то, что мы должны были сделать и что мы не сделали. И потому не только не удивительно прощать 70х7 раз, но удивительно думать о том, чтобы кто-нибудь мог быть должным перед нами. Вина чья бы то ни было есть обман -- отвод от истины. Чтобы не впасть в этот соблазн, надо исполнять первое правило Нагорной проповеди: не иметь гнева на брата и мириться со всеми. (Мф. XVIII, 15-18) Если обидит тебя брат твой, поди и уличи его с глазу на глаз. Если послушает тебя, то ты в барышах, ты добыл себе брата. Если не послушает, то возьми с собою, еще одного или двух, чтобы двое или трое уговорили его. Если не послушает и их, скажи сходке; если же и сходки не послушает, так пусть будет он для тебя такой же, как чужой или как откупщик. Истинно говорю вам; все то, что завяжете на земле, завязано будет и у Бога, и все то, что развяжете на земле, все то развязано будет и у Бога. Иисус говорит Петру (Мф. XVI, 19): "я тебе дам ключ к царству небесному", точно так же, как и теперь мы говорим: "я дам тебе ключ к тому, чтобы понять это", и тотчас же говорит, в чем состоит ключ: ключ в том, чтобы развязываться со всеми враждами здесь на земле, -- то самое, что сказано много и много раз: притча двух должников, притча идущего на суд с соперником, -- то, чем проникнуто все Евангелие: прощать всем, не иметь врагов, -- то, о чем идет речь теперь в главе XVIII Мф. Речь эта начинается с наставления о том, как развязываться с врагами в случае вражды и обид, и кончается правилом о том, (стр. 199) чтобы прощать не семь раз, а семьдесят раз семь. В этом ключ. И вдруг оказывается, что Иисус этими словами попам велит исповедовать и собирать за это яйца. Это было бы смешно, если бы не было так ужасно. И, как всегда, кощунственное, глупое перетолкование этой речи утвердилось, несмотря на то, что оно только в одном толковании Евангелия Матфея, несмотря на явную ошибку и против смысла и против языка. На самом деле, место это у Матфея следует непосредственно за увещанием о том, чтобы не участвовать в соблазнах: это есть разъяснение того, как избежать соблазна. (Мф. XVIII, 19, 20) Опять же вы знаете, что если двое или трое сошлись на земле во всех делах, то кого они будут просить, исполнить им пред Отцом моим на небе. Потому что там, где двое или трое соединены моим учением, то я перед ними. Смысл всего тот, что если двое или

трое сойдутся, то, очевидно, всякий сделает то, что будет просить другой. Т.е. мое учение перед ними всегда, и потому не может быть раздора.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Это одно из главных и яснейших мест Евангелия совершенно потеряно по непостижимо нелепому толкованию церкви. Сказав о том, что понятие вины есть обман, Иисус Христос учит о том, что для исполняющих его учение не может и представляться случая вины и наказаний, прощения, -- что для исполняющих его учение не может быть раздора. Он говорит: если тебя обидели, один на один уговори брата, чтобы сойтись с ним; не послушает -- других позови, их не послушает -- всех жителей возьми в судьи; и их не послушает -- оставь его, терпи обиду свою и не ссорься с ним, потому что всякое земное дело, в которое вы ввяжетесь, связывает и вашу душу и ваше отношение к Богу, и потому всякая развязка в земном деле -- развязка и для души. И вы сами знаете: если вы соединяетесь здесь на земле, во всем согласны, любовны, то тогда всякий отдаст, что у него просят; потому что когда двое или трое соединены моим учением, то мое учение любви и правды и будет среди их, т.е. основанием их отношений между собою.

О БРАКЕ И РАЗВОДЕ

(Мф. XIX, 3-11) И подошли к нему фарисеи и, выпытывая его, сказали ему: можно ли человеку развестись с женою по всякой вине? Иисус отвечал им: разве не знаете, что тот, кто сделал сначала, самцом и самкой сделал их? И сказал: оттого оставит муж отца и мать и слепится с женою своею, и станут два тела одно. Так что уже не два, а одно тело. Так то, что Бог связал, того человеку не разделять. И сказали ему: как же Моисей сказал давать разводную книгу и развязываться с женой? Он сказал им: Моисей же по грубости вашей приказал вам разводиться с женами; по началу же не так сделано. Говорю вам, что если кто бросит жену, кроме распутства, и ее заставляя блудить. И всякий, кто женится на разведенной, -- блудит. (стр. 200) И говорят ему ученики его: если такова обязанность мужа к жене своей, так выгоднее не жениться. Он же сказал им: не все держатся в сердце разумения этого, но только те, которым дано. Ученики говорят: лучше не жениться, что бы не иметь этих грехов. Он отвечает: да, лучше, -- это легко сказать, но не легко выполнить, т.е. воздержаться совсем от женщин. (Мф. XIX, 12) Потому что есть люди девственные, без блудной страсти, которые такими из чрева матери родились; есть люди без блудной страсти, которые людьми лишены похоти, и есть люди, которые сделали себя девственниками через царство Божие. Кто может принять в сердце разумение это, тот пусть примет. Фарисеи, учредившие соблазн развода, спрашивают у Иисуса, можно ли прогнать жену, если она не угодила, и взять другую, и указывают ему на то, что это можно по закону Моисея. Он говорит, что значение брака есть соединение мужа и жены в одно тело, что это естественно и что потому людям нельзя мешаться в это, и потому нарушение этого естественного закона есть грех. И потому, кто бросает свою жену, тот делает соблазн тем, что сам блудит и производит блуд. Ученики и говорят: так лучше и вовсе не жениться. Он говорит: разумеется, лучше: только уже надо быть совершенно чистым. Кто может, тот пусть выполнит. Ведь есть же люди воздержанные от природы, от обстоятельств, почему же и не быть таким для того, чтобы быть в царстве Божию. Кто может -- пусть делает. Но соблазнять

других не должно. И потому всякая мысль о возможности переменить жену есть соблазн и распространение зла, -- соблазн, который надо отрубить, как руку.

О ПОДАТЯХ

(Мф. XVII, 24) Когда они пришли в Капернаум, подошли к Петру те, что собирали дидрахмы, и сказали ему: учитель ваш не выплачивает дидрахмы. Я выпускаю вопросительный знак. Конструкция фразы не вопросительная, глагол в настоящем. Сборщики не требуют, а говорят: учитель ваш не плательщик. Вошло в общее употребление понимать под сборщиками сборщиков на храм, так и озаглавляется это место. Но то, что подать требовалась на храм, ни из чего не видно. Напротив, видно, что это была простая обыкновенная подать. В Исходе (XXX, 13) сказано, по греческому тексту, что всякий должен был платить на храм половину дидрахмы. Если бы здесь речь шла о сборщиках полудидрахм, то и тогда не было бы никакого основания предположить то, что это была подать на храм; полудидрахма могла собираться и на храм и на кесаря, так как ни слова не сказано во всей главе ни о каком храме, а по смыслу слова означющего уплату податей, нельзя ничего другого разуместь, как то, что дело идет об уплате податей. Но мало этого, даже и самая монета, которую надо платить на храм, и та, которую требовали у Петра, -- не одинаковая: то дидрахма, а то полудидрахма. Толкование о том, что две драхмы равнялись еврейскому полсиклю, есть очевидная выдумка, сделанная с целью объяснить подать податью на храм. (Мф. XVII, 25) Он сказал: да. И когда Петр вошел в дом, Иисус упредил его и говорит: как ты думаешь, Семен, цари (стр. 201) земные с кого берут подати и оброки -- с сыновней своих или с чужих? Трудно сказать, на каком основании это *да* толкуется так, что учитель платит. Ни по смыслу речи, ни по тому, что следует, не выходит этого обратного смысла. В одном списке латинского перевода стоит *utique non*. (Мф. XVII, 26) И сказал Петр: с чужих. Сказал ему Иисус: так, стало быть, сыновья свободны. Сыны Бога, те, которые в царстве Бога, в воле Бога, не могут быть никому ничем обязаны, они свободны от всего. И как царь освобождает своих детей от всех своих сборщиков податей, так и Бог освобождает своих сыновней от всякой зависимости, кроме сыновности ему. (Мф. XVII, 27) Но, чтобы не ввести их в грех, поди, закинь снасть, и первую рыбу, которая попадется тебе, возьми; и выручи статир и отдай его за себя и за меня. Весь этот стих, очевидно, подвергся разным изменениям и насилованиям, подгибавшим его под смысл чуда, но, несмотря на то, он и до сих пор удержал первоначальный смысл и может быть переведен преточно: поди, закинь снасть и первую попавшуюся рыбу (в смысле многих рыб) возьми, и, открыв рот, т.е. вызывая покупателей, там найдешь статир и дай его за себя и за меня.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Иисус, и по учению всех церквей, пришел установить царство Божие, преподавать нравственный закон. Что же, неужели он не заметил, просмотрел то, что одна половина людей душит и обирает другую, собирая с них подати во имя государства, каждый царь для себя, и не нашел в этом ничего противного своему учению? По учению церковников, это так. Иисус поговорил чувствительные слова, поделал чудеса и, оставив попов мазать людей, ушел опять на небо. Но это место и место о подати кесарю ясно показывают, что Иисус не просмотрел зло, а видел и показал, как надо относиться к нему. Это место и *кесарю* -- *кесарево прямо*, ясно определяет вопрос о том, хорошее ли дело подати, и как

надо смотреть на них, и как относиться к тем, которые требуют от нас податей. На вопрос, нужно ли, вообще обязательно ли по учению Иисуса, платить подати, ответ тот, что ни он, ни ученики не считают подать обязательной, потому что сыны Бога зависимы только от Отца своего Бога и не могут ни требовать, ни платить податей. На второй же вопрос, как относиться к требованию подати, Иисус отвечает: хотя люди и не могут быть обязаны чем-нибудь пред царями, но есть люди, которые считают, что это нужно, и потому надо думать только о тех, которые требуют подати. Люди эти требуют, и если мы не дадим их, то они нагрешат, и потому, чтобы не ввести их в грех, надо дать им то, чего они требуют: сказав, что подать не может быть обязательна или нужна для людей, живущих волею Божиею, для сынов Бога, Иисус велит отдать подать, чтобы не ввести их в соблазн. Он признает подать злом, но, по своему правилу непротivления злу, велит отдать подать. Не отдавать подать, потому что она несправедлива, значило бы отдаться соблазну рассуждения о том, что справедливо и несправедливо. И человек, протivящийся злу, сам соблазняется и вводит других в соблазн. (Мф. XXII, 15–17) Тогда фарисеи пошли советоваться, как бы им его поймать на речах. И послали к нему своих учеников с иродианами. И сказали ему: **Учитель!** знаем, что ты правдив, и что **(стр. 202)** ты пути Божьему учишь на деле, и что ты ни на кого не посмотришь. Ты не смотришь на лица. Скажи же нам, как, по твоему следует платить подати Кесарю или нет? По всему учению Иисуса Христа, отрицающему суды, власть, войны, то самое, на что шла и идет всегда подать, ясно было, что он никак не мог считать нужной уплату подати. Самый вопрос явно указывает на то, что учение Иисуса так и понималось, что подати платить не нужно. Фарисеи, пригласив служащих Ирода, спрашивают у него это, желая, чтобы он прямо при народе высказался. Толкование этого текста церковью исполнено высокого комизма. Текст этот, явно отрицающий власть, читается в царские дни и служит главной опорой власти. Они толкуют, что Иисусу предложен был хитрый вопрос, чтобы уловить его. Но в чем же хитрость, если Иисус Христос признает власть? Ему только сказать то, что сказал апостол Павел: *всякая власть от Бога*, и все хорошо. Но дело в том, что Иисус не только не признает власти, не только презирает ее, но считает ее по существу своему злом, становится сам и ставит людей выше ее. Все учение его, признающее каждого человека своим судьей и свободным, прямо исключает всякую власть, считая ее злом и потому тьмою. (Мф. XXII, 18–22) И догадавшись об их хитрости, Иисус сказал: что вы меня выпытываете хитрецы? Покажите мне податную монету. Они подали ему динарий. Он и говорит им: чье это обличие и чья надпись? Они говорят: кесаря. Тогда он сказал им: так и отдайте назад кесарю кесарево, а Богу отдайте Божие. И, услышав это, они удивились, оставили его и ушли. По учению церковников, и православных, и свободных, выходит, что это место значит то же, что сказано в послании Рим. XIII, 1; 1 Тим. II, 2; Петра II, 13. И место это всегда читается в царские дни. По их понятиям, место это значит то, что надо исполнять свои обязанности к царю так же, как к Богу. Но того, каким образом могут соединиться эти обе обязанности, они не объясняют. В лице Иисуса они не соединились, как не могут соединиться для всех, понимающих его учение. По учению Иисуса выходит, что тот, кто верит в жизнь и Бога, тот не будет протivиться злу, не будет судиться, не будет воевать, не будет собирать имения для себя, и потому, очевидно, и не будет платить подати, потому что не из чего будет платить, да и незачем платить человеку, не признающему судов, государств и народностей. Но фарисеи думают, что он только этому и учит, и с иродианами подходят к нему и спрашивают: следует ли давать подати кесарю? Он говорит: что такое давать подати? покажите мне, какие подати, чем платите? Они показывают деньги. Он глядит на изображение кесаря и спрашивает: что такое тут вычеканено? Он даже не знает и знать не хочет, что есть какой-то кесарь. Они говорят: это кесарь.

Кесарь? его монета? Ну, так отдайте ему назад, что его. А то, что Божье, то Богу отдайте назад. Иисус говорит, что человек не может быть ни в какой зависимости от кесаря, а всегда находится в зависимости от Бога. Один и тот же глагол кесарю -- кесарево, а Богу -- Божье ввел в заблуждение толкователей. Но стоит только иначе понимать Бога, чем царя, чего попы не могут сделать, и тогда различие смысла той и другой фразы уяснится. Отдать назад кесарю то, что его, значит разделаться с ним, не иметь с ним сношений, не брать от него ничего. Отдать же назад Богу Божье -- значит отдать Богу разумение, которое он дал человеку. Выбора не может быть: или надо (стр.203) понимать так, как понимают попы, что царь почти Бог, и надо воздавать царю и Богу почти равное или надо понимать, что надо презирать одно, а другое чтить. Смысл всей беседы, заведенной фарисеями только для того, чтобы ввести в соблазн Иисуса, тот, что он, как при требовании подати в Капернауме, отстраняет соблазн, исполняя свое учение. Чтобы не соблазнить их, отдай, по правилу непротivления злу, не поддаваясь соблазну закваски фарисейской и иродовой, ни протivясь, ни участвуя в нем. (Лк. IX, 52-56) И по дороге зашли ученики Иисуса в одну деревню самарянскую, чтобы ему приготовить ночлег. И в деревне не приняли его. И, увидев это, ученики, Яков и Иоанн, сказали: согласен ли ты, что надо сказать: пусть громом с неба убьет их за это? И на ответ сказал им Иисус: не понимаете вы, какого вы духа, потому что сын человеческий пришел не губить жизнь людей, а спасать. -- И пошел в другую деревню.

О БЛУДНИЦЕ

(Ин.VIII, 3-11) Привели книжники и фарисеи к Иисусу Христу женщину, взятую в блуде, и, поставив ее перед ним, сказали ему: наставник, женщина эта поймана на деле в блуде. В законе Моисея нам приказано побивать таких камнями. Ты что скажешь? Говорили это, выпытывая его, чтобы было им за что обвинить его. Иисус же, нагнувшись, пальцем писал на земле. А они все спрашивали его. И, приподнявшись, он сказал им: кто из вас без греха, тот пусть первый швырнет в нее камень. И опять нагнулся и стал писать на земле. Они поняли, и совесть обличила их, и один по одному, от старших до младших, все ушли. И остался один Иисус и женщина перед ним. Приподнялся Иисус и видит, -- никого, кроме женщины. И он сказал ей: женщина! где же те обвинители твои? разве никто не осудил тебя? Она сказала: никто, господин! Сказал ей Иисус: и я не присуждаю тебя: поди, да смотри, больше не грехи.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

В этом рассказе фарисеи прямо с вызовом на соблазн приступают к Христу; привели блудницу и спрашивают, что скажешь? Ему нечего говорить. Ну, блудница, ну, согрешила, ну что ж? Жалко, что согрешила, -- вот все, что он может сказать. Он и молчит. Они не спрашивают его прямо, что им делать, и потому он молчит. Но когда они прямо спросили, что им делать: побивать или не побивать? он сказал: кто без греха, пусть бьет женщину. И они ушли. Они поняли, что творить казнь мог бы только тот, кто без греха, но так как таких нет и не бывает, то и казнить некому. И когда они ушли, он спросил: что ж, никто не присудил? Никто. И я не могу присудить, поди, не грехи. И ты не грехи, и те пускай не грешат, вот (стр.204) все. И соблазн суда уничтожен. Удивительна судьба этой притчи. Несмотря на то, что она полуапокрифическая, притче этой особенно посчастливилось. Ее почему-то очень любят

и находят в ней что-то особенно чувствительное и поэтическое. Божественный учитель -- блудница... Он в задумчивости чертит пальцем на песке. И картины и стихи на это пишут. Но видят в этом только что-то чувствительное, а не видят того, грубого здравого смысла, по которому выходят невозможны своды законов, сенат, окружной, мировой, уездный суды. Возможны они только тогда, когда у людей нет даже той правдивости, которая была у фарисеев. Фарисеи ни один не решился сказать, что он без греха, и понял, что казнить мог бы только тот, кто имел бы дерзость сказать, что он без греха. Удивительная судьба этой притчи. Как яснее еще и рассуждением и в образе показать невозможность суда, как показана она в этой притче? Невозможно. И что же? Чувствительность, черчение пальцем на земле, все это очень нравится: а значение, смысл тот, для чего она сказана, совсем как будто не существует. И чувствительность приятна, и жалование получать приятно, а смысл -- это так, это значит, что в разговоре не осуждай ближнего, не говори про М.И., что у нее любовники; а вешать и головы рубить -- это можно, это совсем не об этом. (Лк. XII, 13, 14) И из народа сказал один человек Иисусу: Учитель, прикажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство. Иисус сказал ему: человек! или кто меня поставил судьей и разбираателем между вами? Человек просит Иисуса разделить его с братом по справедливости. Иисус отвечает, что делить наследство ни его, ни чье дело, кроме тех, которые делят. И как делить, это известно: отдать все. Самому же быть судьей других есть соблазн.

ОБ ИСТИННОЙ ЖИЗНИ

(Лк. X, 25-27) И вот встал законник один и, выпытывая Иисуса, сказал: учитель, что мне делать, чтобы получить жизнь вечную? Иисус сказал ему: в законе что написано, как читаешь? И законник на ответ сказал: люби Господа твоего всем сердцем твоим, всей душой, всей силой и всем разумом твоим, и ближнего, как самого себя. Здесь надо не забывать, что Лука весьма неудачно присоединил эти слова к притче, во-1-х, тем, что он ослабил значение их, и во-2-х, тем, что он вложил их в уста законника. Законник не мог знать этой заповеди, так как эта заповедь не заповедь, а вырванные слова из двух разных книг Моисея: Второзаконие VI, 5. И люби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими. Левит XIX, 18. Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя, я Господь. (Лк. X, 28-37) Иисус сказал ему: верно отвечал. Делай это и будешь жив. А законник хотел себя оправдать и говорит Иисусу: да кто ближний-то мой? Иисус и говорит ему: один человек пошел из Иерусалима в Иерихон. И попал он к разбойникам. Разбойники обобрали его, избили и ушли, а он остался полумертвым. Случилось идти той дорогой священнику. Увидал он человека, повернулся и ушел прочь. (стр. 205) Также и левит один, тоже проходя тем местом, увидел и отошел прочь. Самарянин же один дорогой нашел на него, увидел и сжалился. И взял перевязал ему раны, примочил маслом, вином, посадил его на свою лошадь, привез его на постоялый двор и позаботился о нем. Наутро поехал в свою дорогу самарянин, а гостинику дал две деньги и говорит: ты поблуди этого человека. Если же на него истратишь что, я на обратном заплачу. Ну, как же ты считаешь, кто из трех этих, священник, левит или самарянин, кто ближний тому, кто попался разбойникам. Законник и говорит: понятно, тот, кто его пожалел. Иисус и говорит: ну и ты так же делай. Законник возражает Иисусу против его учения о том, что все люди дети одного Отца Бога и что потому человек не должен делать различия между людьми. Он сказал: положим, надо любить ближнего; но эти слова ничего не доказывают, всех любить нельзя. Я люблю жену, детей, и все также одних любят, других не любят. Хорошо

сказать: люби ближнего. А кто ближний? А если не сказано, кто ближний, то ничего не сказано, и остаются одни слова. На это Иисус отвечает притчей о самарянине. Он не говорит, кто ближний, а избирает самого дальнего для иудея -- самарянина и говорит, что сделал самарянин, и на ответ говорит: делай то же. Рассуждение о том, кто мой ближний, -- ловушка, отманывающая от истины, и чтобы не попасть в нее, надо не рассуждать, а делать. Это соблазн закваски саддукейской и иродовой. (Мф. XVI, 21; Лк. IX, 22) И начал Иисус говорить ученикам своим, что ему надо идти в Иерусалим. Надо, чтобы сын человеческий многое испытал и был отвергнут старшинами, священниками и учеными, чтобы его мучили и убивали и чтобы он восстал после трех дней. У Матфея сказано, что Иисус объявил, что ему должно идти в Иерусалим, и ему должно там пострадать, быть убитым и т.д. У Марка сказано, что пострадать, быть убитым и восстать должно сыну человеческому. Иисус называет себя сыном человеческим тогда, когда он под собою понимает свою божественную сущность, общую всем людям. Так надо понимать и здесь. Иисус говорит вместе и о том, что прежде он сам, Иисус, должен много пострадать и быть убитым и восстать в значении духовном, и том, что разумение сына человеческого, еще прежде, чем восстать и быть принятым, -- будет отвергнуто. (Мр. VIII, 32, 33 /Мф. XVI, 23/; Ин. XI, 9, 10) И с уверенностью говорил эти слова. И, взявши его за руку, Симон Петр начал удерживать его. Он же, повернувшись, глядя на учеников своих, запретил Симону-Петру и сказал: да отступит от меня соблазнитель! Ты отманываешь меня от истины, потому что думаешь не о Божеском, а о человеческом. (стр. 206) Двенадцать часов света в сутки. И если ходишь днем, то не спотыкаешься, потому что светло. Если же ходишь ночью, спотыкаешься, потому что не видишь света. Стих этот у Иоанна прямо относится к тому же случаю шестивия Иисуса в Иерусалим и опасениям учеников: Ин. XI, 7 После этого сказал ученикам: пойдем опять в Иудею. 8. Ученики сказали ему: равви! давно ли иудеи искали побить тебя камнями, и ты опять идешь туда? И на замечание Петра Иисус отвечает: ты меня хочешь отманить от истины и света. Если я буду соображать, что мне опасно или не опасно, буду думать о том, что в плотской жизни выйдет для меня из моего поступка, то я уйду от света во тьму, и тогда только я погибну, потому что ходит при свете, тот не спотыкается. Вот первый образец отманывания от истины. Иисус называет его соблазном. Это соблазн закваски саддукейской. И на этот соблазн Иисус отвечает, что, напротив, то, что выходит разумным по нашим плотским соображениям, только это и есть тьма, а что только дух есть свет, для которого не может быть ошибок и преткновений. (Мр. VIII, 34, 35) И, подзвав народ вместе с учениками своими, сказал им: тот, кто хочет по мне идти, пусть откажется от самого себя, возьмет крест свой и следует за мной. Потому что кто хочет свою земную жизнь спасти, тот погубит истинную жизнь, а кто если и погубит земную жизнь из-за меня и истинного блага, тот спасет ее.

О ВОСКРЕСЕНИИ

(Мр. XII, 18) И подошли к нему саддукеи; они говорили ему, напротив, что не быть пробуждению жизни, и стали спрашивать его. Слово *воскресение* никак не может быть оставлено так, как оно у нас значит: оживление после смерти: по-гречески же оно не значит этого, и не значит этого потому, как понимают это слово саддукеи, и по тому определению, какое дает ему Иисус. (Мр. XII, 19-24, Лк. XX, 34-36; Мф. XXII, 33; Лк. XX, 39, 40) Они сказали: учитель! Моисей сказал, что если кто умрет и не оставит по себе детей, то пусть брат возьмет за себя жену умершего, чтобы восстановить потомство своему брату. Было у нас семь братьев. Первый женился -- умер и не имел

потомства и оставил жену брату. Так же и второй, и третий, и так до седьмого брата. После всех умерла жена. Чья же из семерых она будет жена в восстановлении жизни, когда восстанут к жизни? Все имели ее. И на ответ сказал им Иисус: путаете. Не понимаете писания и силы Бога. Люди этой жизни женятся и замуж выходят; те же, которые сделаются достойными той жизни и восстановления к жизни от смерти, не женятся и замуж не выходят, (стр. 207) потому что они и умирать уже не могут, потому что они делаются волей Божией, делаются сынами Бога и сынами восстановления. И народ удивлялся его учению. И многие из ученых сказали: учитель, твоя правда. И не смели более спрашивать его.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Что бы ни разумели саддукеи под восстановлением, которое переводят воскресением и переводят неправильно, так как во многих других местах и здесь значит *поднять потомство*; что бы они ни разумели, Иисус ясно и точно говорит, что он понимает того, кто не может уже и умереть. Жизнь в духе есть единое пробуждение жизни, про которое говорит Иисус. Саддукеи знают и понимают это, но они хотят показать ему противоречивость его учения. Опираясь на букву закона Моисея и на слова Моисея о браке, по смыслу которых он не мог не допускать брак вдовцов, они говорят Иисусу, что воскресение бессмысленно, потому что нельзя представить себе жизни всех воскресших. Они говорят по мысли то же самое, что сказал бы теперешний материалист на учение о воскресении. Частицы материи не могут возвратиться во все тела, потому что одни и те же частицы составляли тела многих. На это возражение материализма, на этот-то самый материалистический довод Иисус отвечает тем, что объясняет, что он понимает под *восстановлением жизни*. Восстановление жизни состоит в том, что жизнь людей сливается с волей Божией, человек становится волей Бога, и потому нельзя говорить о брачных отношениях воли Бога. Для человека духа, воскресшего так, как понимает воскресение Иисус, не может быть вопроса о брачных отношениях. И, объясняя понятие о восстановлении жизни, он говорит: (Мф. XXII, 31) О мертвых же, что они пробуждаются, разве не читали слово Бога к вам? Он сказал: У Матфея сказано *о восстановлении мертвых*, у Марка и Луки то же понятие о воскресении выражено словом *пробуждение от сна*, тем самым словом, которым выражено много раз у Иоанна понятие *перерождения духом*. Обыкновенно место это понимается так, что Иисус спорит о каком-то понятии воскресения, существовавшем у фарисеев. Не входя в исторические исследования, доказывающие то, что такого понятия не было, самая речь, как в начале беседы, так и в этом месте, показывает, что беседа ведется об учении Христа о восстановлении из мертвых, а вовсе не о каком-то нам неизвестном учении фарисеев. И в этом месте Иисус разъясняет свое учение с помощью писания. (Мф. XXII, 32; Лк. XX, 38) Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова. Бог не есть Бог мертвых, а Бог живых. Потому что ему все живы. Место это, одно из самых значительных по ясности изложения и по единству мысли со всем учением, изложенным в Евангелии Иоанна, пропадает совершенно по грубому пониманию его церковью. Коренная ошибка в том, что предполагается, будто фарисеи верили в воскресение, а саддукеи не верили, и будто вся речь идет о разъяснении этого различия воззрения фарисеев и саддукеев. Как ни привык к нелепости церковных толкований, всякий раз нельзя вновь не ужасаться над проявленными этого непонимания. Все место толкуется по отношению к разногласию фарисеев и саддукеев. А что такое фарисеи и саддукеи -- никто не знает. В Деян. Ап. есть место (XXIII, 7, 8): Когда же он сказал это, произошла распря между фарисеями (стр. 208) и саддукеями, и собрание разделилось. Ибо

саддукеи говорят, что нет воскресения, ни ангела, ни духа; а фарисеи признают и то и другое. И на этом месте, которое вовсе не значит того, что вера в бессмертие составляла особенность фарисейского учения, а означает только то, что фарисеи (какие-то) тогда, так же как и Павел, поверили в воскресение, на этом стихе основывается толкование такое, что речь Иисуса идет не об учении жизни, а что Иисус вдруг становится защитником фарисейского учения. И ясное, глубокое место, несомненно отрицающее и уничтожение в смерти и будущую жизнь, понимается как учение о будущей жизни и об ангелах.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Опять как и на подвох фарисеев и иродиан о подати, на который бы нельзя ничего больше ответить, как да или нет, так и на соблазн саддукеев Иисус отвечает прямо на вопрос и высказывает все свое учение. И мало того, что высказывает все свое учение, -- высказывает его, не осуждая никого, обращает вопрос против спрашивающих; они сами видят, что виноваты и достигли совсем противоположного -- того, чего они не хотели. Фарисеи с Иродом думали: ему не вывернуться. Осудит царей и власть, он виноват и перед царями и перед своим учением, осуждая; одобрит покорность власти и -- разрушит свое учение. Но он отвечает, не хитря, прямо все, что думает: о том, чтобы отдавать гривну или не отдавать кому-нибудь, я никогда ничего не говорил, как и не хотел судить вас в спорах о наследстве. Вопросы земные решают по земному, но вопрос Божий, это тот, про который один я учу: Божие никому не отдавай, кроме Бога, следовательно и царю, если требование его против Бога. И вопрос обратился против них. Саддукеи подтрунивают над воскресением и доказывают ему, что воскресение из мертвых -- глупость. Он говорит им, что значит восстановление от смерти. Восстановление от смерти есть жизнь в Боге. Для жизни в Боге ничего не значат браки, и понимать восстановление жизни, как пробуждение мертвых не надо; а надо понимать его, как пробуждение жизни истинной в жизни плотской и соединение ее с Богом. Для Бога нет времени, и потому, соединяясь с Богом, человек уходит от времени, следовательно от смерти. Если умерший Авраам соединился с Богом то он и остался с Богом. И если есть Бог, -- то есть и Авраам. И если Иисус, как он сказал в беседе Ин. X, соединился с Богом, то он мог сказать, что прежде, чем был Авраам, он есть. Это -- положительная сторона учения, выраженная в этом месте; но есть еще и другая сторона, отрицательная -- разрушение соблазна, закваски саддукейской; она тоже выражена в этом месте, и ее опускают, а она-то и уничтожает все те заблуждения, которые основаны на ложно понятом учении Иисуса. Саддукеи представляют себе возобновление жизни, которое проповедует Иисус, как продолжение во плоти, во времени и пространстве той самой плотской жизни, которую мы знаем. Это -- то самое представление о будущей жизни, которое составилось во всех церковных мистических учениях, и это-то представление есть та самая закваска саддукейская, против которой предостерегал Иисус. Он твердо и ясно отвергает это учение. На учении Христа, после этого места, уже нельзя основывать учение о будущей жизни в теле. Можно верить в такое учение, но нельзя связывать его с учением Иисуса. Во всех учительных местах Иисус, определяя то, что он разумеет под жизнью истинной, говорит о жизни, не зависящей ни от времени, ни от пространства; но здесь он ясно и прямо говорит о том, что нельзя и не должно понимать его учение, как учение о жизни во времени и пространстве. Вопрос саддукеев выражает только в грубой форме то самое, что говорят мистики и церковь, описывая будущую жизнь в царстве небесном. На это представление о будущей жизни Иисус отвечает: вы заблуждаетесь о смысле моего учения истинной жизни. Для тех, кто получит истинную жизнь, о которой я говорю, нет уже плотской жизни. (стр. 209) Одна

сторона учения в том, чтобы отвергнуться плотской жизни, потому что истинная жизнь есть жизнь в воле Божией. Жизнь состоит в том, чтобы слиться с Богом. А тот, кто слил свою жизнь с жизнью Бога, для того нет ни прошедшего, ни будущего. А другая сторона та, что всякое представление о будущем показывает то, что человек не понял того, что значит истинная жизнь. (Мф. XXII, 34)

И фарисеи, услышав, что он заставил замолчать саддукеев, соединились. Прежде искушали его одни фарисеи потом, одни саддукеи, теперь же следующий вопрос они делают ему вместе. 'Целый ряд соблазнов представлялся Иисусу: 1) Ученики хотели отметить тем, которые не приняли Иисуса. Он сказал им: вы не понимаете смысла учения. 2) Петр умолял его обдумать опасность шествия в Иерусалим. На это Иисус ответил, что рассуждать об опасности есть соблазн, что волос с головы не упадет без воли Божией, а руководиться человек может только светом внутренним, а не рассуждением; рассуждение есть тьма. Это ответ первый, и он относится ко всем другим соблазнам, включая их. 3) Сборщики податей могли ввести его в соблазн и всех тех нищих, которые живут в воле Бога по учению Иисуса. И Иисус сказал, что по пятому правилу -- (не делать различия между народами, сыны Бога ничем никому не обязаны, но тут же говорит, что для того чтобы не быть соблазнам, надо исполнить правило непротivления злу, и чтобы избавить от соблазна других, лучше пойти поработать и дать, что требуют, чем отказать. 4) Ученики Христа рассуждают, что такая покорность злу может усилить зло, и что придется семь раз в день прощать. На это Иисус говорит, что рассуждение не нужно. Рассуждение -- соблазн, а надо прощать по первому правилу: не сердись, а рассердился -- мирись. 5) Фарисеи по закону хотят позволить перемену жены. Иисус отвечает, что это соблазн для себя, для жены и для другого. Ученики рассуждают и говорят: тогда лучше не жениться. Иисус говорит: рассуждение есть соблазн, надо не делать соблазна; а рассуждать нечего, что лучше, что хуже, а надо исполнять второе правило о том, чтобы не смотреть на женщину, как на плотскую утеху. 6) Человек из народа просит Иисуса рассудить его по наследству. Иисус говорит, что человек, который берет на себя судить, отдается соблазну рассуждения. По четвертому правилу суд легок: отдай все, что берут у тебя. 7) Фарисеи приводят блудницу и спрашивают: хорошо ли она сделала, нужно ли казнить, чтобы исправить. Он говорит: я рассуждать не могу; знаю, что дурно она сделала, желаю, чтобы она не делала больше, -- а только рассуждение о пользе наказания может привести к соблазну казни. Ответ в четвертом правиле: не противьтесь злу, не судите. 8) Законник -- фарисей, вероятно, хочет ввести в соблазн Иисуса и говорит ему рассуждение о том, что нельзя всем прощать и всем делать добро, потому что люди не все одного народа, а есть враги. На это Иисус отвечает ему притчей, разъясняющей пятое правило, что все люди -- дети одного Отца. 9) Фарисеи собираются с иродианами и хотят его заставить высказать свое отношение к власти. Он сказал, что отдай подать, чтобы не соблазнить их, но подать, стало быть, считает ненужною. Пусть он скажет, должно или не должно платить. По пятому правилу сыны Бога не знают различия царей и царств, и потому податей им платить не нужно, но если спрашивают, отдать ли что кесарю, или Ивану, или кому бы то ни было, то все отдай, но душу свою никому не отдавай, кроме Отца Бога. 10) Саддукеи умствуют и доказывают ему, что учение о жизни вечной невозможно, и на соблазн, на рассуждения он отвечает, что жизни ни будущей, ни прошедшей нет, а есть жизнь для, которой нет ни прошедшего, ни будущего. Во всех соблазнах главные соблазнители -- фарисеи. Иродиане соблазняли (стр. 210) податью в Капернауме, саддукеи соблазняли речью о воскресении, фарисеи же соблазняли и беседой о разводе и судом блудницы, а потом, соединившись с иродианами, соблазняли вопросом о плате кесарю подати. Теперь же, после ответа саддукеям, они соединяются с ними и сообща дают главный вопрос, чтобы ввести его в соблазн.

ГЛАВНЫЕ ЗАПОВЕДИ

(Мф. XXII, 35–37, Мр. XII, 29,30) И спросил его один из них, законник, выпытывая его, и сказал: Учитель, какая главная заповедь в законе? И Иисус сказал ему: Главное, владыко наш Бог – единственный наш владыко. И ты будешь любить владыку Бога твоего из всего сердца, из всей души, из всей мысли и из всей силы твоей. Это главная заповедь. К..... мы привыкли переводить, не приписывая слову этому никакого значения, кроме формы учтивости, между тем оно имеет определенное значение. Слово это значит: властелин, владыко, господин, хозяин, тот, в чьей власти находишься, чью власть чувствуешь. Иисус под этим словом понимает не Бога на небе, но того владыку, власть которого всегда чувствует на себе человек, владыку духа, и он тотчас же указывает, что он именно так, а не иначе понимает это слово. (Смотри Мф. XXII, 43–45). Иисус, чтобы ответить на вопрос саддукеев и фарисеев, избирает из двух книг Пятикнижия: Второзакония и Левит, два стиха, ничем не связанные по Моисеевым книгам, и связывает их совершенно особенно, т.е. выражает совершенно новое учение, не имеющее ничего общего с Моисеевым, только пользуясь некоторыми словами Пятикнижия. (Мр. XII, 31) И другая такая же: будешь любить ближнего своего, как его самого. Вариант этот, кажущийся странным, по привычке нашей читать этот самый известный из Евангелия *стих как самого себя*, при малейшем размышлении представляется необходимым. Прежде всего, надо хорошенько понять значение этого места. Фарисеи и саддукеи, соединившись, требуют от Иисуса, чтобы он в одной заповеди выразил свое учение, и выразил бы его словами закона. Сказать: люби господина своего Бога, и сказать именно так, -- всем сердцем, всей душой и т.д., а потом вдруг сказать: любить ближнего, как самого себя, -- было бы странно, когда не сказано, как любить себя самого. В разговоре можно сказать: я люблю его, как себя самого, но, определяя весь закон, кого и как надо любить, нельзя основой и мерой всего поставить чувство себялюбия только потому, что оно предполагается всем известным; это одно. Другое то, что при чтении *себя самого* одна заповедь не связана с другой, они совершенно независимы. И выходит две заповеди, а у него спросили одну -- это другое. Третье то, что и у Мф. (XII, 39) и у Лк. (X, 27) во многих списках стоит вариант Если в еврейском и не имеет соответственного различия, то это было бы еще подтверждение. При чтении, *его самого* выходит, что Иисус говорит (и надо заметить, что он говорит не в повелительном, а в будущем), что весь смысл его учения в том, что ты (хочешь не хочешь) будешь всеми силами любить и повиноваться одному господину твоему, духу Бога в тебе, и что этот же дух Бога ты будешь любить в ближнем своем, так как он же самый и есть в каждом ближнем твоём. (стр.211) (Мф. XXII, 40–42) На этих двух заповедях весь закон и пророки. И тогда Иисус спросил их: По-вашему, что такое Христос? Христос, кроме прямого своего значения помазанника, имеет весьма много определений, которые можно видеть во всех евангельских лексиконах и церковных сочинениях, но все эти определения имеют недостаток неясности и туманности, а между тем здесь Иисус говорит о чем-то определенном. У Иоанна IV, 25: Самарянка сказала Иисусу: знаю, что придет мессия, называемый Христос, и когда придет, то возвестит нам все благо; 26. -- И сказал Иисус: это я, тот, что говорю с тобой, возвещаю все благо. В другой раз Иисус, узнав у учеников, что они признают его за Христа, подтвердил это (Мф. XVI, 15; Мр. VIII, 29; Лк. IX, 20.) Вот два места во всех 4-х Евангелиях, в которых Иисус называет себя Христом. В остальных же местах как бы не то, что не хочет, а не может называть себя Христом. Он, очевидно, называет себя Христом, но только в одном известном смысле. Во всех списках, где говорится о Христе, видна эта борьба Иисуса со своими слушателями;

они хотят понять его Христом в смысле человека, сына Давида, имеющего прийти в известное время, а он восстанавливает другое понятие Христа, не зависящее от времени. Только самарянке, которая сказала: Христос возвестит нам истинное благо", и Петру, сказавшему, что Христос -- сын Бога жизни, он сказал: да, я тот самый Христос, тот, кто возвестит благо, и тот, кто сын Бога жизни. Во всех же других случаях он упорно отрицается от того, что он Христос, мессия, сын Давида. Ин. X, 24. Ему говорят: не мучь нас, если ты Христос, скажи прямо, и он не отвечает, потому что, если он скажет прямо, как они хотят, он именно скажет не то, что он думает. Точно так же он не отвечает и на суде. Мало того, Мф. XVI, 20, он после того, как одобрил Петра за то, что тот признал его Христом в смысле сына Бога жизни, -- он запрещает ученикам говорить, что он, Иисус, есть Христос. Он Христос в том смысле, что он учением о сыновности возвестил истинное благо. Но, как Иисус, он не Христос и запрещает ученикам говорить это кощунство. Поразительно недоразумение об учении Христа, начавшееся при его жизни, приведшее его на виселицу и продолжающееся до сих пор. Основа учения Христа есть учение о сыновности человека Богу, то, что сказано в беседе Никодима. Вопрос веры в народе, среди которого проповедует Иисус, один и тот же всегда и везде, состоит в том: мы несчастны, мы гибнем, кто, и когда, и как спасет нас? Христос, мессия, Спаситель, -- это все одно и то же. Иисус говорит: спасение человека в нем самом, в его сыновности Богу. И эту мысль он выражает со всех сторон, стараясь отделить ее от грубого представления спасения и счастья во времени. И теперь нельзя выразить его мысль иначе, как именно так, как он выражает ее со всех возможных сторон, -- все одна и та же мысль о духовности спасения. И во всех формах, в которых он ни выражал эту мысль, во всех ее перевернут, поймут навыворот -- или признают его мессиею, Христом, Богом и обоготворяют его, или распинают его за то, что он называет себя Богом. А он одинаково отталкивает от себя и боготворящих, и потому не понимающих, и распинающих его. (Мф. XXII, 42-44) Сын ли он человеческий? И отвечали ему: Давидов. И сказал им Иисус: так как же Давид называет Христа по духу своим владыкой? Сказал Господь владыке моему: будь по правую руку мою, пока побегну врагов твоих. (стр. 212) Стих этот из 109 псалма есть первый, и последующий ничего не разъясняет. Надо полагать, что Иисус понимал слова эти так, что Давид призывал к себе владыку своего Христа спасителя и что так же понимали законники; но не важен смысл стиха, важно то точное определение, которое получается по этому месту слову Христос -- такое определение, с которым согласны и законники, и Иисус. Значение слова -хурю\$, здесь равнозначное со словом Христос, есть спаситель. Надо не забывать, главное, что это место, следует непосредственно за изложением главной заповеди и толкуется то самое слово, которое служило определением заповеди: "Любить владыку Бога твоего всеми силами, и ближнего как Его", т.е. как этого владыку. Здесь сказано, что владыка этот и есть спаситель и был спасителем Давида. (Мф. XXII, 45, 46) Если же Давид называет его владыкой, как же он может быть его сын? И не смели больше его спрашивать. Последние слова: "и не смели больше его спрашивать", явно показывают, что эта речь есть продолжение речи по вопросу: "какая главная заповедь?"

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Для толкователей это место представляется отрывочным, и весь смысл для них только в тонкости диалектики Иисуса. А место это, кроме того, что есть ключ к пониманию того, что хотел Иисус, чтобы люди разумели под словом Христос, и что люди разумели и разумеют под ним, есть еще и изъяснение в самой сжатой форме всего учения. После всех попыток, споров и опровержений учения

Иисуса фарисеи и саддукеи собираются вместе и задают ему вопрос о том, как он понимает закон и учение. И он говорит: одна есть только заповедь, т.е. один закон жизни чело- века. Закон этот такой, что он не приказание извне, но что это так было и будет и иначе быть не может. Закон этот тот, что ты будешь любить всеми силами своего владыку -- Бога, т.е. то разумение, которое есть в тебе, и будешь любить ближнего, потому что он -- то же разумение. И спасителя нет другого, как только этот владыку жизни, и не было другого ни во времена Давида, ни во времена Авраама. Этот владыку жизни один во всех людях всегда, он один есть.

О СОБЛАЗНЕ ФАРИСЕЙСКОМ, САДДУКЕЙСКОМ И ИРОДОВОМ.

(Мф. XVI, 6/Мр. VIII, 15/; Мф. XVI, 7;Мф. XVI, 11 /Мр. VIII, 15/; Мф. XVI, 12; Лк. XII, 1,2) И Иисус сказал: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской и иродовой. Ученики подумали, что он говорит о хлебе. Тогда он сказал им: как вы не понимаете, что не о хлебе я говорю, берегитесь ,закваски фарисейской, саддукейской и иродовой? Тогда они .поняли, что он говорил им не о том, чтобы остерегаться хлеба, а говорил об учении. Но более всего берегитесь закваски фарисейской; она -- обман. А нет того скрытого, что бы не открылось, и тайного, что бы не стало известно. Высказав свое учение, Иисус предостерегает против закваски. Слово "закваска" ученики понимают в смысле учения, но Иисус сказал *бы учение*, если бы он разумел учение. Кроме того, он не мог бы сказать **(стр.214)** учение Иродово; Иродова, царского учения не было. То, про что он говорит, он называет закваской, т.е. тем, что, как теперь бы мы сказали, химически соединяется с телом и вполне изменяет его. Закваска, положенная женщиною в квашню и изменившая всю муку, была сравнением для того, чтобы выразить то, что совершается перед лицом Бога и всем миром людей оттого, что в мир вложено разумение блага. То же сравнение Иисус употребляет для того, чтобы выразить то начало, которое вложено в мир и которое, соединяясь с людьми, производит зло. Такая же закваска -- закваска фарисейская, саддукейская и иродова -- изменяет совсем человека, переставляя для него добро и зло, делает то, что добро кажется злом и наоборот. И Иисус говорит, что необходимо беречься такой закваски. Заквасок этих -- начал зла Иисус называет три и обращает особенное внимание на закваску фарисейскую. Определяя ее, он говорит, что она есть притворство, комедианство. Закваска саддукейская -- это закваска рассудительности. Саддукеи, по тому, что признано о них наукой, это люди, не признававшие ничего, кроме писаного закона. Они не признавали ничего, кроме земной жизни. Во всем остальном они сомневались. Жизнь вели развратную и сладкую. По Евангелию, саддукеи -- это те, которые просят знамения, чтобы поверить; это те, которые с улыбкой спрашивают: чья будет жена из семи братьев, и которые желают, чтобы не было им никакого ответа; это те, которые спрашивают точного определения ближнего; те, которые ее скрывают своего неведения, гордятся своим неведением и успокаиваются в своем неведении. И потому под закваской саддукейской надо разуметь научный материализм. Закваска Иродова -- это закваска власти. Иродиане -- это те, которые считают, что насилия власти необходимы для блага людей; те, которые, считая Иоанна святым, посадили в тюрьму и потом убили его в угоду плясунье; это те, которые собирают подати, судят, казнят, воюют. Это те, которые обрадовались, увидев Иисуса, и все-таки распяли его. Под закваской Иродовой надо разуметь учение государственности, юриспруденции. Закваска фарисейская -- это закваска

церковности. Фарисеи, по Евангелию, -- это те, которые упрекают за несоблюдение субботы, за нечистые руки, за сближение с грешниками и грешницами; те, которые привели казнить блудницу; те, которые всегда были с иродианами; те, которые особенно настаивают на том, чтобы мужу можно было менять жен, и которые подкупают Иуду, чтобы предать Христа, те, которые молятся громко, благодаря Бога за то, что они лучше всех, и те, которые распинают Иисуса. К ним--то преимущественно и говорит Иисус, говорит гневно один только раз во всю жизнь свою. Пуще всего берегитесь этой закваски! (Лк. XX, 45, 46) И когда весь народ понял его, он сказал ученикам своим:

Берегитесь фарисеев. На последний соблазн фарисеев и саддукеев, вызывавших Иисуса высказать свои основы, Иисус высказал их, но, как и прежде, они не понимали его. Он видит, что и теперь ясное, простое учение его о том, что всякий знает в себе, не будет понято, не потому, что люди не знают его (люди знают его), но потому, что глаза людей затемнены ложным учением. И он говорит против главного источника всех заблуждений людей -- ложного учения.

(Мф. XXIII, 2, 3) И место пророка Божия Моисея заняли ученые и фарисеи. Так что все, что они говорят вам: "исполняйте и делайте". По примеру их жизни и вы не делаете, потому что они говорят и не делают. (стр. 214) По-моему, значит: берегитесь фарисеев потому, что они не руководят; они только говорят "делайте". А так как сами не делают, то и вы следуете их примеру -- ничего не делаете. (Мф. XXIII, 4) Потому что они связывают ноши тяжелые и неподъемные и накладывают на плечи людям, а сами пальцем не хотят пошевелить их.

Ноши закона тяжелые, и никто их не исполняет. Ноша Иисуса легкая. Речь все продолжается о том, почему никто не исполняет закона и не делает дел; это происходит потому, что 1) они говорят и не делают и примера не подают; 2) потому, что то, что они велют делать, слишком трудно, и трудность эта для них не важна, потому что они не помогают поднять ношу. (Мф. XXIII, 5-10)

Только для того, чтобы любовались на них люди, навешивают на руки четки и выпускают подола ряс и мантий; любят на обедах на первое место садиться и в церквах на возвышенные кресла; любят, чтобы им руки целовали на народе и чтобы называли их: наставник! учитель! А вы не называйтесь учителями, потому что у вас один учитель Христос и вы все братья. И батюшкой никого не называйте на земле, потому что один Отец у вас на небе. И не называйтесь вождями или наставниками, потому что один ваш вождь и пастырь Христос.

Следующие за этим стихи 11 и 12 выпускаются здесь как неуместные. Стихи эти помещены в другом месте. Также стих 14, XXIII, Мф.: Горе вам, ученые и фарисеи, за то, что поедаете дома вдов и притворяетесь, что долго молитесь, за это вас строже будут судить. Стих этот, кроме того, что неуместен, ничего не прибавляет к тому, что сказано. (Мф. XXIII, 13; Лк. XI, 52; Мф. XXIII, 15)

Горе вам, ученые и фарисеи, притворщики, за то, что запираете от людей царство Бога, потому что вы сами не входите и другим мешаєте войти. Горе вам, уставщики, что вы взяли ключ разума, сами не вошли и другим помешали. Несчастные вы, ученые и фарисеи, лицедеи, объезжаете моря и земли, чтобы заставить человека поклясться вам в том, что он будет держаться вашей веры и слушаться вашего начальства. П..... назывался тот человек, который давал присягу в том, что он будет исполнять закон иудейский. В числе обещаний, которые давали прозелиты, была присяга в том, чтобы повиноваться начальству. (Мф. XXIII, 15-22)

А когда он поклянется, то становится сыном пропасти и вдвое хуже еще вас. Несчастные вы, вожаки слепые; вы говорите, что кто поклянется храмом, то (стр. 215) ничего, а кто поклянется золотом в храме, то должен исполнить. Глупые и слепые! что больше: золото или храм, то, что освящает золото? И кто клянется алтарем, то ничего, а кто даром на алтаре, тот должен исполнить. Глупые и слепые, что больше: алтарь или дар? Кто клянется алтарем, тот клянется и тем, что на нем

и что под ним. И тот, кто клянется храмом, тот клянется им и Живущим в нем. И кто клянется небом, клянется престолом Бога и тем, что над ним. Сказав, что ученые и фарисеи мешают людям быть в царстве Бога, Иисус показывает, чем именно они запирают двери царства Бога -- внешностью веры, клятвой. Он говорит, что вы, объезжая моря и земли, стараетесь привлечь к своей вере людей клятвой, но, во-первых, человек, который поклялся вперед в повиновении, становится хуже, чем он был; во-вторых, нельзя человеку ничем клясться. Он говорит; сказать, что для человека может быть обязательна какая-нибудь клятва, это все равно, что сказать, что содержимое может быть больше содержащего, что золото в храме больше храма, что жертва, вкладываемая в жертвенник, больше жертвенника, что небо больше Бога. Всякая клятва, всякое обещание дается живым человеком, жизнью, а жизнь есть то, что выше всего, что вмещает в себя все, так как же может человек обещать проявлением жизни за жизнь? (Мф. XXIII, 23) Горе вам, ученые и фарисеи, притворщики! выплачиваете десятину с мяты, с тмину и с анису, а не исполняете того, что трудно в законе; справедливость, милосердие, веру в Бога. Вот это-то надо было исполнять. Иисус говорит: вы выплачиваете правильно десятину с пряностей, с того, что есть дело роскоши, чего нельзя употреблять много, что само по себе не нужно, как мята, анис, тмин; но то, что трудно исполнить, того вы не делаете, а это только и нужно исполнять. (Мф. XXIII, 24-31) Слепые вожаки, комара хотите отцедить, а верблюда проглатываете. Горе вам, ученые и фарисеи, притворщики, за то, что снаружи стаканы и блюда вычищаете, а внутри вас кишит грабеж и неправда. Фарисей слепой, вычисти прежде нутро сосуда, тогда и снаружи будет чисто. Горе вам, ученые и фарисеи, притворщики, что вы как крашенные гробы. Гробы кажутся красивыми, а внутри кишат костями и всякой нечистью. Так и вы, снаружи кажетесь людьми праведными, а внутри полны притворства и беззакония. Горе вам, ученые и фарисеи, притворщики, за то, что строите церкви пророкам и разукрашиваете раки мучеников, и говорите: если бы мы были во времена отцов наших, мы бы не были участниками в крови пророков. Так что сами на себя показываете, что вы сыны тех, которые побили пророков. "Вы говорите: "если бы мы жили во времена, когда наши отцы, и были бы учителями закона, как были наши отцы, то мы не побили бы их". Но ведь и отцы ваши побили пророков только потому, что они были учителями. Так, стало быть, вы сами на себя показываете: те взяли на себя быть учителями, они и побили пророков; вы взяли на себя быть учителями, и вы поьете. Ведь я сказал, что не должно быть учителем". (Мф. XXIII, 32-34) И вы дополняете меру ваших отцов. Ах вы, змеи, отродье ехидны, куда уйдете от погибели геенны? Потому что, вот я поставил вам пророков мудрых ученых; и их вы одних поьете и распнете, других будете сечь в ваших собраниях и будете гонять из города в город. Т.е., я научил людей истине, и все люди эти -- пророки, их-то вы и поьете. (Мф. XIII, 35) Так что на вас падает вся кровь праведная, пролитая на земле от Авеля праведного и до Захария, которого убили в храме. Слова этого стиха надо понимать не как риторическую фразу, а как точное определение. Вся кровь, все убийства с начала мира и до сих пор -- казни, войны, все это дело тех, которые закрывают от людей Бога и на место Бога ставят идола. Следующие три стиха (36--38) хотя и не нарушают смысла всей речи, но не совсем ясны и ничего не прибавляют к изложению, потому я выпускаю их. (Мф.; XXIII, 39) Потому что, говорю вам, не поймете моего учения до тех пор, пока не скажете: благословен тот, кто приходит во имя Бога.

О ХУЛЕ НА ДУХА СВЯТОГО

(Мр. III, 28, 29) Потому что, вы сами знаете, что все ошибки могут пройти людям и все поругания, какие бы они ни делали. Но если кто надругается над духом Бога, тому это не пройдет в этом веке, но он подлежит погибели века. Стих этот выражает то самое, что выражает все обличение фарисеев.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Человек может грешить, ошибаться, ругаться над всеми в мире, и все-таки он может носить в себе дух Бога. Но когда надругается над самим этим духом, над тем, что есть его жизнь, то уже он сам отнял у себя жизнь. Ужасны и страшны все соблазны. Соблазны личные: похоти, корыстолюбие, тщеславие; ужасны общие соблазны: соблазны земных рассуждений саддукеев, производящие равнодушие к истинной жизни, прилепление людей к одному земному и гордость ума; ужасны соблазны, выставляющие высоким то, что мерзость перед Богом, соблазны властей, производящие суды, казни, грабеж, войны, убийства; но ужасней всех соблазнов соблазны, выходящие из закваски фарисейской: притворство, выставление неправды вместо божеской правды, презрение Бога в душе и пользование именем его для заблуждения людей и достижения своих целей. Иисус знал вперед, что как ни враждебно его учение иродиянам и саддукеям, они не стоят на дороге этого учения, от них можно еще освободиться, но фарисеи заграждают, заграждали и всегда будут заграждать путь к его учению. Тысячи и тысячи прежде меня, и теперь я, старались приблизиться к Богу; мы на дороге нашей встречали и саддукеев и иродиян; но мы чувствуем, что они **(стр. 217)** заблуждающиеся так же, как и мы заблуждались, что мы можем вместе с ними искать истину, они могут понять ее; но на самой середине дороги нашей стоят фарисеи и заграждают нам путь, и с ними уже не можем сговориться. Их жизнь есть ложь и утверждение своей лжи. Вся жизнь их есть ложь, и потому им нельзя отступить от нее. Насколько мы близки Богу, настолько мы враги им. Я вникаю в смысл учения, радуюсь раскрытию для меня истин, ищу помощи, указания, общения своих мыслей и знаю вперед, что, кроме ненависти к себе за свою любовь к истине и Богу, я ничего не должен ждать от них. И чем ближе я буду к Иисусу, тем больше я буду ненавистен им. Обличение фарисеев само по себе есть место отрицательное, оно не дает прямого учения, но в нем предостережение от понимания лжи за откровение. И это предостережение, очевидно, важно, потому что Иисус несколько раз возвращался к нему, с такой силой и ясностью выражая его. Ясно и точно обозначено то, что есть источник обмана, положена печать, по которой несомненно могут быть узнаны обманщики. Он говорит про ту самую хулу на святого духа, которая одна не простится, по словам его. Всякий грех может быть прощен, но хула на духа, обман учителей, выдающих ложь за единую истину, уничтожает самый признак добра и зла, подтасовывает дьявольские дела под божеские. Они те самые, про которых сказано: "горе тем, кто соблазнит..." Еще удивительнее в этом обличении то, что это обличение фарисеев 1800 лет тому назад как будто написано в каждый из последующих 1800 годов и для нас, в нашем 1879 году, кажется написанным прямо против наших архиереев, митрополитов и попов во вчерашней газете, ускользнувшей как-то от цензуры. Читая Евангелие по нашим церковным изданиям, мне всякий раз кажется, что это место будет пропущено или изменено, но способность заблуждения людей необычайна. Читаешь и удивляешься, как могут церковные пастыри читать это место не только без стыда, но как они просто могут читать это, верить в Евангелие и оставаться тем, что они есть. Но они представляют себе каких-то других обманщиков и к себе не относят того, что, от самой сущности до малейшей подробности, выражает тот самый соблазн, которым они живут и который

проповедуют. Что такое фарисеи? Церковники утверждали и утверждают, что это была секта. Секта есть по смыслу своему раскол, отдельное от коренного учения учение. Какого же коренного учения было отдельное учение фарисейское? Ответа на этот вопрос нет. Во время Христа где, в чем выражалось это коренное учение, от которого фарисейское было сектой? Сколько бы мы и где бы мы ни искали ответов на этот вопрос, мы нигде их не находим. Иисус, по синоптикам, боролся все время, когда он противопоставлял свое учение закону, только с фарисеями. В конце его жизни сказано, что на него напали и первосвященники и фарисеи безразлично. В Евангелии Иоанна говорится, что Иисус боролся с иудеями, и под иудеями разумеются фарисеи и первосвященники. Павел говорит про себя (Деян. Апост. XXII, 3), что он был научен в самом истинном хранении закона предков и был привержен к Богу и преследовал Христа, гоня и заключая христиан, как может то засвидетельствовать архиерей и пресвитерство. В главе же XXVI, 5, он говорит, что он жил фарисеем и что служил Богу самым истинным и несомненным путем. Про Никодима сказано, что он был начальник фарисеев, и потому Иисус говорит: как же ты учишь Израиля. Опять не видно, где же было настоящее то учение, от которого фарисейство было сектой. Павел называет себя принадлежавшим к настоящему учению тогда, когда уже он не держится его, а не говорит, что он принадлежал к секте. Никодим – фарисей был учитель Израиля. Для Иосифа Флавия, я понимаю, что фарисейство представлялось сектой так же, как для историка теперешнего религиозного состояния России теперешнее православие должно представляться сектой, молоканство же другой сектой, как Иосифу Флавию представлялись неверующие в учение фарисеев саддукеи. Но тем, которые, как наши церковники, уверяют, что Иисус не отменял закона Моисея и что они веруют в закон Моисея, никак нельзя называть фарисеев сектою, когда это одно учение (стр. 218) Моисеева закона нам известно и дошло до нас. Для того, чтобы называть фарисейство сектою, надо показать, где, кем блюлось истинное учение Моисеева закона, а таких учителей не только нет, но по всем книгам Нового Завета видно, что эти самые учителя и были фарисеи и других никаких не было и не могло быть. Удивительно странная история такого прошлого и очевидного обмана и заблуждения. Иисус излагает свое божественное учение, и учение мнимо божественное существует в том народе, которому он проповедует; и существует не со вчерашнего дня, не смутное туманное учение, дающее простор разъяснениям, но существует сложное, разработанное до малейших подробностей, грубое, жестокое, безбожное учение Моисеевых книг, которые мы все знаем. Там об убийстве, о свинье, об обрезании -- ряд безобразий; но все это так разработано, что нет места никакому новому учению. Все определено, все предписано, к каждому безобразному предписанию прибавлено: это сказал сам Бог. Не только Иисус со своим божественным учением смирения, прощения, любви, но Симон волхв, но председатель Тульского суда со своими понятиями о справедливости, если бы захотели народу Моисееву преподавать свои понятия о нравственности, не могли бы иначе поступить, как начать с того, чтобы откинуть безобразные, все определяющие правила книг Моисеевых. И Иисус с первых шагов приходит в храм, упраздняет все жертвы, отвергает все учение Моисеево и говорит свои Божеские истины. Очевидно, что соединить учение Христа и учение Моисея это все равно, что соединить огонь и воду, – высшее выражение для того, чтобы выразить полнейшую невозможность. Иисус учит, живет противно всем преданиям Моисеевым, его распинают за это, – вдруг оказывается, что он не нарушал, а продолжал закон Моисея. Казалось бы, нельзя выдумать ничего безумнее, а это – то самое и сделано. И когда вникнешь в смысл всего, то видишь, что это не безумно; оно не логично, но оно умно и целесообразно. За учение распяли Христа, думая уничтожить учение, но учение было живо, и надо было скрыть его. О том, как это было сделано фарисеем Павлом, переименовавшим имя своего Бога, но удержавшим закваску

фарисейскую, будет сказано после. Теперь же я хочу сказать о том, почему неизбежно появился этот проживший 1800 лет глупый, очевидный обман о том, что фарисеи были секта, а не представители закона Моисея, и что не учителя закона Моисея в его лучших представителях распяли Христа, а какая-то фантастическая секта фарисеев. Учители, те, что у нас называются учителями церкви, пастырями, что у евреев назывались учителями закона, эти учителя и только потому, что они были учителями -- распяли Христа. В учении Христа на каждой странице почти и в отдельных сильнейших местах обличаются эти учителя. Учение Христа проповедует непосредственное общение человека с Богом, отвергает всякое учительство, утверждает, что учительство есть источник всего зла в мире. И вот первый фарисей Павел, не понимая учения, подхватывает слова и торопится поскорее всех научить какой-то внешней вере в воскресшего и искупившего мир Христа. Сам учит, устраивает учительство, те же синагоги, пресвитеров, архиереев. И то самое учительство, которое распяло его, во имя его разносит зло в мире. Когда Павел учит, Евангелия еще нет, и учение Христа почти неизвестно, и Павел, переменяя одно суеверие на другое, проповедует его миру. И многие принимали его, одни заменяя им иудейство, другие эллинизм. Но являются Евангелия Матфея и Луки, и в них выясняется вся сторона учения Христа; его подгибают под суеверие Павла, примешивают иудейства, и вера в Христа представляется верой в нового прибавочного Бога -- мессию. В этой путанице понятий все сходит с рук, отдалается вся этическая сторона Евангелия. Весь смысл сосредоточивается на тонкостях разъяснения закона, слияния его с учением, на мечтаниях, но одно противоречие режет глаза. Учителя закона Моисея повесили Христа. С ними одними он боролся, их одних обличал. Как же объяснить то, что его учение есть продолжение закона Моисея и подтверждение его? Если бы он продолжал учение Моисея, ему бы не с кем было бороться, никого бы он не обличал, никто бы его не распял. И вот представляется самый глупый, но единственный **(стр. 219)** выход: учителя, с которыми он боролся и которые распяли его, не были учителями закона Моисея, но это была секта фарисейская. Какая секта, чего секта, чем она отличалась от того, что не секта? Ничего этого нет и нельзя сказать. Но нет ничего скрытого, что бы не стало явным, и вот для меня, как для ребенка, не знающего всех мудрствований, по которым нужно думать навыворот, вдруг стало ясно, что это грубый, глупый обман, и я говорю это, и у всех соскакивают с глаз бельмы. Слово "фарисей" может иметь два значения: *толкователя и отделенного*. Что же другое значат эти два слова, как не учитель и пастырь? Если бы это была секта, то она бы и носила название, свойственное ей; название же ее есть название, соответствующее нашему *православный*. Слова Павла в Деян. XXII, 3--5, значат только то, что "я был православный иудей". Теперь, что такое эта, так называемая, секта? Вот определение ее по всем церковным источникам: "они признавали себя истинными и единственными толкователями закона Божия; основой истинности своей они признавали предание, дошедшее до них от Авраама; они имели иерархию, синагоги и синагоги; они отличались от неучителей одеждой и внешним видимым благочестием". . . Пускай кто-нибудь опишет то, что такое пастыри церкви. Пастыри церкви -- это люди, признающие себя истинными и единственными толкователями закона Бога. Основой истинности своего толкования они признают предание, дошедшее до них от Иисуса Христа. Они составляют отдельное от других людей учреждение, управляемое синагогой, архиереями и пастырями. Они отличаются от неучителей одеждой и внешним видом благочестия. Так определяет церковь и фарисеев и саму себя. Для человека вне церкви очевидно, что определение фарисеев как людей, установивших много лишних обрядов, притворщиков, злодеев, погубивших Христа, будет точно так же до малейших подробностей верно и по отношению к церковникам. Христос боролся не с какими-то фарисеями, и фарисей не значит только лицемер, но значит, человек, берущий на себя право учить. Христос

боролся с отдельными учителями и так и сказал это по-еврейски. Сказал по-еврейски: фарисеи, т.е. пастыри, -- люди, признающие за собой знание полной истины и учащие ей. Как скоро поймешь это и переводишь, как и следует перевести слово *фарисей* -- *церковные учителя*, так на всю историю, на положение Христа в народе, на слова его и даже на все учение проливается новый яркий свет. И не такой свет, который бы изменял в чем-нибудь смысл учения Христа, но такой, при котором рассеиваются все неясности, темноты, прежде неприятно нарушавшие ясность божественного учения. Мф. III, 7. К Иоанну приходят очищаться фарисеи и саддукеи. И Иоанн говорит им: "Порождения ехидны, кто научил вас" и т.д. Обращение это, непонятное прежде, если понимать фарисеев и саддукеев сектой, ясно, если понимать их как представителей истинной веры. Что Иоанн сказал, сказал бы теперь проповедник, если бы к нему пришли православные и протестанты. Он сказал бы: что же вы-то, исповедующие знание истины, зачем приходите? Ин. IV, 1--3. Когда Иисус узнал, что до фарисеев (пастырей народа) дошел слух о нем, он удалился. Понятно, что он удалился от признанных пастырей народа, но не от секты. Лк. V, 17. *Фарисеи и законоучители*. Здесь является в первый раз соединение фарисеи и законоучители, но понимание, что были фарисеи и еще законоучители, не определяется так же, как не определяется, кто были книжники и законники; и так как, очевидно, законоучители, законники, книжники не были все секты, то это надо переводить так: пастыри, учащие закону. В продолжении этой главы, через четыре стиха, те же самые фарисеи и законоучители уже названы книжники и фарисеи. Фарисеи все те же, но вместо законоучителей стали книжники. Неужели это другие пришли? Очевидно, это другое определение тождественно первому. Точно так же соединяется слово "фарисеи" с законниками и с первосвященниками. Мф. XXVII, 62. Очевидно, что фарисеи значит пастыри. Но пастыри бывают законники, книжники и архиереи. Почему по- (стр. 220) ставлено *фарисеи* вместо того, чтобы сказать *из фарисеев*, можно объяснить тем, что ложное понимание того, что были фарисеи, было у всех церковных переписчиков, и они должны были стремиться к тому, чтобы запутать эти места, дав фарисеям значение ложной секты. Лк. V, 30; Мф. IX, 14. Фарисеи требуют соблюдения постов и несообщения с мытарями от всех: стало быть, они не секта. Лк. VI, 7. Фарисеи блюдают исполнение субботы, она же есть завет с Богом по Моисею; стало быть, они не секта. Мр. III, 6. Фарисеи делают совет с Иродом, как бы погубить Иисуса за неисполнение субботы; стало быть, они не секта, а царствующая вера -- православие. Ин. VII, 32. Фарисеи и первосвященники посылают взять Иисуса; стало быть, фарисеи были одно с первосвященниками, были православные. Ин. VII, 48. Никто из начальников и фарисеев не поверил Иисусу; стало быть, фарисеи были начальниками веры. Ин. VIII, 3. Фарисеи и книжники приводят женщину для исполнения над нею казни по закону; стало быть, они царствующее единое истинное учение, а не секта. Ин. IX, XIII. Чтобы решить вопрос о слепом, его ведут к фарисеям как к истинным толкователям закона. Ин. XI, 57. Фарисеи и первосвященники дали повеление. Если бы они были секта, то не могли давать повеления. Ин. XII, 42. Из начальников многие уверовали в Иисуса, но для фарисеев не исповедовали, чтобы не быть изгнанными из синагоги. Какая же это секта? Мф. XXIII, 2. На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи. Так сам Иисус определил фарисеев. Это не секта, это православные. Ин. XVIII, 3. Иуда взял отряд от первосвященников и фарисеев. Это не секта, а единая духовная власть. Смешно и странно доказывать то, что слово значит то, что оно значит. И не нужно бы было доказывать, если бы обман не был так глуп и так стар и, кроме того, не был бы так обыкновенен в людских делах. Революция борется с монархической мастью. Бонапарт выходит из революции и устанавливает ту же власть. Но он говорит, что монархисты -- это секта роялистов. И все проглатывают эту пилюлю и пресерьезно говорят о роялистах и бонапартистах. Для бонапартистов и

роялистов, разумеется, есть разница, но для людей, ищущих смысла вещей, нет никакой, и явно, что бонапартисты, называя роялистов сектой, играют словами или говорят о том, что должно служить для них, но что не имеет никакого значения для более глубокой точки зрения. Для людей Павловой веры, установивших новые суеверия вместо старых, фарисеи могут представляться чем-то отличным от секты Павла; но для людей, понявших веру Христа, нет никакого между ними различия. В вере Христа этот обман особенно поразителен тем, что Иисус предвидел его и, насколько только возможно, под корень подкопал его и, указав прямо на этот повод заблуждений, сказал: берегитесь закваски фарисейской, -- и определил ясно и точно, в чем она состоит. Обличение пастырей, представляющееся при обыкновенном чтении выражением негодования или даже предупреждения и предвидения того, что может быть, есть, собственно, самое точное определение этого зла и источника его. (Мф. XXIII, 37, 38 /Лк. XIII, 35/)

Иерусалим, Иерусалим! ты убиваешь пророков и камнями бьешь тех, которые присланы к тебе. Сколько раз я хотел свести воедино всех детей твоих так же, как наседка собирает цыплят под крылья, но вы не хотите. Так вот и погибнет дом ваш. Дом ваш разумеется ваш храм -- дом вашего Бога, и следующая затем речь о храме подтверждает, что речь идет о нем. (Мф. XXIII, 39) Потому что, говорю вам, больше уже не увидите истины, пока не скажете: благословен тот, кто учит разумению господа. (стр. 221) Иисус заключает обличение самозванных пастырей тем, что погибнет их дом Бога и они не узнают истины до тех пор, пока не будут призывать к себе разумение. (Мф. XXIV, 1; Мр. XIII, 1) И, вышедши из храма, Иисус пошел прочь. Тогда ученики подошли к нему, чтобы указать ему на строение храма. Дорогие камни и на приношения. Ученики говорят: ты говоришь, что этот храм их ложный, а вот, однако, как он разукрашен! (Мф. XXIV, 2, 3) И Иисус отвечал им: не смотрите на это. Верно говорю вам, не останется здесь камня на камне, что бы не был разрушен. И когда он сел на Масличной горе, подошли к нему ученики и для себя спросили: когда это будет и чем окажется, что твое учение установилось и что кончилась жизнь теперешняя? Ученики спрашивают, когда это случится, т.е. когда совершится то, что он обещал и что Богу будут поклоняться не в храме, а в духе и делом, и когда разрушится вся эта ложь пастырей и их храмов и будет везде твое учение. Ученики спрашивают то, что всегда спрашивают, когда говорится об истинном учении Христа. Они говорят: хорошо бы это было, но когда-то будет? (Мф. XXIV, 4-8) И Иисус на ответ сказал им: смотрите берегитесь, чтобы не ошибиться. Потому что многие будут учить вас во имя разумения и многих запутают. Услышите о войнах и возмущениях, смотрите не бойтесь; все это будет, но это не конец соблазнов. Поднимется народ на народ и царство на царство и будет голод и землетрясение в разных местах. Это все только муки родов. Ученики спросили, когда кончатся соблазны, и Иисус отвечает: будут уверять вас, что учат вас разумению, и за это будут войны и возмущения, но вы знаете, что это не конец соблазнов и зла. 'А..... - значит муки родов и ничего больше, и так должно быть переведено. Стихи 9-й и 10-й внесены сюда с писателем из речи, сказанной ученикам при посылке их на проповедь, и сюда, очевидно, не относятся. (Мф. XXIV, И, 12, 14) И многие лжеучители явятся и спутают многих. И от увеличения беззакония охладится любовь у многих. И когда возвешение об истинном благе разнесется по всей земле в утверждение всем народам, тогда-то придет конец соблазнам. 13-й стих опять вставка из речи к ученикам

ЧЕЛОВЕК ЖИВЕТ ЖИЗНЬЮ ДУХА ВО ПЛОТИ

Общее изложение главы девятой. Если человек живет для плоти, то он погибает, как всякая плоть. Если он живет духом, то приобретает жизнь истинную: **(стр. 222)** всякий человек знает жизнь истинную, но плоть соблазняет его. Берегитесь соблазна. Потому что лучше тебе, чтобы погиб один сустав твой, чем все тело. Лучше лишиться минутной радости, чем истинной жизни. Жизнь истинная дана нам, и все мы знаем ее, но обман плоти путает нас. Привели раз к Иисусу детей, чтобы они побыли с ним. Но ученики стали отгонять детей, говоря: что нашему учителю делать с глупыми ребятами? Иисус увидел, что они ни во что считают ребят и отгоняют их, огорчился на учеников и говорит: напрасно вы так детей гоняете; они самые лучшие люди, потому что дети все живут по воле Божией. Они—то уже наверно в царстве Божиим. Вам не гонять их надо, а учиться у них, потому что для того, чтобы жить в воле Божией, надо жить так, как живут дети. Дети всегда исполняют *пять правил*, которые я дал вам: дети не ругаются, не держат зла на людей, дети не блудят, дети не клянутся ни в чем, дети не противятся злу, ни с кем не судятся, дети не знают различия между своим и народом чужим и не воюют. Дети исполняют пять правил, и потому они лучше больших, и они в царстве Божиим. Если не бросите всех обманов плоти и не сделаетесь такими же, как дети, не будете в царстве Божиим. Только тот, кто понимает, что дети лучше нас, потому что не нарушают закона Бога, только тот понимает мое учение, только тот понимает Бога. Нам нельзя презирать детей, потому что они лучше нас и души их чисты перед Богом и всегда с Богом. Они все хороши и добры. И ни один ребенок не погибает по воле Бога; все погибают только от людей, потому что люди отманивают их от добра. И потому надо беречь их и не отманивать их от их Отца и от жизни истинной. И дурно делает тот человек, который отманивает их от чистоты. Отманить ребенка от добра, соблазнить его гневом, блудом, клятвой, судом, войной так же дурно, как навесить такому ребенку жернов на шею и бросить в воду; трудно, чтобы выплыл, а скорее потонет. Так же трудно ребенку выбраться из соблазна, в который введет его взрослый. Мир людей несчастен только от соблазнов. Соблазны везде в мире, всегда были и будут, и человек погибает от соблазнов. И потому все отдай, всем пожертвуй, только бы не попасть в соблазн. Лисица попадет в капкан, отвертит лапу и уйдет; и лапа заживет, и она остается жива. Так и ты делай; все отдай, только бы не завязнуть в соблазне. Соблазны расставлены против всех пяти правил и против всех их надо беречься. Берегитесь же; вот соблазн против первого правила: *не сердиться*. Не спрашивай, сколько раз прощать брату; не думай, что семь раз можно простить, а потом уж надо мстить. Не семь раз только прощай, а семьдесят раз семь прощай и опять прощай. Потому что царство Бога можно вот к чему применить. Стал царь считаться со своими оброчниками. И привели ему оброчника такого, что должен был миллион рублей. И нечем было ему отдать. И надо бы царю за это продать все его имение, жену, детей и его самого. Но стад оброчник просить милости у царя. И царь помиловал его и простил весь долг. И вот этот—то оброчник пошел домой и увидел мужика; должен ему был этот мужик 50 копеек. Схватил его царский оброчник, стад душить и говорить: давай, что ты мне должен. И пал мужик ему в ноги и говорит: потерпи на мне, все отдам тебе. Но оброчник не помиловал, а посадил мужика в замок, чтобы сидел, пока не отдаст всего. И увидели это мужики и пошли к царю и сказали, что сделал оброчник. Тогда призвал царь оброчника и говорит ему: я тебе, злая собака, весь оброк простил, потому что ты умолил меня. И тебе надо было миловать должника своего за то, что я тебя помиловал. И прогневался царь и отдал оброчника на пытку, пока не отдаст всего своего оброка. Так—то и Отец Бог сделает с вами, если не простите от всего сердца всем тем, кто виноват перед вами. Если тебя обидит человек, то помни, что он сын одного Отца -- Бога и брат тебе. Если он обидел тебя, поди усовестить его с глазу на глаз. Если послушает тебя, то ты в барышах, у тебя новый брат будет. Если не

послушает, то усювети и позови с собой двух или трех, чтобы они уговорили его. Если же не послушает, то скажи сходке, если сходки не послушает, то он будет тебе как чужой: тогда прости его и не имей с ним дела. **Ведь ты знаешь, что если затеется ссора с человеком, так лучше с ним помириться, (стр.223)** не доходя до суда. Ты знаешь это и делаешь так, потому что знаешь, -- дойдешь до суда, то больше потеряешь. Ну, то же самое и со всякой ссорой: если ты знаешь, что это худо и доведет тебя до того, что тебя удалит от Бога, то поскорее развязывайся со злом и мирись, пока еще не ушел тот, с кем завязалась злоба. **Ведь сами знаете, что как завяжетесь на земле, так и будет пред Богом; а коли развяжетесь на земле, будете развязаны перед Богом.** Опять же вы сами поймите, что если двое или трое сошлись на земле во всех делах, то чего они ни попросят, все и получают от Отца своего. Потому что где двое или трое соединены моим учением, они исполняют мое учение. **Берегитесь, вот соблазн против 2-го правила: не блудите.** Подошли раз к Иисусу самозванные пастыри и, выпытывая его, сказали: можно ли человеку оставлять свою жену? Он же сказал: с самого начала человек сотворен самцом и самкой, это естественный закон. И оттого человек оставляет отца и мать и прилепляется к жене, и сливается муж и жена в одно. Поэтому человек не должен нарушать естественный, Божий закон и разделять то, что соединено. А если по вашему, Моисееву закону выходит, что можно бросить жену, то это неправда; по естественному закону это не так. **И я говорю вам, что кто бросает жену, тот вгоняет в распутство и ее и того, кто с ней свяжется.** И сказали Иисусу ученики: если уж так надо держаться той жены, какую раз взял, и никогда не оставлять ее, то это так трудно, что лучше уж вовсе не жениться. Он сказал им: можно и не жениться, но только надо понимать, что это значит. Если кто хочет жить без жены, тот будь уж совсем чистый и не касайся женщин. Бывают и такие люди, что совсем не любят женщин; а кто любит женщин, тот сойдись с одной женой, не бросай ее и на других не приглядывайся. **Берегитесь же, вот соблазн против 3-го правила: не обещайся ничем никому.** Самозванные пастыри ваши повсюду разъезжают и приводят народ к присяге в том, что люди будут верны закону и начальству. Но они этим только совращают народ. Нельзя обещаться телом за свою душу. В душе вашей -- Бог, и потому обещаться за Бога не могут люди перед людьми. И подошли раз сборщики податей к Петру и спросили его: что ж учитель ваш, -- или не платит подати? Петр сказал: нет, не платит. И пошел рассказал Иисусу, что его остановили и сказали ему, что все обязаны платить подати. Тогда Иисус сказал ему: царь ведь не берет с своих сыновей подати, и, кроме царя, они никому не обязаны платить. Так? Так вот также и мы. Если мы сыновья Бога, то мы никому, кроме Бога, ничем не обязаны, перед всеми свободны. Мы ни- | чем не связаны; но если требуют с тебя " подати, то отдай, но не потому, что ты обязан, но потому, что нельзя противиться злу. И если с тебя тянут кафтан, отдай и рубаху. В другой раз пастыри сошлись с царскими чиновниками и пошли к Иисусу уловить его в словах. Они сказали ему: ты вот учишь всему по правде; скажи же нам, что обязаны мы платить подати кесарю или нет? Иисус понял, что они хотят осудить его в противлении присяге кесарю. Он сказал им: покажите то, чем платите подать кесарю. Они подали ему монету. Он посмотрел на монету и говорит: это что же тут, чье обличив и чья подпись? Они говорят: кесарева. Он и говорит: так вот и отдавайте кесарю то, что кесарево, а то, что Божие, душу свою никому не отдавайте, кроме как Богу. Деньги, имущество, труд свой, все отдавайте тому, кто будет просить их у вас, но душу свою никому не отдавайте, кроме Бога. И не обещайтесь никому, потому что вы все во власти Бога, и душу свою отдавайте одному Богу. **Берегитесь же. Вот соблазн против 4-го правила: не судите и не судитесь.** Зашли раз ученики Иисусовы в деревню и просились переночевать. Их не пустили. Тогда ученики пришли к Иисусу жаловаться на это и говорят: чтобы громом убило их за это! Иисус говорит:

все вы не понимаете, какого вы духа! Я учу не тому, как губить, а тому как спасать. Привели раз к Иисусу женщину и говорят: вот эта женщина поймана в блуде. А по закону ее следует побить камнями. Ты что скажешь? Иисус ничего не отвечал и ждал, что они одумаются. Но они пристали к нему и **(стр. 224)** спрашивали, что он присудит этой женщине. Тогда он сказал: кто из вас без ошибки, тот пусть первый швырнет в нее камнем, и более ничего не сказал. Тогда фарисеи оглянулись на себя, и совесть укорила их; и стали передние прятаться за задних, и все отошли прочь. И остался Иисус один с женщиной. Он оглянулся и видит -- никого нет. Что же, говорит, или никто тебя не обвинил? Она говорит: никто. Он и говорит: и я не могу тебя обвинить; пооди, да не ошибайся. Как ни явно, как ни дурно дело, некому обвинять за него. Обвинять мог бы только тот, в ком нет ошибки, а обвинять уже ошибка. Раз к Иисусу пришел человек и говорит: вели брату моему отдать мне наследство. Иисус сказал ему: меня никто не ставил судьей над вами, и я никого не сужу. И вы никого судить не можете. Берегитесь же, вот соблазн против 5-го правила: *нет разных народов*. Все люди братья, сыны одного Отца Бога. Один законник хотел соблазнить Иисуса и сказал: что мне делать, чтобы получить жизнь истинную? Иисус сказал: ты знаешь -- любить своего Отца Бога и брата своего по Отцу -- Богу, чей бы он земляк ни был. И законник сказал: это хорошо бы было, если бы не было разных народов, а то как же мне любить врагов моего народа? И Иисус сказал: был один иудей. Он попал в беду: его избили, ограбили и бросили на дороге. Проходил иудей священник, посмотрел на избитого и прошел мимо. Проходил иудей левит, посмотрел на избитого и прошел мимо. Прошел человек из чужого вражеского народа, самарянин. Этот самарянин увидел иудея и не подумал о том, что иудеи ни во что считают самарян, и пожалел избитого иудея, обмыл, перевязал его раны, свез на своем осле в гостиницу, заплатил за него деньги гостинику и обещал еще захватить заплатить за него. Так вот, так поступайте с чужими народами, с теми, что ни во что не считают и разоряют вас, и тогда получите жизнь истинную. Иисус сказал: мир соблазнов любит своих, а Божьих ненавидит, и потому люди мира -- священники, начетчики, начальники будут мучить тех, которые будут исполнять закон Бога. И я вот иду в Иерусалим, и меня будут мучить и убьют, но дух мой не может быть убит; он будет жив. Услышав про то, что Иисус будет замучен и убит в Иерусалиме, Петр огорчился, взял за руку Иисуса и сказал ему: если так, то не ходи лучше в Иерусалим. Тогда Иисус сказал Петру: не говори этого. То, что ты говоришь, это -- соблазн. Если ты боишься за меня мучений и смерти, то это значит, что ты не думаешь о божеском, о духе, а думаешь о человеческом. Тот, кто живет светом разума, с тем ничего не может случиться дурного, потому что он всегда в свете; только с тем может случиться дурное, кто выйдет из света истины во тьму соблазна плоти. И, подзвав народ с учениками, Иисус сказал: тот, кто хочет жить по моему учению, тот пусть откажется от своей плотской жизни, тот пусть будет готов на все плотские страдания, потому что кто боится за свою плотскую жизнь, тот погубит истинную жизнь; а кто пренебрегает плотскою жизнью, тот спасет истинную. И еще он сказал им, что если и убьют человека, живущего разумением, то разумение не умрет, а будет жить. И они не понимали этого. И вот подошли саддукеи, и он объяснил всем, что значит истинная жизнь в Боге и восстание из мертвых. Саддукеи говорили, что после смерти плотской уже нет никакой жизни. Они сказали: как же могут все воскреснуть из мертвых? Если бы все воскресли, то этим воскресшим никак нельзя бы было жить вместе. Вот было у нас семь братьев. Первый женился и умер. Жена вышла за второго брата, и тот помер; она вышла за третьего, и тот умер; и так до седьмого. Ну, как же эти семь братьев будут жить с одной женой, если все воскреснут? Иисус сказал им: вы или нарочно путаете, или не понимаете, в чем Бог и в чем жизнь после смерти. Люди в этой жизни женятся и выходят замуж. Те же, которые заслужат жизнь после плотской смерти, не женятся и не выходят замуж, потому что им незачем

продолжать жизнь в других; они сами никогда не умирают, потому что они соединяются с Богом, сделавшись сынами его. В писании вашем сказано, что Бог сказал: Я Бог Авраама и Иакова. И это Бог сказал тогда, когда Авраам и Иаков уже умерли для людей. Стало быть, те, кто умерли для людей, живы для Бога. Если есть Бог и Бог не умирает, то те, кто с **(стр. 225)** Богом, те всегда живы. Восстановление от смерти есть жизнь в Боге. Жизнь в Боге есть исполнение воли Бога в плотской жизни. Кто исполняет волю Бога, тот соединяется с Богом. Для Бога нет времени, и потому, соединяясь с Богом человек уходит от времени, следовательно от смерти. Услыхав это, пастыри уже не знали, что придумать, чтобы заставить его замолчать, и соединились с мирскими, и вместе стали выпытывать Иисуса. И один из них, пастырь, сказал: Учитель! Какая же, по-твоему, главная заповедь во всем законе? Пастыри думали, что Иисус запутается в ответе по закону. Но Иисус сказал: главная -- та, чтобы любить господа, того Бога, во власти которого мы находимся, всей нашей душой; и другая выходит из нее: любить ближнего своего, так как в нем тот же господь. В этих двух заповедях все, что написано во всех ваших книгах. И Иисус сказал еще: по-вашему, что такое Христос? Что он, сын чей-нибудь? Они сказали, что по-ихнему Христос -- сын Давидов. Тогда он сказал им: как же Давид называет Христа своим господином? Христос не сын Давида и ничей сын, а Христос это тот же самый господь, владыка наш, которого мы знаем в себе, как жизнь нашу. Христос -- это то разумение, которое есть в нас. И после этого уже не спрашивали его. И Иисус сказал: смотрите, берегитесь закваски самозванных пастырей. Берегитесь и закваски мирской и закваски царской. Но больше всего берегитесь закваски самозванных пастырей, потому что это обман. И когда понял народ, про что он говорил, он сказал: пуще всего берегитесь учения ученых самозванных пастырей. Берегитесь их потому что они заняли место пророка, объявлявшего народу волю Бога. Они самовольно взяли на себя власть проповедовать народу волю Бога. Они проповедают слова, а ничего не делают. И вышло то, что они только говорят: делайте то-то и то-то, а делать нечего, потому что они ничего доброго не делают, а только говорят. И говорят--то они то, чего нельзя делать, и сами ничего не делают. А только стараются удержать за собою право учительства, и для этого стараются выказываться: наряжаться, величаться. И потому знайте, что никто не должен называться учителем, пастырем. Учитель, пастырь, один владыка ваш. А пастыри называются учителями и этим самым мешают вам войти в царство Бога и сами не входят. Эти пастыри думают, что можно привести к Богу внешними обрядами, клятвами, и, как слепые, не видят, что внешнее ничего не значит, что все в душе человека. Они самое легкое, наружное делают, а что нужно и трудно: любовь, милость, правду, оставляют. Им бы только наружно быть в законе и других наружно привести к закону. И от этого они, как гробы крашенные, снаружи чисто кажется, а внутри мерзость. Они наружно и святых мучеников чтут, а по самому делу они -- те самые, которые мучают и убивают святых. Они и прежде и теперь враги всего доброго. От них все зло в мире, потому что они скрывают добро и вместо добра выставляют зло. И надо больше всего бояться самозванных пастырей. Потому что вы сами знаете, что всякую ошибку можно поправить, но если люди ошибаются в том, что есть добро, то уж этой ошибки нельзя поправить. А это--то и делают самозванные пастыри. И Иисус сказал: я хотел здесь в Иерусалиме соединить всех людей в одно разумение истинного блага, но здешние люди только умеют казнить учителей добра. И потому они останутся такими же безбожниками, какими были, и не узнают Бога, пока не примут, любя, разумение Бога. И Иисус пошел прочь от храма. Тогда ученики его сказали ему: ну, а как же этот храм Божий со всеми украшениями, которые люди для Бога приносили в него? И Иисус сказал: верно говорю вам, что весь этот храм со всеми украшениями его разрушится и ничего от него не останется. Есть один храм Божий, это -- сердце людей, когда они любят друг друга. И

спросили они у него, когда будет такой храм. И Иисус сказал им: это будет не скоро. Долго еще людей будут обманывать моим учением и будут за это войны и возмущения. И будет большое беззаконие, и будет мало любви. Но когда истинное учение распространится во всех людях, тогда будет конец зла и соблазнов.
(стр.226)

Глава десятая

БОРЬБА С СОБЛАЗНАМИ

СОВЕТ КАИАФЫ

(Лк. XI, 53, 54; Ин. XI, 47, 48) Когда он сказал это, начали ученые пастыри жестоко налегать на Иисуса и допрашивать его о многом. Они ухитрились, как бы им уличить его его же словами, чтобы обвинить его. И вот архиереи, пастыри собрались в совет и сказали: что будем делать? человек дает такие доказательства своей истины. Так если оставим его, то все поверят в него. И придут римляне и заберут наш город и наш народ. Если оставим его, все поверят, а все поверят, то римляне заберут нас. Стих этот замечателен потому, что он ясно определяет то значение учения Христа, которое понимали иудеи и их пастыри, и которого умышленно хотят не понимать наши пастыри. Иисус учит тому, что Бог -- дух, что служить ему надо духом и на деле, что противиться злу нельзя, что надо покоряться ему, что разных царств и народностей нет, потому что вместо прежних царств земных проповедуется царство Божие, где каждый свободен и зависит только от Бога. И понятно, что если поверят этому, то придут римляне и совсем заберут нас. Римляне теперь все-таки чувствуют, что они имеют дело с народом, а тогда заберут, как стадо баранов. И это -- то самое учение, которому все начинают верить. Понятно, почему, если все поверят, то римляне заберут нас, и почему надо прекратить эти фантазии. Вот что говорит церковь (Толк. Ев.): *И придут римляне* и пр.: с их точки зрения и в этом была правда, и страх перед римлянами был не неоснователен; восстание народное было бы для римлян предлогом уничтожить и ту тень самостоятельности, которая еще осталась у иудеев как нации. В случае сильного восстания народного римляне, действительно, овладели бы и *местом сим*, т.е. Иерусалимом, как столицей нации и средоточием всей жизни народа -- религиозной и политической, с его храмом, богослужением и пр., овладели бы и самим *народом*, т.е. уничтожили бы самое политическое бытие его как нации -- отдельной политической единицы. Не понимая учения, как оно есть, выходит путаница, и нужно искусственное объяснение, что будто бы восстанет народ и римляне вынуждены будут подавить восстание. Все одинаково говорят это, но все они одинаково, очевидно, говорят вздор, потому что не от чего быть восстанию. Если все поверят, то все будут подставлять левую после правой, все будут отдавать кафтан и рубаху. Отчего же восстание? Не восстание, а то, что если все поверят, государства иудейского (стр.227) не будет, войск не будет, судов не будет, богатств, податей не будет -- это понятно. (Лк. XIX, 48, 47; Ин. XI, 49-52) И не могли придумать, что сделать, потому что народ привязался к нему и слушал его. И архиереи и ученые искали, как бы погубить его. Один из них, Каиафа, он был

архиереем в этот год, сказал им: вы ничего не понимаете. Вы не рассуждаете, что нужно, чтобы один человек умер для народа, и это он сказал не за себя, но так как он был архиереем в этот год, то он пророчествовал, что нужно Иисусу умереть для народа. И не только для народа, но для того, чтобы дети Божий были соединены воедино. Стих 50 гл. XI Ин. почему-то во всех переводах переведен неправильно. Ни по чему не выходит, чтобы сказано было, что "лучше умереть одному человеку за людей (искупление), нежели...", а сказано просто, что лучше погибнуть одному человеку, чем всему народу. Это опять один из примеров небрежности отношения к слову Евангелия. Один перевел неправильно, и все, как бараны, повторяют ту же ошибку. Слова в стихе 52 очевидно прибавлены для того, чтобы слова Каиафы, прямо относящиеся к иудеям, отнести к будущей церкви. Каиафа говорит просто, что ему надо умереть и для блага народа и для единства веры, то же самое, что всегда говорили гонители еретиков. Кажется, совершенно ясно. В Евангелии по случаю казни Христа, после обличения пастырей и указаний на то, что вся кровь невинная от Авеля до наших дней на них, указывается, как именно они проливают эту кровь во имя каких-то рассуждений. И церковь так привыкла безнаказано лгать, что она наивно выставляет преступность рассуждений Каиафы, забывая, что она точно так же рассуждала 1800 лет и теперь рассуждает перед казнями. Но церковь забыла то, что она сама себя уличает, потому что для нее весь центр тяжести этих трех стихов заключается в том, что, по ее понятиям, тут высший каламбур и Каиафа нечаянно стал пророком. Вот что она говорит (Толк.Ев.): Из лукавого сердца произошли слова, заключающие чудесное пророчество... Он (Каиафа) сказал это с злобным помыслом, но благодать духа уста его употребила для предсказания о будущем. Но каламбура не могло быть для автора, потому что он и понятия не имеет о догмате искупления; он просто говорит, что Каиафа, человек, сам от себя не мог сказать, что надо Иисуса убить, но он сказал это потому, что, будучи первосвященником, считал себя в праве изрекать пророчества о том, в чем будет благо народа. Другого ничего не сказано, и мы никакого права не имеем приписывать этим словам другого значения, тем более, что при том значении, которое дает этим словам церковь, получается только ни к чему ненужный каламбур, а при настоящем значении получается глубокий смысл, связанный со словами о том, что вся кровь падает на пастырей, и поучение о том, как дурно и безумно во имя пророчества о благе народа убивать людей. Следующий стих показывает опять, что это не вставочное предложение, а разъяснение мысли, вследствие которой иудеи окончательно решили, что надо его убить. (Ин. XI, 53-57; Ин. XII, 1; Ин. XI, 8-10) С этого дня они решили, что убьют его. Но Иисус не показывался иудеям, но ушел ближе к пустыне, в город Ефраим, и там проживал с учениками своими. Дело было близко к пас- (стр. 228) хе иудейской. И много народа пришло в Иерусалим из деревень на пасху, чтобы подготовиться к празднику. И искали Иисуса и говорили между собой в храме: что думаете, ведь не придет он на праздник? И дали пастыри архиереи приказ, что если кто узнает, где он, чтобы открыли, чтобы им силом взять его. За шесть дней до пасхи пришел Иисус в Вифанию. И сказали ему ученики: учитель, теперь архиереи хотят камнями побить тебя, и опять идешь туда. И отвечал им Иисус: в сутках двенадцать часов света. Если кто ходит при свете, то не спотыкается, потому что видит свет мира. Только кто ночью ходит, тот спотыкается, потому что в том нет света. В это место я вставляю 8,9,10 стихи XI главы Ин. как более уместные здесь. (Ин. XII, 2-8; Ин. XII, 12-14) И в Вифании сделали ему ужин. И Марфа служила. А Мария, сестра ее, взяла фунт масла душистого, чистого, дорогого и помазала ноги Иисусу и волосами своими вытирала их. И горница наполнилась духом от масла. И сказал Иуда Искариотский, одни из учеников его, тот, который выдаст его; масло это продать бы за 300 денег да раздать нищим! Он сказал это не потому, что он заботился о нищих, а потому, что был вор и носил ящик. И сказал

Иисус: пускай, она это сделала на день погребения моего. Нищие всегда у нас будут, а я не всегда. На ране весь народ, который шел на праздник, услышал, что Иисус идет в Иерусалим. И взяли они ветви и вышли ему навстречу и закричали: благословен идущий во имя Бога, царь Израиля. А Иисус нашел осленка и сел на него. Стихи с 14 по 18 говорят о значении того, что Иисус сидел на осле. Стихи эти ничего не показывают и ничего не изменяют, и потому они не нужны. (Мр. XI, И; Мф. XXI, 10-12; Ин. XII, 19, Мр. XI, 18; Ин. XII, 20-26) И въехал Иисус в Иерусалим. И когда он въехал, поднялся весь город и спрашивал: кто это? Народ говорит: это Иисус, пророк из Назарета Галилейского. И вошел Иисус в храм и, войдя в храм, выгнал всех тех, что продавали и покупали. Пастыри же говорили друг другу: смотрите, чего же еще? весь мир за ним пошел. И придумывали, как бы погубить его, потому что боялись его тем, что народ восхищался его учением. Были же некоторые греки из тех, которые пришли на праздник. Вот эти-то подошли к Филиппу и сказали ему: господин, мы хотим Иисуса видеть, **(стр. 229)** Филипп пошел и сказал Андрею. А Андрей и Филипп сказали Иисусу. И Иисус на ответ сказал им: пришел час, когда признается сын человеческий. Вы сами знаете, что если зерно пшеничное, упав на землю, не умрет, так и останется одно. А умрет, то принесет много плода. Тот, кто боится за свою жизнь, тот погубит ее. А кто не бережет своей жизни в этом мире, сохранит ее в жизнь истинную. Если мне кто служит, тот пусть и следует за мной. Где я, там и мой слуга. Тот, кто мне служит, того почитит мой Отец. Вся речь Иисуса, после того как он узнал, что греки или вообще язычники хотят быть его учениками, вызвана сознанием того, что наступила решительная минута. Но для объяснения не нужно допускать никаких пророческих мыслей в Иисусе. Самое положение и без того ясно. По всему учению своему Иисус, без всякого сравнения, ближе к язычникам, чем к иудеям. Говоря с иудеями, он говорил еще словами их писания, обходил их святыни, но вот являются язычники, желающие быть его учениками. Язычники, по понятиям иудеев, -- это отверженцы, безбожники, подлежащие избиению, и вдруг он оказывается заодно с язычниками. То он как будто исправлял закон иудейский, был пророком иудейским, и вдруг, одним сближением с язычниками, оказывается явно, что он, по понятием иудеев, -- язычник. А если он язычник, то он должен погибнуть, и уже нет ему спасения. И вот это-то сближение с язычниками вызывает в нем решительные слова, выражающие непреклонность его убеждения. Язычник -- ну язычник, говорит он себе. Я то, что я есмь. И вы, как хотите, понимайте меня. Я погибну, но зерно должно погибнуть, чтобы дать плод. (Ин. XII, 27, 28, 31) Теперь жизнь моя решается и что же скажу? Отец, спаси меня от часа этого! Но ведь я для этого и шел к этому часу. Отец, прояви себя! Теперь приговор миру, теперь тот, кто владеет миром, будет выкинут вон. Стихи 29, 30 пропускаются как непонятные и ненужные. До сих пор Иисус говорил с учениками, теперь же он обращается ко всему народу и к грекам. (Ин. XII, 32) И если вознесусь над землею, то всех привлеку к себе. 33 стих совершенно излишен, в особенности потому, что вопрос иудеев (ст. 34) уже вовсе не относится к крестной смерти Иисуса Христа, а только к возвеличению сына человеческого. (Ин. XII, 34) И сказал ему народ: мы знаем из закона, что владыка не изменяется вовек, как же ты говоришь, что нужно быть возвеличену сыну человеческому? какой такой сын человеческий? Здесь подразумевается, какой сын человеческий должен быть вознесен: который не изменяется, как вечное начало. Иисус и евреи понимают, о чем говорят они. Иисус говорит о том, что он привлечет всех к себе, что когда он возвысится над землей, то и будет то, что соединит всех, т.е. владыка жизни, Христос. Евреи очень ясно понимают его слова и говорят: но как же сказано, что Христос всегда неизменен, а ты говоришь, что Христос этот, владыка, есть не что иное как человек, который вознесется над землею? Что же такое этот

вознесенный (стр. 230) над землею человек? И Иисус прямо отвечает на их вопрос, что этот вознесенный над землею человек есть свет разумения. (Ин. XII, 35) И сказал им Иисус: еще не долго свет в вас есть. И ходите, пока есть свет, чтобы не захватила вас темнота. Кто ходит в темноте, тот не знает, куда идет. Переводы большей частью передают *меж вами*, тогда как ясно сказано, что *он в людях*, в самих людях этот свет. (Ин. XII, 36, 44–50; Ин. XI, 36) Пока есть в вас свет, верьте в свет, чтобы быть сынами света. Иисус заговорил громким голосом: тот, кто верит в мое учение, верит не мне, но тому, кто послал меня. И тот, кто понимает меня, понимает того, кто послал меня. Учение мое есть свет, тот, который пришел в мир, чтобы всякий верующий в него не оставался в темноте. И если кто слышит мои слова и не держит, я не приговариваю его, потому что я призван не приговаривать людей, но спасать людей. Тот, кто не соединяется со мной и не принимает моих слов, и в том есть тот, кто приговорит его. Разумение, которое я высказал, оно-то приговаривает его до последнего дня. Потому что не я от себя говорил, но пославший меня Отец мой, он-то дал мне заповедь, что сказывать и говорить. И знаю, что заповедь эта -- жизнь вечная. То, что я говорю, я говорю, как сказал мне Отец. То и говорю. Так сказал Иисус и отошел и скрылся от них. Так вот что сказал Иисус про язычников, когда его вызвали на то, чтобы он ясно сказал, что такое их Христос и его сын человеческий. Он просто и ясно сказал: сын человеческий владыка жизни, основа его учения -- есть свет. В каждом из вас есть этот свет, и живите этим светом, и будете сынами света. И больше ничего. Вслед за этими стихами следуют ненужные рассуждения о согласии этого места с пророчеством и затем рассказ о том, как подействовали эти слова на народ. После этого рассказа продолжается речь Иисуса, хотя и не объяснено, по какому случаю и когда она сказана. Речь эта есть продолжение предшествующей и потому должна быть соединена с ней; стихи же о том, как подействовала она на народ, должны быть перенесены после речи. (Ин. XII, 42, 43) Но, однако, вместе с начальниками многие поверили в его учение, но от пастырей не признавались, чтобы их не отлучили от церкви. Потому что они дорожили суждением людским более, чем Божьим.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Несколько раз уже пастыри Моисеевой церкви хотели как-нибудь прекратить ту проповедь, которая разрушала все их учение и обличала их ложь. Они пытались доказать ему несправедливость его учения, но всякий раз их доводы только утверждали его, и они чувствовали свое бессилие; но для них признать или не признать его учение имело другое значение, чем для простых людей. Простой человек, (стр. 231) познав истину, отвергал заблуждения и радовался. Пастырь же, учитель, признав истину, должен признать то, что он был обманщик. Этого-то и не хотели и не могли признать пастыри. Они жили благом не истинным, и потому истинное благо было ненавистно им. После обличения пастырей ученики видели, что ему не сдобровать, если он пойдет в Иерусалим, и уговаривали его не ходить и боялись. Они боялись, чтобы с ним не случилось чего дурного. Но он сказал им: разве может случиться что-нибудь дурное с тем, кто знает, что делает? Как не спотыкается тот, кто ходит днем, так и не может быть дурного с тем, кто живет при свете и светом истины. Я ношу в себе свет истины, и пока во мне свет, не может быть дурного. Ну что же, если и будут оплевывать и сечь, и бить, и убьют даже сына человеческого, они убьют тело, а сын человеческий восстанет. Но ученики не понимали этого. Они пришли в Вифанию, близ Иерусалима, и архиереи и фарисеи узнали, что он идет и народ все больше и больше пристает к нему. Что нам делать, думали фарисеи, все верят ему, верят, что власть

не нужна, что богатства не нужны, что народность не нужна. Если все поверят, другие народы заберут нас и отберут от нас все то, что для нас так кажется важно. На совещании Каиафа говорит: разумеется, погибнет народность наша и вся наша гражданская жизнь, если мы допустим этого человека продолжать свою проповедь. Надо скорее убить его. Лучше один человек погибнет, чем народность, государство, и решили убить его. И решился убить его не Каиафа -- человек, но Каиафа первосвященник. Он, во имя своего пророчества о том, что будет хуже для народа, отступил от закона *не убей*. Необычайна слепота людей, утверждавших себя христианами. Все зло, совершаемое ими, предвидено в Евангелии и прямо указано на него. Государственные соображения становятся вразрез с учением Бога, и следование государственным соображениям приводит к убийству Иисуса-бога, по учению церквей. Можно ли сильнее и очевиднее показать зло, вытекающее из государственных соображений, и можно ли сильнее запретить его? И вот 1800 лет христиане казнят во имя государственных соображений. И вот в Иерусалиме к Иисусу приходят язычники и хотят быть его учениками. Он смущается на мгновение, когда ему приходится вполне и явно отречься от иудейства и признать то, что он ближе к язычникам, чем к иудеям, но это смущение продолжается недолго. Он говорит себе: чего же я боюсь; я ведь этого только желал и теперь желаю, чтобы проявилась воля Бога. И он говорит прямо, что Христос, которого они ждут, не что иное как то, что есть в человеке свет разума, что надо жить светом этого разума, чтобы иметь жизнь истинную, и что это не он выдумал, а это воля Бога -- начала всего. Кто верит мне, тот верит тому, кто послал меня. Если кто не верит, то в нем есть тот, кто судит его. Разумение судит его. Свет этот есть в вас, и вы живете этим светом, он есть жизнь, и будете сынами света. У него спрашивают: кто сын человеческий? Как ему яснее сказать? сказать: это я, они бы имели право понять ложно; сказать: это вы -- то же самое. Он сказал то, что составляло его учение *сына человеческого*, -- что он есть свет, посланный в мир, он же есть жизнь и им одним надо жить.

СБОР И ЗАГОВОР ПЕРВОСВЯЩЕННИКОВ

(Мф. XXVI, 3-5, 14-18) Тогда сошлись архиереи, начетчики, пресвитеры народа во дворе архиерея Каиафы. И совещались, как бы им хитростью взять Иисуса, чтобы убить. И говорят: только бы не на празднике, а то шум в народе делается. И вот в то время пришел один из двенадцати, Иуда Искариот, к архиереям (стр. 232) и говорит: что дадите, я вам выдам его. Они выставили ему тридцать денег. И с того времени стал он искать случая, как бы его выдать. В первый день опресноков пришли ученики к Иисусу и говорят ему: где велишь приготовить пасху? Он и говорит: подите в город к кому-нибудь и скажите ему: учитель говорит: времени у меня мало, у тебя хочу взять пасху с учениками. Стих 18-й вовсе не имеет какого-то таинственного, пророческого значения о смерти, которое приписывается ему церковью. Стих этот значит просто то, что накануне пасхи некогда готовиться к ней, и Иисус, как и всегда нищий, посылает попросить у первого встречного приема и угощения на пасху. (Мф. XXVI, 19, 20; Ин. XIII, 1, 2) И сделали ученики, как велел Иисус, и приготовили пасху. Вечером он сидел за столом с двенадцатью учениками своими. Перед праздником пасхи знал Иисус, что пришел его час, чтобы он отошел из мира этого к Отцу; любивши своих, он благодетельствовал им до конца. И во время ужина, когда злой умысел выдать его вошел в душу Иуды Искариота... Ключ к пониманию так называемой тайной вечери находится в этих двух стихах Иоанна. Я перевел их слово в слово. Стихи объясняют то, что будет делать Иисус во время ужина. Иисус знал, что он должен быть предан, и догадывался или знал, что предаст его один из учеников, и вот он, в

то время когда в душе одного из учеников составлен заговор, исполняет свое учение любви и только любовью укоряет и обличает своих учеников. Как предложение хлеба и вина, так и омовение ног есть не что иное, как дела любви, которыми он отвечает на ненависть и предательство. Все толкователи согласны, что то, что описано Иоанном, есть только дополнение того, что описано синоптиками. И потому слова, передаваемые Иоанном, есть вступление ко всей тайной вечере. Во всех евангелистах действия Иисуса за этим ужином неразрывно связаны с предательством Иуды; но все толкователи хотят непременно отделить одно от другого и отделяют. Но когда эти два события отделены, оба теряют смысл. Зачем нужно пить вино и есть хлеб, называя это телом и кровью, -- как ни толкуй, остается не только непонятным, но, очевидно, чем-то безобразным. Зачем нам нужно знать, что Иуда предал и мокал хлеб в солонку, -- тоже непонятно и безобразно. Очевидно, установленный безобразный обычай причащения Павлом и другими последователями его, не знавшими учения Христа, так кажется важен, что люди не хотят видеть прямого смысла речи. (Мф. XXVI, 21) И Иисус сказал: вы сами знаете, что один из вас, тех, которые едят со мною, выдаст меня. У Луки только словам этим предшествуют слова о том, как он хотел есть пасху с ними, зная, что он не будет более есть ее в этом мире, и о предложении чаши (Лк. XXII, 14 и след.), очевидно Лука держится понятия Павла -- что за этим ужином Иисус устанавливал обряд. По Мф. и Мр., также и по Иоанну, первые слова Иисуса относятся к предательству Иуды. И, держась их, смысл всего дальнейшего связан и ясен. (стр. 233) (Мф. XXVI, 22-24; Ин. XIII, 18; Мф. XXVI, 24) И ученики очень огорчились и стали поодиночке говорить ему: неужели я, господин? Он же на ответ сказал: кто со мной в одном блюде ест, тот меня выдаст. Сын человеческий уходит, как написано о нем: Кто ел со мной, тот меня погубит. Но горе тому человеку, чрез которого сын человеческий предастся, лучше бы тому человеку не родиться. Стих Мф. 25 о том, что это был Иуда, как не повторенный у Марка -- неясный и противоречивый, исключается. Важно то, что главное и неоспоримое значение слов Иисуса -- то, что он в числе учеников своих подозревает предателя, подозревает, что между ними, людьми, ядущими с ним, есть человек, имеющий против него зло. Следующие слова и действия прямо вытекают из этого утверждения. (Мф. XXVI, 26) Когда же они стали есть, взял Иисус хлеб и, помолвившись Богу, разломил и дал ученикам и сказал: возьмите, ешьте -- это тело мое. Иисус сказал ученикам, что один между ними предатель; он это знал, как сказано у Иоанна: предатель, отдающий его на смерть. Они отреклись все и продолжают есть: тогда он берет хлеб, разламывает его и подает им и говорит: ешьте вот это. Тот, кто меня предаст на смерть, тот будет есть мое тело. (Мф. XXVI, 27, 28) И взял стакан и, помолвившись Богу, подал и сказал: пейте из этого стакана все. Это кровь моя нового заветания, она разливается для многих для прощания ошибок. Все. Пейте, все двенадцать, так, чтобы непременно пил и предатель. И пили из стакана все. Если бы это не касалось предателя, то не стоило бы и записывать. Иисус вместо того чтобы укорить, обличить предателя, которого он знает, дает ему вместе со всеми есть и пить из своих рук и говорит, что тот предатель, который будет есть и пить этот хлеб и вино, зная, что он на смерть отдает мое тело и готовится пролить мою кровь, тот предатель будет есть не хлеб, а мое тело, будет пить не вино, а мою кровь. И когда они все выпили, он и говорит им: вот в том чтобы не противиться злу, а добром платить за зло, отдавать свою кровь тем, которые пьют ее, вот в этом-то состоит мое заветание. Заветание мое то, которое дает благо многим, состоит в прощении ошибок. (Мф. XXVI, 29) Вы сами знаете, что уже не буду отныне пить от сока виноградного до той поры, когда буду пить с вами другое вино в царстве Отца моего. Вино новое будет пить Иисус с учениками в царстве Бога, как это сказано у Луки (XXII, 30). В этом стихе Иисус объясняет то, почему он сказал, что то, что

он сказал им, есть его завещание, его предсмертное слово. Он говорит: вы, т.е. тот предатель из вас, знает, что я уже приговорен к смерти и что мне уже больше не есть и не пить. Жизнь моя теперь только в духе. Он сказал на празднике, что душа его уж отделилась. Он будет питаться отныне только питанием духа Божия. Вот все, что сказано в этих стихах. Почему к этому месту присоединились те идолопоклоннические толкования, которые породили столько зла, казней, сжиганий, мучений людям, было бы совершенно **(стр. 234)** непонятно, если бы мы не знали, что эти толкования все выросли из веры, проповедуемой Павлом, которую он называл Христовой и которую он проповедовал, не зная Евангелия и издавляя даже не понимая смысла учения Иисуса. Как ни понимать слова об ужине во всех четырех Евангелиях, никак нельзя из них вывести ничего даже близко подходящего к тому, что выведено из них. Ну, положим, что мы переведем, что Иисус сказал: делайте это в мое воспоминание. Что же может выйти из этого? Как ни поворачивай это место, отделив его, как это сделала церковь, от предательства Иуды, оно остается одним из самых ничтожных и ненужных. Пей вино или не пей в воспоминание – это совершенно все равно, по учению Христа, который только о том и говорит, что надо делать дела добра и что, кроме дел добра, ничего не нужно. И вот является что-то необычайное, что-то такое дикое, чему подобного нельзя найти ни в какой дикой вере. И сотни тысяч, миллионов людей убивают и убиваемы из-за этой странной выдумки. Все это было бы непонятно, если бы не остался источник. Источник – безобразное послание Павла, I, Кор. XI, I: "Будьте подражателями мне, как я Христу". Павел учит своей вере, которую он называет Христовой, и вот как он учит, по учению церкви. С первых слов он говорит: *подражайте мне, т.е. я ваш учитель*, тогда как Иисус сказал, что нет учителей, кроме владыки, потом о причастии т.д. Только после этого можно понять не то что самый смысл толкований церкви, понять это невозможно, но понять, как может учение, называемое Христовым, так низко пасть. Ни на чем так не очевидно то страшное удаление от учения Иисуса, как на безобразном толковании этого места. Ведь это басня Хемницера; ученый упал в яму, ему принесли веревку, чтобы его вытащить, а он не берется за веревку, а рассуждает о свойствах веревки: веревка вервие простое или не простое. И это тем более поразительно, что все церкви признают то, что в этот же вечер Иисус омыл ноги своим ученикам и сказал им при этом, в чем состоит все его учение и чем должны отличаться его ученики от тех, которые не признают его учения. Все это место, по Евангелию Иоанна, ясно, просто, определено, и все это оставлено без внимания, и все значение тайной вечери представляется в словах, сказанных о вине и хлебе. (Ин. XIII, 3) И зная, что Отец все передал во власть сына, и что он исшел от Бога и к Богу идет, Созная в эту минуту то, что он не плотский человек, но дух Бога в человеке, исшедший от Бога и идущий к Богу. (Ин. XIII, 4) Иисус встал от ужина, снял одежду и, взяв полотенце, препоясался им. Тайная вечеря, по Иоанну, может служить продолжением тайной вечери по синоптикам, как признает это церковь. Действительно, мысль та же: Иисус знает, что Иуда предаст его, и, вместо того чтобы судить его, он только делами любви уличает его и точно так же при этом говорит, в чем заповедь или завещание его. По Иоанну, дело любви, которое делает Иисус ученикам и предателю в их числе, только поразительнее и сильнее; там он дает хлеб и вино, здесь он униженно моет ноги всем и в том числе и предателю. Можно соединить обе версии, но в действительности очевидно, что обе писаны независимо одна от другой. Иоанн описывает действие более сильное и поразительное, чем предложение хлеба и вина; предложению хлеба он придает другой смысл, чем синоптики. Он говорит, что подача куса хлеба был признак, по которому Христос указал предателя. (Ин. XIII, 5-7, 10) Потом влил воды в кувшин и начал мыть ноги ученикам и обтирать их полотенцем, которым был подпоясан. Подошел к Петру, а тот и говорит:

неужели ты станешь мне мыть ноги? **(стр. 235)** И отвечал Иисус: тебе странно то, что я делаю, но потом ты поймешь. И сказал ему Иисус: вы чисты, но не все. Смысл стихов 8, 9 потерян, и потому они должны быть пропущены. (Ин. XIII, И) Потому что он знал того, кто выдаст его, от этого сказал: не все чисты. Иисус говорит, что он хочет умыть ноги своему предателю и потому ему надо умыть их всех. Он знает, что ученики его чисты, но не все. (Ин. XIII, 12-16) Когда же Иисус умыл им ноги и оделся, то он сел и говорит им опять: понимаете ли, что я делал и делаю для вас. Вы зовете меня учителем и господином. И верно говорите, потому что точно я учитель. Если же я, учитель и господин, вымыл вам ноги, то и вам надобно мыть ноги друг другу. Я вам пример показал, чтобы то, что я сделал, и вы бы сделали. Вы сами знаете, раб не бывает важнее своего хозяина, и посол важнее повелителя. Я переносу стих 20 вслед за 16-м, так какой есть добавление. Смысл его тот же, но речь о предателе тогда не прерывается, и не прерывается речь о повелителе. (Ин. XIII, 20,17) Вы сами знаете, что тот, кто послушается того, что я приказываю, тот послушается моего учения, а тот, кто послушается моего учения, тот послушается того, кто мне повелевает. Если вы знаете это, то вы блаженны, делая это. Иисус сделал добро всем ученикам и в том числе тому, кого он знает за предателя, и говорит ученикам: это я сделал, чтобы показать вам, как надо бороться со злом. Надо делать добро врагу. Делайте то же, исполняйте то, чему я учу, так же, как я исполняю то, чему научил меня Отец, и вы -- блаженны. (Ин. XIII, 18, 19) Не обо всех говорю, потому что знаю тех, кого я избрал. Так что исполнилось писание: тот, кто со мной хлеб ел, тот меня и погубил. Отныне говорю вам это затем, чтобы, когда случится, вы бы верили, что мое учение есть. Слов: "прежде нежели то сбылось" нет в некоторых списках. Стих 20-й есть неуместное здесь повторение прежде сказанного. (Ин. XIII, 21-30) Проговорив это, Иисус возмутился духом, и подтвердил, и сказал: вы сами знаете, что один из вас предаст меня на смерть. И опять стали смотреть друг на друга ученики, не догадываясь, о ком он говорит. Один ученик, тот которого любил Иисус, сидел подле него. Симон Петр кивнул ему, чтобы спросить, кто это? Тот подвинулся к Иисусу и говорит ему: кто же это? И Иисус отвечал: это тот, **(стр. 236)** кому я обмокну кусок и подам. И, обмокнув кусок, подал Иуде Искариоту. И сказал ему Иисус: что хочешь делать, делай скорее. И никто не догадался, к чему он сказал это. Они думали, что, так как у Иуды были деньги, то он велел ему купить, что нужно для праздника, а другие думали, что велел нищим подать. И, взяв кусок, Иуда тотчас же вышел. А была ночь. Под словами: "что хочешь делать, делай скорее" Иисус вовсе не подразумевает предательство. Иисусу незачем советовать предать его, но Иисус несколько раз уже намекал ученикам о том, что между ними есть предатель, и он видел, что Иуда тревожится и хочет бежать. Иуде нельзя не бояться. Если бы ученики узнали это, -- не говоря про других, Симон Петр, наверное бы, задушил его. Теперь Иисус указал Иуду и указал Симону Петру. Если бы Иуда не ушел, его бы убили, и потому Иисус говорит ему: беги скорее, но говорит так, чтобы никто, кроме Иуды, не мог понять. И никто не понимает. Но, когда он ушел, ученики узнали, но бежать за ним и ловить его уже нельзя было, потому что была ночь. Только это значение имеют слова: "а была ночь". (Ин. XIII, 31) И когда ушел Иуда, Иисус сказал: теперь признан сын человеческий, признано, что Бог в нем. Признано учение сына человеческого -- *непротивления злу*. Злодей тот, который хочет предать на смерть своего учителя, ничем не наказан, ничем не уличен, а только тот, кого он хочет погубить, вымыл ему ноги и накормил его. (Ин. XIII, 32) И Бог признает его в себе и прямо признает его. Иисус говорит, что если понимать себя как Бога, то и будет Бог, и Бог прямо будет действовать в тебе. И, сказав эти слова, неясные для учеников, он просто и

ясно выражает им свою мысль. (Ин. XIII, 33, 34) Дети! еще не много мне быть с вами; будете рассуждать о моем учении и, как я говорил иудеям, куда я иду, не придете и вам говорю теперь. Завещание новое даю вам: чтобы вы любили друг друга, как я вас любил, так и вы любите друг друга. Заповедь, завещание новое, то самое, которое у синоптиков выражено оставлением обид, здесь выражено любовью. (Ин. XIII, 35; Мф. XXVI, 30) Поэтому будут узнавать все, кто мои ученики, если будете иметь любовь друг к другу. И воспев (псалмы), пошли на гору Масличную.

БОРЬБА С СОБЛАЗНАМИ ПРОТИВЛЕНИЯ НАСИЛИЕМ

(Мф. XXVI, 31, 33; Лк. XXII, 33; Мф. XXVI, 34 /Лк. XXII, 34/, 35) Тогда Иисус говорит: все вы будете отмануты от меня нынче ночью. И в писании сказано: убьют пастуха, и овцы разбегутся. (стр.237) И на ответ Петр сказал ему: если и все будут отмануты от тебя, я не дамся в обман. С тобой, господин, готов я и в тюрьму и на смерть идти. Иисус и говорит ему: истинно говорю тебе, в нынешнюю же ночь до петухов три раза отречешься от меня и скажешь, что не знаешь меня. Говорит ему Петр: если бы мне и умереть с тобою, и то не откажусь. Также и все ученики сказали. Значение места то, что только тот, кто как Иисус, уже отделился от мира и живет одним духом Божиим, может, не соблазнившись, перенести все страхи и мучения плоти, что представление об отречении от мира легко, но самое отречение трудно, и что вперед обещаться за себя нельзя. Нельзя клясться, нельзя обещаться за будущее, нельзя жизнь истинную, жизнь настоящую ставить порукой за жизнь временную. Сделать все можно в настоящем; в настоящем человек свободен, но будущее есть тьма, и его мы не знаем. Обещаться нельзя, но бодрствовать и молиться надо всякую минуту. Место это находится в связи с молитвой в саду Гефсиманском. Петр и ученики легкомысленно здесь обещаются за будущее, за то, что они не отрекутся от него в саду Гефсиманском, там, где уже близко подходит минута искушения. Когда Иисус увещевает их молиться с ним, они падают духом и не хотят бодриться и, вследствие этого, не выдерживают искушения и отрекаются. (Лк. XXII, 35–38) И сказал им Иисус: когда я посылал вас без сумы и без мешка и без обуви, что вы нуждались ли в чем-нибудь? Они сказали: ни в чем. И сказал им: но теперь у кого есть сума, тот пускай забирает и мешок; а у кого нет, тот пускай продаст платье и покупает нож. Потому что говорю вам, что еще на мне исполнится писание, что его сочтут беззаконником, и всем вокруг меня пришел конец. Они сказали: господин, вот два ножа; он сказал им: ладно.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Сколько ни бились толкователи над этим местом, нет никакой возможности придать ему другого значения, как то, что Иисус собирается защищаться. Перед этим он говорит ученикам о том, что они отрекутся от него т.е. не защитят его, убегут от него. Потом он напоминает им то время, когда не было еще в них уголовного обвинения. Тогда, он говорит, не нужно было бороться. Вы тогда были без сумы и ни в чем не нуждались, но теперь пришло время борьбы, надо запастись пищей и ножами, чтобы защищаться. Произошло это от того, что меня сочли за беззаконника. Исаяя LIII,12: Посему я дам ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу за то, что предал душу свою на смерть и к злодеям причтен был, тогда как он понес на себе грех многих и за преступников сделался

ходатаем. На это место ссылается Иисус. Он говорит о физической борьбе и что вам всем приходит конец. Понимать иначе никак нельзя, потому что ученики отвечают на это: *вот у нас два ножа*. И потому нельзя понимать так, что будто ученики не поняли его, потому что Иисус отвечает им *ладно*. Церковные толкования так испортили Евангелие и так спутали нас, что ясное и глубокое, трогательное и значительное место это или теряется для нас, или, как бельмо на глазу, являет очевидное противоречие. Главная помеха пониманию этого места та, что Иисус -- Бог и потому не мог ослабеть и впасть в соблазн. Здесь же прямо и ясно рассказана не такая внутренняя минута колебания, какая показана при беседе с греками, в саду Гефсиманском и на кресте, а рассказана минута колебания -- упадка духа, перешедшая почти в дело. Он велит доставать ножи и одобряет **(стр. 238)** учеников за то, что они припасли ножи. Он хочет бороться злом против зла и даже объясняет это тем, что он не боролся, когда его не преследовали, но что он не может не бороться, когда его считают беззаконником. После той высоты любви, которую он высказал при обличении предателя на тайной вечере, ночью на него находит соблазн, и он говорит: *давайте бороться, биться ножами*, т.е. делать то, что противно его учению. Место это было бы соблазнительно, если бы оно не было связано с последующим, если бы оно не было необходимым вступлением и освещением минуты в саду Гефсиманском с поступками Иисуса при взятии его, когда ученики хотели ударить в ножи и отрубили ухо Малху; но в связи с этим оно не только не соблазнительно, но необходимо, и есть одно из высочайших и поучительнейших мест Евангелия. Две опасности предстоят тем, которые исповедуют учение Христа: соблазн трусости -- отречения от учения, то самое, о чем Иисус предупреждает Петра, и соблазн насилия -- борьбы зла со злом. Против первого зла Иисус борется всю свою жизнь. Он уходит, когда его гонят. Он отвечает на искушение фарисеев так, чтобы менее всего противоречить им. Сильнее всего соблазн этот проявляется в беседе в храме при язычниках; Иисус борется с соблазном и остается победителем. Теперь наступает второй соблазн -- противления злу, и Иисус на мгновение отдается ему, но тотчас же он вдет молиться, борется с соблазном и побеждает его. Непонимание этого места происходит от того, что оно отделяется от молитвы в саду Гефсиманском, а отделенные одно от другого, как отделяет их церковь, оба места темны, особенно молитва в саду Гефсиманском. (Ин. XVIII, 1; Мф. XXVI, 36-41) Сказав это, пошел Иисус с учениками своими за реку Темную, и пришел в деревню Гефсиманию, где был сад. И вошел туда сам и ученики его. И сказал Иисус ученикам: *побудемте здесь, пока я помолюсь*. И, обратившись к Петру и двум братьям Зеведеевым, начал томиться и тосковать. И сказал им: *тяжко мне на душе до смерти*. Побудьте здесь и поднимите духом со мною. И, отойдя немного, пал на лицо, молился и говорил: *Отец! тебе все возможно*. Сделай, чтобы прошла мимо меня чаша эта, но не как я хочу, а как ты. И встал к ученикам и видит, они унылы. Он и говорит Петру: *так вы и не осилили на один час не поддаться унынию*. Поднимитесь духом и молитесь, чтобы не войти в искушение: *дух силен, плоть слаба*. Какая же это чаша? По всем церковным толкованиям это -- страдания и смерть. Но почему это значит страдания и смерть -- не объяснено и не может быть объяснено. Сказано, что Иисус мучился и тревожился, но не сказано о том, что он ждал смерти. И потом говорится, что он просит Отца о том, чтобы эта чаша отошла от него. Какая же это чаша? Очевидно, чаша *искушения*, так я и понимаю это место. Иисус просит о том, чтобы Бог избавил его от искушения борьбы, но прибавляет, что он просит об избавлении не так, как он хочет, т.е. чтобы не было того, что должно быть, но так, как ты хочешь, т.е. чтобы он перенес все, что должно, не войдя в искушение. Войти в искушение значит прийти в то состояние слабости духа, в котором человек не может отвечать за себя. (Мф. XXVI, 42-45) И в другой раз отошел, стал молиться и говорит: *Отец мой, если чаша эта не может миновать меня, чтобы я не*

пил ее, то да будет воля твоя. (стр. 239) И пришел и видит, опять унывают, потому что глаза у них печальны. И он оставил их и отошел опять, и в третий раз помолился и сказал то же. Тогда вернулся к ученикам и говорит: спите остальное время, отдохните. Близок час тот, в который сын человеческий предастся в руки мирских. Место это вызвало много разъяснений по противоречию того бессмысленного чтения, при котором выходило, что на учеников почему то нашел сон, и Иисус очень обижается на это. Иисус призывает их к возбуждению духовному и не видит в них его; потом уже говорит им: так засните, чтобы отдохнуть.

БОРЬБА С СОБЛАЗНАМИ

Общее изложение главы десятой После этого стали пастыри, архиереи всеми силами подыскиваться под Иисуса, чтобы как-нибудь погубить его. Они собрались в совете и стали судить; они говорили: надо как-нибудь прекратить этого человека. Он так доказывает свое учение, что если оставим его, все поверят в него и бросят нашу веру. Уж и теперь половина народа поверила в него. А если иудеи поверят в его учение, что человек -- сын Божий, никому не обязан повиноваться, что все народы -- братья, что нет в нашем народе еврейском ничего особенного от других народов, то римляне уже совсем заберут нас и уничтожат все наши законы и всю нашу веру, и не будет больше еврейского царства. И долго советовались пастыри, архиереи и ученые и не могли придумать, что с ним делать. Они не могли решиться убить его. И тогда один из них, Каиафа, -- он был первосвященник в этот год, -- придумал вот что. Он сказал им: надо вот что помнить: одного человека полезно убить для того, чтобы не погиб весь народ. Если мы оставим этого человека, то народ погибнет, это я предсказываю вам, и потому лучше убить Иисуса. Если даже и не погибнет народ, то все-таки он разбредется и отойдет от единой веры, если мы не убьем Иисуса, и потому лучше его убить. И когда Каиафа сказал это, тогда все решили, что нечего думать, а надо непременно убить Иисуса. Они бы и сейчас взяли Иисуса и убили его, но он скрывался от них в пустыне. Но в это время подходил праздник пасхи, и много народа всегда сходилась в Иерусалим к празднику. И пастыри, архиереи рассчитывали на то, что Иисус с народом придет к празднику. Вот они и повестили в народе, что если кто увидит Иисуса, то привел бы его к ним. И точно, незадолго до пасхи сказал Иисус ученикам: пойдете к Иерусалиму, и пошел с ними. И сказали ему ученики: не ходи в Иерусалим. Архиереи решили теперь побить тебя камнями. Если придешь, они убьют тебя. Иисус сказал им: я ничего не могу бояться, потому что я живу в свете разумения. И как всякий человек, чтобы не спотыкаться, может ходить днем, а не ночью, так всякий человек, чтобы не, в чем не сомневаться и ничего не бояться, может жить разумением. Только тот сомневается и боится, кто живет плотью, а кто живет разумением, для того ничего нет ни сомнительного, ни страшного. За 6 дней Иисус пришел в деревню Вифанию, подле Иерусалима, к Марфе и Марии, и сестры сделали ему там ужин. И когда он сидел за ужином, Марфа служила ему, а Мария взяла фунт дорогого, цельного пахучего масла и мазала им Иисусу ноги и вытирала их своими волосами. И когда по всей горнице разошелся дух от масла, Иуда Искариотский сказал: напрасно Мария потратила масло дорогое. Лучше бы это масло продать на 300 гривен и отдать нищим. А Иисус сказал: нищие еще будут у вас, а меня уже скоро не будет. Она это хорошо сделала, она приготовила мое тело к погребению. Поутру Иисус пошел в Иерусалим. Народа было много к празднику. И когда узнали Иисуса, то окружили его, стали срывать ветки с дерев и кидать ему одежду свою на дорогу, и все кричали: вот он наш истинный царь, тот, который научил нас истинному Богу. Иисус сел на осленка и ехал на нем, а народ бежал перед ним и

кричал. И так въехал Иисус в Иерусалим. И когда он въехал так в город, взволновался весь народ и спрашивал: кто это такой? И те, кто знали его, отвечали: это Иисус, пророк из Назарета Галилейского. И вошел Иисус в храм и опять повыгнал оттуда всех продавцов и покупателей. И видели все это пастыри, архиереи и говорили друг другу: смотрите, что делает **(стр. 240)** этот человек. Весь народ за ним идет. Но не смели они его взять прямо из народа, потому что видели что народ пристал к нему, и придумывали, как бы им хитростью взять его. Между тем Иисус был в храме и учил народ. В народе, кроме иудеев, были греки, язычники. Греки слышали про учение Иисуса и понимали его учение так, что он учит истине не одних евреев, но всех людей, и потому они хотели тоже быть его учениками, и сказали об этом Филиппу, а Филипп сказал Андрею. Ученики боялись сводить Иисуса с греками. Они боялись, чтобы народ не озлобился на Иисуса за то, что он не признает разницы между евреями и другими народами, и не решались долго сказать это Иисусу, но потом оба вместе сказали это Иисусу. Услыхав то, что греки желают быть его учениками, Иисус сказал: знаю я, что народ возненавидит меня за то, что я не делаю разницы между иудеями и язычниками, за то, что сам признаю себя таким же, как язычник, но теперь настало время, когда должно признать учение о сыне Божьем во всех людях. И если я погибну за это, я должен говорить истину. Пшеничное зерно только тогда приносит плод, когда само погибнет. Тот, кто боится за свою плотскую жизнь, тот теряет жизнь истинную, а кто презирает жизнь плотскую, тот эту жизнь временную сделает истинною не во времени, а в Боге. И, обратившись к Андрею и Филиппу, он сказал: кто хочет служить моему учению, тот пусть делает то же, что и я. А кто делает тоже, что и я, тот будет любим Отцом моим. Теперь решается жизнь моя, будет ли она плотскою, или духовною. И что же, неужели теперь, когда наступило то, к чему я шел, теперь я скажу: Отец! избавь меня от того, что я должен сделать? Не могу я сказать этого, потому что я шел к этому. И потому говорю: Отец! прояви себя во мне. И, обратясь ко всему народу, Иисус сказал: в настоящем только есть власть духа над плотью, в настоящем только побеждается сила плоти. И если я возвышусь над земною жизнью, то всех привлеку к себе. И сказали ему: по закону мы слышали, что Христос -- это что-то особенное, определенное, которое остается всегда одинаким; как же ты говоришь, что ты, Христос, должен вознестись, как сын человеческий. Что же такое значит вознести сына человеческого? На это Иисус отвечал им: вознести сына человеческого значит жить тем светом разумения, которое есть в вас; вознести сына человеческого над земным значит верить в свет разумения, пока есть свет разумения, чтобы быть сыном разумения. Тот, кто верит в мое учение, верит не мне, но тому духу, который дал жизнь миру. И тот, кто понимает мое учение, понимает тот дух, который дал жизнь миру. Учение мое -- это тот самый свет жизни, который вывел людей из тьмы. И если кто слышит мои слова и не исполняет, не я приговариваю его, так как учение мое не приговаривает, но спасает. Тот, кто не принимает моих слов, того приговаривает не мое учение, но разумение, которое есть в нем. Оно-то и приговаривает его. Потому что я не свое говорил, но говорил то, что внушил мне мой Отец -- дух, живущий во мне. То, что я говорю, это то, что сказал мне дух разумения. И то, чему я учу, есть жизнь истинная. И сказав это, Иисус ушел и опять скрылся от архиереев. Из тех, которые слышали эти слова Иисуса, многие из сильных и богатых людей поверили в учение Иисуса, но боялись признаться перед архиереями, потому что из архиереев ни один не признавался, что верит. Потому что они судили по-людски, а не по -- Божьи. После того как Иисус опять скрылся, архиереи и старшины опять сошлись во двор Каиафы и стали придумывать, как бы им тайно от народа взять Иисуса и убить. Явно же они боялись схватить его. И к ним на совещание пришел один из первых двенадцати учеников Иисуса, Иуда Искариот, и сказал: если хотите взять Иисуса тайно, так, чтобы народ не видал, то я найду время, когда с ним будет немного народа, и

покажу, где он, и тогда возьмите его. Что же дадите мне за это? Они обещали ему за это тридцать рублей. Он согласился и с тех пор стал выбирать время, когда навести на Иисуса архиереев, чтобы взять его. Между тем Иисус скрывался от народа, и были с ним только ученики. Как подошел первый праздник "опресноков", ученики и говорят Иисусу: где же мы будем справлять пасху? Иисус и говорит: подите куда-нибудь в деревню, и к кому-нибудь зайдите, и скажите, что у нас нет времени готовить пасху, и просите его пустить нас справить пасху. Ученики так и сделали. Попросились в деревне к одному человеку, и он пустил их. Вот они пришли и сели за стол: Иисус и двенадцать апостолов и Иуда с ними. Иисус знал, что Иуда Искариотский уже обещал выдать его на смерть, но он не обличал и не мстил за это Иуде, а как всю жизнь учил учеников любви, так и теперь любовью только укорил Иуду. (стр. 241) Когда они все двенадцать сидели за столом, он посмотрел на них и сказал: между вами сидит тот, кто предаст меня. Да, тот, кто со мной пьет и ест, тот и погубит меня. И больше им ничего не сказал. Так и не узнали, про кого он говорил, и стали ужинать. Когда они принялись есть, Иисус взял хлеб, разломил его на двенадцать частей, роздал всем ученикам по куску и сказал: возьмите, ешьте; тот, кто меня предаст, тот, если съест этот кусок, будет есть мое тело. И потом налил в чашу вина и подал ученикам и сказал: пейте из этой чаши все. И когда они все выпили, он сказал: тот, кто меня предаст, тот выпил мою кровь. Кровь свою я пролью для того, чтобы знали люди мое завещание -- прощать другим их грехи. Потому что я скоро умру и больше уже не буду с вами в этом мире, а соединюсь с вами только в Боге. И после этого Иисус встал из-за стола, опоясался полотенцем, взял кувшин воды и стал всем ученикам мыть ноги. И подошел к Петру, а Петр говорит: как же это ты будешь мне мыть ноги? Иисус сказал ему: тебе странно, что я тебе мою ноги, но ты скоро узнаешь, зачем я это делаю. Я делаю это затем, что хотя вы и чисты, но не все, и между вами есть предатель мой, которому я тоже хочу умыть ноги. И когда Иисус перемыл им всем ноги, он опять сел и говорит: поняли ли вы, зачем я это сделал? Я сделал это затем, чтобы вы то же самое делали друг другу. Если я, учитель ваш, делаю это, то вам подавно надо служить всем и никого не ненавидеть. Если вы это знаете, то вы блаженны. Я не о всех вас говорю, потому что один из вас, тех, кому я умыл ноги и который ел хлеб со мной, один из вас погубит меня. И сказав это, Иисус возмущился духом и подтвердил то, что один из них предаст его. И опять стали ученики оглядывать друг друга и не знали, про кого он говорит. Один ученик сидел близко к Иисусу. Симон Петр кивнул ему, чтобы спросил его, кто предатель. Тот спросил. Иисус сказал: я обмокну кусок и подам, и кому подам, тот предатель. И он подал Иуде Искариотскому и сказал ему: что хочешь делать, делай скорее. И Иуда понял, что надо уходить, и как только взял кусок, сейчас же ушел, и гнаться за ним уже нельзя было, потому что была ночь. И когда ушел Иуда, Иисус сказал: теперь вам ясно, что такое сын человеческий, теперь ясно вам, что в нем Бог, что он может прощать врагов и делать добро. Дети! еще не долго мне быть с вами. Не мудрствуйте о моем учении, как я говорил пастырям, а делайте то, что я делаю. Даю вам новую заповедь одну: как я любил вас и Иуду предателя, так и вы любите друг друга. По этому только вы будете отличаться, только этим отличайтесь от других людей: любите друг друга. И после этого они пошли на гору Масличную. И дорогой сказал им Иисус: вот приходит время, что случится то, что сказано в писании: что убьют пастуха и овцы все разбегутся. И в эту ночь это будет: меня возьмут, и вы все оставите меня и разбежитесь. И на ответ сказал ему Петр: если и все испугаются и разбегутся, я не отрекусь от тебя. С тобой готов и на смерть. Иисус и говорит ему: а я скажу тебе, что нынче ночью до петухов, когда возьмут меня, ты не раз, а три раза откажешься от меня. Но Петр сказал, что не откажется, то же и ученики сказали. И тогда, увидав, что ученики стоят за него, нашел на

Иисуса соблазн. Стало ему больно, что ни за что хотят убить его. И он сказал ученикам: прежде ничего не нужно было ни мне, ни вам. Вы ходили без мешка и без обуви запасной, и я так велел вам; а теперь, если меня сочли беззаконником, нам нельзя уже так быть, а надо запастись всем, и запастись ножами, чтобы нас напрасно не погубили. И ученики сказали: вот у нас два ножа есть. Иисус сказал: ладно. И пошли они за реку Кедрон, где был сад, и вошли в тот сад. И Иисус сказал ученикам: я ослабел, и мне надо молиться, будьте со мной. И он посадил подле себя Петра и двоих сыновней Зеведеевых и стал стонать и тужить о том, что он впал в соблазн и хотел бороться со злом. Он сказал: больно и тяжело мне, помогите мне, поднимитесь духом вместе со мной. И стал на колени и молился. Он сказал: Отец мой дух, ты свободен, укрепи меня так, чтобы отошел от меня соблазн борьбы, чтобы все было так, как ты хочешь, а не как я хочу, и чтобы я слился с твоей волей. Ученики не молились и унывали, и Иисус упрекнул их и сказал: молитесь, поднимитесь духом, чтобы не впасть в искушение робости или борьбы. Сила в душе, тело бессильно. И в другой раз стал молиться и сказал: Отец дух, пусть будет все, что ты хочешь. И опять ученики не молились с ним и унывали. И он опять в третий раз так же молился и потом, утвердившись духом, сказал ученикам: теперь скоро уже я буду отдан в руки мирских людей. (стр. 242)

Глава одиннадцатая

БОГ ДУХ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ

ПРОЩАЛЬНАЯ БЕСЕДА

(Ин. XIII, 36–38; Ин. XIV, 1). И Петр сказал Иисусу: куда ты идешь? Иисус отвечал: ты не будешь в силах идти туда, куда я иду теперь. Только после ты пойдешь туда же. И сказал Петр: отчего ты думаешь, что я теперь не в силах, чтобы идти туда же, куда и ты? Я жизнь свою за тебя отдам. И сказал Иисус: говоришь, что жизнь свою за меня отдашь, а как бы до петухов еще ты не отречься от меня три раза. Не смущайтесь в сердцах своих. Верьте в Бога и в мое учение верьте. Речь эта у Иоанна стоит после тайной вечери и перед взятием Иисуса, следовательно, она происходит в саду Гефсиманском. Жизнь Иисуса приходит к концу. Он знает это, и ученики знают это. Конец проповеди его об едином истинном благе и жизни, которую он вел по этому учению, тот, что мир возненавидел его, и что, как вредного для спокойствия народа преступника, его хотят убить. Понятно, что ученикам должно прийти сомнение, неужели это гонение, казнь, ненависть мира -- единое истинное благо, единая истинная жизнь, данная от Бога людям. Как успокоить учеников, разрушить эти сомнения? Сказать ли, что это только несчастная судьба, случайно постигшая Иисуса? Что он и они были бы счастливы и на земле, если бы не виноваты были злые люди? Сказать, что если и здесь, я и вы, мы потерпим несчастье, как потерпели пророки, мы будем вознаграждены в том веке, после воскресения? И то и другое могло бы утешить учеников. Но то и другое было бы неправда и было бы утешение, не вытекающее из учения. И Иисус не говорит ни того, ни другого, но только более, чем когда-нибудь, выясняет смысл своего учения, того, что он называет истинным благом, истинною жизнью; выясняет смысл жизни человеческой не

потому, что он так думает, а потому, что она такова и другой нет. И это—то и составляет содержание прощальной беседы. (Ин. XIV, 2) В мире Божьем жизнью много разных. Если бы этого не было, я бы сказал вам: я иду приготовить место вам. Слова эти обыкновенно преспокойно переводятся "в доме Отца моего обителей много". Фраза эта принимается за метафору (ни к чему не нужную); следующие (стр. 243) слова: "если бы это было не так, я сказал бы вам" -- принимаются за утверждение истины, и речь идет дальше, принимая отрицание за утверждение и вообще лишая всякого смысла и связи первые 3 стиха. А между тем слова эти имеют очень определенный и простой смысл. Сказано: в доме Отца моего, т.е. в Божьем мире. Слово употреблено в Евангелии только два раза. В той же беседе сказано, что кто будет любить меня и исполнять мое учение, то в том пребывает Отец и он, Иисус. Следовательно, цоуг) есть пребывание духа, жизнь духа. По... же значит: много разных. И потому слова эти не метафора, а очень глубокая мысль, которую развивает все последующее. Иисус говорит: в Божьем мире дух пребывает самыми разнообразными проявлениями. Мы знаем проявление духа в живом человеке; но я вот умираю, выхожу из жизни нам понятной, но дух мой где-нибудь, в каком-нибудь новом проявлении будет жить; и вслед за этим он говорит, что дух его будет жить в учениках. Христос прямо говорит: выкиньте из головы мысль о месте, где вы будете блаженствовать после смерти -- такого места нет. (Ин. XIV, 3-5) И когда уйду и приготовлю место, то опять приду и возьму вас к себе, чтобы, где я, и вы были. Но куда я иду, вы знаете и путь знаете. И сказал ему Фома: Господин! мы не знаем, куда ты идешь. Как мы можем знать путь? Иисус с первых слов говорит: ничего не бойтесь, верьте Богу и моему учению. Что с нами будет, как мы будем жить после нашей смерти, мы не можем знать. Жизнь в Боге самая разнообразная и непонятная для нас. Сказать, как законники, что я пойду к Аврааму и приготовлю вам там место, я не могу, это была бы ложь. Одно могу сказать, что в жизни я показал вам то, к чему надо стремиться. Это вы знаете. Фома спрашивает: какой же путь жизни? (Ин. XIV, 6) Иисус сказал ему: я путь и истина и жизнь. Никто не приходит к Отцу, как только через меня. То, что я должно быть переведено мое учение, доказывается, кроме требований смысла, еще и тем, что у Ин. VIII, 25 Иисус сказал на вопрос: кто ты? Я то, что говорю вам. (Ин. XIV, 7) Если знаете меня, то знаете и Отца, и вот теперь узнаете его и увидите его. Слова эти означают то, что теперь Иисус разъясняет им самым понятным образом то, что он называет Отцом. (Ин. XIV, 8) Сказал ему Филипп: господин, покажи нам Отца, и будем довольны. Филипп так и понял слова Иисуса и говорит: да, именно то нам и нужно, чтобы понять твое учение и убедиться нам в том, что есть Отец. Сделай так, чтобы мы видели его. (Ин. XIV, 9) И сказал ему Иисус: сколько времени я с вами, а ты не понял моего учения, Филипп. Кто видит меня, тот видит Отца, как же ты говоришь: покажи нам Отца? Видеть Отца нельзя. Отец видим только в сыне. (стр. 244) (Ин. XIV, 10) Разве ты не постигаешь, что я в Отце и Отец во мне. Слова, которые я говорю, я не от себя говорю; Отец, тот, который во мне, он действует. Здесь греческое слово хотя и может быть передано словом *верить*, лучше передается словом *постигнуть*. Оно имеет значение и верить и постигнуть, в русском же удержано одно первое значение. (Ин. XIV, 11-13) Верьте в мое учение, что я в Отце и Отец во мне. Если же нет, то по делам моим постигнете мое учение. Вы сами знаете, что тот, кто верит в мое учение, тот будет жить так же хорошо, как и я, и еще лучше, потому что я отхожу к Отцу. То есть все, что будете желать по моему учению, все это даст мое учение так, что в сыне признается Отец. Делать дела, какие я делаю, жить, как я, -- значит жить свободно, имея все то, что желаешь. (Ин. XIV, 14-16) Если что просите для разумения, то учение мое и даст вам все это. Если любите мое

учение, исполняйте заповеди мои. И мое учение будет ходатаем пред Отцом, и он даст вам другого заступника, который будет с вами в жизни. К..... - и я попрошу Отца. Это выражение переводится так, что Иисус будет просить Отца, и к этому глаголу в будущем времени пришивается вся мнимохристианская мифология. Но понимать этих слов так нельзя. Другого т.е. вместо меня, человека Иисуса, -- мое учение, мой дух. (Ин. XIV, 17) Духа истины, которого мир не может принять, потому что не видит его и не знает его. Вы же его знаете, потому что он с вами и в вас находится. Смысл тот, что Отец даст вам утешителя -- духа истины, который уже есть и живет в вас. (Ин. XIV, 18-21) Не оставлю вас сиротами, а остаюсь с вами. Еще немного, и мир уже не увидит меня, а вы увидите меня; потому что мое учение живет и вы жить будете. В то время узнаете, что я в Отце, и вы во мне, и я в вас. Тот, кто держит мои заповеди и соблюдает их, тот любит мое учение. А кто любит мое учение, тот любим Отцом, и я полюблю его и являюсь ему. Казалось бы, что может быть проще и яснее. Иисус, говоря о своей смерти, о том, что он отходит, утешает учеников. Он говорит, что, кроме жизни во плоти, есть жизнь духа в Отце, что он отойдет к Отцу, Отец же живет во всяком человеке, исполняющем его волю, и потому, отошедши от мира, Иисус будет жить в тех, кто будет соблюдать его учение о жизни в Отце. И для тех, кто будет соблюдать его учение, утешителем будет он же, Иисус, но в духе. Почему значит святой дух какой-то, тогда как прямо сказано, что этот параклет, т.е. заступник, есть дух истины и есть тоже учение Иисуса, в котором один путь, истина и жизнь, остается совершенно непонятным. (стр. 245) Бывают церковные толкования, которые можно опровергать, потому что они на чем-нибудь ложно основываются; но это одно из тех толкований, которое нельзя опровергать, потому что нельзя понять, на чем оно основывается. Опровергать это толкование все равно, что опровергать толкование того мужика, который говорил, что настоящее имя распятого жезана потому что сказано: распятого же за ны. Нужно только объяснить настоящий простой смысл слов. (Ин. XIV, 22, 23) И сказал ему Иуда не Искариотский: отчего ты, господин, хочешь явиться нам, а не всем (миру)? И на ответ сказал ему Иисус: кто любит меня, тот исполняет мое учение, и Отец мой полюбит его, и мы придем к нему и будем пребывать в нем. Пребывания есть различные в доме Отца: пребывание в жизни людской и пребывание в Боге. Иисус, отходя к Отцу, говорит, что он вне плотской оболочки придет, будет утешителем и будет жить в душе того, кто будет исполнять его учение. (Ин. XIV, 24) Кто не любит меня, моих слов не исполняет. Слово мое -- не мое, но пославшего меня Отца. На вопрос Иуды, почему он не явится всем, Иисус отвечает, что он может явиться только тем, которые любят его и, любя его, исполняют его учение. В этом месте Иисус прямо отвергает, как и во многих местах, грубое понятие о воскресении. Он говорит о своем духе, что дух этот явится тому, кто будет любить его и исполнять заповеди. Только в этом смысле Иисус не умрет и явится. И явится он не один, а вместе с Отцом и поселится в душе того, кто будет любить его. (Ин. XIV, 25, 26) Вот то, что я сказал и говорю, будучи с вами. И заступник, которого пошлет Отец вместо меня, он научит вас всему и напомнит то, что я говорил вам. Иисус говорит: я, будучи человеком, как вы, не могу всего сказать вам, но дух истины, который от Отца будет в вас, тот скажет вам. (Ин. XIV, 27, 28) Я оставлю вам спокойствие; не такое, какое дают люди, я даю вам; не смущайтесь сердцем, не робейте. Вы слышали, я сказал вам: отхожу и прихожу к вам. Если любите меня, то вам надо радоваться, что я сказал: соединюсь с Отцом; потому что Отец больше меня. Речь начата о том, что им не надо смущаться его смертью. В середине речи объяснено, почему. Сказано, что он соединится с Отцом, а Отец живет в тех, кто любит его, и потому исполняет волю его Отца; поэтому он, Иисус, хотя не будет

жить плотски, будет с Отцом своим жить в душе того, кто будет исполнять его учение о сыновности Богу. И в конце речи он говорит: итак, вы не только не должны огорчаться моей смертью, но должны иметь полное спокойствие, потому что, если будете исполнять мое учение, вы будете вместо того, чтобы быть со мной, – со мной и с Отцом, который будет в вас. (Ин. XIV, 29–31) Я теперь

сказал и говорю -- прежде чем это случится⁰, чтобы вы верили, когда случится.

Еще не долго говорить с **(стр. 246)** вами: потому что приближается власть этого мира²⁾, но во мне она уже не имеет ничего³⁾. Но чтобы знал мир, что я люблю Отца, и как приказал мне Отец, так и делаю: проснитесь и уйдите из этого мира⁴⁾. 1) То есть моя смерть. 2) Смерть. 3)

Ничего подвластного нет. 4) Последние высокие слова, так ясно вытекающие из предшествующего и сливающиеся с последующим, совершенно не понимаются. Слова эти относятся к тому, что кто-то идет, и Иисус предлагает ученикам уйти из этого места, где они находятся. Иисус говорит, что жизнь в разумении, а не в плоти, и потому он не может умереть. И, заключая речь, он говорит: вот приходит смерть, но во мне уже ничего нет подвластного ей. И вот, чтобы знал мир, что истинная жизнь есть жизнь в разумении, в исполнении воли Отца, вы все проснитесь от жизни плотской и выйдите из нее, из заботы о жизни мира. Слова эти заключают первую часть речи и составляют вступление ко второй, в которой Иисус отвечает на вопрос Филиппа: покажи нам Отца. Эта первая часть речи, вся XIV глава есть изложение того, что есть смерть видимая, плотская. Иисус говорит, что у Бога (в доме Отца) есть много разных проявлений жизни и что он, умирая плотски, соединяется с Отцом и вернется к ним как утешитель их -- дух истины. И потому им, если они живут в Отце, не надо ни огорчаться, ни бояться, а надо радоваться тому, что он соединяется с Отцом, потому что он соединится и с ними. Теперь уже он чувствует себя освобожденным от смерти и увещевает их также проснуться и освободиться от смерти. (Ин. XV, 1)

Разумение есть корень настоящий, и Отец мой садовник. "Я" (в церковном переводе) здесь должно быть передано словом *разумение*, для того, чтобы все дальнейшее было ясно. (Ин. XV, 2–6)

Всякий побег на разумении, если он не приносит плода, отсекается, а всякий побег плодovitый очищается, чтобы принесть больше плода. Вы уже очищены тем

учением, которое я преподавал вам. Пребывайте в разумении, и разумение будет в вас. И как побег не может сам собой родить плод, если он не на корне, так и вы, если не пребываете в разумении. Разумение -- корень, вы -- побеги.

Тот, кто в разумении и разумение в нем, тот приносит плода много, так что без разумения ничего нельзя сделать. Кто не живет разумением, того отсекают, как

побег, и он засыхает, и такие побеги собирают в кучи и жгут. Та же мысль, что в притче о плевелах и о хозяине, очищающем гумно. (Ин. XV, 7, 8)

Если вы пребудете в разумении и слова мои пребудут в вас, то все, что захотите, просите, и все будет вам. Потому что в этом решении Отца моего, чтобы вы приносили плод. И тогда вы мои ученики. Отец решил, что только в

разумении люди могут приносить плод, т.е. жить оплодотворяясь, т.е. вечно, и получать все то, чего они желают, т.е. быть удовлетворенными. Жизнь, одна истинная

(стр. 247) есть жизнь в разумении, только она приносит плод -- не уничтожается. Как только на корне может жить ветвь, так только на разумении может быть жизнь. Корень жизни людей есть разумение, выраженное Иисусом. Помимо нет жизни. Кто не живет на корне, тот отсекается и погибает. Только если вы будете едины со мною, будете исполнять мои заповеди, только тогда вы будете жить, и только тогда во имя жизни истинной все, что вы будете просить, все то дастся вам, потому что отец Бог так решил, что только основанные на разумении желания людей могут быть исполняемы. Только живя духом, человек свободен и всегда удовлетворен. Только тот, кто понял это, только тот мой ученик. (Ин. XV, 9)

Так, как Отец любил меня, так и я полюбил вас. Живите моей любовью. Следующие 7 стихов суть не что иное,

как разъяснение притчи о корне. Стих 16-й, говорящий о том, что вы принесете плод, указывает на это. Стих 9 и 10, где повторяются те же самые выражения, суть только разъяснение стихов 4, 5 и 6. Иисус говорит: Отец-садовник полюбил меня -- корень, и я полюбил вас -- побеги на мне, и вы живите этой любовью и ко всем побегам на вас относитесь с тою же любовью. (Ин. XV, 10) Если исполняете мои заповеди, то вы живете любовью от меня. Так же и я заповеди Отца выполнял и выполняю и живу любовью его. Жизнь настоящая состоит только в любви. Она исходит из любви и продолжается только любовью. (Ин. XV, 11, 12) Это я сказал и говорю вам для того, чтобы блаженство мое осталось в вас и чтобы блаженство ваше совершилось. Заповедь моя та, чтобы вы любили друг друга так, как я любил вас. Иисус уже прежде сказал, что заповедь его есть любовь друг к другу; но теперь он, пользуясь сравнением лозы, объясняет, почему это так. Он говорит, что начало жизни есть любовь Отца. Отец, любя мир, дал ему сына своего -- разумение. Иисус называет себя разумением и говорит, что и разумение есть любовь. (Ин. XV, 13) Самая истинная любовь есть та, чтобы отдавать свою душу тем, кого любишь. Как Иисус сделал это по отношению к Иуде. (Ин. XV, 14, 15) Вы любимы мною, если делаете то, что я вам заповедал. Я не почитаю вас рабами, потому что раб не знает, что делает господин; вас же я почел друзьями, потому что я все вам разъяснил из того, что я понял от Отца. Иисус говорит, что он не повелевает, а объясняет все то, что он знает: что жизнь есть дело любви Отца, и потому жизнь есть любовь. (Ин. XV, 16, 17) Не вы (побеги) выбрали меня, но я выделил вас и поставил так, чтобы вы росли и приносили плод и чтобы ваш плод оставался, так что все, чего вы ни будете (стр. 248) просить Отца, живя мною, он даст вам. Вот что повелеваю вам: любите друг друга. В этой главе с 1 по 17 стих находится, собственно, ответ на вопрос Филиппа: "покажи нам Отца" и разъяснение того перенесения сознания из жизни плотской в жизнь духовную, в любовь, к которому Иисус призывает в конце предшествующей главы. Иисус говорит, что Отец -- это тот невидимый садовник, который очищает корень и побеги и оставляет только те побеги, которые приносят плод. Жизнь же побегов -- это разумение. Это та же мысль как и в притчах о сеятеле и талантах. Но здесь Иисус говорит и то, что сказано в беседе с Никодимом. Он говорит, что источник этой жизни есть любовь. Отец любит те побеги или благоволит тем побегам, которые приносят плод. Точно так же и корень благоволит, питает те побеги, которые приносят плод. Приносить же плод значит исполнять заповеди -- волю Отца. И воля Отца та, чтобы корень любил, благоволит, питал побеги. Следовательно, приносить плод значит благоволить -- любить. И потому заповедь и Отца и Иисуса та, чтобы любить друг друга, благоволить друг другу. Здесь от имени Иисуса выражается то, что сказано в вступлении. Ин. глава I: Бога никто не знает. Бог от начала дал сына своего -- разумение миру, и все живое -- жизнь есть только разумение. Не было бы этого действия Бога, не было бы жизни. Все, что мы любим -- это жизнь; все, что мы не любим, чего боимся -- это смерть. Стало быть, дарование нам жизни есть дарование нам блага. Дарование блага мы понимаем как плод любви. Если причина жизни -- любовь, то, возвращаясь к причине, мы возвращаемся к жизни единой, истинной. Чтобы яснее понять это Иисусово понимание жизни, надо противопоставить ему обычное понимание жизни. Обычное понимание это такое: я, с тех пор, как знаю себя, живу и ничего иного не знаю, как мою земную жизнь со всеми ее радостями и горестями. Жизнь и радости -- хорошо, смерть и страдания -- дурно. Буду пользоваться радостями и жизнью и избегать страданий и смерти. Жизнь -- хорошо, смерть не только дурно, но безумно. Я живу и ничего другого хорошего не знаю, кроме жизни. Зачем же смерть? Жизнь должна быть, она моя, я имею на нее право. Смерть есть что-то чуждое мне, чье-то чужое насилие. Я живу по праву законно, разумно, хорошо, и незаконно, глупо, жестоко у меня кто-то отнимает жизнь. Лучше бы и не давали мне ее, если

нужно так жестоко отнять ее. Вот обычное понимание жизни, вместо которого Иисус дает новое. Он не оправдывает смерти, не делает того, что делают ложные религии, не старается уверить людей, что после плотской смерти будет что-то особенное. Он говорит: мысль ваша о том, что жизнь ваша, как она есть, есть что-то законное и естественное, мысль эта есть плод вашего суеверия и невежества. Жизнь ваша не только не естественное явление, но это самое удивительное чудо, какое может быть и которое должно иметь какое-нибудь объяснение. Ложный взгляд ваш и ужас перед смертью происходит от того, что вы принимаете удивительнейшее чудо, последствие чего-то, за естественное основное явление. Вы говорите ту удивительную глупость, что самое чудесное, что есть в мире, ваша мгновенная жизнь после вечности смерти и перед такой же вечностью, есть самое простое, законное, понятное явление. Очевидно, что после этого смерть представляется вам непонятной. Он говорит: напротив, не смерть -- отсутствие жизни, в которой мы были, не вечность -- непонятна, но непонятна жизнь, и ее надо как-нибудь понять. А то вы, как работники в чужом саду, да еще как дети работников, родившиеся в чужом саду, почему-то вообразили, что сад с яблонями, с колодцами, с домами сам ниоткуда взялся и ваш собственный. Понятно, что вы удивитесь, когда придет хозяин и потребует от вас расчета или выгонит вас. Иисус говорит: вы, люди, прежде (стр. 249) всего вы вспомните, что вас никогда прежде не было и что вас никогда бы и не было, если бы не что-то такое. А вы воображаете, что вы вечно тут живете, явились сами. Вы вообразили это и вообразили неправду, и от этого вам кажется это так жестоко и глупо, когда вас выгоняют, но это кажется вам жестоко только потому, что вы не обдумали, что такое ваша жизнь и откуда она взялась. Вы вспомните, вы не были прежде, вы не жили, т.е. было с вами то, чего вы больше всего боитесь, что вы называете злом, вы были в смерти. Из этого положения вас что-то вывело, что-то дало вам величайшее благо. Так вот поймите это что-то, и обратитесь к этому чему-то, и спросите себя, что такое это что-то, давшее вам высшее благо. Судя по себе, вы знаете, что благо дается только любовью, иначе вы не понимаете блага. Кто же это любил вас и дал вам благо? Что-то или кто-то это сделал. Но кто бы это ни сделал, то, что сделало это, сильнее вас и в нем вся ваша жизнь. Так нельзя ли как-нибудь соединиться с этим началом? И вот Иисус учит, что начало это дало благо и потому есть любовь. И начало это есть в нас, как любовь, и, отдавшись этому началу любви, мы живем и не умираем. I. Поел. Ин. IV, 7. Возлюбленные! будем любить друг друга, потому что любовь от Бога; и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. 8. Кто не любит, тот не познал Бога: потому что Бог есть любовь. 11. Возлюбленные! если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга. 12. Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает и любовь его совершенна есть в нас. 20. Кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит? (Ин. XV, 18-21) Если мир ненавидит вас, то вы знайте, что меня еще прежде ненавидел и ненавидит. Если бы вы были мирские, то он свое любил бы, но вы не мирские, я выделил вас от мира, за это ненавидит вас мир. Поминайте слова, которые я сказал вам: раб не больше господина своего. Если меня гнали, и вас будут гнать. Если слово мое выполнили, то и ваше выполнят. Но все это они будут делать вам за мое разумение, потому что не знают пославшего меня. Иисус говорит, что надо не удивляться злобе людей. Эта злоба на добро должна быть. Если люди не любят добра, то как же им любить слуг добра? (Ин. XV, 22-25) Если бы я не приходил и не говорил им, их ошибки не видны бы были им. Теперь же нет у них отговорок в их ошибке. Тот, кто не любит моего учения, и Отца не любит. Если бы я не жил между ними так, как прежде никто не жил, им бы не видна была их ошибка. Теперь же они увидели и возненавидели меня и Отца. Так что и сбылось слово, написанное в их

законе: даром возненавидели меня. Иисус объясняет, что люди тьмы неизбежно должны возненавидеть людей света и именно за то, что свет окажет ошибки людей тьмы. Замечательны здесь слова: "в их законе"; если бы нужны были подтверждения того, что Иисус отверг закон Моисея, эти слова были бы достаточным подтверждением. (стр. 250) (Ин. XV, 26, 27) Когда придет заступник, которого я пошлю вам от Отца, дух истины, исходящий от Отца, тот подтвердит мое учение. И вы подтвердите, что вы по началу со мной. Люди должны ненавидеть свет, но дух истины покажет справедливость учения Иисуса, и вы ученики, покажете тоже, что учение это естественно людям. (Ин. XVI, 1-4) Все это я сказал вам, чтобы вы не соблазнились. Вас отрешат от собраний. Мало того, придет время, в которое всякий, побивая вас, будет считать, что он работает Богу. Все это будут делать, потому что не познали ни Отца, ни моего учения. Все это говорю вам, чтобы в то время вы бы вспомнили слова, что я сказал. Сначала же не говорил, потому что был с вами. Помните, говорит он, что люди ненавидят добро, потому что не знают Отца и разумения, и потому не могут не ненавидеть вас. Ненависть к вам есть один из признаков того, что вы остались верными мне. Блаженны вы, когда гонят вас за имя мое. Люди не виноваты, это так должно быть. И вы помните это. Пока я был с вами, я мог объяснить вам это, но меня не будет скоро, и тогда вы не соблазнитесь. Вас отрешат от богослужения, будут бить вас, уверяя, что это для Бога делают, вы не смущайтесь и помните, что я говорил вам. (Ин. XVI, 5) Теперь вот отхожу к посланному меня, и никто не спрашивает меня: куда отходишь? Прежде (Ин. XIV, 5): Фома сказал, что мы не можем знать путь. Вот Иисус показал ему путь страданий, и никто не спрашивает уже, какой путь. (Ин. XVI, 6-15) Но когда говорил и говорю вам, печаль наполняет сердца ваши. Но я правду говорю вам: вам полезно, чтобы я отошел. Если я не отойду, то не придет заступник к вам. А если уйду, то он придет к вам. Он придет, и окажется для людей ошибка и справедливость и приговор. Ошибка в том, что они не поверили в мое учение. Справедливость в том, что я веду к Отцу и что еще не понимали моего учения. И приговор в том, что смерть⁰ приговорена. Хотя бы и желал я многое сказать вам теперь, но вы не в силах понять. Когда же придет дух истины, он покажет вам путь ко всякой правде, потому что он не будет говорить от себя, но что он услышит, то скажет, и на всякий случай будет возвещать вам; он будет судить также, как я, потому что из моего возьмет и возвестит. Все, что есть Отец, все это мое, поэтому я и сказал, что он из моего возьмет и возвестит вам. 1) Князь мира значит смерть. Стихи с 18, XV и до стиха 16, XVI Иоанна составляют 3-й отдел беседы. В первом Иисус говорит о том, что для него есть смерть. Он говорит, что он не умрет, а как разумение будет жить в (стр. 251) тех, кто соблюдает его учение. Во втором отделе он говорит о том, что есть Отец, что есть разумение и какая заповедь Отца и разумения -- любить друг друга. Теперь, в 3-м отделе, Иисус говорит о том, что это разумение не принято миром и не будет сразу принято миром, и что его будут гнать и что это не может быть иначе. Вот он показал им путь к Отцу, и они опечалились, но он говорит им правду -- другого утешителя нет, как истина; что самый он же, Иисус, как дух истины, будет жить в избранных; для вас лучше, чтобы я умер и пришел бы дух истины. Этот дух истины убедит мир в том, что учение мирское ложно; в том, что правда только в сыновности к Отцу и в том, что плоть бессильна. Я же, хотя и имею, что сказать, не могу, но дух истины (я сам в духе) откроет вам все и будет открывать во всяких случаях жизни. Он будет говорить не новое что-нибудь, но все то же, что и я, -- о сыновности вашей к Отцу. (Ин. XVI, 16-20) Иногда ненадолго не будете видеть меня, и опять ненадолго будете видеть меня, потому что я уйду к Отцу. И сказали ученики друг другу: что значит, что он говорит нам: не будете видеть меня и опять будете видеть меня, потому что я иду к Отцу? И сказали: что значит это, то будет, то не

будет? Не знаем, что говорит. Понял Иисус, что хотя бы его спросить, и сказал им: о том добиваетесь, что я сказал, то не будете видеть, то опять будете видеть? Вы сами знаете, что будете плакать и горевать, а мир будет радоваться, будете печалиться, но печаль ваша будет делаться радостью. На вопрос о том, что значит: то не будете видеть, то опять будете видеть, Иисус отвечает: будете плакать и будете радоваться. Когда радуетесь, тогда видите; когда плачете, тогда не видите. (Ин. XVI, 21-24) Женщина, когда родит, печалится, когда приходит час ее. Когда же родит ребенка и не помнит мук от радости, что родился человек в мир. И вы вот, то будете печалиться, то опять увижу вас, и будет радоваться ваше сердце, и радость вашу никто от вас не отнимет. И в тот день не будете у меня просить ничего. Вы сами знаете, что все, чего будете желать от Отца для духа, даст вам. Вы прежде ничего не просили для духа. Просите и получите, так что радость ваша будет полная. Стих этот ясно показывает, что значит "просить Отца во имя мое". (Ин. XVI, 25) Это я вам говорил и говорю окольными словами, но придет время, когда не окольными словами, но прямо возведу вас об Отце. Придет время, что вы сердцем поймете свою сыновность и сущность Отца. (Ин. XVI, 26-32) В тот день вы будете просить по моему учению. И не говорю, что я буду просить Отца о вас; сам Отец любит вас, потому что вы меня полюбили и поверили, что разумение от Бога, (стр. 252) что я -- разумение, от Отца пришел в мир и опять оставлю мир и иду к Отцу. Сказали ему ученики: вот теперь ты прямо говоришь и не говоришь окольно; теперь мы поняли, что ты все познал и нечего тебя больше спрашивать. Теперь веруем, что разумение от Бога. Иисус отвечал им: теперь верите? А вот придет время и приходит, что вы рассеетесь каждый в своем и оставите меня одного. Но я не один, Отец со мною. Стих этот повторяет прежнюю мысль, что иногда они будут с ним, иногда будут оставлять его, но никогда не оставят его совсем, потому что они одно с Отцом, и они вернутся к Отцу. (Ин. XVI, 33) Все это сказал вам, чтобы вы имели спокойствие через мое учение. В мире будут беды, но вы не бойтесь, я победил мир. Это четвертый отдел беседы. В нем Иисус определяет, какого рода разумение даст дух истины. Он говорит: утешение не будет беспрестанное. Вы не всегда будете видеть меня, т.е. утешение в духе истины, но будут минуты упадка, слабости и печали. Вы не всегда будете видеть меня. А, как бывает в жизни, то будете горевать, не будете видеть меня, а то будете радоваться и увидите меня. И как женщина, когда родит, и мучается, и радуется, так и вы будете и мучиться и радоваться. Но радость ваша, когда вы будете видеть меня, будет полная, и никто ее не отнимет у вас, потому что тогда все, чего вы желаете для духа, все будет вам, вы познаете истину, и истина сделает вас свободными. Теперь, как человек, я не могу говорить вам иначе, как словами, не выражающими всего, но тогда я в вас самих возведу вас об Отце. И тогда вы будете чувствовать себя вполне удовлетворенными, все ваши желания будут исполнены. Сам Отец будет в вас, потому что любит вас за то, что вы любите меня и верите в меня. И на это ученики сказали, что теперь они понимают, в чем будет состоять утешение. Теперь он просто и понятно сказал, и им уже нечего спрашивать. Мы понимаем и верим. Иисус сказал: теперь верите, а потом опять рассеетесь и забудете меня. Я это сказал вам, чтобы знали во время горя и обид, где искать спокойствия. Я открыл это спокойствие людям, несмотря ни на какие плотские беды. Я сильнее плоти. (Ин. XVII, 1-26) Проговорив это, Иисус поднял глаза к небу и сказал: Отец! пришел час, признай своего сына так, чтобы сын признал тебя. Так как ты дал ему власть над всей плотью, пусть же всему тому, что ты дал ему, он даст жизнь истинную. Жизнь же истинная в том, чтобы знать единого, настоящего Бога, и того, кого ты послал -- Иисуса Христа. Я признал тебя на земле. Сделал то дело, которое ты велел мне. И теперь признай меня ты, Отец, тем, чем я был для тебя прежде, чем был мир. Тем людям из мира, которых ты мне дал, тем я показал твое

разумение. Они твои были, но ты дал их мне. И они соблюли и соблюдают разумение. Теперь они узнали, что все чему ты научил меня, все от тебя. Тому, чему ты меня научил, я научил их. И они поняли и узнали верно, что я (стр.253) от тебя исшел, и поверили, что ты меня послал. Я прошу тебя за них. Не за людей мира, но о тех, которых ты дал мне, потому что они твои. И все мое -- твое, и твое -- мое. И ты признал мое учение в них. Я отхожу к тебе, а они в мире, и о них прошу, Отец святой, соблюди их в себе, тех, которых дал мне, чтобы они были одно, как и мы. Когда я был с ними в мире, я соблюдал их в тебе. Я берег тех, которых ты дал мне, и никто из них не погиб, кроме сына погибели, как сказано в писании. Теперь я к тебе иду и говорю это в мире, чтобы они имели радость мою, чтобы она совершилась в них, Я научил их разумению тебя, и мир ненавидит их, потому что они не от мира, так как и я не от мира. Не прошу, чтобы ты взял их из мира плоти, но соблюди их от зла. Они не от мира плоти, так же как и я не от мира плоти. Отец святой, соблюди их в истине. Разумение твое есть истина. Как ты меня послал в мир, так и я их посылаю в мир. И для них очищаю себя, чтобы и они были очищены в истине. Не за них одних прошу, но и за верующих в меня по разумению их. С тем, чтобы все были одно. Так же, как ты, Отец, во мне, и я в тебе, так чтобы и они были одно в нас. Так чтобы мир верил, что ты меня послал. И я научил их тому признанию, которому ты научил меня, чтобы они были одно, как мы одно. Я в них и ты во мне, чтобы мы были соединены в одно, и чтобы познал мир, что ты меня послал и любишь их так же, как и меня. Отец! желаю, чтобы те, которых ты мне дал, чтобы они были там же, где и я, с тем чтобы они знали, что ты меня признал, потому что любил меня до начала мира. Отец праведный, мир тебя не знал, но я познал, и эти познали, что ты меня послал. И я объяснил им тебя и объясню, с тем чтобы любовь, которую ты возлюбил меня, была бы в них и я в них.

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ ЕСТЬ ОБМАН ПЛОТИ.

ИСТИННАЯ ЖИЗНЬ ЕСТЬ ОБЩАЯ ВСЕМ ЛЮДЯМ.

Общее изложение главы одиннадцатой Когда Иисус, чувствуя себя готовым к смерти, пошел, чтобы выдать себя, Петр остановил его и спросил, куда он идет. Иисус отвечал: я иду туда, куда не можешь идти. Я готов на смерть, а ты еще не готов к ней. Петр сказал: нет, я и теперь готов отдать жизнь свою за тебя. Иисус отвечал: человек ни в чем не может обещаться. И сказал всем ученикам: я знаю, что мне предстоит смерть, но я верю в жизнь Отца и потому не боюсь ее. Не волнуйтесь и вы моей смертью, а верьте в истинного Бога и в Отца жизни, и тогда вам смерть моя не будет казаться страшной. Если я соединен с Отцом жизни, то я не могу лишиться жизни. Правда, что я не говорю вам, какая и где и когда будет моя жизнь после смерти, но я указываю вам путь к жизни истинной. Учение мое не говорит о том, какая будет жизнь, но оно открывает единый истинный путь жизни. Оно в том, чтобы (стр.254) соединиться с Отцом, Отец же есть начало жизни. Учение мое в том, чтобы жить в воле Отца и исполнять его волю для жизни и блага всех людей. Наставником вашим после меня будет ваше сознание истины. Исполняя мое учение, вы будете всегда чувствовать, что вы в истине, что Отец в вас и вы в Отце. И, сознавая в себе Отца жизни, вы будете

испытывать то спокойствие, которое никто не отнимет от вас. И потому, если вы знаете истину и живете в ней, ни моя смерть, ни ваша собственная не может тревожить вас. Люди представляют себя отдельными существами, каждого с своей собственной волей жизни, но это только обман. Одна истинная жизнь есть та, которая признает началом жизни волю Отца. Мое учение открывает это единство жизни и представляет жизнь не как отдельные побеги, а как единое дерево, на котором растут все побеги. Только тот, кто живет в воле Отца, как побег на дереве, только тот живет; а кто хочет жить своей волей, как оторвавшийся побег, тот умирает. Если вы будете жить в воле Отца, то будете иметь все, чего желаете, потому что жизнь дана людям для блага. Отец дал мне жизнь для блага, и я научил вас жить для блага. Если будете исполнять мои заповеди -- будете блаженны. Заповедь, выражающая все мое учение, только та, что все люди должны любить друг друга. А любовь состоит в том, чтобы жертвовать своей плотской жизнью для другого. Другого определения любви нет. И, исполняя мою заповедь любви, вы не будете исполнять ее как рабы, которые, не понимая, исполняют повеления господина, но будете жить как свободные люди, такие же, как и я, потому что я объяснил вам смысл жизни, вытекающий из сознания Отца жизни. Вы приняли мое учение не потому, что случайно вы избрали его, но потому, что оно единое истинное и единое такое, при котором люди свободны. Учения мира состоят в том, чтобы делать зло людям, учение же мое в том, чтобы любить друг друга, и потому мир возненавидит вас так же, как и меня возненавидел. Мир не понимает моего учения, и потому он будет преследовать вас и делать вам зло, полагая, что он этим служит Богу; так вы и не удивляйтесь этому и понимайте, что это так и должно быть. Миру, не понимающему истинного Бога, должно гнать вас, а вам должно утверждать истину. Вы огорчаетесь тем, что меня убьют за то, что я утверждаю истину. И потому смерть моя нужна для утверждения истины. Смерть моя, при которой я не отступаю от истины, утвердит вас, и вы поймете, в чем ложь, в чем истина и что выходит из знания лжи и истины. Вы поймете, что ложь в том, что люди верят плотской жизни, а не верят в жизнь духа, что истина в соединении с Отцом, и что из этого выходит победа духа над плотью. Когда меня и не будет в плотской жизни, дух мой будет с вами. Но вы, как и все люди, не всегда будете чувствовать в себе силу духа. Иногда вы будете ослабевать и терять силу духа, будете впадать в искушение, иногда снова будете пробуждаться в жизни истинной. Будут находить на вас часы порабощения плоти, но это будет только временем; пострадаете и возродитесь опять духом, как женщина страдает в муках родов, а потом чувствует радость в том, что родила человека в мир; то же и вы будете испытывать, когда вы, после порабощения плоти, подниметесь духом: вы будете чувствовать тогда блаженство такое, что вам нечего будет желать. Знайте вперед и, несмотря на гонения, на внутреннюю борьбу и упадок духа, знайте, что дух жив в вас и что один-единственный Бог есть разумение воли Отца, открытое мною. И, обращаясь к Отцу-духу, Иисус сказал: я сделал то, что ты велел мне, я открыл людям то, что ты есть начало всего, и они поняли меня; я научил их тому, что они все изошли от одного начала бесконечной жизни и что потому они все одно, что как Отец во мне и я в Отце, так и они одно со мною и с Отцом. Я открыл им и то, что, так как ты любя послал их в мир, так и они любовью должны жить в мире. И Петр сказал Иисусу: куда ты идешь? Иисус отвечал: ты не будешь в силах идти туда, куда я иду, теперь; только после ты пойдешь туда же. И сказал Петр: отчего ты думаешь, что я теперь не в силах идти туда же, куда и ты? я жизнь свою за тебя отдам. И сказал **(стр. 255)** Иисус: говоришь, что жизнь свою за меня отдашь, а как бы до петухов еще ты бы не отрекся от меня три раза. И Иисус сказал ученикам: не волнуйтесь и не робейте, а верьте в истинного Бога жизни и в мое учение. Жизнь Отца не та только, которая есть на земле, но есть и другая жизнь. Если бы была только такая жизнь, как здесь, то я бы сказал вам, что, когда я умру, я приду в

лоно Авраама и приготовлю там для вас место, и приду и возьму вас, и мы будем вместе блаженствовать в лоне Авраама. Но я указываю вам только путь к жизни. Фома сказал: но мы не знаем, куда идешь, и потому не можем знать путь. Нам надо знать, что будет там после смерти. Иисус сказал: я не могу показать вам, что будет там; учение мое есть путь, истина и жизнь. И нельзя соединиться с Отцом жизни иначе, как только чрез мое учение. Если вы будете исполнять мое учение, то вы познаете Отца. Филипп сказал: но кто такой Отец? И сказал Иисус: Отец это то, что дает жизнь. Я исполнял волю Отца, и потому по жизни моей ты можешь понять, в чем воля Отца. Я живу Отцом, и Отец живет во мне, и все, что я говорю и делаю, все это я делаю по воле Отца. Мое учение в том, что я в Отце и Отец во мне. Если вы не понимаете самого учения, то вы видите меня и мои дела, и потому можете понять что, есть Отец. И вы знаете, что тот, кто будет следовать моему учению, тот может сделать то же, что и я, и еще больше того, потому что я умру, а он еще будет жить. Тот, кто будет жить по моему учению, тот будет иметь все, что он желает, потому что тогда сын будет то же, что Отец. Чего бы вы ни желали по моему учению, все это будет вам. Но для этого надо любить мое учение. Учение мое даст вам вместо меня заступника и утешителя. Утешитель этот будет сознание истины, которой люди мирские не понимают, но вы будете знать его в себе. Вы никогда не будете одни, если дух моего учения будет с вами. Я умру, и мирские люди не будут меня видеть, но вы будете видеть меня, потому что мое учение живет, и вы будете жить им. И тогда, если мое учение будет в вас, вы поймете, что я в Отце и Отец во мне. Тот, кто будет исполнять мое учение, тот почувствует в себе, Отца и в том будет жить дух мой. И сказал ему Иуда, не Искаротский, а другой: но почему же не все могут жить духом истины? И на ответ сказал Иисус: только тот, кто исполняет мое учение, только того любит Отец и только в том может вселиться дух мой. Кто не исполняет моего учения, того не может любить мой Отец, потому что учение это не мое, а Отца. Вот все, что я могу сказать вам теперь. Но дух мой, дух истины, который вселится в вас после меня, он откроет вам все, и вы вспомните и поймете многое из того, что я говорил вам. Так что вы всегда можете быть спокойны духом и не тем мирским спокойствием, которого ищут люди мирские, но спокойствием духа таким, при котором вы уже ничего не будете бояться. От этого, если вы исполняете мое учение, то вам нечего огорчаться моей смертью. Я, как дух истины, приду к вам и вместе с сознанием Отца вселюсь в ваше сердце. Если вы исполняете мое учение, то вам надо радоваться, потому что вместо меня с вами будет Отец в вашем сердце, а это лучше для вас. Мое учение есть дерево жизни. Отец -- это тот, кто обрабатывает дерево. Он очищает и холит те ветки, на которых есть плод, чтобы на них больше родилось. Держитесь моего учения жизни, и жизнь будет в вас. И как побег живет не сам собой, а деревом, так и вы живите моим учением. Мое учение -- дерево, вы -- побеги. Тот, кто живет моим учением жизни, тот приносит плода много, так что, помимо моего учения, жизни нет. Кто не живет моим учением, тот засыхает и гибнет, а сухие ветки отрезают и жгут. Если вы будете жить моим учением и исполнять его, то вы будете иметь все, чего желаете. Потому что воля Отца в том, чтобы вы жили истинной жизнью и имели то, чего желаете. Как Отец дал благо мне, так и я даю благо вам. Держитесь этого блага. Я жив потому, что Отец любит меня, и я люблю Отца, и вы живите тою же любовью. Если будете этим жить, то будете блаженны. Заповедь моя в том, чтобы вы любили друг друга так же, как я люблю вас. Больше нет любви той, как жизнь свою пожертвовать для любви к своим, как я сделал это. Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога. И тот, кто любит, тот (стр. 256) родился от Бога и знает Бога. А кто не любит -- не знает Бога, потому что Бог -- это любовь. В том сказала любовь Бога к нам, что он сына своего, такого же, как он сам, послал в мир, чтобы мы жили им. Любовь его к нам видна потому, что не мы полюбили Бога, но что он полюбил

нас и послал в мир жизнь; если Бог так полюбил нас, и мы должны любить друг друга. Бог никогда не видим. Если мы любим друг друга -- Бог в нас остается, и его любовь совершается в нас. Мы потому только и узнаем друг друга, что мы остаемся в нем и он в нас, что он дал нам свой дух. Тогда совершается в нас любовь, когда мы в день смерти уверены и спокойны, потому что каков он, Бог, таковы и мы в этом мире. Любовь не знает страха, напротив -- совершенная любовь уничтожает страх, потому что от страха бывает отпор, борьба. И тот, кто боится, несовершенен в любви. Мы любим Бога потому только, что он прежде полюбил нас. (Стало быть, прежде всего мы знаем любовь к людям.) И потому, если кто скажет: я люблю Бога, а не будет любить брата, тот лжет, потому что кто не любит брата, того, которого видит, как же может любить Бога, того, которого не видал и не видит? Заповедь та, чтобы кто любит Бога, любил бы брата (Поел. Ин. Вы равны мне, если делаете то, чему я вас научил. Я не почитаю вас рабами, которым приказывают, но равными, потому что я разъяснил вам все, что я понял об Отце. Вы не по своей воле выбираете мое учение, но потому что я указал вам это единое, истинное, такое, при котором вы будете жить и будете иметь все, чего желаете. Учение все в том, чтобы любить друг друга. Если мир вас будет ненавидеть, то не удивляйтесь этому, он ненавидит мое учение. Если бы вы были заодно с миром, то он бы любил вас. Но я вас отделил от мира, и за то он будет ненавидеть вас. Если меня гнали, и вас будут гнать. Они будут делать это все потому, что не знают истинного Бога. Я объяснял им, но они не хотели и слушать меня. Они не поняли моего учения, потому что не поняли Отца. Они видели мою жизнь, и жизнь моя показала им их ошибку. И за то еще больше они возненавидели меня. Дух истины, который придет к вам, подтвердит то же. И вы подтвердите это. Я говорю вам это вперед, чтобы вы не обманулись, когда на вас будут гонения. Вас сделают отверженниками. Все будут думать, что, убивая вас, делают угодное Богу. Все это они не могут не делать, потому что не понимают ни моего учения, ни истинного Бога. Все это вперед говорю вам, чтобы вы не дивились, когда все это случится. Так вот я теперь отхожу к тому духу, который послал меня, и теперь вы понимаете, что нельзя спрашивать меня, куда я иду. Прежде же вы огорчались, что я вам не сказал, куда именно, в какое место я отхожу. Но верно говорю вам, что это хорошо для вас, что я отхожу. Если я не умру, то не явится к вам дух истины, а если умру, то он вселится в вас. Он вселится в вас, и вам будет ясно, в чем ложь, в чем истина, в чем решение. Ложь в том, что люди не верят в жизнь духа. Истина в том, что я одно с Отцом. Решение в том, что власть плотской жизни уничтожена. Еще много сказал бы вам, но вам трудно понять. Когда же вселится в вас дух истины, он укажет вам всю правду, потому что он будет говорить вам не новое -- свое, а то, что от Бога, и он во всех случаях жизни укажет вам путь. Он тоже будет от Отца, как я от Отца, потому он и будет говорить то же самое, что и я. Но и когда я, дух истины, буду в вас, вы не всегда будете видеть меня. Иногда будете, а иногда не будете слышать меня. И сказали ученики друг другу: что это значит, -- он сказал: иногда будете видеть меня, иногда не будете видеть? Что значит: иногда будете, иногда не будете, -- что он говорит? Иисус сказал им: не понимаете, что это значит: иногда будете, иногда не будете видеть меня? Вы знаете, как всегда бывает на свете, что одни печалются и скорбят, а другие радуются. И будете печалиться, а печаль ваша будет переходить в радость. Женщина, когда родит, скорбит в муках, когда же кончит, то не помнит мук от радости, что родился человек в мир. Так и вы будете печалиться и вдруг увидите меня: дух истины войдет в вас, и печаль ваша обратится в радость. И тогда вы уже не будете ничего просить у меня, потому что **(стр. 257)** тогда вы будете иметь все, чего желаете. Тогда все, что кто желает в духе, все то он будет иметь от Отца своего. Вы прежде ничего не просили для духа, но тогда просите, чего хотите для духа, и все будет вам, так что блаженство ваше будет полное. Теперь я, как человек, словами

не могу этого ясно сказать вам, но тогда, когда я, как дух истины, буду жить в вас, тогда я ясно возвещу вам об Отце. Тогда все, что вы будете просить во имя духа у Отца, не я дам вам, но ваш Отец даст вам, потому что он любит вас за то, что вы приняли мое учение, поняли, что разумение от Отца происходит в мире и возвращается из мира к Отцу. Тогда ученики сказали Иисусу: теперь мы все поняли, и нам нечего больше спрашивать, мы верим, что ты от Бога. И сказал Иисус: все это я сказал вам, чтобы вы имели уверенность и спокойствие в моем учении. Какие бы беды ни были с вами в мире, не бойтесь ничего, мое учение побеждает мир. После этого Иисус поднял глаза свои к небу и сказал: Отец мой! ты дал своему сыну свободу жизни, с тем чтобы он получил жизнь истинную. Жизнь есть знание истинного Бога, разумения, открытого мною. Я открыл тебя людям на земле. Я сделал то дело, которое ты приказал мне. Я явил твою сущность людям на земле. Они были твои и прежде, но по твоей воле я открыл им истину, и они познали тебя, они поняли, что все, что они имеют, что их жизнь -- только от тебя, и что я учил их не от себя, но что я и они от тебя изошли. Прошу же тебя о тех, которые признают тебя. Они поняли, что все мое -- твое, и твое -- мое. Я уже не в мире, а возвращаюсь к тебе, но они в мире, и потому прошу тебя, Отец, соблюди в них разумение твое. Не о том прошу, чтобы ты взял их из мира, но о том, чтобы ты избавил их от зла, утвердил бы их в истине твоей. Разумение твое есть истина. Отец мой! желаю, чтобы они были такие же, как я, чтобы они понимали так же, как я, что жизнь истинная началась до начала мира. Чтобы они все были одно, как ты, Отец, во мне, и я в тебе, так, чтобы и они в нас были одно. Я в них, а ты во мне, чтобы все соединились в одно и чтобы поняли люди, что они не сами родились, но ты, любя, послал их в мир так же, как и меня. Отче праведный! мир тебя не познал, но я познал тебя, и они познали чрез меня. И я объяснил им, что ты такое. Ты то, чтобы любовь, которою ты полюбил меня, была бы в них. Ты дал им жизнь, стало быть, полюбил их. Я научил их познать это и любить тебя так, чтобы любовь твоя к ним от них возвращалась к тебе.

(стр. 258)

Глава двенадцатая

ПОБЕДА ДУХА

СТРАДАНИЯ И СМЕРТЬ ИИСУСА

(Мф. XXVI, 46) Проснитесь, пойдемте: уже подошел тот, кто предаст меня. Когда ученики заснули на несколько времени, тогда Иисус сказал им: проснитесь, пойдемте. (Мф. XXVI, 47-50; Ин. XVIII, 10; Лк. XXII, 51; Мф. XXVI, 52; 55; Лк. XXII, 53; Мф. XXVI, 56; Ин. XVШ, 12-14; Мр. XIV, 53; Мф. XXVI, 58, 69-75; Ин. XVIII, 19-23; Мф. XXVI, 59-64) И только он сказал это, вдруг идет Иуда, один из двенадцати, и с ним большая толпа народа с ножами и дубьем, посланных архиереев и старшин. Тот, кто выдал его, уговорился с ними вперед, он им сказал: когда я поцелую, как пойду, то это он самый, и хватайте его. И тотчас же, подойдя к Иисусу, сказал: здорово, учитель, и поцеловал его. А Иисус сказал ему: за этим ты пришел? Тогда подошли и схватили Иисуса. И тут Петр выхватил меч и ударил архиерейского

слугу и отсек ему ухо. И Иисус сказал: оставьте. И говорит Петру: положи меч в свое место, потому что те, которые берутся за меч, силою меча и погибают. Тогда Иисус сказал народу: что это вы как на разбойника с дубьем и ножами вышли брать меня. Каждый день я с вами сидел в храме и учил вас, а вы не брали меня. Теперь ваш час и власть тьмы. Тогда все ученики убежали. И вот солдаты, и тысячник, и слуги захватили Иисуса и связали его. И отвели его сперва к Анне, потому что он был тесть Каиафы. А Каиафа был архиерей в этом году. Это был тот самый Каиафа, который посоветовал (стр. 259) иудеям, что полезно погубить одного человека за народ. И ввели Иисуса в дом архиерея и сошлись к архиерею все архиереи и старшины и начетчики. И с Иисусом шел и Петр поодаль до двора архиерея. И взошел на двор и сел со слугами архиерейскими, чтобы видеть, чем кончится. И подошла к Петру девочка и сказала: или и ты с Иисусом Галилейским? И Петр отказался перед всеми и сказал: и не знаю, что ты говоришь. И когда он вошел в сени, увидела его женщина одна и говорит тем, которые были тут: и этот был с Иисусом Назареем. И он опять отказался, да еще с клятвою, что не знает этого человека. Прошло еще немного времени, подошли к Петру люди и сказали: верно, ты тоже из этих? По говору тебя узнать можно. Тогда начал Петр клясться и божиться, что не знаю того человека. И тот час петух запел. И вспомнил Петр слова, что Иисус сказал ему: до петухов три раза отречешься от меня. И вышел со двора и заплакал горько. И вот архиерей спросил Иисуса об учениках его и об учении его. Отвечал ему Иисус: я явно говорил и говорю миру. Я всегда учил в собраниях, в храме, куда все сходятся, и тайно не говорил ничего. Что меня спрашиваешь? спроси тех, кто слушал, что я говорил им; они знают, что я им сказал. Один из служителей архиерейских стоял возле. И когда Иисус сказал это, служитель дал Иисусу пощечину и говорит: разве так отвечают архиерею? Иисус сказал ему: если я дурно сказал, укажи, что дурно; а если хорошо, за что же дерешься? Архиереи же и весь совет искали улики на Иисуса, чтобы его казнить смертью. Но не находили, потому что многие облыжно уличали его; но улики были не согласны. Потом пришли два ложные свидетеля. Они сказали: мы слышали, что этот человек говорил: я разрушу этот рукоделанный храм и в три дня другой, не руками деланный, построю. Архиерей встал и сказал Иисусу: что же ты ничего не отвечаешь на то, что они показывают на тебя? Иисус молчал и ничего не отвечал. И архиерей опять сказал ему: во имя Бога живого заклинаю тебя, отвечай нам: ты Христос, сын Бога? И говорит ему Иисус: это я. Еще скажу вам, что (стр. 260) отныне все поймете сына человеческого, равного по власти Богу на небесах. "Сидеть одесную" -- у Мф. XXVI, ст. 64 -- значит *быть равным*. Иисус говорит, что сын человеческий равен власти Бога, и потому он тот самый Христос, которого ждут иудеи. (Мф. XXVI, 65-67; Лк. XXII, 63-65; Мф. XXVII, 1, 2; Ин. XVIII, 28-32) Тогда архиерей разорвал одежду и сказал: ты ругаешься. Какая нам нужда еще в свидетелях. Вы слышите, что он ругается. Что вы решите о нем? И все присудили, что он повинен смерти. Тогда стали плевать ему в лицо, и те люди, которые держали его, били его и царапали, и, закрывая ему глаза, били его по лицу и спрашивали: ну-ка угадай: кто ударил тебя. И многие другие ругательства говорили ему. Когда стало утро, сделали совет все старейшины народа, архиереи и ученые об Иисусе, как бы убить его. И, связав его, повели его к начальнику Понтию Пилату. И привели Иисуса от Каиафы в правление. И сами не вошли в правление, чтобы не оскверниться, а то бы им нельзя есть пасху. Пилат вышел к ним и говорит: в чем вы обвиняете этого человека? И они на ответ сказали ему: если бы не был негодяй, не делал бы дурного, мы его тебе не привели бы. Пилат и говорит им: возьмите его и по своему закону судите его. А они говорят: нам нельзя убивать никого. Так-то исполнилось слово Иисуса, показывающее, какую смертью он умрет. "Какою

смертью он умрет "надо разумать так, что Иисус угадал, от кого он получит смерть: не от иудеев, а от римлян. Слово Иисуса, на которое намекает этот стих, это слово о кресте: *возьми крест свой и иди за мной*. Если бы Иисус боялся смерти от иудеев, он не сказал бы о кресте: только римляне казнили, распиная на кресте. (Лк. XXIII, 2) И начали все обвинять его: мы считаем, что он сбивает с пути наш народ и мешает платить подати кесарю, называя себя царем и Христом. Обвинение первое: он сбивает с пути, с обычного пути, народ еврейский. Второе -- препятствует тому, чтобы выплачивать подати, называя себя царем. Он проповедует царство сынов Божиих и называет себя Христом, тем, который принес известие об этом царстве. Обвинение совершенно верно; все это самое делает Иисус, и потому он не отрицает обвинений. Толковать же значение тем, которые не хотели понимать его, было бы напрасно.

(стр. 261) (Ин. XVIII, 33-38) И вошел Пилат в правление и позвал Иисуса и сказал ему: ты царь иудейский? Иисус отвечал ему: ты сам считаешь меня царем или говоришь только, что сказали тебе обо мне? Пилат отвечал: я не еврей. Твой народ и ваши архиереи отдали тебя мне. И я спрашиваю, что ты сделал? Иисус отвечал: царство мое не земное. Если бы царство мое было земное, слуги мои бились бы за меня, чтобы не отдать меня архиереям. А вот ты видишь, что царство мое не такое. Пилат и говорит ему: но ты все-таки считаешь себя царем? Иисус говорит ему: ты считаешь меня царем. Я на то пришел в мир, чтобы утвердить истину; всякий, кто живет истиной, понимает мой голос. Пилат сказал ему: что такое истина? И сказав это, опять вышел к иудеям и говорит им: я никакой вины не нахожу в нем. Пилат, допрашивая Иисуса, спрашивает, что это значит, что он называет себя царем. Иисус говорит ему: царем я себя называл в том смысле, что я установил правду между людьми, это было мое призвание, я это делал, и в этом смысле я был царем и теперь царь и ты признаешь меня царем. Я объяснил истину, и всякий живущий понимает эту истину. Пилат говорит, что не понимает, что такое истина, но все-таки идет к иудеям и говорит, что вины в этом человеке он не видит никакой. (Мр. XV, 3; Лк. XXIII, 5; Мр. XV, 4, 5; Лк. XXIII, 6-12) Но архиереи обвиняли его сильно. И архиереи настаивали на своем, они говорили: он смутил своим учением народ во всей Иудее, начиная с Галилеи. И Пилат опять стал допрашивать Иисуса и сказал: что же ты не отвечаешь? Видишь, как тебя уличают. Но Иисус больше ничего, ни одного слова не отвечал, так что Пилат очень удивлялся. Услыхав о Галилее, Пилат спросил: что он галилеянин, что ли? И, узнав, что он из подвластных Ироду, послал его к Ироду, а Ирод был тогда в Иерусалиме. И как Ирод увидел Иисуса, он очень обрадовался, потому что Ирод много слышал о нем и давно хотел видеть его. Ирод думал, что увидит от него какое-нибудь чудо. И достаточно расспрашивал его. Он же ничего не отвечал ему. Архиереи и книжники стояли на своем и крепко обвиняли его. И Ирод, сочтя его за ничто, с солдатами своими для потехи одев его в красное платье, послал его назад Пилату. И с того дня Пилат и Ирод стали друзьями, а прежде были в ссоре. Пилат, смущенный и боясь на себя взять это дело, придирается к поводу ото- **(стр. 262)** слать Иисуса к Ироду, чтобы на него свалить ответственность, но Ирод все это дело принял как самое неважное. Он слышал прежде об Иисусе и думал увидеть в нем что-нибудь интересное и велел позвать к себе и стал спрашивать, но, увидав человека, ничего не говорившего, какого-то дурачка, он сделал из него потеху и, нарядив его посмешищем, отослал назад к Пилату. (Лк. XXIII, 13-16; Мр. XV, 13; Мф. XXV, 15,16; Лк. XXIII, 19; Мф. XXVII, 17,18; Мр. XV, 11-13; Лк. XXIII, 20-22; Ин. XIX, 4,6-9) Пилат же, созвав архиереев, и начальников, и народ, сказал им: привели вы ко мне человека этого за то, что он сбивает с пути народ, и вот при вас я допрашивал его и не нашел в нем вины той, за которую вы обвиняете его. И Ирод ничего не нашел, потому что я посылал вас к нему. И вот

видите, ничего за ним не нашлось такого, за что бы стоило приговорить к смерти. Наказать его да и отпустить. Но они закричали: распни его. Для праздника был обычай, что начальник отпускал народу одного из колодников, того, кого хотели. Был тогда колодник, звали его Варавва. Варавва сделал в городе смуту и убийство и сидел в тюрьме. Пилат и говорит им: кого хотите, чтобы я отпустил вам, Варавву или Иисуса, что зовут Христом? Потому что видел, что только по зависти предали его архиереи. Архиереи же настраивали народ, чтобы он кричал отпустить им лучше Варавву. Пилат на ответ и говорит им: что ж вы хотите, чтобы я сделал с тем, которого вы зовете царем иудейским? Они опять закричали: распни его. И вот Пилат опять стал уговаривать их, чтобы отпустить Иисуса. Они же перекричали его: распни, распни его! И в третий говорит им: какое он вам зло сделал, я ничего не нашел в нем такого, чтобы стоило казнить. Наказать его и отпустить. Вот я выпускаю его из правления, потому что не нахожу в нем никакой вины. Когда увидели его архиереи и их слуги, все закричали: распять его. И говорит Пилат: возьмите его вы и распинайте, потому что я не нахожу в нем вины. Иудеи отвечали ему: у нас есть закон, и по закону нашему должен умереть тот, кто делает себя сыном Бога. Когда Пилат услышал это слово, что Иисус сын Бога, он еще больше смутился. И, вернувшись в правление, **(стр. 263)** говорит Иисусу: кто ты, чей ты? Иисус не ответил ему. Когда в народе сказали, что главная вина Иисуса та, что он называет себя сыном Божиим, Пилат еще более смутился. Слова Иисуса о том, что он царь только тем, что возвещает правду, и теперь, что он правду эту объявляет, как сын Божий, представили ему Иисуса, как человека необыкновенного и высокой души. Он зовет его к себе и спрашивает: откуда он, т.е. как он понимает свое происхождение. Иисус не отвечает, сознание ненужности объяснений останавливает его. **(Ин. XIX, 10, 11.)** Говорит ему Пилат: мне не отвечаешь? разве не знаешь, что я могу тебя распять и могу отпустить тебя? Отвечал Иисус: не имеешь никакой власти надо мной, если ты не научен от Бога. Пилат говорит: я могу ведь убить и не убить. Иисус говорит: ничего ты не можешь. Если ты видишь свет -- идешь к свету; не видишь -- ты будешь делать неминуемо дело тьмы. И тотчас же сбывается то, что сказал Иисус. Он, т.е. Пилат, хочет спасти его и не может. Вот тот, кто предал меня, тот имел власть не сделать. Ты не имеешь свободы отпустить и не отпустить; если бы ты был научен, свету тогда бы ты мог, а теперь не можешь. **(Ин. XIX, 12)** А Пилат очень хотел отпустить его. Но иудеи сказали: если этого отпустишь, ты не верный слуга кесарю. Всякий, кто делает себя царем, тот противится кесарю. Иисус только то и говорил, что царство Бога, находящееся во всех людях, должно заменить царство кесаря, и он был прав. **(Мф. XXVII, 24, 25; Лк. XXI, 23; Ин. XIX, 13, 1, 2 /Мф. XXVII, 29, 30;/ Ин. XIX, 14, 15)** Пилат, увидав, что ничего не помогает, но крик все больше делается, взял воды, умыл руки перед народом и говорит: не виноват я в крови этого справедливого человека. Сами видите. И весь народ закричал: кровь его на нас и на детях наших. Они же еще громче закричали, чтобы распять его. И пересилили голоса архиереев. Поняв это слово, Пилат вывел Иисуса наружу и сел на свое место суда. Тогда Пилат взял Иисуса и высек его. А солдаты, которые били его, надели ему на голову венки, и дали ему в руки палку, и на него накинули красный плащ, и в ноги кланялись ему, смеясь над ним. И били его по щекам и по голове, и плевали на него. И говорили: здорово, царь иудейский! Час был шестой. Пилат и говорит: это царь ваш! Они закричали: бери его и распни. Пилат говорит: царя вашего велите распять. Отвечали архиереи: нет у нас царя, кроме кесаря. Пилат желает спасти Иисуса. Но он живет закваской Иродовой, т.е. для него соображения государственные выше всего, и архиереи знают это и, как на привязи, **(стр. 264)** этими государственными соображениями притягивают его, куда им нужно. **(Ин. XIX, 5)** Вышел и Иисус наружу

в венке и в красном платье и говорит им: вот человек! По конструкции предложения *вот человек* говорит Иисус, а не Пилат (в Толк. Ев.: И сказал им Пилат: се человек). В устах Иисуса слова эти могут иметь глубокое значение, в устах Пилата -- никакого. Как сомнительное место, не важное для учения, оно может быть пропущено. Но в устах Иисуса слова эти имеют значение следующее: я человек, только помните это, помните и то, что всем вам нужно делать относительно меня, и все и всем будет ясно, и окончатся ваши споры и раздоры. Я -- человек: только помня это, вам будет ясно, что вы ничего не можете сделать мне. Стих этот может быть оставлен и там, где он стоит, но и здесь он уместен, так как отвечает на слова Пилата: вот царь ваш. Пилат говорит: вот царь ваш. Иисус говорит: вот человек. И, как иной раз прежде, короткой речью Иисус, отвечая на ложные суждения иудеев, высказывает все свое учение, так он теперь одним только словом и отвечает на все их сомнения и выражает все свое учение. В последних стихах неизбежны были при соединении четырех Евангелий некоторые перестановки. Руководством для этих перестановок для меня было то, что Иисус был судим у своих архиереев, потом у Пилата, потом был переслан к Ироду и потом опять у Пилата, который три раза выходил к народу, пытаясь освободить Иисуса, и потом принужден был отдать его на казнь тем, что архиереи сказали ему, что освобождение Иисуса было бы противностью кесарю. (Ин. ХДС, 16; Мф. XXVII, 31; Ин. ХГХ, 17,18; Лк. XXIII, 34; Мр. XV, 29-32; Мф. XXVII, 43; Лк. XXIII, 36 /Мф. XXVII, 44/; ЛкXXXIII, 39-42) Тогда Пилат отдал им его на распятие. И тогда сняли с него красную одежду и надели на него его одежду и повели его распинать. И он нес крест свой и вышел на место Голгофу. И там распяли его и с ним других двух с одной и с другой стороны, а Иисуса в середине. Иисус сказал; Отец, прости им, не знают, что делают. И народ ругал его: подходили, кивали ему головами и говорили: ну-ка, ты храм хотел разрушить и опять в три дня соорудить. Ну-ка, сам выручи себя, сойди-ка с креста. И архиереи с учеными посмеивались друг другу, говорили: других спасал, а себя не может спасти! Ну-ка, Христос, царь иудейский, слезь-ка с креста, и мы поверим ему. Он все на Бога полагал, пусть себя избавит теперь, потому что он говорил, что он сын Божий. Также и солдаты потешались над ним. И разбойники, распятые с ним, ругали его. Один из повешенных разбойников ругал его и говорил: если ты Христос, спаси себя и нас. А другой остановил его и говорит: или ты Бога не боишься, ты уж и так наказан? (стр. 265) Мы с тобой того стоили, а он ничего дурного не сделал. И говорит Иисусу: помяни меня, Господи, в царстве твоём. Разбойник только слышал про какого-то царя Иисуса и говорит: вспомни обо мне в царстве твоём, т.е. нельзя ли мне как-нибудь быть с тобою. (Лк. XXIII, 43) И сказал ему Иисус: истинно говоришь, теперь ты со мной в раю. Разбойник сжалился над Иисусом, и это чувство жалости было проявление жизни, и Иисус говорит ему: ты жив. (Мф. XXVII, 46) Около девятого часа Иисус проговорил громким голосом: ели, ели, лама сабахтани. Это значит: Бог мой, Бог мой, в чем ты меня оставил? Иисус еле жив и восклицает: Бог мой, в чем, в каком измученном теле ты удержал дух мой.-- значит в чем оставить дух. (Мф. XXVII, 47, 49; Ин. XIX, 28; Мф. XXVII, 48; Ин. XIX, 30; Лк. XXIII, 46; Ин. XIX, 30) Некоторые из них, которые были тут, услышали и говорят: Илью зовет. А другие говорят: оставь, давай поглядим, как Илья придет. Потом проговорил Иисус: пить. Один человек взял губку намочил уксусом, надел на камышину и дал ему пить этот уксус. И когда вкусил уксуса, Иисус сказал громким голосом: Отец, в руки твои отдаю дух мой. Конечно! И, склонив голову, предал дух.

ПОБЕДА ДУХА НАД ПЛОТЬЮ

Общее изложение главы двенадцатой. И, сказав это, пошел Иисус с учениками в сад Гефсиманский. И, придя в сад, Иисус сказал: побудемте здесь, я хочу помолиться. И, подойдя к Петру и двум братьям Зеведеевым, начал томиться и тосковать. И сказал им: уж очень тяжело мне -- тоскую я смертельно. Побудьте здесь и поднимитесь духом со мною. И отошел немного, лег на земле ничком и стал молиться и сказал: Отец мой, дух! пусть будет не так, как я хочу, чтобы мне не умирать, а так, как ты хочешь. Пускай я умру, но тебе, как духу, все возможно: сделай так, чтобы я не боялся смерти, чтобы для меня не было искушения плоти. И потом встал, подошел к ученикам и видит, что они приуныли. И он сказал им: как это вы не осилите на один час подняться духом так, как я? Поднимитесь духом, чтобы не впасть в искушение плоти: дух силен, плоть слаба. И опять Иисус отошел от них и опять стал молиться и сказал: Отец, если нельзя мне не страдать и должно умереть, то пускай я умру, пускай будет твоя воля! И, сказав это, опять подошел к ученикам и видит -- дни еще больше приуныли и готовы плакать. И он опять отошел от них и в третий раз сказал: Отец! пусть будет твоя воля. Тогда вернулся к ученикам и сказал им: теперь успокойтесь и будьте тихи, потому что теперь уже решено, что я предамся скоро в руки мирских людей. И после этого Иисус сказал: теперь **(стр. 266)** встаньте и пойдемте; уже идет тот, кто предаст меня. И только что он сказал это, вдруг показался Иуда, один из двенадцати учеников, и с ним большая толпа народа с дубьем и ножами. Иуда знал, что Иисус с учениками часто ходил в этот сад, и потому он сюда привел стражу и слуг архиерейских. Он сказал им: я приведу вас туда, где он с учениками, а чтобы вам его узнать из всех, то смотрите, кого я первого поцелую, то это он самый. И тотчас же подошел к Иисусу и сказал: здравствуй, учитель! И поцеловал его. И Иисус сказал ему: за этим ты пришел? Тогда стража окружила Иисуса и хотела взять его. И тут Петр выхватил нож у архиерейского слуги и рассек ему ухо. Иисус сказал: не надо противиться злу. Оставьте это. И сказал Петру: отдай назад меч тому, у кого взял. Кто возьмется за меч, тот мечом и погибнет. И после этого обратился Иисус ко всей толпе и сказал: зачем вы как на разбойника пришли на меня с оружием? Я ведь каждый день был среди вас в храме и учил вас; что же вы не брали меня? Но среди, света дня вы не могли ничего сделать мне, ваша сила только во мраке. Тогда, увидав, что он взят, все ученики разбежались. Тогда начальник велел солдатам взять Иисуса и связать его. Солдаты связали его и повели сперва к Анне; это был тесть Каиафы, а Каиафа был первосвященником в этот год и жил у тестя. Это был тот самый Каиафа, который придумал, как погубить Иисуса. Это он придумал, что полезно для народа погубить Иисуса, потому что если не погубить Иисуса, то будет хуже всему народу. И Иисуса привели во двор того дома, где жил первосвященник. Когда Иисуса вели туда, то один из учеников Иисуса, Петр, шел издали за ним и смотрел, куда его поведут. Когда Иисуса ввели во двор первосвященника, и Петр вошел туда же, чтобы видеть, чем все кончится. И одна девочка на дворе увидала Петра и говорит ему: ты тоже с Иисусом Галилейским? Петр испугался, чтобы и его не обвинили, и при всем народе громко сказал: и не знаю, что ты говоришь! Потом, когда Иисуса повели в дом, и Петр вошел с народом в сени; в сенях женщина одна грелась у огня, и Петр подошел; женщина поглядела на Петра и говорит народу: смотрите, этот человек, похоже, что был тоже с Иисусом Назарянином. Петр испугался еще больше и поклялся, что никогда не был с Иисусом и не знает, что это за человек Иисус. Немного по годея подошли к Петру люди и говорят: однако и по всему видно, что ты тоже из этих бунтовщиков, поговору тебя можно узнать, что ты из Галилеи. Тогда Петр начал клясться и божиться, что никогда не знал и не видал Иисуса. И только что он сказал это, запел петух. И вспомнил Петр слова, которые говорил ему Иисус тогда, когда Петр клялся, что если все отрекутся, он не отречется от него: до петухов нынче ночью три раза

отречешься от меня. И пошел Петр со двора и заплакал горько. И сошлись к первосвященнику пастыри, архиереи, начетчики и начальники. И когда все собрались, привели Иисуса, и первосвященник спросил его, в чем его учение и кто его ученики. И отвечал Иисус: я всегда при всех все говорил и говорю и ни от кого ничего не скрывал и не скрываю. О чем же ты меня спрашиваешь? Спроси тех, кто слышал и понял мое учение. Они скажут тебе. Когда Иисус сказал это, один из слуг архиерейских ударил в лицо Иисуса и сказал: ты с кем говоришь? Разве так отвечают архиерею? Иисус сказал: если я дурно сказал, скажи, что я дурно сказал? А если я дурного не сказал, так не за что меня бить. Пастыри, архиереи старались обвинить Иисуса и сначала не находили улики против него, таких, за что бы его можно было приговорить. Потом нашли двух доказчиков. Эти доказчики сказали про Иисуса: мы сами слышали, как этот человек говорил: я, говорит, уничтожу этот ваш рукоделанный храм и в три дня сострою другой храм Богу -- нерукоделанный. Но и этой улики (стр. 267) было мало, чтобы обвинить. И потому архиерей стал вызывать Иисуса и сказал: что же ты не отвечаешь на их показания? Иисус молчал и ничего не сказал. Тогда архиерей сказал ему: так скажи же, ты Христос, сын Бога? Иисус ответил ему и сказал: да, я Христос, сын Бога. И вы скоро сами увидите, что сын человеческий равен Богу. Тогда архиерей закричал: ты хулишь Бога, и теперь-то нам не нужно больше никаких улик, мы все слышим теперь, что ты богохульник. И архиерей обратился к собранию и сказал: теперь вы сами слышали, что он хулит Бога. К чему вы за это присуждаете его? И все сказали: присуждаем его к смерти. И тогда уже весь народ и стражи, все напустились на Иисуса и стали плевать ему в лицо и бить по щекам и царапать. Они зажимали ему глаза, били по лицу и спрашивали: ну-ка, ты, пророк, угадай, кто это ударил тебя? И Иисус молчал. Надругавшись над ним, связанного повели его к Понтию Пилату. И привели в правление. Пилат, правитель, вышел к ним и спросил: в чем вы обвиняете этого человека? Они сказали: человек этот делает зло, за то мы и привели его к тебе. Пилат и говорит им: а если он делает зло вам, так сами и судите его по вашему закону. А они сказали: мы привели его к тебе затем, чтобы ты казнил его, а нам нельзя убивать никого. Итак, сбылось то, чего ждал Иисус; он говорил, что надо быть готовым умереть на кресте от римлян, а не своей смертью и не от иудеев. И когда Пилат спросил их, в чем они обвиняют его, они сказали, что он виноват в том, что бунтует народ, запрещает платить подати кесарю и сам себя ставит Христом и царем. Пилат выслушал их и велел привести к себе в правление Иисуса. Когда Иисус вошел к нему, Пилат спросил его: ты царь иудейский? Иисус сказал: что ты спрашиваешь, -- от себя ли ты спрашиваешь, царь ли я иудейский, или нет, или ты спрашиваешь, правда ли то, что сказали тебе обо мне? Пилат сказал: я не иудей, и мне все равно, чем ты себя называешь; я спрашиваю только, что ты сделал? Называл ли ты себя царем? Иисус отвечал: я учил царству не земному. Если бы я был царем земным, то мои подданные бились бы за меня и не дали бы архиереям, а вот ты видишь, что царство мое неземное. Пилат сказал на это: но все-таки ты считаешь себя царем? Иисус сказал: не только я, но и ты не можешь не считать меня царем. Я только тому и учу, чтобы открыть всем истину. И всякий, кто живет истиной, поймет меня. Пилат не хотел слушать Иисуса и сказал: ты говоришь -- истина. Что такое истина? И, сказав это, повернулся и пошел опять к архиереям и сказал им: по-моему, человек этот ничего дурного не сделал. И архиереи стояли на своем и говорили, что он много зла делает и бунтует народ и взбунтовал всю Иудею от самой Галилеи. Тогда Пилат при архиереях стал опять допрашивать Иисуса, но Иисус не отвечал. Пилат сказал ему: видишь ли, как тебя уличают, что же ты не оправдываешься? Но Иисус все молчал и не сказал больше ни одного слова, так что Пилат удивлялся на него. Пилат вспомнил, что Галилея во власти царя Ирода, и спросил: что, он из Галилеи? Ему сказали, что да. Тогда он сказал: если он из

Галилеи, то он под властью Ирода, я его к нему пошлю. Ирод был тогда в Иерусалиме, и Пилат, чтобы отделаться от них, послал Иисуса в Иерусалим к Ироду. Когда привели Иисуса к Ироду, то Ирод был очень рад увидеть Иисуса. Он много слышал про него и хотел узнать, что это за человек. Ирод позвал его к себе и стал расспрашивать его обо всем, что ему хотелось знать, но Иисус ничего не отвечал ему. А архиереи и учителя так же, как и у Пилата, и перед Иродом обвиняли крепко Иисуса и говорили, что он бунтовщик. И Ирод счел Иисуса за пустого человека и, **(стр. 268)** чтобы посмеяться над ним, велел одеть его в красное платье и послал его назад к Пилату. Ирод был доволен тем, что Пилат уважил его, послал на его суд Иисуса, и из-за этого они помирились, а то прежде были в ссоре. Вот, когда привели опять Иисуса к Пилату, Пилат опять позвал архиереев и начальников иудейских и сказал им: приводили вы ко мне этого человека за то, что он бунтует народ, и я допрашивал его при вас и не вижу, чтобы он был бунтовщик. Посылал я его с вами к Ироду и, вот видите, и там ничего не нашлось в нем вредного. И по-моему, не за что его казнить смертью, а не лучше ли наказать его и отпустить? И когда услышали это архиереи, все закричали: нет, казни, казни его по-римски! На кресте распни его. Пилат выслушал и сказал архиереям: ну хорошо, только у вас в обычае для праздника пасхи прощать одного злодея. Вот у меня сидит в тюрьме Варавва, убийца и бунтовщик. Так одного из двух надо отпустить: кого простить – Иисуса или Варавву? Пилату хотелось выручить Иисуса, но архиереи настроили так народ, что все закричали: Варавву, Варавву! Пилат и говорит: а с Иисусом что делать? Они опять закричали: по – римски на крест, на крест его! И стал Пилат уговаривать их. Он сказал: за что вы так налагаете на него? Ничего он не сделал такого, чтобы казнить его смертью, и вам никакого зла не сделал. Я отпущу его, потому что не нахожу в нем вины. Архиереи и слуги их закричали: распять, распять его! И Пилат сказал им: если так, то берите его и сами распинайте, а я не вижу в нем вины. Отвечали архиереи: мы требуем того, что следует по закону. По закону его следует казнить за то, что он сделал себя сыном Бога. Когда Пилат услышал это слово, он смутился, потому что не знал, что такое значило это слово: сын Бога. И, вернувшись в правление, Пилат опять позвал Иисуса и спросил его: кто ты и откуда ты? Но Иисус не отвечал ему. Тогда Пилат сказал: что же ты не отвечаешь мне? Разве ты не видишь, что ты в моей власти и что я могу распять или отпустить тебя? Иисус отвечал ему: в том-то все зло, что ты имеешь власть; если бы тебе не была вручена власть, иродиане не поддели бы тебя и не ввели бы в соблазн с тобою вместе и себя и учителей. Пилат желал бы отпустить Иисуса, но иудеи сказали ему: если ты отпустишь Иисуса, то ты этим покажешь, что ты неверный слуга кесарю, потому что тот, кто делает себя царем -- тот враг кесарю. И когда Пилат услышал это слово, он понял, что ему уже нельзя не казнить Иисуса. Тогда Пилат вышел к иудеям, взял воды, вымыл себе руки перед народом и сказал: не я виноват в крови этого праведного человека. И весь народ закричал: пусть будет кровь его на нас и на детях наших. Так что архиереи пересилили. Тогда Пилат сел на свое судилищное место и велел прежде высечь Иисуса. Когда его высекли, солдаты, те, которые секли его, надели ему на голову венок и дали в руку палку, и на спину накинули красный плащ и стали издеваться над ним. Они кланялись ему на смех в ноги и говорили: радуйся, царь иудейский! А то били по щекам и по голове и плевали ему в лицо. Пилат и говорит им: как же вы хотите распять царя вашего? А архиереи же кричали: распни его! наш царь кесарь! распни его! Вышел Иисус наружу в венке и в красном платье и говорит им: Вот человек! Тогда Пилат приказал распять его, С Иисуса тогда сняли красную одежду, надели на него его платье и велели ему нести крест на место Голгофу, чтобы там распять его. И он нес крест свой и так пришел на место Голгофу. И там растянули (распяли) Иисуса на кресте и еще двух других человек; те два были **(стр. 269)** по бокам, а Иисус посредине. Когда распинали Иисуса, он

сказал: Отец! отпусти им: они не знают, — что делают. И когда Иисус висел уже на кресте, народ обступил его и ругался над ним. Они подходили, кивали ему головами и говорили: ну-ка, ты храм Иерусалимский хотел разрушить и в три дня опять соорудить. Ну-ка, сам выручи себя, сойди-ка с креста. И архиереи и пастыри стояли тут же и подсмеивались над ним и говорили: других спасал, а себя не может спасти. Вот покажи, что ты Христос, сойди с креста, и тогда мы поверим тебе. Он говорил, что он сын Божий, и говорил, что Бог не оставит его. Что же теперь — то Бог оставил его? И народ, и архиереи, и солдаты ругались над ним, и даже из разбойников, распятых с ним, один, и тот ругался над ним. Один из разбойников, ругаясь, ему говорил: если ты Христос, спаси себя и нас. Но другой разбойник услышал это и сказал: не боишься ты Бога; сам на кресте и то ругаешься над невинным. Мы с тобой за дело казнены, а этот человек ничего дурного не сделал. И, обратившись к Иисусу, сказал ему этот разбойник: господин, вспомни обо мне в царстве твоём. И сказал ему Иисус: и сейчас уже ты со мной блажен. В девятом же часу Иисус, измучившись, громко проговорил: ели, ели, лама сабахтани! Это значит: Бог мой, Бог мой, в чем ты меня оставил. И когда услышали это в народе, то стали говорить и смеяться: Илью пророка зовут! Посмотрим, как Илья придет. Потом проговорил Иисус -- пить! И один человек взял губку, обмочив ее в уксус, -- тут стояла кадушка, -- и на камышине подал Иисусу. Иисус пососал губку и сказал громким голосом: Кончено. Отец! в руки твои отдаю дух мой. И, склонив голову, предал дух. (стр. 270)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЕВАНГЕЛИЯ

С словом "кончено" кончено и Евангелие. Для тех, которые божественность Иисуса видели в том, что он не такой, как все люди, воскресение его могло иметь убедительность, т.е. могло им доказать, что он не такой, как все люди, но только то, что он не такой как все люди и больше ничего; но и только для тех, которые видели, как Иисус умер, убедились, что он умер, и потом видели, что он жив, и убедились, что он жив. Но и таких людей, по описанию евангелистов, не было; по описанию их, он является как сон, как видение. Но положим, что он даже и явился во плоти, и что Фома клал пальцы в его раны, — ну, что же это показало Фоме? То, что Иисус был не такой же человек, как другие. Но что же следует из того, что он не был такой же человек, как другие? Только то, что людям таким же, как все другие, очень трудно или невозможно делать то же, что делало совсем особенное существо. Но если бы даже нужно было убедить людей в том, что он не такой, как другие люди, то явление его Фоме, и десяти человекам, и пятистам никак не могло убедить в этом других, тех, которые не видали воскресения; ученики только рассказывали про воскресение, а рассказывать можно все; чтобы верить рассказам учеников, надо, чтобы они чем-нибудь подтверждали истинность своего рассказа. И вот ученики, чтобы подтвердить истинность своего рассказа, рассказывают, что на них сошли огненные языки и что они сами делали чудеса, исцеляли, воскрешали; то же, что сошли языки и что ученики воскрешали и исцеляли, это подтверждают ученики учеников еще новыми чудесами, и так до нашего времени мощи, угольники исцеляют и воскрешают, так что выходит, что божественность Христа зиждется на рассказе о необыкновенных событиях. Рассказы же о необыкновенных событиях зиждутся на рассказах о других необыкновенных событиях, последних же необыкновенных событий люди с здравым рассудком не видали. Но хорошо, Христос воскрес, показался и улетел на небо, зачем он сделал это, объяснило ли что-нибудь? Ничего. Прибавило ли это что-нибудь к его учению? Тоже ничего, кроме необходимости выдумки новых ненужных чудес, чтобы подтверждать это выдуманное,

ненужное чудо. Мы видели, читали и читаем учение о жизни Христа до его воскресения, и в самых испорченных местах этого учения везде светит свет той истины, которую он возвестил миру. Как ни грубо понимают писатели Евангелия учение, они передают слова и действия человека Иисуса, и свет поражает нас. Что же прибавлено к учению после воскресения? Что делал, сказал Христос после воскресения? (стр. 271) Он является зачем-то Марии Магдалине, из которой выгнал семь бесов, и говорит ей, чтобы она не касалась его, потому что он не вошел еще к Отцу. Потом еще женщинам явился и сказал, что он затем придет к своим братьям. Потом ученикам является и что-то разъясняет им от Моисея во всем писании. И то они видят его, то не видят его. Потом является ученикам, укоряет их, что они не верят, показывает бок свой и дует на них, и от этого должно сделаться то, что кому они простят грехи, тому простятся. Потом Фоме явился и опять ничего не сказал. Потом рыбу ловит и много поймал с учениками и жарил, и Петру сказал три раза: паси овец моих, и предсказал Петру его смерть. Потом явился 500-м братии зараз и тоже ничего не сказал. Потом сказал, что ему дана власть на небе и на земле, и что от этого надо купать во имя Отца и сына и св. духа, и что кто выкупается, тот спасется, и что они и те, кому они передадут этот дух, будут брать змей руками и пить яд безвредно и говорить на всех языках, чего они, очевидно, не делали и не делают. И потом улетел на небо. Больше ничего он не сказал. Для чего же было воскресать, чтобы только сделать и сказать все эти глупости. Так что:

- 1) Воскресение, как всякий рассказ о чем-то таком, чего понять нельзя, ничего доказать не может.
- 2) Воскресение, как всякое чудо, если кто его видел, может доказать только то, что случилось что-то противное законам разума и что человек, подвергшийся чуду, подвергся чему-то необыкновенному, и больше ничего. Если же на основании чуда делают то умозаключение, что человек, не подлежащий законам разума, есть необыкновенный человек, то это заключение правильно только для тех, которые созерцают чудо и пока они его созерцают. Рассказ же о чуде никого убедить не может, так что истинность надо подтверждать чудом, случившимся с рассказчиком. Подтверждение же истинности чуда чудом неизбежно влечет за собой выдумывание для подтверждения истинности рассказчика новых чудес до нашего времени, в котором мы ясно видим, что чудес нет и что как выдуманно чудо настоящего времени, так должно быть выдуманно и прошедшее чудо. Рассказ о чуде воскресения Христова изобличает свою неправду более всего тем, что рассказ этот резко отличается своею низменностью, ничтожностью, просто глупостью от всего прежнего описания жизни Христа и ясно показывает, что рассказ о жизни Христа настоящей имел основанием действительную жизнь, исполненную глубины и святости; рассказ же о воскресении и мнимых действиях и речах после его -- не имел уже основания жизни, а весь выдуман. Как ни грубо и ни низменно описание жизни Христа, святость жизни Христа и высота его личности просвечивают через грубость и низменность писателей; но когда в основе описания уже нет ничего действительного, а только одни выдумки писателей, то низменность и грубость их являются во всей своей наготе. Видно, что воскресить-то они воскресили, но заставить его что-нибудь сказать и сделать достойное его -- не сумели.
- 3) Чудо воскресения прямо противно учению Христа; потому и трудно было заставить Иисуса что-нибудь сказать, свойственное ему, после воскресения, что самое представление о том, что он мог воскреснуть, прямо противоположно всему смыслу его учения. Надо совсем не понимать его учения, чтобы говорить о возможности его воскресения в теле. Он даже прямо отрицал воскресение, объясняя, как надо понимать воскресение, о котором толковали евреи (Лк. XX, 37, 38). Как мертвые-то пробуждаются, сказал он (стр. 272) им, и Моисей показал им в купине, когда назвал Бога Богом Авраама и Богом Исаака и Богом Якова; Бог не Бог мертвых, но Бог живых. Потому что Богу все живы. -- Он сказал: дух живет, а плоть не пользуется нимало. -- Он сказал: я хлеб живой, сошедший с неба. -- Он сказал: я путь, истина и

жизнь. -- Он сказал: я воскресение и жизнь. И его--то, который учил, что он есть то, что от Бога послано в мир, чтобы дать жизнь людям; то, что живит; то, что дух; то, что не умирает; то, что вернется к людям как дух истины, -- про это--то самое поняли так, что оно должно воскреснуть в теле. И точно, что же мог делать тот Иисус, который радовался своему отхождению к Отцу, тот Иисус, который сказал, умирая: "в руки твои предаю дух мой", что он мог делать и говорить, когда его вообразили воскресшим в теле? Очевидно, все только противное своему учению. Так оно и было. Эта легенда о воскресении, выраженная в последних главах Евангелий, не имевшая в основании жизни и слов Христа, а принадлежащая вся воззрениям на жизнь и учение Иисуса писателей Евангелий, замечательна и поучительна тем, что эти главы явно показывают толщину того слоя непонимания, которым покрыто и все описание жизни и учения Иисуса, как если бы драгоценная картина была замазана слоем краски, и те места, где краска попала на голую стену, показали бы ясно, какая толщина слоя покрывает и картину. История воскресения дает ключ к пониманию и объяснению всех чудес, которыми переполнены Евангелия, и тех противоречивых слов и понятий, которыми уничтожается часто смысл лучших мест учения. Кто писал четыре Евангелия, неизвестно, и история критики дошла уже до убеждения, что этого мы никогда не узнаем. Могут быть более или менее вероятные предположения о времени, месте, липах; предположения о том, какое или какая часть какого Евангелия списана с другого, но происхождение их неизвестно. Мы не можем судить об исторической достоверности Евангелий, но о свойствах самых книг мы судить можем, -- можем судить о том, что послужило основанием христианских верований людей и что не имело влияния на верования. С этой стороны в Евангелиях мы видим две резко разделяющиеся части изложений: одна -- изложение учения, другая -- попытка доказательства истинности учения или скорее доказательства важности учения, таковы: чудеса, пророчества и предсказания. К этой части принадлежат все чудеса и главное из чудес -- воскресение. На описании воскресения, как на событии, выдуманном без всякого основания, легче всего проследить и способы составления таких легенд, и почему они принимаются, и приемы изложения, и значение их, и последствия. Происхождение легенды о воскресении было проверкой правдивости писателей (исключая Луку), и оно записано в самых Евангелиях так ясно, что всякий непредубежденный человек не может не видеть самый естественный зародыш легенды, такой легенды, какие у нас, вокруг нас, зарождаются каждый день в рассказах о чудесах мощей, подвижников, колдунов. Рассказы и статьи о спиритизме, об этой девице, материализовавшей и танцевавшей, гораздо более определенно и утвердительно рассказаны, чем история воскресения. История зарождения этой легенды так ясна, как только может быть. В субботу пошли смотреть гроб. Тела нет. Евангелист Иоанн рассказывает сам, что говорили, что тело вынули ученики. Бабы идут к гробу, одна -- порченная Мария, из которой выгнано семь бесов, и она первая рассказывает, что видела что--то у гроба: не то садовник, не то ангел, не то он сам. Рассказ переходит от кумушек к кумушкам и к ученикам. Через 80 лет рассказывают, что точно видел его тот и тот, там и там, но все рассказы сбивчивы, неопределенны. (стр. 273) Никто из учеников не выдумывает -- это очевидно, но никто тоже из людей, чтущих его память, не решается и противоречить тому, что клонится, по их понятиям, к славе его и, главное, к убеждению других в том, что он от Бога, что он любимец Бога и что Бог в честь его сделал знамение. Им кажется, что это самое лучшее доказательство, и легенда растет, распространяется. Легенда содействует распространению учения, но легенда есть ложь, а учение -- истина. И потому учение передается уже не во всей чистоте истины, но в смешении с ложью. Ложь вызывает ложь для своего подтверждения. Новые ложные легенды о чудесах рассказываются для подтверждения первой лживой легенды. Являются легенды о чудесах последователей Христа и о чудесах, предшествовавших ему: его зачатия, рождения, всей его жизни, и учение

все перемешивается с ложью. Все изложение его жизни и учения покрывается грубым слоем краски чудесного, затемняющего учение. Новые верующие пристают к вере Христа уже не столько вследствие его учения, сколько вследствие веры в чудесность его жизни и действий. И приходит то ужасное время, когда является понятие веры не той, о которой говорил Христос (внутренняя неизбежность убеждения, которая становится основой жизни), а веры, как следствия усилия воли, при которой можно сказать: я велю верить, я хочу верить, ты должен верить. Приходит время, когда все лживые легенды становятся на место учения, все собираются в одно, формируются и выражаются как "догма", т.е. постановления. Толпа, грубая толпа овладевает учением и, замазав его лживыми легендами, затемняет его. Но, несмотря на все усилия толпы, избранные люди, сквозь всю грязь лжи, видят истину и проносят ее во всей чистоте чрез века и усилия лжи, и в таком виде учение доходит до нас. Тот, кто теперь, в наше время, будь он католик, протестант, православный, молоканин, штундист, хлыст, скопец, рационалист, какого бы ни был исповедания, тот, кто читает теперь Евангелие, находится в странном положении. Тот, кто умышленно не закрывает глаза, тот не может не видеть, что если тут не все, что мы знаем и чем мы живем, то по крайней мере что-то очень мудрое и значительное. Но мудрое и важное это выражено так безобразно, дурно, как говорил Гете, что он не знает более дурно написанной книги, как Евангелие, и зарыто в таком хламе безобразнейших, глупых, даже непоэтических легенд, и умное и значительное так неразрывно связано с этими легендами, что не знаешь, что и делать с этой книгой. Толкования к этой книге нет другого, как то, которое дают различные церкви. Толкования эти все исполнены бессмыслиц и противоречий, так что каждому представляется сначала только два выхода: или, осердясь на вшей, да шубу в печь, т.е. откинуть все как бессмыслицу, что и делают 99/100, или покорить свой разум, что и велит делать церковь, и принять вместе с мудрым и значительным все глупое и незначительное, что и делает 1/100 тех людей, которые или не имеют зрения, или умеют прищуривать глаза так, чтобы не видеть того, чего не хотят видеть. Но и этот выход непрочен. Стоит показать этим людям то, что они не хотели видеть, и они волей-неволей бросают вместе с ложью и ту правду, которая была в ней замешана. И что ужасно при этом, это то, что ложь, смазанная с истиной, смазана с ней часто не врагами истины, но самыми первыми друзьями ее; то, что эта ложь считалась и была первым орудием распространения истины. Ложь о воскресении Христа была во времена апостолов и мучеников первых веков главным доказательством истинности учения Христа. Правда, эта же басня о воскресении и была главным поводом к неверию в учение. Язычники во всех житиях первых мучеников христианских называют их людьми, верующими в **(стр. 274)** то, что их распятый воскрес, и совершенно законно смеются над этим. Но христиане не видали этого также, как не видят теперь попы в Киеве, что их набитые соломой мощи суть, с одной стороны, поощрение веры, с другой -- главные преграды для веры. Тогда, в первые времена христианства нельзя отрицать, чтобы басни эти не были нужны; я даже готов согласиться, что они содействовали в распространении и утверждении учения. Я могу представить себе, что благодаря уверенности в чуде люди понимали важность учения и обращались к нему. Чудо было не доказательством истинности, но доказательством важности дела. Чудо заставляло обращать внимание, чудо была реклама. Все, что случилось, -- предсказано, голос говорит с неба, больные исцеляются, мертвые воскресают, как же не обратить внимание и не вникнуть в учение. А раз обращено внимание, истина его проникает в душу, но чудеса только реклама. Так была полезна ложь. Но она могла быть полезна только в первое время и полезна только потому, что она привлекала к истине. Если бы не было лжи вовсе, может быть, еще скорее распространилось бы учение. Но нечего судить о том, что могло бы быть. Ложь того времени о чудесах можно сравнить с тем, как если бы человек посеял лес, на месте посева поставил бы вывески с уверением, что лес этот посеял Бог и что тот,

кто не верит, что тут лес, будет съеден чудовищами. Люди верили бы этому и не потоптали бы леса. Это полезно и нужно могло быть в свое время, когда не было леса, но когда лес вырос, очевидно, что то, что было полезно, стало ненужно и, как неправда, стало вредно. То же и с верой в чудеса, связанной с учением: вера в них помогала распространению учения, она могла быть полезна. Но учение распространилось, утвердилось, и вера в чудеса стала не нужна и вредна. Пока верили в чудеса и ложь, случилось то, что учение само так утвердилось и распространилось, что его утверждение и распространение стало самым существенным доказательством его истинности. Учение прошло века ненарушимо, все согласны в нем, и доказательства внешние, чудесные его истинности составляют теперь главный камень преткновения для восприятия учения. Для нас теперь доказательства истинности и важности учения Христа только мешают видеть значение Христа..

Существование его 1800 лет среди миллиардов людей достаточно показывает нам его важность. Может быть, нужно было говорить, что лес посажен Богом и чудовище его стережет, а Бог защищает; может быть, это было нужно, когда леса не было, но теперь я живу в этом 1800-летнем лесу, когда он вырос и во все стороны окружает меня. Доказательств того, что он есть, мне не нужно: он есть. Так и оставим все то, что когда-то нужно было для произрастания этого леса -- образования учения Христа. Многие было нужно, но ведь дело не в исследовании того, как образовалось учение; дело в смысле учения. Исследовать то, как образовалось учение, дело истории; для понимания же смысла учения не нужны рассуждения о приемах, которые употреблялись для утверждения истинности учения. Все четвероевангелие подобно чудной картине, которая для временных целей закрашена слоем темной краски. Слой этот продолжается по обе стороны картины: слой по голому -- до рождения Христа -- все легенды о Иоанне Крестителе, о зачатии, рождении; потом слой по картине: чудеса, пророчества, предсказания и потом опять слой по голому -- легенды о воскресении, деяния апостолов и т.д. Зная толщину слоя, состав его, надо подковырнуть его там, где он по голому и особенно ясен в легенде о воскресении, осторожно струпом содрать его со всей картины; тогда только мы поймем ее во всем ее значении, и это самое я пытаюсь сделать.

(стр. 275) Рассуждение мое следующее: Евангелие состоит из двух отдельных по цели частей. Одна -- изложение учения Христа, другая -- доказательства важности, божественности этого учения. С этим положением согласны все церкви. Доказательства важности, божественности учения Христа основаны на сознании истинности учения (в чем точно так же согласны все церкви) и на внешних исторических доказательствах. Церкви не могут не согласиться, что доказательства значительности, важности, божественности учения, собранные в Евангелиях в первое время учения и могущие, по существу своему, иметь убедительность только для очевидцев в наше время достигают противоположной цели, отталкивают от вникновения и веры в учение церкви не врагов Христа, но людей искренно преданных учению. Церкви также не могут не согласиться, что цель этих доказательств важности есть убеждение в истинности учения и что если бы представилось другое, кроме внутреннего, внешнее историческое доказательство важности учения, полное, неопровержимое и ясное, то должно, оставив те доказательства, вызывающие недоверие и служащие преградой распространению учения, держаться одного неопровержимого и ясного внешнего доказательства важности. Такое доказательство, какого не было в первые времена, есть распространение самого учения, проникающего все людское знание, служащее основой жизни людской и постоянно распространяющееся; так что для того, чтобы понять учение, не только можно, но неизбежно должно отстранить от учения все те доказательства его истинности, которые заменяются другими несомненными доказательствами и которые ничего не дают для постигновения учения и служат главной преградой для принятия его. Если бы доказательства эти были даже не вредны, они уже, очевидно, не нужны, так как имеют совсем другую цель и ничего не могут прибавить к учению.

(стр. 276)

КОММЕНТАРИИ

(даются в сокращении по комментариям Н.Н. Гусева из "Юбилейного издания первого полного собрания сочинений Л.Н. Толстого").

СОЕДИНЕНИЕ И ПЕРЕВОД ЧЕТЫРЕХ ЕВАНГЕЛИЙ

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ.

В 1879 г. Толстой пишет для себя самого, без мысли о печатании, работу, в которой излагает историю своих религиозных исканий. В этом сочинении, автором не озаглавленном и начинающемся словами: "Я вырос, состарился и оглянулся на свою жизнь", он рассказывает о своем душевном состоянии, о своем отчаянии, о поисках спасения в церковной вере. Далее он подвергает критическому разбору основы церковной догматики и отвергает их как противоречащие требованиям разума. Затем он излагает все четыре Евангелия – те места их, которые представлялись для него имеющими понятное поучительное значение. Вслед за последовательным изложением всех Евангелий Толстой дает свое понимание смысла евангельского учения. Сочинение заканчивается критикой с точки зрения христианского учения насильнического общественного строя и учения церкви. Окончив это сочинение, Толстой в январе 1880 г. принимается за его переработку. Около 4 февраля 1880 г. он писал Н.Н. Страхову: "Работа моя очень утомляет меня. Я все переделываю – не изменяю, а поправляю сначала". Прежде всего подверглась переработке та часть сочинения, которая содержала критический разбор православной догматики. С мая 1880 г. изучение Евангелий вступает в новую фазу. Толстой усердно занялся изучением греческого текста Евангелий и его вариантов. Отвергнув те толкования Евангелия, которые давала церковь, Толстой потерял доверие и к точности переводов Евангелий, сделанных церковью. Он стал заново переводить все те места Евангелий, которые, по его мнению, касались вопросов морали, стараясь понять их, руководствуясь общим смыслом всего учения. При этом особенное внимание он обращал на варианты евангельских текстов, ища в этих вариантах подтверждения того смысла отдельных мест, который представлялся ему наиболее соответствующим общему духу христианского учения. Работа эта целиком захватила Толстого. В письме к Н.Н. Страхову он писал: "Работы, работы мне впереди бездна, а сил мало. И я хоть и приучаю себя думать, что не мне судить то, что выйдет из моей работы, и не мое дело задавать себе работу, а мое дело проживать жизнь так, чтобы это была жизнь, а не смерть, часто не могу отделаться от старых дурных привычек заботиться о том, что выйдет, – заботиться, то есть огорчаться, желать, унывать. – Иногда же, и чем дальше живу, тем чаще, бываю совсем спокоен". Толстой при переводе наиболее трудных и значительных мест Евангелий обращался к латинскому переводу (Вульгата), к немецкому, французскому, английскому переводам и справлялся в ряде лексиконов о передаче на различных языках употребленных в Евангелиях греческих слов. Как видно из черновых рукописей, Толстой пользовался преимущественно греко-немецким словарем W. Rare, издания 1866 г. Около 15 ноября 1880 г. Толстой писал Н.Н. Страхову: "Я очень напряженно занят". Около 28 мая 1881 г. Толстой писал Страхову: "Я живу по-старому, расту и близусь к смерти все с меньшим и меньшим сомнением. Все еще работаю и работы не вижу конца". Работа, как и в 1880 г.,

продолжается и летом. Она прерывается 10 июня, когда Толстой вместе с слугою С.П. Арбузовым и яснополянским учителем Д.Ф. Виноградовым отправился пешком в Оптину Пустынь, откуда вернулся в Ясную Поляну 19 июня. Наконец, в письме к Страхову, написанным по возвращении из Оптиной Пустыни в конце июня или в начале июля, читаем: "Я недавно сделал путешествие в Оптину Пустынь и в Калугу, и очень мне было хорошо. Теперь сижу дома и понемногу занимаюсь все той же своей работой... Дело мое вот в каком положении. Из большого сочинения, которое я после вас [то есть после поездки Страхова в Ясную Поляну в феврале] и кончил и еще раз все прошел, я сделал еще из Евангелия извлечение без примечаний, но с коротким предисловием; и это—то извлечение, которое составит небольшую книгу, хочу напечатать за границей; а большое покамест положить (по гордости своей, в библиотеку). Извлечение это мне кажется готовым, и я думаю напечатать его осенью. Большое же, может **(стр.278)** быть, буду, может -- не буду еще перерабатывать". Работа, так долго и упорно занимавшая Толстого, теперь представляется ему законченной. И в дальнейшем продолжительных периодов в работе над "Соединением и переводом четырех Евангелий", по видимому, уже не было. Слухи о новом, совсем необычном произведении знаменитого романиста графа Л.Н. Толстого проникли в печать, и Толстой стал получать запросы от незнакомых ему лиц. В ответ на письмо некоей З.И. Уразовой из Петербурга (сведений о ней не имеем, и письмо ее неизвестно) он писал около 27 августа 1881 г.: "Точно, что я написал сочинение, которого главная часть есть изложение Евангелия, как я его понял; но я еще не печатал его". В первой главе своего сочинения "В чем моя вера?", начатого в 1883 г., Толстой так вспоминал о своей работе по исследованию Евангелий: "О том, почему я прежде не понимал учение Христа, и как и почему я понял его, я написал два больших сочинения: "Критику Догматического богословия" и новый перевод и соединение четырех Евангелий с объяснениями. В сочинениях этих я методически, шаг за шагом, стараюсь разобрать все то, что скрывает от людей истину, и стих за стихом вновь перевожу, сличаю и соединяю четыре Евангелия. Работа эта продолжается уже шестой год. Каждый год, каждый месяц я нахожу новые и новые уяснения и подтверждения основной мысли и исправляю вкравшиеся в мою работу, от поспешности и увлеченья, ошибки, исправляю их и дополняю то, что сделано. Жизнь моя, которой остается уже немного, вероятно кончится раньше этой работы. Но я уверен, что работа эта нужна, и потому делаю, пока жив, что могу". Дальнейших сведений о работе Толстого над "Соединением и переводом четырех Евангелий" не имеется. Работа была сделана (хотя Толстой и не считал ее вполне законченной) и уступила место другим работам. Приступив к новому переводу Евангелий с греческого языка, Толстой был совершенно чужд церковного идолопоклонства перед буквой писания. Он исходил из убеждения, что "представление о том, что Евангелия, все четыре, со всеми своими стихами и буквами, суть священные книги, есть, с одной стороны, самое грубое заблуждение, с другой —самый грубый и вредный обман" (предисловие к "Краткому изложению Евангелия"). Характерен в этом отношении ответ Толстого одному церковнику, ненавидевшему его за антицерковное направление. На вопрос этого церковника: "Скажите, Лев Николаевич, как вы решились перевести Евангелие?" — Толстой не без иронии ответил: "Что же тут особенного, что поручик артиллерии перевел для себя книгу с греческого?" Время работы над переводом и исследованием Евангелий в воспоминании Толстого навсегда осталось временем не только напряженного умственного труда, но и высокого духовного подъема. 19 мая 1884 г. он писал В.Г. Черткову: "Это сочинение -- обзор богословия и разбор Евангелий -- есть лучшее произведение моей мысли, есть та одна книга, которую (как говорят) человек пишет во всю свою жизнь". Н.Н. Страхов 19 июля 1883 г. писал— Н. Я. Данилевскому из Ясной Поляны: "Л.Н. Толстой (может быть, вы слышали) выучился в эту зиму по-еврейски, и это уже помогает ему в

понимании Писания, главном его занятии. Иные из его открытий в этом деле и поразительны своею верностию и приводят к важным, глубоким результатам". В середине октября 1886 г. в письме к М.А. Новоселову, указав по его просьбе лучшие источники по истории христианства, Толстой прибавлял: "Впрочем, не советую вам углубляться в эти занятия. Тот, кто в Евангелии не сумеет отделить сердцем основного, тот никаким изучением критики не узнает этого. А кто умеет отличать, тому не нужно. Умеет же отличать тот, кому нужно руководство Евангелия для жизни, а не для мудрствования". 12 февраля 1889 г. Толстой записывает в Дневнике: "Помню то доброе чувство, по которому я не боялся, что меня осудят за ошибки. Я знал, что больше доброго, чем злого, что от сердца доброго исходят слова добрые, и потому не боялся зла и не боялся осуждения, и теперь в хорошие минуты не боюсь". Кандидату Петербургской духовной академии А.А. Зеленецкому на его письмо (стр. 279) с возражениями против понимания Толстым греческого текста некоторых мест Евангелий Толстой отвечал 15 марта 1890 г.: "Откровенно скажу вам, что буква, слова не интересуют меня, и я часто сожалею, что придавал ей слишком большое значение и делал, увлекаясь своими гипотезами, натяжки в толкованиях буквы. И потому во всяких ошибках в толкованиях буквы охотно соглашаюсь. Дух же учения не нуждается в толковании и не может измениться ни от каких толкований". В том же 1890 г., 12 декабря, Толстой писал И.Б. Файнерману относительно вариантов евангельских текстов: "Не увлекайтесь вы этими вариантами. Я это испытал, – это скользкий путь. Смысл каждого места -- во всем Евангелии, и кто не может понять смысла отдельного места сообразно всему духу его, – того ничем не убедишь". Но критическое отношение Толстого к своим собственным филологическим изысканиям не приводило его к сомнениям в верности его понимания сущности христианского учения. Американскому мыслителю Адину Балу, в ответ на его возражения относительно понимания Толстым мест в Евангелиях, касающихся вопроса о непротивлении злу насилем, Толстой писал 21–24 февраля 1890 г. (перевод с английского): "Я написал большую книгу – перевод, соединение и толкование Евангелий, в которой я изложил все, что думаю по этим вопросам. Положив в то время – десять лет тому назад – всю силу моей души на познание этих вопросов, я теперь не могу ничего изменить, не проверив всего заново". В 1895 г. в Лондоне вышел в английском переводе первый том "Соединения и перевода четырех Евангелий". 27 марта 1895 г. Толстой писал переводчику этой книги Д. Кенворти: "Книга превосходно переведена и издана. Я перечел ее. В ней много недостатков, которых я не сделал бы, если бы писал ее теперь, но исправлять ее уже не могу. Главный недостаток в ней – излишние филологические тонкости, которые никого не убеждают: что такое–то слово именно так, а не иначе надо понимать, – а напротив, дают возможность, опровергая частности, подрывать доверие ко всему. А между тем истинность общего смысла так несомненна, что тот, кто не будет развлекаться подробностями, неизбежно согласится с ним". В ответ на это письмо Кенворти писал Толстому 3 мая 1895 г.: "Ваше сочинение о Евангелиях встретило удивительно мало внимания со стороны критики. Невидимому, они не знают, как взяться за него. Оно явилось среди других книг, как бы принесенное из совсем иного мира". Толстой отвечал Кенворти 10 июля 1895 г.: "Продолжается ли издание следующих томов The Four Gospels" [Четвероевангелия]? Очень жалко бы было, если бы оно остановилось на первом томе. Неполнота более всего помешала бы пониманию сочинения. Я не удивляюсь тому, что книга эта так плохо продается. Это не может быть иначе. Книгу эту нельзя понимать, перетолковывая ее по-своему; нельзя соглашаться кое с чем, отбрасывая другое, а надо принять всю, – не в ее подробностях, а в ее общем смысле, – или всю отбросить". Последние исправления в текст "Соединения и перевода четырех Евангелий" были внесены Толстым в 1907–1908 гг. В 1907 г. московское книгоиздательство "Посредник"

приступило к переизданию труда Толстого. По желанию Толстого, сотрудник книгоиздательства, близкий друг Толстого, С.Д. Николаев, взялся проверить ссылки на варианты евангельских текстов по изданиям Тишендорфа и Гризбаха. Все замеченные им неточности он указывал Толстому и вносил в его труд только те исправления, на которые получал согласие автора. Толстой очень ценил работу С.Д. Николаева по уточнению его ссылок. Среди черновых рукописей "Соединения и перевода четырех Евангелий" сохранились двенадцать не сшитых тетрадок, каждая из которых содержит одну главу Евангелий в изложении Толстого. Левая сторона каждой страницы занята текстами канонического Евангелия на русском языке; правая сторона отведена под текст Толстого. 17 мая 1885 г. Толстой извещал В.Г. Черткова, что либеральный московский священник А.М. Иванцов-Платонов выразил желание процenzуровать для напечатания в двенадцатом томе собрания **(стр. 280)** сочинений Толстого, подготовлявшемся его женой, запрещенные статьи Толстого: "Исповедь", "В чем моя вера?" и "Так что же нам делать?". Толстой передал ему эти статьи. Иванцов-Платонов сказал Толстому, что "хорошо бы было напечатать еще выдержки из исследования подробного Евангелий", то, что можно. Он берется за это". Толстой, чувствуя, что это "хорошо", согласился. Но предприятие Иванцова-Платонова потерпело неудачу. Он действительно написал примечания к трем названным выше работам Толстого, но ни его примечания, ни сокращения, произведенные им в текстах Толстого не спасли книгу: она была запрещена духовной цензурой. После этого нечего было и думать о представлении в цензуру сделанного Толстым перевода и изложения Евангелий. И рукопись осталась в архиве Толстого. Вновь вопрос о печатании труда Толстого возникает лишь в 1890 г. 31 декабря 1890 г. Толстой пишет В.Г. Черткову: "Сегодня получил письмо от студентов из Праги, которые просят рукопись большого Евангелия, чтобы его напечатать. У меня нет рукописи – есть одна, и та не дома – и я решил обратиться к вам. Я думаю, что вы им найдете эти рукописи и пошлете им или укажете им, к кому им обратиться. Я же в этих делах, – печатания таких вещей, которые я не считаю конченными, как этот перевод Евангелия, держусь всегда одного: не забочусь об их печатании и не препятствую". Эти два студента, обратившиеся к Толстому, были словаки А. Шкарван и Д. П. Маковицкий, впоследствии близкие друзья Толстого. В.Г. Чертков поручил ответить им одному из своих помощников, который вступил с ними по этому вопросу в переписку, не приведшую, однако, ни к каким практическим результатам. Издание труда Толстого было предпринято лишь в следующем, 1891 г. Сын богатого сибирского золотопромышленника К.М. Сибиряков, сочувствовавший взглядам Толстого и близко знакомый с работниками книгоиздательства "Посредник", выразил желание дать средства на издание за границей "Соединения и перевода четырех Евангелий". Доставить рукопись за границу взялся П.И. Бирюков. Получив согласие Толстого, П.И. Бирюков в августе 1891 г. выехал в Женеву. В поезде рукопись (копию) у него украли. "Отчаяние мое было велико, – пишет П.И. Бирюков в своей работе "Моя переписка с Л.Н. Толстым".-- Я решил с горя поехать в Ясную Поляну за утешением. И я действительно получил там утешение, какого искал...". От В.Г. Черткова Бирюков получил другую копию рукописи и 8 сентября вторично выехал в Женеву. В Женеве он предложил издание книги владельцу русской типографии, печатавшему запрещенные в России статьи разных авторов, эмигранту М.К. Элпидину. Рукопись, привезенная Бирюковым для набора, была очень неисправна. Об этом Бирюков писал Толстому в ноябре 1891 г. "Работы довольно много, потому что рукопись – не первая копия, и в ней много ошибок, надо приводить в порядок сообразно с типографскими условиями". Первый том книги вышел в 1892 г. под названием: "Соединение и перевод четырех Евангелий" графа Л.Н. Толстого, издание М.К. Элпидина. Второй том вышел в 1893 г. и третий – в 1894 г. Издание оказалось крайне неудовлетворительным – со множеством опечаток, часто искажающих смысл, и

с пропуском не только отдельных слов, но и целых строк текста. В 1898 г. В.Г. Чертков, высланный из России, основал в Англии издательство "Свободное слово" – главным образом для издания запрещенных в России произведений Толстого. В 1901 г. им было выпущено "Изложение Евангелия" Толстого, представлявшее сводный текст "Краткого изложения Евангелия" и книги "Соединение и перевод четырех Евангелий". В этом издании изложение евангельских текстов было взято из "Краткого изложения", но к нему были присоединены примечания, взятые из большого труда Толстого. Примечания были взяты не все, а только те, которые объясняли смысл евангельского учения. Примечания филологического характера были опущены. Всего было дано восемьдесят шесть примечаний. В 1901 г. Чертков начинает выпускать в своем издательстве полное собрание **(стр.281)** всех произведений Толстого, в то время запрещенных в России. Первой была издана "Исповедь". 26 марта 1902 г. Толстой писал Черткову: "Если вы соберетесь печатать большое Евангелие, предпошлите ему маленькое предисловие (я не помню, писал я такое или нет) такого содержания: "В книге этой есть много лишнего, в особенности все филологические необычные толкования греческих слов в таком смысле, чтобы они отвечали общему смыслу". 3 февраля 1904 г. помощник Черткова Е.И. Попов уведомил Толстого, что с этого дня в издательстве "Свободное слово" начинается печатание нового издания "Соединения и перевода Евангелий". В 1906 г. издательством "Свободное слово" был выпущен первый том сочинения Толстого под названием "Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий". Текст набирался по изданию Элпидина, но был проверен по копиям из архива В.Г. Черткова. Были устранены грубые искажения и опечатки элпидинского издания, но ошибки переписчиков не были исправлены. Второй и третий тома "Соединения и перевода четырех Евангелий", вследствие возвращения Чертковых в 1907 г. в Россию, в издании "Свободного слова" не появились. После 1905 г. явилась возможность переиздания в России многих произведений Толстого, раньше печатавшихся за границей. В 1906 г. "Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий" появилось в приложении к журналу "Всемирный вестник". Первый том был перепечатан с издания "Свободного слова", второй и третий – с издания Элпидина. Последняя, заключительная, глава (быть может, по цензурным соображениям) перепечатана не была. В том же 1906 г. петербургский издатель Е.В. Герцик предпринял издание "Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, ранее запрещенных". Е.В. Герцик выпустил все три тома произведения Толстого. Петербургским комитетом по делам печати было возбуждено против Герцика судебное преследование по статье 73 Уголовного уложения (хула православной веры и кощунство), прекращенное определением Петербургского окружного суда от 22 августа 1909 г. В 1907 г. анонимным издательством в Петербурге было перепечатано "Изложение Евангелия с примечаниями", выпущенное издательством "Свободное слово" в 1901 г. Издание было конфисковано. В том же 1907 г. московским издательством "Посредник" был перепечатан с издания "Свободного слова" первый том "Соединения, перевода и исследования четырех Евангелий". Книга вышла в количестве 6200 экземпляров и была отпечатана в сентябре, а уже 3 октября Московский комитет по делам печати наложил на нее арест. Однако ко времени получения постановления комитета значительное количество экземпляров издания было уже получено издательством из типографии и распределено по книжным магазинам. Оставшиеся экземпляры были арестованы и препровождены в канцелярию московского градоначальника. Вместе с тем комитет направил книгу судебному следователю Московского окружного суда для возбуждения уголовного преследования против издателя по статье 73-й. Судебный следователь Московского окружного суда по важнейшим делам, ознакомившись с содержанием первого тома книги Толстого, изданного "Посредником", не нашел возможным согласиться с мнением Комитета по делам

печати "по вопросу о квалификации преступления". Судебный следователь нашел, "что все евангельские повествования, а также все учение Иисуса Христа в книге графа Толстого получает совершенно иной характер, соответствующий основной идее автора и решительно противоречащий не только воззрениям православной церкви, а вообще всех христианских вероучений. По мысли автора, основным началом его истинного христианского вероучения служит совершение дел Христа, то есть дел добра, единение людей и всеобщая любовь между ними, а первым и главным догматом этого вероучения является разумение, которое заменило Бога и которое и есть Бог. Эти главные положения автора книги и легли в основу его нового вероучения, все же догматы православной церкви, начиная от признания существования Бога как творца всей вселенной и кончая внешним богочитанием, признаны им вымыслом и совершенно опровергнуты. Таким образом, **(стр. 282)** все положения и мысли автора, инкриминируемые Комитетом по делам печати, не соответствуют понятию того преступного деяния, которое характеризуется текстом 73 статьи Уголовного уложения. Здесь нет ни хулы, ни кощунства в их тесном смысле; хульные и кощунственные выражения автора составляют естественное последствие той основной идеи, которая проводится в книге и которая заключается в полном, бесповоротном отрицании всего христианского вероучения и всех догматов православной церкви, начиная с отрицания бытия Бога, Отсюда книга автора должна быть признана заключающею в себе пропаганду нового еретического вероучения и выпущенную для совращения из православия". В июне 1908 г. в издательстве "Посредник" вышли в свет в одной книге второй и третий тома "Соединения, перевода и исследования четырех Евангелий". 25 июня 1908 г. типографией Кушнерева были представлены в Московский комитет по делам печати экземпляры отпечатанных второго и третьего томов "Соединения, перевода и исследования четырех Евангелий". Комитет сейчас же наложил арест на книгу, так что издательством была получена только некоторая часть из общего количества пяти тысяч экземпляров. 3 июля Комитет направил заявление – теперь уже прокурору Московской судебной палаты – о том, что он просит возбудить против автора названной книги графа Л.Н. Толстого, а также против представителя книгоиздательства "Посредник" судебное преследование по статьям 73 и 129 (возбуждение к ниспровержению существующего строя) Уголовного уложения. Путем приведения ряда цитат Комитет доказывал, что "книга является таким же, как и первый том, дерзостно–кощунственным произведением печати, направленным к разрушению в народе веры христианской и главным образом православной и к уничтожению в нашем отечестве и в других христианских государствах всякого общественного и государственного строя". Толстой, "задавшись преступной мыслью поколебать все устои, на которых зиждется государственный и общественный строй, и главным образом веру христианскую, искажает, под предлогом научного исследования, текст и смысл св. Евангелия четырех евангелистов, толкуя их так, чтобы толкование подтверждало его буйственные затеи". В то время (летние месяцы 1908 г.) приближался 80-летний юбилей Толстого, о котором много писала прогрессивная печать. Это несомненно оказало влияние на позицию, занятую в данном деле Московской судебной палатой. Товарищ прокурора Московской судебной палаты в заключении своем от 11 августа 1908 г. находил, что содержание книги не дает оснований для привлечения автора и издателя по 129 статье; что же касается обвинения по статье 73, то привлечение к ответственности по этой статье должно исходить от прокурора Московского окружного суда, которому и должно направить переписку по этому делу. Московская судебная палата в заседании от 18 октября 1908 г. утвердила мнение прокурора. Постановление судебной палаты не затрагивало, однако, судьбу книги, изданной "Посредником". Эта судьба была решена постановлением Московского окружного суда от 8 декабря 1910 г. Суд постановил: уголовное преследование против редактора "Посредника" И.И. Горбунова – Посадова по 73 и 90 статьям Уголовного уложения (статья 90 говорила о привлечении к ответственности за совращение православных в секту) прекратить, а

изданную им книгу уничтожить. Тот ореол, которым в первые месяцы после смерти Толстого было окружено его имя в русском обществе, давал И.И. Горбунову – Посадову надежду добиться пересмотра приговора об уничтожении книги. Им была подана апелляция. Московский окружной суд, пересмотрев дело в двух заседаниях, 8 марта и 14 октября 1911 г., утвердил прежний приговор в части, касающейся прекращения преследования против Горбунова и отменил приговор об уничтожении книги. Постановлением суда остался недоволен товарищ прокурора, который и подал в Московскую судебную палату апелляционный протест. Московская судебная палата рассмотрела дело 10 декабря 1912 г. и нашла, что "рассматриваемое сочинение графа Толстого заключает в себе возбуждение к переходу **(стр. 283)** православных в секту, то есть признаки преступления, предусмотренного 90 ст. Угол, улож., так как Толстой во вступлении к исследованию Евангелия говорит, что та вера, которую исповедует наша иерархия и которой она учит народ, есть не только ложь, но и безнравственный обман; что свободно мыслящие люди доказали ясно, что вся эта христианская вера со всеми ее разветвлениями давно отжила, что пришла пора новой веры; что теперь, когда толкование церкви о сыне Божиим и Боге, о Боге в трех лицах, о деве, родившей без повреждения девства, о теле и крови Бога, съедаемом в виде хлеба и т.п. не может вписаться в здоровую голову, довод церкви о том, что нельзя допустить толкование писания для каждого, не имеет никакого смысла. Отрицая как ветхозаветную Библию как богооткровенный закон, так и новозаветные книги, Толстой говорит, что книги еврейские могут быть заняты для нас как объяснение тех форм, в которых выразилось христианство; чуждая нам вера евреев занимательна для нас, как вера, например, браминов. Церковь погрешила тем, что желая сильнее отринуть не признанное ею и придать больше веса тому, что она признала, она положила огулом на все признанное печать непогрешимости. Все свято: и чудеса, и деяния апостольские, и советы Павла о вине, и бред Апокалипсиса. Приняв все на словах, церковь должна была на деле отказаться от некоторых книг. Таковы вполне Апокалипсис и отчасти Деяния апостолов, часто не только не имеющие ничего поучительного, но прямо соблазнительное. Очевидно, что чудеса писались Лукою для утверждения в вере, но теперь нельзя найти более кощунственной книги, более подрывающей веру. Послание апостола Павла Толстой называет безобразным. Крест Толстой называет виселицей, говоря: "поразительно недоразумение об учении Христа, начавшееся при его жизни, приведшее его на виселицу и продолжающееся до сих пор". Воскресение Христово, равно как и его чудеса, Толстой называет басней и бессмыслицей. Ложь о воскресении Христа была во времена апостолов и мучеников первых веков главным доказательством истинности учения Христа; правда, эта же басня о воскресении и была главным поводом к неверию в учение. Язычники во всех житиях первых мучеников христианских называют их людьми, верующими в то, что их распятый воскрес, и совершенно законно смеются над этим. Но христиане не видали этого, также как не видят теперь попы в Киеве, что их набитые соломой мощи суть, с одной стороны, поощрение веры, с другой – главные преграды для веры. О рождении Иисуса Христа Толстой говорит: "Была девица Мария; девица эта забеременела неизвестно от кого. Обрученный с нею муж пожалел ее и, скрывая ее срам, принял ее. От нее–то и неизвестного отца родился мальчик. Мальчика назвали Иисус. Значение этого места то, что оправдывается позорное рождение Иисуса Христа от девы". Изгнание Иисусом Христом из храма продавцов и менял Толстой называет двукратным исполнением Христом полицейских обязанностей насчет чистоты храма, толкуя соответствующие тексты Евангелия в том смысле, что Иисус Христос пришел в храм и выбросил все то, что нужно для молитвы, точно так же как теперь бы сделал тот, кто, придя в нашу церковь, выкинул бы все просвиры, вино, мощи, кресты, антимины и все те штуки, которые считаются нужными для обедни. Действия и слова Иисуса в храме выражают: "Ваше богослужение есть мерзкая ложь, вы не знаете настоящего

Бога. И обман вашего богослужения вреден, и его надо уничтожить". Отрицая таинства, Толстой именует Иоанна Крестителя "Иоанн Купало", а относительно таинства причащения говорит: "зачем нужно пить вино и есть хлеб, называя это телом и кровию; как ни толкуй, это останется не только непонятным, но, очевидно, чем-то безобразным". По поводу толкования слов Спасителя: "что вы свяжете на земле" – Толстой говорит: "и вдруг оказывается, что Иисус этими словами попам велел исповедывать и собирать яйца. Это было бы смешно, если бы не было так грустно..." – "...что, таким образом, изданное фирмой "Посредник" сочинение гр. Толстого под заглавием "Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий", как заключающее в себе признаки преступления, предусмотренного 90 ст. Угол. улож., подлежит, согласно 36 и 38 ст. Угол. улож. уничтожению полностью, так как, кроме вышеприведенных выписок из этого сочинения, **(стр. 284)** все три тома его наполнены не только толкованиями, возбуждающими к переходу православных в секту, но и в высшей степени кощунственными выражениями". На основании этих соображений Московская судебная палата вынесла постановление: "все три тома книги Толстого "Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий", изданные фирмой "Посредник", уничтожить полностью". Некоторое количество тиража изданного "Посредником" труда Толстого все-таки удалось спасти и распределить по книжным магазинам. В 1918г. московскими издательствами "Свобода" и "Единение", под редакцией В.Г. и А.К. Чертковых, было переиздано "Изложение Евангелия с примечаниями". В 1923 г. "Соединение и перевод четырех Евангелий" было издано в Берлине И.П. Ладыжниковым. Таким образом, за время с 1892 по 1923 год произведение Толстого было переиздано полностью четыре раза: один раз в Женеве, один раз в Петербурге, один раз в Москве и один раз в Берлине. Первый том, кроме того, был переиздан в Англии и в Петербурге. В то время как Толстой определял название своего произведения, у него была мысль "назвать свою работу исследованием", но он отказался от этой мысли, равно как и от присоединения к заглавию слова "Объяснение". К первому изданию Толстой сделал следующее предисловие: "Друзья мои предложили мне напечатать это соединение и перевод Евангелия, составленные мною 10 лет тому назад, и я согласился на это, несмотря на то, что работа эта далеко не окончена и в ней много недостатков. Исправить и окончить ее я чувствую себя уже не в силах, так как то сосредоточенное, постоянно восторженное душевное напряжение, которое я испытывал в продолжение всей этой долгой работы, уже не может возобновиться. Но думаю, что и такую, какая она есть, работа эта может принести пользу людям, если им сообщится хоть малая доля того просветления, которое я испытывал во время ее, и той твердой уверенности в истинности открывшегося мне пути, по которому я иду, чем дальше, тем с большей радостью. Лев Толстой. Ясная поляна, 29 августа 1891 г." В предисловии к изданию "Свободного слова" Толстой писал: "Книга эта была писана мною в период незабвенного для меня восторга сознания того, что христианское учение, выраженное в Евангелиях, не есть то странное, мучившее меня своими противоречиями, учение, которое преподается церковью, а есть ясное, глубокое и простое учение жизни, отвечающее высшим потребностям души человека. Под влиянием этого восторга и увлечения я, к сожалению, не ограничился тем, чтобы выставить понятные места Евангелия, излагавшего это учение (пропустив то, что не вяжется с основным и главным смыслом и не подтверждает и не отрицает его), но пытался придать и темным местам значение, подтверждающее общий смысл. Эти попытки вовлекли меня в искусственные и, вероятно, неправильные филологические разъяснения, которые не только не усиливают убедительность общего смысла, но должны ослаблять ее. Увидав ошибку (кроме того, что я был поглощен весь другими работами в том же направлении), я не решился опять переделывать свою работу, отделяя излишнее от необходимого, так как знал, что

работа комментариев на эту удивительную книгу четырех Евангелий никогда не может быть закончена, и потому оставил книгу так, как она есть; и теперь в том же виде предоставляю ее к печатанию. Те, которым дорога истина, люди не предубежденные, искренно ищущие истины, сумеют сами отделить излишнее от существенного, не нарушив сущности содержания. Для людей же предубежденных и вперед решивших, что истина только в церковном толковании, никакая точность и ясность изложения не может быть убедительна. Лев Толстой. Корейз, 26 марта 1902 г." (стр. 285)